

**С. БЕЛЕЦКИЙ, А. СИМАНОВИЧ,
В. ПУРИШКЕВИЧ, Е. ДЖАНУМОВА,
П. ЖИЛЬЯР, А. ХВОСТОВ, А. ПРОТОПОПОВ,
А. ВЫРУБОВА и другие**

СВЯТОЙ ЧЕРТ

ТАЙНА ГРИГОРИЯ РАСПУТИНА

*Воспоминания
Документы
Материалы следственной
комиссии*

Москва Издательство «Книжная палата» 1990

ББК 63.3(2) 52
С232

Предисловие, составление

А. Кочетова

Оформление художника

Б. Ушацкого

С 0503020000-066 без объявл.
008(01)-90

ISBN 5-7000-0235-3

© Предисловие, составление.
А. Кочетов, 1990
© Оформление. Б. Ушацкий, 1990

История знает немало темно-загадочных личностей, чьи имена окутаны густым флером глубоких тайн и разноречивых домыслов. В начале нынешнего века, когда наступила заключительная фаза российской монархии, когда политическое, государственное и моральное разложение приняло формы трагической вакханалии среди мрака и хаоса, окутавших страну, такой скандальной фигурой был «старец» Григорий Распутин.

В те годы «друг», как его называли члены царской семьи, для многих казался каким-то мифическим существом, мессией: слухи о его «чудесах», «сатанинских глазах», «колдовских чарах» передавались в народе из уст в уста, имя его произносили шепотом; теневая сторона его жизни была мало кому знакома, поскольку высочайшим повелением запрещалось распространять о нем в печати факты разоблачительного характера. Этот занавес умолчания был прорван только после смерти «старца». О нем наперебой, пытаясь как бы наверстать упущенное, стали писать статьи, книги, брошюры. Понятно, что далеко не все они представляют исторический интерес: среди них много таких, которые иначе как плодом авторского воображения не назовешь. Однако есть и другие — принадлежащие перу людей, близко знавших Григория Распутина, постоянно общавшихся с ним. Именно в этих воспоминаниях можно найти ответы на вопросы о том, каким образом «последний мужик», конокрад из далекого села Покровское Тобольской губернии совершил сказочное самопревращение в фаворита царской семьи, занял почетное место у подножия романовского трона; в чем секрет его фантастического успеха и почему все, кто так или иначе соприкасался с ним, имели о Распутине столь полярные мнения: божий человек, святой, праведник, чудотворец — для одних, авантюрист, развратник, лицемер и шарлатан — для других.

Они, эти свидетельства из первых уст, дают богатейший материал для оценки роли «старца» и являются наиболее ценными свидетельствами о распутинской эпохе, особенно если иметь в виду, что документы, связанные с деятельностью царского приближенного, в большинстве своем погибли. И прежде всего погибли те бумаги, которые находились в распоряжении Николая II и императрицы Александры Федоровны, уничтоженные ими при полном равнодушии и даже с разрешения Временного правительства. Записи в «Дневнике» царя от 10—13 марта 1917 года свидетельствуют, что государь в течение этих четырех дней сжигал свой архив; то же делала Александра Федоровна.

Так уж получилось, что книги о Распутине большей частью выходили не у нас в стране, а за рубежом — в Париже, Вене, Мюнхене, Берлине, Гельсинг-

форсе. Среди них: «Распутин» Бьенштока (1917), «Распутин» Таубе (1923), «Конец Григория Распутина» Гроссберга (1924), «Секрет Распутина» Омессы (1925), «Распутин» Нашивина (1925), «Конец Распутина» Юсупова (1927), «Распутин» Ньюмена (1928), дневники дочери «старца» Матрены и ее же сочинение «Правда о Распутине», произведения Линца, Биллингтона и многих других; некоторые из них вошли в настоящий сборник.

Часть изданных за рубежом мемуарных книг написана сторонниками «старца», его обожателями и поклонницами, а часть — противниками и заклятыми врагами.

Что касается советских людей, то нынешним поколениям читателей Григорий Распутин наиболее полно и исторически верно предстает со страниц не так давно выпущенной книги М. Касвинова «Двадцать три ступени вниз», выдержавшей за короткий срок несколько изданий. М. Касвинов в своей работе смог использовать множество источников — отечественных и иностранных, включая ряд перечисленных выше, по известным причинам бывших долгие десятилетия недоступными нашему читателю.

Да, недоступными, хранившимися за семью печатями, скованными стальными решетками спецхранов и закрытых фондов. Не потому ли и сегодня бытует порой искаженное представление о Григории Распутине не как о члене императорского триумvirата, а как о некоем деполитизированном гипнотизере-исцелителе, на счету которого лишь безобидные сеансы внушения, сладкая мадера да соблазненные светские дамы? Не потому ли феерический взлет «старца» зачастую приписывают простому случаю, стечению обстоятельств?

Объективно превращение невежественного мужика в фаворита императорской семьи произошло, конечно же, закономерно — распутинскими были сами традиции в период царствования Николая II, когда при дворе охотно принимали предсказателей, кликуш и спиритов. Бесконечной чередой сменяли они друг друга. Проталкивала их наверх то одна, то другая группа придворных сановников, преследовавших, разумеется, своекорыстные цели. Вокруг российского престола беспрестанно кружились темные личности: Митька юродивый из города Козельска и венский профессор Шенк, алкоголичка Дарья Осипова и лионский масон Филипп, странник Антоний и доктор Папюс из Парижа, титулярный советник Клопов и публицист Карл-Амалия Грингмут, лекарь Дубровин и тибетский врач Бадмаев. Однако наибольшая «удача» выпала, как известно, на долю «старца» из села Покровское.

«„Связью власти с миром“ и „ценителем людей“ был Григорий Распутин; для одних — „мерзавец“, у которого была „контора для обдeldывания дел“; для других — „великий комедьянт“; для третьих — „удобная педаль немецкого шпионажа“; для четвертых — упрямый, неискренний, скрытный человек, который не забывал обид и мстил жестоко... Мнения представителей власти, знавших этого безграмотного „старца“, которого Вырубова называла „неаппетитным“, при всем их разнообразии, сходятся в одном: все они нелестны; вместе с тем, однако, известно, что все они, больше или меньше, зависели от него; область влияния этого человека, какой бы он ни был, была громадна...» — так охарактеризовал Григория Распутина Александр Блок в своей книге «Последние дни императорской власти».

Действительно, «старец» с невероятной легкостью жонглировал, например, самыми высокими должностями и постами. По его совету председателем Совмина был назначен И. Л. Горемыкин, затем Б. В. Штюрмер, и уже после

смерти Распутина, но рекомендованный им, Н. Д. Голицын; им был возведен А. Н. Хвостов в министры внутренних дел; позже по его настоянию эта должность была предоставлена А. Д. Протопопову; он провел В. А. Сухомлинова в военные министры; он устранил с этого поста А. А. Поливанова... Только за годы войны «старцем» были назначены и смещены около двух десятков министров. Не гнушался Распутин и взятками: за определенную мзду брался помочь любому ходатаю в любом затруднении; на комиссионных началах обеспечивал он сановнику должность, промышленнику — имперский заказ, осужденному уголовнику — помилование, пленному германскому офицеру — освобождение.

Разумеется, «царствование» Григория Распутина осуждалось общественностью, но, как правило, не в полный голос, а способами, которые были в то время доступны, например посредством безымянных эпиграмм, памфлетов, сатир. В условиях жесточайшей цензуры они не могли быть напечатаны и ходили по рукам, передавались изустно в различных салонах и кружках. Авторами их, наряду с профессиональными литераторами, часто выступали высокопоставленные чиновники, сенаторы, лица, облеченные верховной властью. Целый ряд подобных «документов» был обнаружен в архиве члена Государственной Думы В. М. Пуришкевича. Среди них — «Акафист Гришке Распутину», написанный в 1916 году известным фельетонистом Амфитеатовым:

- О, Григорие, новый угодниче сатаны, веры Христовой хулителю, русской земли разорителю, жен и дев осквернителю, того ради поносимую смерть принявший и восхвалим тя, разве глаголюще сице:
- Радуйся церкви Христовой поругание, радуйся Синода оплевание, радуйся Владимира изгнание, радуйся Макара прозябание, радуйся Питирима възгнание, радуйся Варнавы превознесение, радуйся Илиодора удаление, радуйся Гермогена заточение, радуйся Григорие, великий сквернотворче, радуйся царева помрачение, радуйся царицы услаждение, радуйся царевича развращение, радуйся, Григорие, распутниче великий.
- Радуйся Штюрмера обретение, радуйся Протопопова возвеличение, радуйся Саблера удаление, радуйся Андронникова окрыление, радуйся Самарина низвержение, радуйся Джунковского отстранение, радуйся, Григорие, распутниче великий.
- Радуйся таинственного питания, взалкания, радуйся блудных страстей възгнание, радуйся блудных бесов служителю, радуйся ложа братского осквернителю, радуйся дев совратителю, радуйся жен соблазнителю, радуйся, Григорие, распутниче великий.
- Радуйся веры православной хулителю, радуйся хлыстов насадителю, радуйся пляски бесовой устроителю, радуйся казнокрадов начальниче, радуйся лихоимцев прибежище, радуйся, Григорие, великий сквернотворче.
- Радуйся темных сил игемон, радуйся русской земли злой демон, радуйся немцев оплот и прибежище верное, радуйся сатаны вместилище скверное, радуйся, Григорие, великий сквернотворче.
- Радуйся любострастия причина, радуйся лжесвидетельства ревнителю, радуйся хулиганов покровителю, радуйся, Григорие, великий сквернотворче.

Что ж, характеристика, несомненно, исчерпывающая, сочиненная рукой профессионального литератора, талантливого художника слова. Факты, под-

тверждающие или объясняющие положения «Акафиста», читатель найдет в предлагаемом сборнике, содержащем в сокращенном варианте и в отрывках воспоминания людей, окружавших «старца». Вместе с записками самого Распутина, рапортами филеров со страниц книги предстает не просто грязный развратник и магнетизер, проводящий время в бесчисленных кутежах. Материалы сборника рассеивают расхожее заблуждение, что-де главной функцией «старца» при дворе было играть роль эдакого «экстрасенса-лекаря», раскрывают степень его причастности к государственным делам и управлению царской Россией.

Открывают сборник воспоминания начальника департамента полиции, товарища министра внутренних дел С. П. Белецкого. И это не случайно. Ведь именно период, когда Белецкий занимал столь высокий пост, стал периодом расцвета распутинщины. Именно в эти годы распутинщина проникла во все сферы управления Россией, своей зловещей тенью покрыла страну. Каким-то чудовищным кошмаром кажутся страницы воспоминаний Белецкого — да и не только его одного, — на которых рассказывается, как властвовал всемогущий «старец», как держал он в руках царя и царицу, раздувал вокруг них пламя гнусных интриг. Авторами книги выступают также: личный секретарь Григория Распутина, купец 1 гильдии, ювелир А. С. Симанович; член Государственной Думы II—IV созывов, один из основателей «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела» В. М. Пуришкевич; обожательница «старца», входившая в его кружок, Е. Джанумова; иеромонах Илиодор, проигравший схватку с Распутиным и бежавший в 1912 году из России; последний дворцовый комендант В. М. Воейков; наставник царевича Алексея француз П. Жильяр; английский посол в России Дж. Бьюкенен, французский посол в России М. Палеолог и другие.

Завершается сборник тоже весьма символично — выборкой из стенограмм допросов некоторых из тех, о ком так или иначе идет речь в публикуемых воспоминаниях. Известно, что в марте 1917 года Временным правительством был издан указ об учреждении Верховной чрезвычайной следственной комиссии «для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц». Председателем комиссии был назначен московский присяжный поверенный Н. К. Муравьев; в первый ее состав вошли: сенаторы С. В. Иванов и С. В. Завадский, главный военный прокурор генерал-майор В. А. Апушкин, прокурор харьковской судебной палаты Б. Н. Смиттен и доктор философии В. М. Зензинов. Позже состав комиссии несколько изменился: в нее вошли прокурор московского окружного суда Л. П. Олышев, секретарь Российской Академии Наук С. Ф. Ольденбург, прокурор виленской судебной палаты А. Ф. Романов и председатель Особой комиссии по расследованию деятельности департамента полиции П. Е. Щеголев. В течение месяца С. Ф. Ольденбурга замещал профессор Д. Д. Grimm. Делегатом от Временного комитета Государственной Думы был Ф. И. Родичев, а делегатом от Исполнительного Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов — Н. Д. Соколов. Всего комиссия произвела 88 опросов и допросила 59 лиц. За неимением возможности привести полный текст стенограмм (несколько томов!), ограничиваемся краткой выборкой, а именно — публикацией фрагментов допросов А. Н. Хвостова, губернатора, члена Государственной Думы, министра внутренних дел в 1915—1916 годах; А. Д. Протопопова, члена Государственной Думы, министра внутренних дел с

декабря 1916 года; И. Ф. Манасевича-Мануйлова, журналиста, чиновника департамента полиции, осведомителя, а с назначением Штюрмера председателем Совета Министров откомандированного в его распоряжение; М. М. Андронникова, князя, чиновника по особым поручениям при обер-прокуроре Синода, издателя газеты «Голос Русского»; А. А. Вырубовой, фрейлины императрицы, близкого друга Григория Распутина.

К воспоминаниям и другим материалам, вошедшим в книгу, следует при всей их «очевидности» относиться с известной долей осторожности и сдержанности. Каковы бы ни были побудительные мотивы откровений тех или иных авторов — будь то Симанович или Пуришкевич, — по разному относящихся к Распутину, их рассказы содержат налет субъективизма, некоторой предвзятости, стремления к выпячиванию своей роли в описываемых событиях, но, так или иначе, все эти воспоминания и документы, собранные воедино, помогают во всей полноте обнажить и распознать истоки позорнейшего для России явления, коим была распутинщина.

Андрей Кочетов

ГРИГОРИЙ РАСПУТИН

Глава I

...Во время моего нахождения на посту товарища министра мне пришлось очень близко войти в соприкосновение и особо считаться с влиянием покойного старца кр. с. Покровского, Тюменского у., Тобольской губ. Распутина, переменившего впоследствии свою фамилию, с соответствующего разрешения, на «Новых». Так как я свои сношения с ним и с его большой почитательницей А. А. Вырубовой продолжал до смерти Распутина, а с А. А. Вырубовой не прерывал знакомства до последних дней (до заболевания ее корью), то я свою исповедь разобью на три периода и начну со времени моего директорства.

До назначения моего директором, когда я был вице-директором при П. А. Столыпине, мне не пришлось ни в служебной, ни в частной моей жизни сталкиваться с Распутиным, но в этот период его имя начало просачиваться в средние круги петроградского общества, так как он был принят во дворце великого князя Николая Николаевича его супругою и им самим, бывал в великосветских гостиных, был близок к семье гр. С. Ю. Витте, — которого он до конца своей жизни вспоминал с особой теплотой и которого он при жизни графа, как он мне сам говорил, неоднократно хвалил в высоких сферах, мечтал об обратном его возвращении к власти, и познакомил уже с А. А. Вырубовой. В первых шагах Распутина в Петрограде, кроме ректора академии еп. Феофана, разочаровавшегося в нем впоследствии, и тех великосветских кружков, которые интересовались церковными вопросами, куда его ввел еп. Феофан, особую поддержку ему оказывал и предоставлял ему у себя жить Г. П. Сазонов, охладивший свои отношения к нему впоследствии, когда Распутин изменил свой образ жизни.

Наблюдение за Распутиным в это время, т. е. при П. А. Столыпине, вел П. Г. Курлов, товарищ министра внутренних дел. В чем оно выразилось, следов в департаменте полиции не осталось, но, со слов Распутина, я знаю, что последний с того времени знаком с П. Г. Курловым. При А. А. Макарове¹, когда я вступил в должность директора и до моего оставления этой должности, я лично также с ним знаком не был, как и А. А. Макаров, и Золотарев² избегали возможности с ним познакомиться и не желали этого и впо-

Печатается по книге С. П. Белецкого «Григорий Распутин» (издательство «Былое», Петроград, 1923) с сокращениями. (Здесь и далее сохранены основные особенности авторской орфографии и пунктуации.)

¹ Министр внутренних дел после смерти П. А. Столыпина.

² Товарищ министра внутренних дел, сменивший П. Г. Курлова.

следствии. Что касается Н. А. Маклакова¹ и генерала Джунковского², то Н. А. Маклаков был в хороших отношениях с Распутиным; не знаю, как он познакомился, но думаю, что через покойного кн. Мещерского³, знавшего, Распутину и относившегося к нему с почтением еще тогда, когда он не относился к нему отрицательно-демонстративно, несмотря даже на то, что к концу моего директорства влияние Распутина можно было считать прочно установившимся.

Выступление А. И. Гучкова с кафедры Государственной Думы по поводу влияния Распутина повлекло за собой: 1) принятие мер к охране его личности, в силу полученных указаний свыше министром А. А. Макаровым, 2) воспрещение помещения в прессе статей о нем и 3) наблюдение за Гучковым, которое потом мною, при назначении генерала Джунковского, было снято. Вместе с тем А. А. Макаровым было предложено мне и несение охраны жизни Распутину. В силу этого мною с полковником Коттенем⁴ был выработан план охраны, сводившийся к командированию развитых и конспиративных филеров, коим было поручено, кроме охраны Распутину, тщательно наблюдать за его жизнью и вести подробный филерский дневник, который к моменту оставления мною должности представлял собой в сделанной сводке с выяснением лиц, входивших в соприкосновение с Распутиным, весьма интересный материал к обрисовке его, немного односторонне, не личности, а жизни. Затем, в село Покровское был командирован филер на постоянное жительство, но не для охраны, так как таковая из постоянных при Распутине филеров, в несколько уменьшенном только составе, его сопровождала и не оставляла его и при поездках, а для «освещения», ибо на месте, как выяснилось, агентуры завести нельзя было.

Такая система двойственного наблюдения продолжалась до моего ухода.

Сведения о Распутине докладывались Коттенем министрам, товарищам и мне, а то, что поступало в письменной форме, я держал у себя — в служебном кабинете, не сдавая в департамент, и, при уходе, в форме дела оставил в нескороаемом шкафу, внеся его в опись, представленную мною Н. А. Маклакову, но на другой день, по требованию Маклакова, в числе нескольких других дел, его заинтересовавших, сдал ему и это дело.

Председатель Совета Министров В. Н. Коковцов очень интересовался личностью Распутину, и я ему о нем докладывал неоднократно, так как он хотел положить конец его влиянию путем доклада о нем государю, о чем я слышал не только от самого В. Н. Коковцова, но и потом от А. А. Макарова, но не знаю, докладывал ли он. Впоследствии от Распутину я слышал, что он, незадолго до ухода Коковцова с своего поста, виделся с В. Н. Коковцовым и убеждал его уничтожить винную монополию, о чем Распутин неоднократно, по его словам, говорил государю, и давал понять В. Н. Коковцову, что это будет стоить ему его поста; насколько это правильно, я не знаю, так как против В. Н. Коковцова были в ту пору настроены некоторые из влиятельных членов кабинета (Н. А. Маклаков, И. Г. Щегловитов⁵ и В. А. Сухомлинов⁶, а также и кн. Ме-

¹ Министр внутренних дел, преемник А. А. Макарова.

² Товарищ министра внутренних дел и командир отдельного корпуса жандармов.

³ Редактор-издатель «Гражданина».

⁴ Начальник Петербургского охранного отделения.

⁵ Министр юстиции.

⁶ Военный министр.

щерский и генерал Богданович¹). По уходе своем В. Н. Коковцов виделся с Распутиным на квартире кн. Андронникова, но особого примирения, по словам князя, между ними не произошло.

Я в ту пору тяготел к кружку покойного ген. Богдановича, с содержанием писем которого, вызвавших даже к нему одно время немилость и направленных против Распутина, я был знаком, так как давал ему и материалы из жизни Распутина за этот период времени. Докладывал ли А. А. Макаров государю в подробностях о Распутине, я не знаю, но только заявляю, что часть найденных писем к Распутину от государыни, которые были у Илиодора, были добыты при посредстве г-жи Карабович из Вильны Замысловским, а также одним казачьим офицером и переданы А. А. Макаровым государю, что и послужило причиною гнева на Макарова со стороны государыни, не пожелавшей даже принять его, когда он, спустя продолжительное время, был приглашен Б. В. Штюрмером в кабинет на пост министра юстиции,— и имело также свое значение и в отношении к уходу его снова в Государственный Совет. Н. А. Маклаков, хотя и знал мое и генерала Джунковского отношение к Распутину и то, что я снабжал Богдановича сведениями о нем, тем не менее ни разу не сделал мне указаний о прекращении снабжения этими сведениями Богдановича, быть может, потому, что не желал обидеть Богдановича, искренно к нему расположенного.

В последние месяцы моего директорства при Н. А. Маклакове, когда августейшая семья находилась в Ливадии и Распутин был вызван в Ялту, от ялтинского градоначальника, покойного генерала Думбадзе, следовавшего особым распоряжением государя и бывшего под большим воздействием генерала Богдановича, который протезировал Думбадзе, мною была получена шифрованная телеграмма с надписью «лично» приблизительно следующего содержания: «Разрешите мне избавиться от Распутина во время его переезда на катере из Севастополя в Ялту». Расшифровал эту телеграмму работавший в секретарской части департамента А. Н. Митрофанов; посылая мне на квартиру дешифровку, он предупредил меня по телефону, что телеграмма интересная. Я, подписав препроводительный бланк, послал ее срочно с надписью: «в собственные руки Н. А. Маклакову» и затем по особому для разговоров только с министром телефону спросил его, не последует ли каких-либо его распоряжений, но он мне ответил, что «нет, я сам». Какие были посланы указания Думбадзе и были ли посланы, я не знаю, но проезд в сопровождении филеров состоялся без всяких осложнений. Этой телеграммы в деле нет, так как Н. А. Маклаков мне ее не возвратил, а Митрофанов, по расшифровке и скрепе, порвал подлинник, так это делалось в департаменте с шифрованными телеграммами².

Сводка филерских наблюдений над жизнью Распутина, в общих чертах, рисовала отрицательные стороны его характера, сводившиеся к начавшейся

¹ Придворный «литератор», автор монархических брошюр, листовок и воззваний.

² Я потом не спрашивал Маклакова, что он ответил на телеграмму. Я припоминаю, когда я был после оставления должности товарища министра в Ялте, мне и Хвостову было приказано разъехаться. Хвостов уехал в деревню, а я в Ялту. Я спрашивал полковника Троцкого, говорил ли ему что-нибудь Думбадзе про убийство во время морского переезда. Он сказал, что нет, но заметил, что вообще у Думбадзе были планы покончить с Распутиным, но планы заоблачного характера. Есть скала, на которой построен купцом из Москвы железный замок, стоящий над Ялтой. Думбадзе думал туда привести Распутина, чтобы оттуда сбросить его или вообще сделать какое-нибудь разбойное нападение, но все это осталось в области предположений, и Думбадзе в этом отношении ничего не предпринимал.

уже тогда его склонности к пьянству и эротическим похождениям. В бытность мою сенатором ко мне, в конце 1914 года, обратился через посредство своего управляющего хозяйственной частью дворца, полковника Балинского, великий князь Николай Николаевич, жена которого и он сам перестали уже принимать Распутина, с просьбой, не могу ли я дать сведения о порочных наклонностях Распутина, так как, по словам полковника Балинского, великий князь решил определенно поговорить с государем об удалении Распутина из Петрограда. Сведения эти я дал, черпая материал из имевшейся у меня лично на руках сводки. Впоследствии уже я узнал, что великий князь свое желание осуществил, и Распутин до конца своей жизни, что я сам слышал, не мог этого простить великому князю, причем перед уходом великого князя на Кавказ, с чьих только слов, не знаю, — он утверждал, что великий князь мечтает о короне.

Затем, как я проверил впоследствии у самого Распутина, генерал Джунковский, незадолго до своего ухода, пользуясь исходатайственным для него еще Н. А. Макаковым правом непосредственных докладов по штабу и к высочайшим проездам государя, воспользовавшись также полученными им из Москвы сведениями о недостойном в опьянении поведении Распутина в ложе ресторана «Яр», докладывал их государю в связи с общей его характеристикой. Доклад этот, как мне говорил сам Распутин, вызвал сильный на него гнев государя, — таким Распутин никогда до того даже и не видел государя. Но, по словам Распутина, он в свое оправдание говорил, что он, как и все люди, грешен — не святой. По словам Распутина, государь после этого долго его не пускал к себе на глаза, и поэтому Распутин не мог слышать или говорить спокойно о генерале Джунковском до конца своей жизни.

Правда, потом генерал Адрианов, после немецкого погрома в Москве ушедший из должности градоначальника, находясь под сенаторским расследованием — после свидания с Распутиным в Петрограде, — лично и затем в письменном изложении передал через меня А. А. Вырубовой заявление, что никакой, по лично им произведенному расследованию, неблагопристойности Распутин не производил у «Яра». В это время шел разговор об оставлении генерала Адрианова в свите, и он был вызван гр. Фредериксом в Петроград. В свите затем он был оставлен, но когда, значительно позднее уже — по окончании расследования, генерал Адрианов, при министре внутренних дел Протопопове, приехал в Петроград, чтобы представить министру юстиции свою объяснительную записку перед слушанием дела в сенате, и был у меня с просьбой сказать за него несколько слов А. А. Макарову, для чего даже и оставил один экземпляр записки, — то он имел в виду передать через Распутина экземпляр и государю. Но, как мне говорил ген. Адрианов, Распутин отказался его принять. Когда я при встрече спросил Распутина, почему он не захотел повидаться с ген. Адриановым, то он ответил, что все-таки ген. Адрианов хотя и дал другое показание, но ему нужно было бы в свое время, когда он был градоначальником, посмотреть, что такое полиция о нем писала ген. Джунковскому.

Глава II

В промежуток этого времени я не прерывал своих отношений с кн. Андронниковым, хорошо установившихся со времен министерства А. А. Макарова, когда я впервые с ним познакомился. Я часто бывал у него, он также вечером

заезжал ко мне, и от него я слышал всегда много интересных новостей из придворных и министерских сфер, так как он имел широкий круг влиятельных знакомых и бывал у гр. Фредерикса, Воейкова, у большинства министров, у председателя Совета Горемыкина, имел знакомых при великокняжеских дворах, знал много директоров департаментов почти всех министерств и других чинов из министерств, которые считались с его влиянием у министров, боялись вооружать его чем-либо, поддерживали с ним лучшие отношения и старались исполнять его просьбы, предпочитая его иметь лучше своим хорошим знакомым, чем сильным и опасным врагом. Я, в сущности говоря, в ту пору на него смотрел как на человека, который поразительно мог проникнуть к каждому министру. Это у него идет красною нитью во всей его жизни. Он даже надевал красную рубаху и пахал перед государем. Он много ездил, и всегда с портфелем. Плеве интересовался этим портфелем и наблюдал за ним. В конце концов этот портфель схватили, но там ничего не оказалось, кроме газет. Он всегда старался делать вид человека делового. Его в «Новом Времени» и в «Вечернем Времени» описывали в замаскированном виде, как тип... Андронников старался проникнуть в торгово-промышленные сферы... Я могу сказать, что не было в истории прошлого периода таких моментов, чтобы Андронников не проводил кого-нибудь в министры под тем или другим предлогом... Средств и имений он не имел, потому что был из обедневшей семьи, — а трен его жизни был очень широк. Временами у него были большие деньги, временами был без денег, и его поддерживали знакомые...

Его записки были интересные. Он их представлял Марии Федоровне, государю и государыне... Во всех министерских назначениях он безусловно имел громадное значение... Он бывал у управляющего двором Марии Федоровны Шервашидзе... Он в этот период был занят доведенной им затем до конца крупной финансовой операцией по покупке, при содействии военного министра Сухомлинова, на акционерных началах в Бухаре и Хиве больших земельных площадей, прилегающих к речным артериям. Ко мне он был искренне в ту пору расположен, так как во времена моего директорства у него никаких дел в департаменте полиции не было и он только пользовался бесплатными проездными билетами на предьявителя. При генерале Джунковском, которого кн. Андронников знал по Пажескому корпусу, в силу отрицательного отношения к Андронникову Н. А. Маклакова и под влиянием просьб к Маклакову со стороны военного министра Сухомлинова, с которым в ту пору после продолжительной и неразрывной дружбы кн. Андронников разошелся и повел борьбу, — последовало увольнение кн. Андронникова от должности причисленного к министерству внутренних дел чиновника, дававшей кн. Андронникову, некоторым образом, официальное положение. Это его сильно задело, и хотя он и был устроен, путем всеподданнейшего доклада обер-прокурора Саблера, на должность чиновника особых поручений при Святейшем Синоде, но этой обиды не мог забыть Н. А. Маклакову и, где мог, старался подорвать к нему доверие.

В своих «записках» к гр. Фредериксу для высоких сфер кн. Андронников давал очерк деятельности министров, сообщая те или другие о них сведения, давал обрисовку событий, волновавших Петроград, и т. д. Записки эти были стилизно написаны, в большинстве отличным французским языком, иногда зло обрисовывали какие-либо факты из деятельности или жизни тех высших сановников, против коих что-либо имел князь, и прочитывались им тем, кто был противником этих лиц. За этот период времени князь несколько раз писал обо мне

как о человеке, который не был в достаточном отношении использован. Взамен этого я помог ему в выпуске к 50-летию Горемыкина изящно изданной брошюры — «О государственных заслугах И. Л. Горемыкина», в составлении ему адреса, подписи на котором были собраны кн. Андронниковым.

В конце апреля 1915 года скончался у меня старший сын. Смерть его сильно нас поразила. По возвращении в Петроград, осенью, кн. Андронников, узнав о моем приезде, первый позвонил ко мне, прося зайти. Когда я пришел к нему, то от него я узнал, что за время моего отсутствия он близко сошелся с Распутиным, проник через него в особое доверие к А. А. Вырубовой, вошел в более лучшие отношения с статс-дамой Нарышкиной, и что предстоят большие перемены в составе кабинета, которые могут повлечь за собою обратное мое возвращение к активной работе, и что почва достаточным образом подготовлена, так как им сделано многое в мою пользу, с условием в будущем действовать с ним солидарно. Когда же я ему сказал, что Распутин, который был в это время на родине у себя, может потом пойти против меня, под влиянием недоверия ко мне за прошлое и потому, что при оставлении должности моей, когда мне передавали о его желании со мной познакомиться, я тогда, по просьбе жены, от этого отказался, — то Андронников меня успокоил тем, что все уже предусмотрено, и я охотно согласился.

...К этому времени я уже познакомился с Распутиным, секретно от жены, в конце 1914 г. в квартире кн. Андронникова и несколько раз с ним там виделся. Был два раза у него на квартире по Гороховой ул. По воскресеньям туда, после обедни, приезжала А. А. Вырубова пить чай в небольшом кружке избранных Распутиным лиц, и здесь я познакомился с А. А. Вырубовой. Распутин тоже был у меня один раз, когда я, воспользовавшись отъездом жены из Петрограда в Москву к матери и тем, что дети были в церкви на вечерней службе, пригласил его к себе на чай; но тем не менее отношения эти не были в ту пору тесными, так как и он, и я, и А. А. Вырубова друг к другу приглядывались. Мне было неловко чувствовать, что они понимают цель моего сближения, так как им тоже в это время было известно, что я до того не был сторонником Распутина и давал о нем сведения Богдановичу и великому князю Николаю Николаевичу. Единственно, что их примиряло со мною, это то, что в мое время жизнь Распутина была в безопасности, так как покушение на него, устроенное по инициативе Илиодора, случилось уже после моего ухода, при генерале Джунковском.

Когда Андронников мне передал о предстоящих переменах, то под строгим секретом он мне сообщил, что им еще задолго до этого, с лета, уже выставлена кандидатура А. Н. Хвостова, которого он сблизил и с дворцовым комендантом Дедюлиным, и с А. А. Вырубовой; что А. Н. Хвостов уже был вызываем во дворец государыней, произвел самое лучшее на нее впечатление, и что теперь готовится благоприятная для него почва к приему у государя, что, по всему, успех назначения обеспечен¹, и что это делается очень тонко — так, что даже Горемыкин не посвящен в это назначение, так как это назначение, как он думает, могло бы встретить противодействие со стороны Горемыкина, имевшего своего кандидата², к провалу которого, путем сообщения о нем некоторых сведений, приняты уже им, кн. Андронниковым, меры, и что А. Н. Хвостов, ко-

¹ Назначение Штюмера проходило тем же порядком.

² Статс-секретаря Крыжановского.

торый раньше ко мне относился, будучи губернатором, несколько предубедительно, теперь, под влиянием его, князя, рад будет совместному служению со мною. На другой день было назначено в квартире кн. Андронникова мое свидание с А. Н. Хвостовым, повлекшее за собой ряд ежедневных свиданий, нас тесно сблизивших, и затем состоялась моя совместная поездка к А. А. Вырубовой — где я встретил доверчивый прием — и к генералу Воейкову, с которым до этого времени я познакомился через кн. Андронникова и у которого бывал неоднократно.

Эти сведения убедили меня, что кн. Андронников весьма точно передал мне обстановку дела и что вопрос о переменах в кабинете — вопрос самого близкого будущего и назначение А. Н. Хвостова predetermined, судя по полученным уже из дворца известиям. Действительно, скоро последовал вызов Хвостова к государю, особо милостивый прием с воспоминанием о его прошлой службе, сообщение о том, что его назначение состоится на днях, и согласие на проведение намеченной А. Н. Хвостовым программы в исполнение...

Как только назначение А. Н. Хвостова состоялось, на первом докладе его как министра было им испрошено согласие у государя на мое назначение, и до опубликования указа я официально не вступал в должность, но фактически уже приступил к ознакомлению с делами, так как безотлучное мое нахождение при А. Н. Хвостове, который мало знал состав министерства и обстановку министерского обихода, само собой ясно подчеркивало близость моего назначения.

Глава III

Я лично близко подошел к Распутину уже тогда, когда его положение во дворце и сила его влияния на августейших особ настолько упрочились, что он считал себя как бы неотъемлемо связанным с высочайшей семьей узами средостения не только в личной жизни их величеств, но и в сфере государственного правления. При этом надо иметь в виду и то обстоятельство, что если Распутин в редких случаях когда-либо и касался этого вопроса, то он всегда высказывался по этому поводу в самых неопределенных формах; что же касается А. А. Вырубовой, то она никогда в разговорах со мною или в моем присутствии не приподнимала завесы над этой тайною. Но, наблюдая за Распутиным с 1912 г. с некоторыми перерывами, я лично пришел к следующим о нем выводам.

Распутин обладал недюжинным природным умом практически смотрящего на жизнь сибирского крестьянина, который помог ему наметить свой жизненный идеал, как только он начал ясно отдавать себе отчет в необходимости улучшать свои жизненные условия. В обстановке обихода своей крестьянской семьи Распутин этой возможности не видел, тем более что тяжелый и упорный труд земледельца его, привыкшего с ранних лет к празднотанию по монастырям, к себе не привлекал. Поэтому Распутин пошел по пути своих склонностей, которые в нем развились под влиянием общения его во время странствований с миром странников и с монашеской средой. Общение это дало Распутину зачатки грамотности и своеобразное богословское образование, приуроченное к умению применять его к жизненному обиходу, расширило его взгляд на жизнь, развило в нем любознательность и критику, выработало в нем чутье физиономиста, умевшего распознавать слабости и особенности человеческой

натуры и играть на них, и само по себе повело его по тому пути, который раствори́л перед ним страдающую женскую душу. Сильно чувствуя в себе с юных лет человека с большим уклоном к болезненно-порочным наклонностям своей натуры, Распутин ясно отдавал себе отчет в том, что узкая сфера монастырской жизни, в случае поступления его в монастырь, вскорости выбросила бы его из своей среды, и поэтому он решил пойти в сторону, наиболее его лично удовлетворявшую,— в тот мир видимых святош, странников и юродивых, который он изучил с ранних лет в совершенстве.

Очутившись в этой среде в сознательную уже пору своей жизни, Распутин, игнорируя насмешки и осуждения односельчан, явился уже как «Гриша-провидец» ярким и страстным представителем этого типа, в настоящем народном стиле, будучи разом и невежественным и красноречивым, и лицемером и фанатиком, и святым и грешником, аскетом и бабником, и в каждую минуту актером, возбуждая к себе любопытство и в то же время приобретая несомненное влияние и громадный успех, выработавши в себе ту пытливость и тонкую психологию, которая граничит почти с прозорливостью.

Заинтересовав собой некоторых видных иерархов с аскетическою складкою духовного мировоззрения и заручившись их благорасположением к себе, Распутин, под покровом епископской мантии владыки Феофана, проник в петроградские великосветские духовные кружки, народившиеся в последнее время в пору богоискательства, и здесь сумел быстро приспособиться и ориентироваться в чуждой ему до того новой среде, стремившейся вернуться к старомосковским симпатиям, но слабой духом и волею; оценил всю выгоду своего положения и, применив и к этой среде усвоенный им метод влияния, заставил остановить на себе внимание влиятельных представительниц этих салонов и заинтересовать своею личностью великого князя Николая Николаевича. Дворец вел. кн. Николая Николаевича для Распутина явился милостью, брошенной пророком Илией своему ученику Елисею, привлекая внимание к нему высочайших особ, чем Распутин и воспользовался, несмотря на наложенный на него в этом отношении запрет со стороны вел. кн., после того как его высочество, поближе ознакомившись с Распутиным, разгадал в нем дерзкого авантюриста. Войдя в высочайший дворец при поддержке разных лиц, в том числе покойных гр. С. Ю. Витте и кн. Мещерского, возлагавших на него свои надежды с точки зрения своего влияния в высших сферах, Распутин — пользуясь всеобщим бесстрашием, основанным на кротости государя, ознакомленный своими милостивцами с особенностями склада мистически настроенной натуры государя, во многом по характеру своему напоминавшего своего предка Александра I,— до тонкости изучил все изгибы душевных и волевых наклонностей государя, сумел укрепить веру в свою прозорливость, связав со своим предсказанием рождение наследника и закрепив на почве болезненного недуга его высочества свое влияние на государя путем внушения уверенности, все время поддерживаемой в его величестве болезненно к тому настроенной государыней, в том, что только в нем одном, Распутине, и сосредоточены таинственные флюиды, врачующие недуг наследника и сохраняющие жизнь его высочества, и что он как бы послан провидением на благо и счастье августейшей семье. В конце концов Распутин настолько даже сам в этой мысли укрепился, что он мне несколько раз с убежденностью повторял, что «если меня около них не будет, то и их не будет», и на свои отношения к царской семье он смотрел

как на родственную связь, называя на словах и в письмах своих к высочайшим особам государя «папой», а государыню «мамой».

В обществе моего времени ходило много легенд о демонизме Распутина, причем сам Распутин не старался никогда разубеждать в этом тех, кто ему об этом передавал или к нему с этим вопросом обращался, в большей части отделиваясь многозначительным молчанием. Эти слухи поддерживались отчасти особенностями нервности всей его подвижной жилистой фигуры, аскетической складкою его лица и глубоко впавшими глазами, острыми, пронизывавшими и как бы проникавшими внутрь своего собеседника, заставлявшими многих верить в проходившую через них силу его гипнотического внушения.

Когда я был директором департамента полиции, то в конце 1913 г., наблюдая за перепискою лиц, приближавшихся к Распутину, я имел в своих руках несколько писем одного из петроградских магнетизеров к своей даме сердца, жившей в Самаре, которые свидетельствовали о больших надеждах, возлагаемых этим гипнотизером, лично для своего материального благополучия, на Распутина, бравшего у него уроки гипноза и подававшего, по словам этого лица, большие надежды в силу наличия у Распутина сильной воли и умения ее в себе сконцентрировать. Ввиду этого я, собрав более подробные сведения о гипнотизере, принадлежавшем к типу аферистов, спугнул его, и он быстро выехал из Петрограда. Продолжал ли после этого Распутин брать уроки у кого-либо другого, я не знаю, так как я вскорости оставил службу и при обратном моем возвращении в министерство внутренних дел проследка за Распутиным этих данных мне не давала. Но в этот последний мой служебный период при одном из моих разговоров с Распутиным об А. А. Вырубовой, когда я касался железнодорожной катастрофы (между Петроградом и Царским Селом), жертвой которой явилась А. А. Вырубова, Распутин с большими подробностями и с видимой откровенностью рассказал мне, что своим, по выражению Распутина, воскрешением из мертвых А. А. Вырубова обязана исключительно ему.

По словам Распутина, несчастный случай с А. А. Вырубовой произошел в период сильного гнева на него со стороны государя после одного из первых докладов о нем генерала Джунковского, по оставлении мною должности директора департамента полиции, — и поэтому сношения Распутина с дворцом были временно прекращены. О несчастном случае с А. А. Вырубовой Распутин узнал только на второй день, когда положение А. А. Вырубовой было признано очень серьезным и она, находясь все время в забытии, была уже молитвенно напутствована глухой исповедью и причащением святых тайн. Будучи в бредовом, горячечном состоянии, не открывая все время глаз, А. А. Вырубова повторяла лишь одну фразу:

— Отец Григорий, помолись за меня!

Ввиду настроения матери А. А. Вырубовой решено было Распутина к А. А. Вырубовой не приглашать. Узнав о тяжелом положении А. А. Вырубовой со слов графини Витте и не имея в ту пору в своем распоряжении казенного автомобиля, Распутин воспользовался любезно предложенным ему графиней Витте ее автомобилем и прибыл в Царское Село в приемный покой лазарета, куда была доставлена А. А. Вырубова женщиной-врачом этого лазарета княжною Гедройц, оказавшей на месте катастрофы первую медицинскую помощь пострадавшей.

В это время в палате, где лежала А. А. Вырубова, находились государь с государыней, отец А. А. Вырубовой и княжна Гедройц. Войдя в палату без раз-

решения и ни с кем не здороваясь, Распутин подошел к А. А. Вырубовой, взял ее руку и, упорно смотря на нее, громко и повелительно сказал ей:

— Аннушка! Проснись, поглядь на меня!..

И, к общему изумлению всех присутствовавших, А. А. Вырубова открыла глаза и, увидев наклоненное над нею лицо Распутина, улыбнулась и сказала:

— Григорий — это ты? Слава Богу!

Тогда Распутин, обернувшись к присутствовавшим, сказал:

— Поправится!

И, шатаясь, вышел в соседнюю комнату, где и упал в обмороке. Придя в себя, Распутин почувствовал большую слабость и заметил, что он был в сильном поту.

Этот рассказ я изложил почти текстуально со слов Распутина, как он мне передавал; проверить правдивость его мне не удалось, так как с княжной Гедройц я не был знаком, и мне не представилось ни разу случая с нею встретиться, чтобы расспросить ее о подробностях этой сцены и о том, не совпал ли этот момент посещения Распутина А. А. Вырубовой с фазой кризиса в болезненном состоянии г-жи Вырубовой, когда голос близкого ей человека, с которым она душевно сроднилась, ускорил конец бредовых ее явлений и вывел ее из ее забытья.

Объясняя себе таким образом всю картину происшедшего исцеления Распутиным А. А. Вырубовой, я ясно представлял себе, какое глубокое и сильное впечатление эта сцена «воскрешения из мертвых» А. А. Вырубовой Распутиным должна была произвести на душевную психику высочайших особ, воочию убедившихся в наличии таинственных сил благодати Провидения, пребывавшей на Распутине, и упрочить значение и влияние Распутина на августейшую семью. После этого случая А. А. Вырубова — как мне закончил свой рассказ Распутин — сделалась ему «дороже всех на свете, даже дороже царей», так как для нее, по словам Распутина, не было той жертвы, которую она не принесла бы по его требованию. Действительно — как я сам замечал, в особенности в последнее время — Распутин относился к своей августейшей покровительнице без того должного внимания и почитительности, какие следовало бы в нем предполагать за все милости, ему ее величеством оказываемые, по сравнению с А. А. Вырубовой, в которой он видел безропотное отражение своей воли и своих приказаний.

А. А. Вырубова, по натуре своей, была очень религиозна, в чем я сам имел возможность несколько раз убеждаться, но в Распутине, несмотря на то что она не могла не видеть его некоторых порочных наклонностей, находила твердую опору в своих душевных стремлениях. Когда я был у А. А. Вырубовой утром на другой день после убийства Распутина, до обнаружения его тела, примерзшего ко льду — как мне передавал потом Протопопов — еще живым, но находившимся в беспамятстве, брошенного с моста в полынью, то я видел по лицу А. А. Вырубовой, какая сильная душевная борьба происходила в ней от начавшего заползать в ее душу сомнения в отношении Распутина; этого чувства она не скрывала от меня, сказав, что не может допустить мысли, чтобы Распутин не предчувствовал своей смерти и не сказал бы ей об этом, тем более что в день его убийства она, до прихода А. Д. Протопопова, была вечером в 8 часов у Распутина, и он ей передал, что после Протопопова к нему должен заехать молодой князь Юсупов, чтобы отвезти его к себе в дом к большой своей жене для ее «исцеления». А. А. Вырубовой показалось несколько странным такое

позднее приглашение князем Юсуповым к себе Распутина, что она ему и высказала, не зная того, что супруги князя в это время в Петрограде не было, и посоветовала Распутину отказаться от этого приглашения, объяснив ему, что если кн. Юсупов и его жена стыдятся открыто принять его у себя днем, то ему не для чего унижать себя перед ними и ехать к ним. Передавая об этом, А. А. Вырубова сообщила мне о своем недоумении по поводу того, что Распутин, дав обещание, не последовал затем ее совету, тем более что она настойчиво указывала ему, что, по ее мнению, в данном случае кроется другая цель, которую преследовал князь Юсупов, приглашая его ночью к себе в гости, так как из слов Распутина она поняла, что кн. Юсупов особенно настаивал на том, чтобы ко времени его заезда за ним никого не было из посторонних, хотя бы и близких к Распутину лиц, кроме его домашних; ввиду этого она, А. А. Вырубова, узнав на другой день об исчезновении Распутина, сразу невольно поставила это обстоятельство в связь с таинственной обстановкою приглашения Распутина кн. Юсуповым к себе и укрепила в своем подозрении после получения императрицей в тот же день, без всякого запроса со стороны ее величества, письма от кн. Юсупова, в котором он, ввиду распротранившихся в Петрограде слухов о причастности его к исчезновению Распутина, заверял честным словом государыню, что он накануне у Распутина не был, с ним даже по телефону не разговаривал и к себе Распутина не приглашал, между тем как это находилось в полном противоречии с тем, что она лично слышала от Распутина.

Но потом уже Симанович сообщил А. А. Вырубовой, что Распутин за три дня перед смертью был грустно настроен, находился в подавленном состоянии и попросил помочь ему советом в деле устройства им денежного вклада на имя дочери, для чего они вдвоем секретно ездили в банк, куда Распутин и положил для каждой дочери несколько десятков тысяч, бывших у него в ту пору на руках, а затем, по приезде домой, Распутин велел затопить печь и вместе с Симановичем, несмотря на просьбы старшей дочери, сжег все письма и телеграммы, им полученные как от высочайших особ, так и от А. А. Вырубовой. В день же своего убийства Распутин повеселел, пошел в баню и вечером, после отъезда А. А. Вырубовой, надел лучшую свою новую шелковую верхнюю рубаху и новый костюм и, несмотря на убеждения Симановича никуда без него не ехать, успокоив его, настоял на его уходе, заявив, что он ожидает к себе А. Д. Протопопова. Наконец, в той же мысли, что Распутин как бы предчувствовал свою кончину, укрепил А. А. Вырубову и В. М. Скворцова, сообщив ей — как мне потом об этом он сам рассказывал, — что, зайдя за день до смерти Распутина к нему на квартиру, он был поражен видом Распутина, лицо которого было землистого цвета и носило уже на себе, по словам Скворцова, печать смерти, причем он застал Распутина в сильно подавленном настроении духа, и ему стоило больших трудов вывести Распутина из его меланхолического настроения и отвлечь от разговоров о смерти. К рассказу В. М. Скворцова, им переданному уже после смерти Распутина, я отнесся несколько скептически, так как, посетив Распутина, по просьбе А. А. Вырубовой, за день или за два дня до его смерти поздно вечером, я не нашел в нем никакой перемены, а наоборот, видел в нем жизнерадостное настроение, полное удовлетворения по случаю полученного им обещания о назначении на пост министра юстиции Н. А. Добровольского, при посредстве которого он рассчитывал добиться окончательного погашения дела генерала Сухомлинова, и большую самоуверенность в том, что его никто не посмеет тронуть — в ответ на мое предупреждение быть осторожным в своих

поездках в малоознакомые дома. При последующих затем моих свиданиях с А. А. Вырубовой я не позволил себе подымать разговоров о Распутине и только послал ей в феврале сего (1917 года) фотографический снимок с последнего портрета Распутина, нарисованный с него одной из его знакомых художниц для какого-то большого американского иллюстрированного издания.

Что же касается других искренно веровавших в Распутина его поклонниц, то после его убийства среди этих немногих его почитательниц, кроме А. И. Гущиной, серьезно заболевшей после его смерти, почти ни у кого не оставалось прежней веры в его духовную обособленность; в этом мне пришлось убедиться из разговора моего с матерью М. Головиной при встрече с ней в воскресенье на масляной неделе у А. А. Вырубовой, причем г-жа Головина (одна из самых давних почитательниц Распутина) откровенно высказала мне свое разочарование в прозорливости Распутина ввиду непредвидения им такой ужасной своей смерти, так как в последнее время Распутин уверял своих поклонниц, чему я сам раз был свидетелем во время одного из воскресных чаев у него на квартире, в июне 1916 г., в присутствии А. А. Вырубовой,— что ему положено на роду еще пять лет пробыть в миру с ними, а после этого он скроется от мира и от своих близких и даже семьи в известном только ему одному, намеченном им уже глухом месте, вдали от людей, и там будет спасаться, строго соблюдая устав древней подвижнической жизни. Это свое намерение Распутин, как я понимал, навряд ли привел бы в осуществление, даже если бы он и не был убит, так как он довольно глубоко за последнее время опустил на дно своей порочной жизни.

Но Распутин ясно, по настроению государя, замечал близость наступления поворота в отношениях к нему со стороны его величества и заранее подготавливал себе почетный отход от дворца, указывая на пятилетний срок как на то время, когда наступит для наследника юношеский возраст, кладущий преграду гемофилии, внушавшей их величествам постоянную боязнь за жизнь его высочества и связавшей Распутина, в силу приведенных мною причин, с августейшей семьею.

Приобретая в лице А. А. Вырубовой послушную исполнительницу своих желаний и деятельную помощницу в деле укрепления своего влияния и значения во дворце, Распутин дерзко перешагнул черту заповедного ранее для него другого мира, укрепился в новой своей позиции и из Гриши превратился в отца Григория для своих почитательниц и всемогущего Григория Ефимовича для лиц, прибегавших к его заступничеству, влиятельной поддержке, помощи или посредничеству.

В дополнение обрисовки личности Распутина считаю необходимым передать вынесенные мною из разговора с ним и наблюдения за ним свои впечатления относительно религиозной стороны его духовной структуры. Этот вопрос останавливал на себе мое внимание еще в бытность мою директором департамента полиции. Из имевшихся в делах канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода сведений, переданных секретно мне директором канцелярии г. Яцкевичем, несомненным являлся тот вывод, что Распутин был сектант, причем из наблюдения причта села Покровского, родины Распутина, явствовало, что он тяготел к хлыстовщине. Переписка эта своего дальнейшего развития не получила и только повлекла за собой перемену причта и назначение взамен его нового духовенства, которое, благодаря влияниям Распутина, было хорошо обеспечено, пользовалось его поддержкой и покровительством и счита-

ло Распутина преданным церкви вследствие его забот о благолепии и украшении местного храма благодаря милостям не только его почитательниц, но и дам августейшей семьи. Таким образом, официально установить, путем соответствующего расследования, на основании фактических и к тому же проверенных данных, несомненную принадлежность Распутина к этой именно секте не удалось, тем более что Распутин после этого случая был крайне осторожен, никого из своих односельчан не вводил в интимную обстановку своей жизни во время приездов к нему его почитательниц и филерное наблюдение к себе не приближал. Ввиду этого я принужден был, секретно даже от филерного отряда и местной администрации и сельских властей, всецело бывших на стороне Распутина, поселить на постоянное жительство в селе Покровском одного из развитых и опытных агентов и приблизить его к причту. Из донесений этого агента, которые он, вследствие дружбы Распутина с местным начальством почтово-телеграфного отделения, посылал окружным путем, для меня было очевидным уклонение Распутина от исповедания православия и несомненное тяготение его к хлыстовщине, но в несколько своеобразной форме понимания им основ этого учения, применительно к своим порочным наклонностям. Проникнуть несколько глубже в тайны его бани мне в ту пору не удалось, так как этого агента, сумевшего уже заручиться и доверием причта и местной интеллигенции, и особым благорасположением к себе Распутина, я должен был, с уходом полковника Коттена из службы по корпусу жандармов, немедленно, во избежание провала, отозвать из Покровского, а затем и я сам вскорости ушел из департамента полиции. Познакомившись затем лично с Распутиным и заручившись доверчивым его к себе вниманием, я, продолжая интересоваться духовным мировоззрением Распутина, укрепился в вынесенных мною ранее выводах. Поддерживая в обиходе своей жизни обрядовую сторону православия и беспартийно высказывая, даже в присутствии иерархов, свои далеко не авторитетные мнения по вопросам догматического характера, Распутин не признавал над своею душою власти той церкви, к которой он себя причислял; вопросами обновления православной церковной жизни, к чему его хотел направить г. Папков, не интересовался, а любил вдаваться в дебри церковной схоластической казуистики; православное духовенство не только не уважал, а позволял себе его третировать, никаких духовных авторитетов не ценил даже в среде высшей церковной иерархии, отмежевав себе функции обер-прокурорского надзора, и чувствовал в себе молитвенный экстаз лишь в момент наивысшего удовлетворения своих болезненно-порочных наклонностей, что мною и было засвидетельствовано в свою пору вел. кн. Николаю Николаевичу на основании точно проверенных данных. Мне лично пришлось, бывая на воскресных завтраках-чаях Распутина в ограниченном кругу избранных, слышать своеобразное объяснение им своим неопиткам проявления греховности. Распутин считал, что человек, впитывая в себя грязь и порок, этим путем внедрял в свою телесную оболочку те грехи, с которыми он боролся, и тем самым совершал «преображение» своей души, омытой своими грехами.

К той общей характеристике, которую я дал Распутину, мне остается добавить только несколько штрихов для обрисовки его личности. Распутин пренебрежения к себе и обид, ему наносимых, не прощал и никогда не забывал, а мстил за них до жестокости; на людей смотрел только с точки зрения той пользы, которую он мог извлечь из общения с ними в личных для себя интересах; будучи скрытным, подозрительным и неискренним, он тем не менее тре-

бывал от окружающих его безусловной с ним искренности и фальши в отношении себя не допускал; помогая кому-нибудь, он затем стремился поработить того, кому он был полезен; в своих выводах и решениях отличался упрямством и трудно поддавался переубеждению, идя на уступки лишь в тех случаях, когда это отвечало его интересам; в своих домогательствах и в желаниях отличался поразительной настойчивостью и до той поры не успокаивался, пока не осуществлял их, умея носить на лице и в голосе маску лицемерия и простодушия, вводил этим в заблуждение тех, кто, не зная его (а таких было много, в особенности из состава правившей бюрократии), мечтали сделать из него послушное орудие для своих влияний на высокие сферы. Присматриваясь к судьбе тех лиц, которые искали в Распутине той или иной поддержки, я видел или печальный исход влияния на них Распутина и всей окружающей его порочной обстановки, или фатальный для них позор как последствие сближения их с Распутиным, но не в силу демонизма Распутина, а, главным образом, вследствие свойства тех побуждений, которые толкали их идти к Распутину и заставляли затем поступаться многим, в ущерб своей чести и достоинству, в исполнении желаний или, лучше сказать, требований Распутина.

Глава IV

Сейчас же по опубликовании высочайших указов о назначении А. Н. Хвостова министром внутренних дел, а меня — его товарищем были получены сведения о выезде из с. Покровского Григория Распутина. Ввиду этого между мною, А. Н. Хвостовым и кн. Андронниковым состоялось соглашение относительно плана наших будущих отношений к Распутину. План этот видоизменился с его приездом в Петроград, потому что оказалось, что никто из нас, даже кн. Андронников, тесно сблизившийся с Распутиным, так же как и епископ Варнава с приближенными ему лицами из духовенства тобольской епархии, не знали многих сторон его характера и не учли многих сторон его натуры, его силы и влияния.

Наш первоначальный план состоял в следующем. Официальные сношения с Распутиным по поводу его просьб по министерству внутренних дел должен был взять на себя кн. Андронников, чтобы избавить меня и А. Н. Хвостова от необходимости открыто принимать просителей с письмами от Распутина как на службе, так и у себя дома. Для того чтобы Распутин не брал со своих посетителей денег за протекцию, мы решили выдавать ему по 1500 р., и эти деньги должен был частями вручать Распутину кн. Андронников. Такая частичная выдача денег имела, между прочим, целью заставить Распутина видеться с нами почаще для установления непрерывного влияния на него. Вместе с тем, чтобы знать в подробностях его внутреннюю жизнь и понемногу отдалять от Распутина тяготевший к нему нежелательный элемент, мы решили приставить к нему своего человека.

Наш выбор пал на нашу общую знакомую и друга кн. Андронникова Н. И. Червинскую, родственницу по первому мужу М. Т. Сухомлиновой, молодую уже даму, много видевшую, не верившую, как и кн. Андронников, в чары Распутина и познакомившуюся уже с А. А. Вырубовой.

Свидания наши с Распутиным мы наметили на квартире у кн. Андронникова, где решено было устраивать обеды в своем тесном кругу, чтобы, не стес-

няясь, иметь возможность влиять на Распутина по тем вопросам, по которым нужно было А. Н. Хвостову подготовить благоприятную почву при дворе...

Как только приехал Распутин, на другой же день состоялся наш интимный обед с ним. Не только я и А. Н. Хвостов, до сих пор мало знавший Распутина, но и кн. Андронников и Червинская, хорошо его знавшие, были поражены происшедшею с ним переменою: в нем было гораздо больше, чем ранее, апломба и уверенности в себе. Первыми же своими словами Распутин дал нам понять, что он несколько недоволен тем, что наше назначение состоялось в его отсутствие, и это подчеркнул князю, считая его в том виноватым. Однако оказалось, что этот упрек и Хвостов и Андронников предвидели, и князь с усиленной любовью парировал этот удар, рассыпаясь в комплиментах и изъявлении чувства благодарности за его поддержку наших назначений, и трогательно благодарил его за приезд именно теперь, на первых шагах нашего вступления в должность, так как отныне его советы и поддержка при дворе поставят нас на правильный путь и охранят от ошибок, которые нам могут быть поставлены в счет наверху, и т. д.

За столом началась оживленная беседа, из которой я убедился, что наши назначения Распутину были известны и что он против нас теперь ничего не имеет: по-видимому, Распутин все же хотел, чтобы эти назначения мы получили непосредственно из его рук.

Затем, поздравляя нас и желая нам успехов, Распутин упрекнул А. Н. Хвостова за то, что тот по приезде Распутина в Нижний Новгород (где Хвостов был губернатором) плохо принял его, не накормил даже, а у него, Распутина, было тогда всего 3 р. в кармане. И напрасно, говорил Распутин, потому что он приезжал тогда — после убийства П. А. Столыпина — в Нижний Новгород по приказанию государя «посмотреть Хвостова», и если бы он встретил другой прием, то Хвостов уже давно был бы министром. Меня же Распутин попрекнул тем, что я ставил около него наблюдение в лице 30 сыщиков, о чем Распутину говорил сам государь. В завязавшемся по этому поводу разговоре пришлось упомянуть имя Джунковского, и из перемены голоса Распутина, выражения его глаз, лица и нервности можно было видеть, что этот человек не способен забывать ударов, ему нанесенных. В ответ я рассказал ему неизвестный ему факт выпуска за границу гражданской жены Илиодора с архивом последнего, вследствие того что, несмотря на донесение и несколько телеграмм в департамент полиции из Саратова с просьбой к Джунковскому разрешить арестовать и обыскать жену Илиодора, разрешение было дано уже тогда, когда жена Илиодора перешла границу.

Затем зашла речь о Самарине, обер-прокуроре Святейшего Синода, и о владыке Варнаве в связи с его конфликтом по поводу прославления св. Иоанна Тобольского. Распутин гневно говорил о Самарине, но мы разговор не муссировали, а только старались отнестись, что Самарин — человек близкий сестре государыни, но отнюдь не сторонник самой государыни и в то же время — личный враг его, Распутина.

Мы перешли после обеда в гостиную, а я вместе с Андронниковым вышел к нему в кабинет и здесь передал князю 1500 р. для Распутина. Князь из этих денег отобрал несколько — три или пять — сотенных, и, когда я вернулся в гостиную, он вызвал Распутина к себе в кабинет. Вскоре они оба вышли оттуда, и я заметил, как Распутин прятал деньги в карман.

Распутин после обеда уехал, расцеловавшись со всеми нами, а мы остались,

чтобы обменяться впечатлениями от первого свидания, нас далеко не удовлетворившего.

Из свидания мы вынесли убеждение в трудности, без соответствующей подготовки, проведения нашего первого плана, намеченного с А. Н. Хвостовым. Мы решили провести на пост обер-прокурора Святейшего Синода, вместо Самарина, директора департамента общих дел Волжина, свойственника Хвостова. Это было необходимо в особых целях Хвостова. Мы понимали, что Волжин не подготовлен к этой должности, но это было чистое имя, и его назначение особого раздражения внести не могло. Сам Волжин, с которым я говорил по этому поводу, хотя и был доволен своим служебным движением, но с большой охотой взял бы какой-либо другой министерский портфель, чем этот, но во всяком случае Волжин умолял меня об одном — устроить так, чтобы отклонить всякое его не только сближение, но и знакомство с Распутиным. Волжин затем пошел на сближение с кн. Андронниковым, с которым он тотчас же и познакомился, и выполнял свои обещания, ему данные. Волжин был лично известен государю. Его сыновей, служивших в гвардейских частях Петрограда, знал отлично государь. Волжин имел придворные связи и хорошие знакомства в петроградском обществе. Он человек верующий, любитель старого церковного напева и церковной старины.

Мы понимали с А. Н. Хвостовым, что уход Самарина, против которого шел, не без воздействия князя Андронникова, также и Горемыкин, безусловно взволнует не одну Москву, где любил и знали Самарина, заденет и обидит не одно дворянство, где Самарин пользовался крупным весом и влиянием, и не одну Государственную Думу, приветствовавшую его назначение, а — общественное мнение России и те круги православного духовенства, которые, во главе с митрополитом Владимиром, видели в его назначении начало новой эры в деле церковного управления.

Вместе с тем мы знали, что Саблер-Десятковский уже делал попытки примирения с Распутиным и был у него несколько раз, а в князе Андронникове он имел верного и преданного человека.

Поэтому мы убедили кн. Андронникова в политическом значении, с точки зрения настроения широких кругов русского общества, вопроса о замещительстве Самарина, следовательно против Саблера, и эту точку зрения решили сообща проводить во дворце, предварительно внедрив ее в сознание Распутина. Те же соображения были высказаны А. А. Вырубовой, и она не могла с ними не согласиться.

Для более сильного влияния на Распутина решено было немедленно вызвать из Москвы епископа Варнаву.

На одном из ближайших обедов у кн. Андронникова с Распутиным я навел разговор на тему об имябожцах — монашеской секте на Афоне, образование которой повело гонения Синода, командировку на Афон епископа Никона и арест около 700 монахов, отправленных в Россию по требованию русского правительства, — и восстановил в памяти Распутина картину репрессий, предпринятых по инициативе Саблера. Вопрос об имябожцах в тот момент не был еще окончательно решен, и мне, кстати, хотелось выяснить отношение к нему со стороны Распутина по существу, чтобы узнать, не находится ли он под влиянием какого-нибудь кружка, занимающегося церковными вопросами, или интриги против Саблера — или же в нем говорило чувство жалости, которое заставило его отозваться во дворец на показ тайно приезжавших в Петро-

град монахов-имябожцев, в преклонном возрасте — многие из них были в схиме, — с обрезанными бородами, в штатском платье...

Я лично думал, что в данном деле Распутин преследовал какие-либо другие свои цели, так как он имел уже в ту пору личные причины быть недовольным Саблером, который в последнее время (до отставки), считая свое положение прочным, изменил свое отношение к чинам синодального надзора — друзьям Распутина: к товарищу обер-прокурора Даманскому, Скворцову, Мудролюбому и др. — и попал под влияние директора своей канцелярии, к которому Распутин относился подозрительно и сдержанно. В особенности Распутин был глубоко задет, когда Саблер захотел расстаться с Даманским, который, не используя Распутина для своих дел, всегда давал ему хорошие советы, исполнял его просьбы, предоставлял ему свою квартиру, когда Распутин приезжал наездами в Петроград по вызовам Вырубовой, и был всегда с ним искренним. В свою очередь, Распутин добился у государя того, что Даманский был оставлен на посту товарища обер-прокурора с выделением ему самостоятельного круга дел и был удостоен многих высочайших пожалований.

Затронутая на обеде у кн. Андронникова тема об имябожцах оживила Распутина, и из его слов я понял, что он и сам является сторонником этого учения в монашеской среде. И действительно, впоследствии он отстаивал все время имябожцев. Незадолго до смерти Распутина в «Колоколе» были напечатаны статьи В. М. Скворцова с такой же целью. Статьи эти повлекли за собой для Скворцова большие осложнения с Синодом, а он их писал в угоду Распутину, мечтая при его помощи вернуться в Синод в роли товарища обер-прокурора. Эти статьи Распутин представил во дворец.

Разговор об имябожцах перешел на Саблера, как их противника, и под влиянием как беседы на эту тему, так и общих высказанных нами соображений в конце концов Распутин решительно заявил, что он не будет «ни за что» поддерживать кандидатуры Саблера.

Когда же приехал владыка Варнава и лично познакомился с Волжиным, на которого произвел хорошее впечатление, тогда общими силами нам удалось добиться согласия Распутина на назначение Волжина и на поддержку в сферах, причем даже Распутин согласился на первых порах предварительно не видеться с Волжиным, во избежание излишних разговоров. Правда, к этому Распутин отнесся несколько подозрительно, но ничего прямо не высказал. Но он был доволен тем, что Волжин, в свою очередь, обещал ликвидировать инцидент епископа Варнавы по поводу открытия мощей по плану, мною предложенному и всеми принятому, в том числе и Волжиным. План этот был одобрен и Вырубовой, и об этом было доложено государыне, от которой получено также одобрение.

Сущность инцидента епископа Варнавы заключается в следующем. Епископ возбудил вопрос об открытии мощей св. Иоанна Тобольского. Синод одобрил предложение и состоявший соответствующий всеподданнейший доклад. Однако Синод замедлил исполнением всех актов, с которыми должно быть соединено открытие мощей, а епископ Варнава, видя в этом промедлении интригу Синода против него, обратился непосредственно к государю в Ставку и получил разрешение для «прославления», а не канонизации, т. е. открытия мощей для народного почитания. Прославление было принято верующими как акт открытия мощей. Синод об этом обмене телеграммами с государем ничего не знал, а получив сведения о прославлении, рассмотрел его как самовольный проступок.

Варнава, чувствуя такой исход, приехал без разрешения в Петроград, надеясь испросить монаршее прощение. Но в это время обер-прокурором был назначен Самарин, который резко высказался против проступка Варнавы. Дело получило огласку в прессе, и еп. Варнава должен был доложить Синоду о телеграмме государя.

Государь — я это знаю хорошо — относился к Самарину сердечно; он его уважал, и это чувство крепло годами. Поэтому приглашение Самарина в состав кабинета исходило от его величества без всяких побочных влияний.

Но с другой стороны, как я в этом убедился впоследствии и на себе, государь не любил ни частных выступлений в прессе министров, ни тех или иных разоблачений, ни даже слухов о предстоящих переменах, чем многие пользовались для сведения своих личных счетов. В особенности государь, как человек верующий, всегда отрицательно относился к огласке тех или других неприятных происшествий в сфере церковной. Вот почему была уверенность не только у нас, но и у многих лиц, знающих характер государя, что Самарин не может остаться на своем посту.

Когда, таким образом, все было подготовлено, А. Н. Хвостов на одном из ближайших своих докладов после того, как Распутин был у государя и поддержал Варнаву, умело и тонко касаясь вопроса об общественных настроениях, провел мысль о Волжине. Волжин был вызван государем, был милостиво принят, и государь одобрил план ликвидации через некоторое время дела епископа Варнавы путем проведения его через Синод в новом составе.

Глава V

Пока проводилась кандидатура Волжина на должность обер-прокурора Святейшего Синода, я предписал начальнику охранного отделения, полковнику Глобачеву, всесторонне освещать для меня жизнь Распутина, представляя мне ежедневные, а затем и еженедельные сводки филерских наблюдений. Оказалось, что, вопреки предположениям кн. Андронникова, Распутин сделался осторожнее; приставленных к нему для охраны филеров в квартиру свою не допускал и избегал разговоров с ними. Вследствие этого филеры были помещены внизу, в швейцарской, а затем в агентуру были взяты швейцар и его жена. Тем не менее, как путем агентурным, так и наблюдениями Червинской выяснилось, что к Распутину лился живой поток людей различных положений и классов общества. За ним приезжали в автомобилях, отвозили и привозили его. Он сам часто, стараясь быть не замеченным филерами, черным ходом куда-то уходил и уезжал. Около него образовались кружки лиц, имевших на него, различные влияния, и т. п. Это была колоссальная фигура, чувствовавшая и понимавшая свое значение, что и сказалось на первых же порах наших отношений.

На своих утренних приемах Распутин раздавал небольшими суммами деньги лицам, прибегавшим к его помощи. Если требовалась большая сумма, то он писал письма для просителей и посылал с этими письмами к знакомым, а часто и к незнакомым лицам, преимущественно из финансового мира. Письма его, написанные безграмотно, с крестом наверху, письма, как пишут обыкновенно лица духовные, ходили во множестве по рукам и составляли предмет своеобразной пикантности; находились любители, которые покупали их и коллекционировали.

Все это в связи с ореолом таинственности влияний Распутина на высокие сферы, с его посещениями ресторанов и частных домов без разбора, куда его приглашали часто напоказ и напавали, заставляя танцевать, говорить по телефону с министрами, с которыми он находился в хороших отношениях, писать им письма и проч. — заставило нас сильно обеспокоиться не только с точки зрения охраны личности Распутина, высочайше нам предписанной. Опасны были его публичные выступления в общественных местах в различных компаниях, не охранявших Распутина от выходов, о которых, иногда в преувеличенном виде, ходили не только в столицах, но и по всей России слухи, связавшие имя Распутина с именами августейших особ, являясь угрозой идее царизма... Наконец, приближалась сессия Государственной Думы, а думская агентура, сведения от Родзянко и других депутатов предсказывали неизбежность выступлений по поводу Распутина при обсуждении сметы министерства внутренних дел.

К тому же наш план сделать кн. Андронникова единственным посредником для сношений с нами Распутина по его делам и ходатайствам не удался; Распутин, вопреки обещаниям, стал засыпать своими письмами и присылкой посетителей не только меня и А. Н. Хвостова, но и наших жен, которые к нему относились в высшей степени отрицательно. Мы увеличили поэтому сумму наших выдач Распутину, и мне пришлось, кроме ежемесячной выдачи 1500 р., давать ему одновременно по 3 т. р. (тайно от кн. Андронникова), и, вместе с тем, через кн. Андронникова и Червинскую настоятельно просили Распутина, чтобы он к нам на квартиру просителей со своими письмами не посылал, что он обещал делать, но что выполнял только на первых порах.

Все вышеизложенное побудило нас серьезно приняться за проведение широких мер, не жалея, по приказанию А. Н. Хвостова, денег из секретного фонда, ибо с именем Распутина связывалось антидинастическое движение в стране, ряда широких мер, чтобы предупредить проникновение в общество сведений и фактов из жизни Распутина, повлиять на Распутина в смысле большей разборчивости его в знакомствах, развить ради того же тесную кружковую жизнь около Распутина при помощи расположенных к нему лиц, особенно дам, не проводивших через него своих дел (а таких было очень мало), бороться с разного рода влияниями на него и т. п.

По докладе об этом А. А. Вырубовой она согласилась с нашими планами и просила нас отдалить от Распутина лиц, имеющих на него дурное влияние, хотя она по опыту хорошо знала, как трудно было, а иногда бесполезно пытаться влиять на Распутина в хорошую сторону, так как эти попытки только его озлобляли.

О наших мероприятиях, отнюдь не опорочивая Распутина, а наоборот, защищая его и указывая лишь на обстановку времени и дурные извне влияния, А. Н. Хвостов доложил и государю, получив и его согласие, и благодарность.

Помимо всего, политическая жизнь того времени и наши служебные обязанности требовали от нас слишком много времени, — и мы решили, что лучше всего было бы удалить Распутина на некоторое время из Петрограда, хотя бы для путешествия по монастырям, и затянуть это путешествие на возможно долгий срок, с тем чтобы к моменту открытия Государственной Думы Распутина в столице не было. Во время моего директорства, после речи А. И. Гучкова в Государственной Думе о Распутине, такой план удаления его из Петрограда удался, и Распутин хотя неохотно, но сознательно подчинился и уехал.

Удалением Распутина из Петрограда мы имели в виду создать себе возможность спокойно работать, но главным образом, заставить общество забыть о Распутине. В думскую среду мы предполагали провести слухи о том, что нам удалось ослабить влияние Распутина в сферах настолько, что Распутин уехал не к себе домой, как обычно делал, а по монастырям, чтобы таким смирением восстановить подорванное к себе у высоких особ доверие; мы хотели убедить влиятельных депутатов Думы и ее председателя не мешать нам в нашей дальнейшей в этом направлении работе своими выступлениями против Распутина: такие выступления, в силу особого склада характера августейших особ, усиливали только положение Распутина.

Согласно этому плану в таком направлении, т. е. для удаления Распутина из Петрограда, должны были воздействовать на А. А. Вырубову епископ Варнава, кн. Андронников и А. Н. Хвостов. На эту же тему епископ Варнава и А. Н. Хвостов должны были говорить и с государыней, с тем чтобы впоследствии А. Н. Хвостов сделал соответствующий доклад государю. В докладе государю А. Н. Хвостов предполагал провести ту мысль, что поездка Распутина по святым местам не только будет полезна в смысле умиротворения Государственной Думы, но и рассеет всякие несправедливые толки о жизни Распутина и будет свидетельствовать о религиозных порывах духовной его природы во время войны.

Приступив к осуществлению этого плана, мы, по предложению епископа Варнавы, вызвали игумена Тюменского монастыря Мартемиана, личного и большого друга Распутина. А пока мы начали готовить Распутина беседами на тему о роли Государственной Думы в общественном сознании, в особенности в связи с войной, в сфере влияния Думы на армию. Об этом горячо говорили еп. Варнава, кн. Андронников и А. Н. Хвостов. Я же был сдержан, не потому, что боялся неуспеха наших начинаний — я знал, что Распутин побаивался Государственной Думы, — а потому, что Распутин был во время беседы мрачен, подавал односложные реплики и расхолаживал настроение. Поэтому я предпочел выждать приезда игумена Мартемиана. С его приездом дело пошло быстрее. А. Н. Хвостов уже прямо рекомендовал Распутину поездку с Мартемианом в Верхотурье, с тем чтобы привезти августейшей семье оттуда благословение обители — икону св. Павла Обдорского. Говорил на эту тему и еп. Варнава, а затем и Мартемиан, бросившийся целовать Распутина и убеждать его поехать по монастырям и захватить домой, а затем, когда отношения с Гос. Думой наладятся, вернуться в Петроград.

С поездкой Распутина к себе домой были связаны многие важные дела. Еп. Варнава, еще до приезда Распутина, взял с А. Н. Хвостова и меня слово назначить тобольским губернатором, вместо бывшего тогда на этом посту Станкевича, вице-губернатора Гаврилова, своего друга, что нами и было обещано. Но Распутин по приезде категорически заявил, что Станкевича надо удалить, а на его место назначить «своего человека», который защищал бы Распутина, а не предавал. Дело в том, что Распутин в последние дни министерства Маклакова, едучи на пароходе с Мартемианом, в пьяном виде наскандалил на пароходе, где после пьянства и плясок с новобранцами избил лакея, за что и был высажен капитаном парохода на берег, о чем был составлен полицией протокол. Полиция, однако, протокола по подсудности не направила, имея предписание считаться с личностью Распутина и затушевывать подобные факты поведения его, и отослала этот протокол губернатору Станкевичу, который, не имея дирек-

тив в отношении Распутина от министра внутренних дел кн. Щербатова, личным письмом «в собственные руки» препроводил ему всю переписку по делу в копии. Кн. Щербатов отправил переписку министру юстиции А. А. Хвостову, а последний вернул ее князю, указав, что подобные дела не подлежат разрешению министра юстиции, так как в законе указана подсудность подобного рода дел. Кн. Щербатов осведомил об этой переписке и председателя/Совета Министров И. Л. Горемыкина. Об этом проникли слухи и в думские сферы. И в таком виде переписка поступила в наследство к новому министру внутренних дел — А. Н. Хвостову. Дело же должно было разбираться в волостном суде, так как потерпевший лакей отказался от примирения. Это обстоятельство сильно беспокоило А. А. Вырубову и Распутина, который отрицал правдивость протокола, хотя Мартемиан в беседе со мной подтвердил справедливость всех деталей скандала. Распутин же успел по-своему изложить все происшествие и в высочайших сферах, так что возобновление дела его очень тревожило. Мы понимали, что необходимо как-нибудь уладить этот инцидент и отсрочить по крайней мере процесс, чтобы он не совпал с думской сессией, иначе при огласке дело вызвало бы неудовольствие и А. А. Вырубовой, и августейших особ.

Так как Распутин настаивал на удалении Станкевича, то мы его вызвали телеграммой в Петроград, предписав привезти подлинное дело, касавшееся Распутина. Станкевич привез, однако, и второе дело о Распутине по обвинению его в неуважительном отзыве в пьяном виде об императрице и августейших дочерях. Дознание по этому делу велось жандармским управлением и, по требованию Станкевича, было переслано ему. Об этом дознании не знали еще ни Вырубова, ни Распутин, и, таким образом, у меня явился хороший козырь в отстаивании Станкевича, которого я считал необходимым и полезным оставить на службе в качестве губернатора с переводом в лучшую, земскую губернию.

Разговоры с Распутиным о поездке по монастырям продолжались, и он неожиданно для меня — я ожидал большего сопротивления — согласился решительно уехать из столицы. Мы думали, что такая решительность явилась результатом влияния игумена Мартемиана и опасений самого Распутина за исход его первого дела о скандале на пароходе. Впоследствии наши предположения не оправдались.

А. Н. Хвостов заявил Распутину, что все расходы по его поездке будут оплачены и соответствующие суммы выданы игумену Мартемиану. В беседе со мной, затем последовавшей, А. Н. Хвостов сказал мне, что верит в удачу поездки Распутина, потому что знает Мартемиана и потому что в Вологде и в губернии у него много преданных ему лиц, которые окружают тесным кольцом Распутина и надолго его задержат путем спаивания; особенные надежды в этом отношении он возлагал на вологодского исправника, друга Мартемиана. В денежном отношении решено было не скупиться и предложить Мартемиану не стесняться в средствах, в особенности на вино... Игумен Мартемиан ставил, однако, условием своего участия в поездке с Распутиным возведение его, Мартемиана, в сан архимандрита. Поэтому я, по просьбе А. Н. Хвостова, ввиду согласия еп. Варнавы войти с соответствующим представлением в Синод заехал на другой день к Волжину и отвез ему послужной список Мартемиана, прося Волжина о содействии, на что последний, в особенности узнав о предполагаемом отъезде Распутина, охотно согласился.

Мы удовлетворили также все просьбы еп. Варнавы и устроили ему собствен-

ную квартиру, выдав для этой цели денег на обстановку и ежемесячное пособие его сестре, и, кроме того, выдали епископу и пособие. На другой день деньги на поездку Мартемиану были выданы. Кроме того, я передал Распутину на личные расходы 5 т. р. и на примирение с побитым им лакеем еще 3 т. р. После этой передачи я сообщил Распутину о втором о нем деле по поводу оскорбления высочайших особ и отметил в этом инциденте тактичную роль Станкевича, с которым рекомендовал не ссориться. Это второе дело сильно поразило Распутин, очевидно, боявшегося, что о нем узнает государь. Распутин переменил свой тон и манеру обращения, стал доказывать полную свою невиновность и успокоился тогда лишь, когда я сообщил ему, что об этом деле решительно никто не знает, кроме меня и А. Н. Хвостова, не знает даже кн. Андронников (который мог сообщить о случившемся, по своему обыкновению, министрам, с которыми был в хороших отношениях, и председателю Совета Министров И. Л. Горемыкину, ничего о втором деле не знавшему). Государю А. Н. Хвостов обещал также о деле не докладывать. Весь этот образ действий я объяснил Распутину сердечным к нему отношением с нашей стороны. Мы расцеловались, и когда я после этого заговорил о Станкевиче, то Распутин заявил, что он зла ему не желает, но что в Тобольск требует назначения «своего человека», а именно председателя пермской казенной палаты Ордовского-Танеевского. Вопрос о Станкевиче был улажен. А. А. Вырубова согласилась на перевод его губернатором в Самару, и соответствующий об этом доклад был сделан А. Н. Хвостовым царю и не встретил возражений.

Что касается кандидатуры Ордовского-Танеевского, то, как оказалось из дальнейшей беседы с Распутиным, она была предрешена. Пермский управляющий казенной палатой был в отличных отношениях с Распутиным, воздавал ему почести при проезде его через Пермь, когда Ордовский-Танеевский исправлял там должность губернатора, и о переводе его в Тобольск губернатором Распутин уже условился с А. А. Вырубовой, и государыня уже одобрила этот план. А. А. Вырубова была также весьма довольна нашим планом закончить первое парходное дело Распутина примирением с лакеем, для чего я выдал Распутину 3 т. р.; и еще более довольна тем, что я передал ей в подлиннике второе дело о Распутине (оскорбление высочайших особ), чем оно и было ликвидировано. Но когда я заговорил о поездке Распутина, то Вырубова, не возражая ни слова, быстро перевела разговор на другую тему. Распутин же все оттягивал под разными предлогами свой отъезд, поджидая, между прочим, Ордовского-Танеевского, а когда тот приехал и А. Н. Хвостов провел доклад об его назначении у государя, то положение сразу изменилось.

Распутин определенно заявил, что он никуда по монастырям не поедет, и свой отказ выразил в такой категорической форме, что возражать, из опасения вызвать только его гнев, уже никто не решался. Ввиду этого я поручил Ордовскому-Танеевскому по приезде его в Тобольск ликвидировать дело с лакеем, о чем его просил и сам Распутин, но 3 т. р. он не дал ему для передачи лакею. Я предложил Ордовскому-Танеевскому для ликвидации дела не стесняться расходами.

Почему Распутин не поехал? Мне казалось, что его путешествие по монастырям теперь теряло свой смысл, так как все тобольские инциденты были улажены, а с другой стороны, ему казались подозрительными наши настойчивые убеждения его в необходимости поездки. Религиозная же цель поездки никакого веса ни в глазах, ни в сердце Распутина не имела...

Но впоследствии, после моей отставки, в 1916 году, когда Распутин стал относиться ко мне доверчивее, я его спрашивал о причинах его отказа от поездки по монастырям. И Распутин откровенно мне сказал, что он и не предполагал выезжать и что А. А. Вырубова была также против этой поездки. Не устраивала эта поездка и Мартемиана... Играл же свою роль Распутин потому, что хотел выяснить, к чему же все наши настояния клонятся...

Глава VI

Все вопросы, тесно связанные с церковной жизнью и назначениями, как по обер-прокурорскому надзору, так и в составе высшей духовной иерархии, не только интересовали Распутина, но близко его задевали, так как в этой области он считал себя не только компетентным, но и как бы непогрешимым. Поэтому при всяком видном назначении или в мероприятиях в сфере духовных интересов церкви он играл, особенно в последнее время, доминирующую роль. С ним считались многие, в том числе видные иерархи церкви, не говоря уже о средних духовных слоях, искавших, по человеческой слабости, мощной поддержки у него. И наоборот, ко всему тому, что происходило помимо Распутина и его желаний, он относился нервно и неблагоприятно. Это задевало его самолюбие, и Распутин искал тех или других слабых сторон данного лица, чтобы оттенить их в высоких сферах как крупную ошибку при назначении, происшедшую потому, что его не послушали или с ним не посоветовались. Этим объясняется, почему зачастую предположения Синода по некоторым вопросам или проектам назначений, представляемые через обер-прокурора, не разрешались немедленно при докладах, а оставлялись царем и возвращались с резолюциями, дававшими иные указания.

После ухода Самарина и в связи с делом еп. Варнавы предстояло обновление состава Синода.

Мы предупредили Волжина об отношении к подобного рода вопросам со стороны Распутина и рекомендовали предварительно всеподданнейшего доклада хорошо узнать, нет ли в составе представляемых лиц таких, к которым Распутин относится неблагоприятно. Что касается нашего участия в деле составления списка присутствовавших в Синоде, то А. Н. Хвостов рекомендовал архиепископа тверского, а я — епископа могилевского Константина (противника Распутина). С этими кандидатурами согласилась и Вырубова, записавшая эти имена себе на память. Когда мы заговорили по этому вопросу на одном из обедов с Распутиным, то он согласился с нашими кандидатурами, но прибавил категорически, что необходимо вызвать с Кавказа экзарха Питирима, так как он «свой человек» и Варнаву защитит.

Ни я, ни Хвостов Питирима не знали, но у обер-прокурора Волжина имелись, как оказалось, секретные сведения о нем, касавшиеся его отношений к своему секретарю Осипенко. Эти секретные сведения Волжин доложил царю, когда Николай II повелел Волжину вычеркнуть из списка епископа могилевского Константина и вместо него поместить Питирима. Царь ответил, что он впервые слышит об этом, список оставил у себя, а затем вернул его с пометкой о вызове преосвященного Питирима. Оказалось, что Вырубова уже давно знала Питирима, что у него были давнишние связи со двором и что, наконец, кандидатуру его провел Распутин.

Ввиду поколебавшегося после ухода Самарина положения петроградского митрополита Владимира мы опасались его ухода и назначения в Петроград митрополитом Питирима, так как предоставление ему митрополичьей кафедры было уже предreshено. Открылась тогда вакансия в Киеве после смерти митрополита Флавиана. Мы проводили через Вырубову и Распутина Питирима в Киев, но Волжин получил от государя приказание о назначении митрополита Владимира в Киев, а Питирима в Петроград.

Из всей обстановки назначения Питирима ясно было видно желание двора иметь около себя близкого человека. Мы поняли, что в силу занимаемого им положения ему будет отведено крупное влияние во дворце.

Мы с Хвостовым поздравили Питирима с высоким назначением, были у него с визитом, и наши отношения, таким образом, завязались. О Распутине мы с Питиримом никаких разговоров не заводили из чувства деликатности, хотя из докладов начальника охранного отделения Глобачева мы знали о частых посещениях Распутиным митрополита. То же подтвердил мне и Манасевич-Мануйлов, который проник вновь в дом Распутина и ввел туда сотрудника «Нов. Времени» Снарского. Манасевич-Мануйлов вел кампанию в «Нов. Времени» против Распутина, когда с ним же боролся и ген. Богданович. По приказанию Маклакова, выступления Мануйлова против Распутина были в прессе прекращены, но Распутин боялся их возобновления и стал поэтому принимать Мануйлова, который и начал после этого передавать мне все, что узнавал в доме Распутина.

Нужно отметить, что сам митрополит, все время поддерживая самые тесные отношения с Распутиным и решая с ним все дела, всячески избегал вплоть до смерти Распутина подчеркивать публично свою к нему близость, принимая его в конспиративной обстановке, его квартиры не посещал, а для сношения с ним, зная подозрительность характера Распутина и во избежание телефонных разговоров с ним, уполномочил своего секретаря Осипенко. Последний ежедневно бывал у Распутина, часто сопровождал его в поездках по знакомым, ездил впоследствии с поручениями и письмами владыки к Вырубовой, которой только в этот период был представлен, и удостоился приема у государыни.

По отношению к Осипенко я сделал ошибку: пытался заагентурить его и настойчиво вручил даже ему для этой цели 300 р., обещая подобные же выдачи в будущем. Но значение Питирима и роль при нем Осипенко были слишком велики, чтобы можно было прибегать к подобной мере.

Питирим вскоре не избежал общей участи тех, кого судьба сводила с Распутиным: владыке пришлось испытать перемену общественных отношений к себе из-за своих связей с Распутиным, несмотря на все старания Питирима приобрести общественную популярность. Поведение Распутина и по отношению к Питириму было таким же, как и ко всем другим лицам из правящего мира, на которых Распутин смотрел как на своих ставленников. Распутин о своей близости к митрополиту говорил, где можно, и в особенности говорил там, где этого нельзя было делать, что причиняло Питириму весьма много огорчений.

На этой почве произошел разрыв Питирима и с А. Н. Хвостовым, который позволил себе бестактность. Раздосадованный на то, что митрополит не поддерживает планов Хвостова в связи с предстоявшей выборной кампанией в Думу, Хвостов, чтобы оказать давление на владыку, однажды приказал полковнику Комиссарову, приставленному к Распутину, привезти последнего к митрополиту и ввести без доклада в кабинет. А к этому моменту у владыки был и сам Хво-

стов. Этот приезд Распутина и приход без доклада ясно обнаружили близость митрополита к Распутину, что Питирим скрывал, а затем разговор Распутина с митрополитом о поддержке начинаний Хвостова в присутствии Распутина привели только к обратным результатам потому, что митрополита вся эта тактика Хвостова только оттолкнула от него.

Из всех лиц правящего класса как этого, так и последнего периода, прошедших через Распутина, никто не пользовался таким постоянным и неизменным доверием как государя и государыни, так и Вырубовой, как митрополит Питирим. Его постоянно приглашали к себе высокие особы и Вырубова. К его мнению по вопросам церковной и государственной жизни прислушивались, также считались с его отзывами и оценками лиц, интересовавших высокие сферы. Поездки Питирима в Царское конспирировались, и Осипенко принимал все меры, чтобы сведения о них не проникали в печать и общество. При жизни Распутина последний был в курсе всех начинаний митрополита, поэтому Питириму приходилось с ним считаться. Когда Распутин умер, я был в день его похорон вечером у владыки, и тут я понял, насколько велик был для него гнет Распутина.

Глава VII

Вскоре после приезда Распутина в Петроград — по моем назначении товарищем министра внутренних дел — и установления с ним и с Вырубовой некоторого сближения епископ Варнава был принят августейшей семьей и передал ей свои впечатления, вынесенные им от знакомства со мной и А. Н. Хвостовым. Владыка подчеркнул нашу преданность интересам царской семьи, наше благожелательное отношение к Распутину, нашу общую солидарность во взглядах и дружескую между собою связь. Вслед за этим как епископ Варнава, так и кн. Андронников признали необходимым для меня, в моих интересах, представиться государыне императрице Александре Федоровне. Это отвечало и моим желаниям, так как я до того ни разу в личной особой аудиенции не был принят государыней. Видел я ее только на общих приемах, где был удостоиваем поклона и целования ее руки. Зная о том влиянии, которое императрица имела на государя, и о ее роли в решении вопросов государственной важности, я хотел вынести и свое непосредственное, хотя и мимолетное впечатление. Но вместе с тем я слышал и знал, из примера немилости государыни к А. А. Макарову, что ее величество ничего не забывает и не легко поддается перемене своих отношений к тем, о которых она составила определенное не в их пользу мнение. Во время моего директорства после передачи министром Макаровым государыне ее писем к Распутину, найденных у Илиодора, я был заподозрен Александрой Федоровной в том, что перехватил одно из таких писем в общем порядке перлюстрации. Кроме того, государыня знала мое отрицательное отношение в ту пору к Распутину. И этими обстоятельствами я объяснил себе тот факт, что Макаров, получив отставку от должности министра, получил в то же время письменное приказание уволить меня без объяснения причин. Об этом я узнал впоследствии не от Макарова. Узнал и то, что Макаров, получив такое повеление, испросил себе аудиенцию у государя и убедил его оставить меня на службе. Думаю, что на решение государя уволить меня повлиял и князь Мещерский, с

которым у меня произошел разрыв и который вел против меня кампанию в «Гражданине» и делал личные и письменные обо мне доклады государю.

Ввиду всех этих обстоятельств я естественно боялся, что прием меня государыней может носить характер простого официального представления, которое не выяснит отношения царицы к представляющемуся лицу.

Поэтому, по совету кн. Андронникова и с ведома А. Н. Хвостова, я обратился к Вырубовой и высказал ей свои опасения относительно своего приема государыней. Вырубова приняла во мне большое участие, переговорила при мне по телефону с государыней по-английски и сказала мне, что государыня будет рада принять меня. И кроме того, записала себе для памяти — переговорить еще раз перед приемом обо мне с государыней. На другой день я ею был принят.

В назначенный час я был введен скороходом в одну из личных комнат государыни и удостоился особо милостивого приема. Пригласив меня сесть, государыня выразила свое удовольствие по поводу моего назначения и моей солидарности и дружеской связи с А. Н. Хвостовым, поблагодарила за сведения, сообщаемые Вырубовой, и подчеркнула, что в передаче переписок о Распутине (по двум вышеупомянутым делам-скандалам, очевидно, переданным Вырубовой государыне) она видит залог нашего дальнейшего благожелательного отношения к Распутину. В ответ на это я принес ее величеству искреннюю благодарность за то доверие, какое она проявила ко мне своим участием в деле моего назначения, и затем уверил ее величество, что как во время моего управления департаментом полиции, так и в настоящее время мною принимались и будут приняты все меры к охране жизни Распутина. Коснувшись истории с письмом, о котором я раньше упомянул, я постарался рассеять у государыни сомнения относительно участия моего в этом деле.

Затем я доложил ее величеству о намеченной А. Н. Хвостовым и мною первойшей задаче нашей программы — организовать и широко распространить среди народа издания и картины, обрисовывающие царственные за период войны труды ее величества, его величества и их дочерей. К этому государыня отнеслась с большим сочувствием и просила предварительно посылать ей на просмотр корректурные листы.

Когда я перешел к докладу о намеченном нами открытии в фабричных районах продовольственных лавок для рабочих, государыня отнеслась одобрительно и к этому плану и указала, что продовольственный вопрос и настроение рабочих сильно озабочивают государя, который возлагает в этом отношении особые надежды на А. Н. Хвостова.

Наконец, государыня, находясь, по-видимому, под впечатлением представлявшегося ей передо мной князя Жевахова (которого я встретил в приемной) и зная мои отношения к Волжину, передала через меня обер-прокурору Св. Синода повеление об устройстве князя Жевахова по ведомству Св. Синода согласно желанию князя.

Разговор наш все время шел на русском языке, которым государыня владеет хорошо, с редкими сравнительно заминками в длинных периодах и со слабым иностранным акцентом, в противоположность своей сестре Елизавете Федоровне.

Из этого приема государынею, длившегося полчаса, я вынес впечатление, что интересы Распутина очень близки ее величеству, что вопросы, выдвигаемые обстановкою времени, ее сильно захватывают, что Вырубова ставит ее в курс всего того, о чем узнает от лиц, ее окружающих, пользуясь безграничным дове-

рием государыни, и что, наконец, государыня, если пожелает, может быть простой, доступной, любезной и благодарной тем, кто служит ее интересам.

Заехав затем после приема к Вырубовой, я поблагодарил ее за проявленное ею участие в этом приеме и передал ей, как прием государыней тронул меня и расположил к ней. О том же я сообщил кн. Андронникову, Распутину и еп. Варнаве.

Поручение к Волжину я исполнил, и после длинной истории, больших затруднений и препятствий кн. Жевахов получил впоследствии должность второго товарища обер-прокурора Синода, несмотря на свою молодость и отсутствие достаточного служебного стажа.

Глава VIII

А. Н. Хвостов, как министр внутренних дел, не имел никаких полномочий вмешиваться в назначения министров, тем не менее он это систематически практиковал. Роль Хвостова в назначении Волжина указана выше. Он провел Наумова на пост министра земледелия вместо Кривошеина и весьма долго вел интригу, чтобы вместо Барка министром финансов провести гр. Татищева. Невольно возникает вопрос, как же А. Н. Хвостов, не имея высочайших обещаний поста председателя Совета Министров, ни полномочий близкого советчика, мог осмелиться вмешиваться в функции, относящиеся к сфере прав председателя Совета Министров?

Нужно заметить, что назначение Хвостова состоялось в весьма знаменательный период. К этому моменту у государыни окончательно созрело поддерживаемое, особенно Распутиным, мнение о необходимости иметь около себя, государя и наследника только людей, в личной преданности которых она не могла сомневаться. Государыня учитывала сложившиеся политические условия страны и их серьезность и особенно опасалась за жизнь наследника. Эту мысль о необходимости окружать себя только безусловно преданными людьми государыня внушила и государю, и с этой точки зрения необходимо смотреть на все назначения этого и последующего периода.

А. Н. Хвостов был давно известен государю. Мысль о назначении его на пост председателя Совета Министров возникла тотчас после смерти Столыпина, и Распутин был уже командирован в Нижний, чтобы «посмотреть» на такого кандидата. Свою преданность престолу и самодержавным началам Хвостов подчеркнул тем, что, оставив губернаторский пост, пошел в Государственную Думу и не только сел на правых скамьях, но и добился звания председателя правой фракции. При представлении государю он даже в дни докладов по должности министра всегда надевал значок «Союза Русского Народа», украшенный лентами, чего никто из сановников правых убеждений никогда не делал. Близкие лица, мнением которых государь дорожил, к А. Н. Хвостову относились хорошо и об его начинаниях отзывались с похвалой. Сам Хвостов при докладах царю усвоил систему Сухомлинова и умел вести такой доклад, учитывая особенности характера его величества, располагая избыточным материалом для поднятия множества вопросов, ловко выведывая взгляд государя и внушая ему и свою точку зрения. Наружность и подкупающие своею правдивостью глаза скрывали внутренние побуждения. Подобно впоследствии Протопопову, Хвостов подчеркивал государю, государыне (а также Вырубовой и Распутину) идейную сторо-

ну своего служения и бескорыстного желания быть полезным государю: он всегда указывал, что он обладает громадным состоянием (которое в значительной части принадлежало не ему, а его жене). Хвостов затем умело использовал хорошо ему известные отношения государя к лицам и событиям; таким образом, достиг того, что доверие к нему росло. И если бы не ряд ошибок, им сделанных, несомненно, Россия имела бы его на посту председателя Совета Министров после ухода Штюмера.

Как умел обставлять свои приемы у государя при помощи Распутина и Вырубовой Хвостов, видно из следующего факта. Флигель-адъютант Дрентельн, хотя и родственник Хвостова, открыто заявлял, что ввиду близости последнего к Распутину он Хвостову при встрече руки не подаст. Дрентельн был близок к государю и постоянно бывал около него во дворце и в Ставке. Поэтому ввиду того, что Хвостову предстояло ехать в Ставку для доклада, он был очень обеспокоен возможностью открытого скандала с неподачей руки, скандала, о котором немедленно была бы осведомлена Государственная Дума, не говоря о сановном Петрограде. Поэтому Хвостов решил обратиться к государыне, к Вырубовой и Распутину, хотя знал, что Дрентельна государыня очень не любила и была способна настоять на удалении его из армии, что вызвало бы неблагоприятные толки в армии и в Петрограде в думских кругах, а этого Хвостов решил избежать.

Кроме подготовительного письма, посланного князем Андронниковым и Хвостовым дворцовому коменданту Воейкову, Хвостов усиленно внушал Вырубовой и Распутину мысль о необходимости воспользоваться данным моментом и подорвать у государя доверие к Дрентельну, незаметно удалив его из армии путем назначения командиром армейской бригады. При этом Хвостов выставил себя страдальцем за интересы государыни и близких ей лиц. Распутин и Вырубова приняли горячее участие в этом деле. Вырубова обещала свое содействие, но не сказала, в чем оно выразится; однако настаивала, чтобы Хвостов при приеме у государя коснулся бы вопроса и о Дрентельне.

Хвостов уехал в Ставку, был принят государем и в конце доклада заговорил о Дрентельне и его угрозе. Царь ответил, что Хвостов сам скоро убедится в неосновательности своих опасений. И действительно, когда государь стал у закуского стола и Хвостову, приглашенному к столу, пришлось проходить мимо Дрентельна, то государь не спускал глаз с флигель-адъютанта, и он подал Хвостову руку. По приезде Хвостов от Вырубовой узнал, что Дрентельн получит назначение в армию. На самом деле он получил назначение не в армию, а в гвардию — командиром Преображенского полка. Вопрос об уходе Дрентельна в армию затянулся до предреволюционного времени. Незадолго перед этим Дрентельн был в Петрограде и должен был представиться государыне, но в назначенный час на прием опоздал, а на другой день на прием и совсем не явился, сославшись на необходимость отъезда из Петрограда, что государыня приняла за демонстрацию против себя.

Эта характерная особенность государыни — отождествлять личное к ней отношение с отношением ко всей августейшей семье — заставляла нас серьезно считаться при проведении всех наших дел и проектов, а также и при различных докладах Вырубовой. Относительно этих докладов приходилось во все посвящать Распутина, который подозрительно относился к влияниям на Вырубову вне своего участия и всегда проверял, правильно ли ему был передан доклад Вырубовой. Он придавал большое значение своей осведомленности, чтобы при

свиданиях с государем, которым он придавал большое значение, обнаруживать знание и интерес к вопросам государственного порядка, причем Распутин так же, как и Вырубова, записывал все то, что останавливало его внимание.

Из бесед с Вырубовой я выяснил себе, кто из тех или иных лиц, в какой степени и в силу каких соображений интересуется императрицу. И сообразно с этим я прибег к помощи перлюстрации, составив для заведующего ею т(айного) с(оветника) Мардарьева соответствующий список лиц, корреспонденция которых подлежала просмотру. Этот список был дополнен фамилиями лиц, которыми интересовался также и Хвостов. Материал, почерпнутый из вскрытых писем, а также и сведения из других источников служили темой для докладов Вырубовой. Так как в это время отношение к императрице почти всей императорской фамилии выяснилось и государыня многое знала из жизни великокняжеских дворов из разных источников, то я своей агентуры в этих дворцах не заводил и письма их высочеств не просматривал, а только, получая в некоторых случаях от Вырубовой указания, сообщал ей, что мне приходилось узнавать другими путями. Отношений императрицы к императорской фамилии Вырубова от нас не скрывала.

Распутин понимал хорошо, насколько для него лично важно парализовать влияние великих князей на государя. Поддерживая настроение императрицы и государя против тех высочайших особ, которые шли против него, Распутин в тех случаях, когда видел возможность заручиться хоть каким-нибудь поводом завязать с каким-нибудь двором августейших особ связи, старался проявить к тому свой живой интерес. Это он делал для того, чтобы в беседе с государем доказать отсутствие у него личных побуждений в вопросе о семейных отношениях в царской фамилии, а наоборот, показать свое душевное желание сроднить и сблизить всю августейшую семью не столько в династических интересах, сколько в родственных. Но таких случаев было мало. Отмечу один из них, о котором сам Распутин старался везде говорить. Дело в том, что вел. кн. Павел Александрович был в опале из-за своего мorganатического брака. Отношение со стороны императрицы к его супруге было исключительно отрицательным, и последняя поэтому обратилась за содействием к Распутину. Распутин обрадовался случаю и со свойственной ему настойчивостью добился того, что императрица переменяла свое отношение к жене Павла Александровича: опала была снята, брак великого князя был признан, его жене был дан титул светлейшей княгини Палей, а великий князь был привлечен к активной деятельности. Распутин даже мечтал сроднить эти августейшие семьи через великого князя Дмитрия Павловича. Впоследствии княгиня Палей, в силу различных причин, главным образом, вследствие поведения Распутина, отошла от него. Распутин, чтобы избежать упрека государя в неумении распознать людей, старался подчеркнуть в его глазах положительную сторону своих побуждений вне всяких его отношений к княгине и ее супругу, вина в данном случае ту среду, в которой они вращались в последнее время. На это жаловалась и Вырубова, которая указывала на частые посещения великого князя Стаховичем и графом Олсуфьевским, открыто выступавшими у великого князя и в других домах против императрицы в связи с разоблачениями Распутина. Однако Распутин и поддерживавшие его лица не простили княгине Палей перемену ее отношений к Распутину, и результатом ее разрыва с ним явилось охлаждение к великому князю Павлу Александровичу и опала княгини Палей со стороны императрицы.

Тем же надо объяснить и последовавшее в последнее время охлаждение

царской семьи к великому князю Михаилу Александровичу. Снятие с него оценок, признание его брака с дарованием его супруге титула графини Брасовой, назначение командиром дикой дивизии, его посещение Кавказа и оказанный ему прием, успехи этой дивизии — все это невольно выдвигало личность великого князя и служило причиной частого упоминания его имени. Распутин все время поддерживал в императрице опасность популярности Михаила Александровича в армии и народе. Когда вел. кн. Михаил Александрович после недолгого пребывания на театре военных действий вернулся с супругой в Гатчину, то императрица обратила внимание на его личную жизнь, и в особенности на его появление запросто с женою в общих залах петроградских ресторанов «Астории» и «Медведя» и на круг его знакомств и родственных связей его супруги. Вследствие этого Вырубова поручила нам сообщать ей для доклада императрице все сведения о Михаиле Александровиче. Нам было поручено возможно подробнее осветить его жизнь, так как императрица и Вырубова видели в замкнутой жизни семьи великого князя в Гатчине, в его знакомствах и в особенности во влиянии его жены, обладавшей сильным характером и большим честолюбием, — указания на возможность тайных династических притязаний. Однако мои данные не дали никаких для этого материалов.

За этот же свой служебный период я заметил огромное влияние Распутина на возраставшее в ту пору охлаждение государыни к своей августейшей сестре Елизавете Федоровне. Со слов Распутина я знал, что приезды Елизаветы Федоровны, в особенности если они совпадали с пребыванием государя в Царском Селе, сильно нервировали императрицу. При этом Распутин прибавлял, что Елизавета Федоровна постоянно поднимает вопрос об удалении его, Распутина, от близости к августейшей семье, чем, по словам Распутина, она добьется только того, что ее совсем не будут принимать.

Глава IX

Все отмеченные выше черты отношений высоких сфер к государственным вопросам в особенности проявлялись по отношению к Государственной Думе. Я не буду касаться всем известной истории возникновения этого учреждения, вызванного к жизни напором общественного настроения того времени. Не буду говорить о той роли, которую сыграли влиятельные правые кружки, лица и действовавшие в силу своих партийных лозунгов монархические организации в деле удаления гр. Витте от должности премьер-министра. Не коснусь и дальнейшего до его смерти отношения к нему государя, несмотря на то что гр. Витте имел вначале сильную поддержку в лице государыни императрицы, стоявшей даже вначале на точке зрения необходимости дарования народу полной конституции. Не буду также касаться вопроса о последовавшем изменении отношения государя, в силу тех же причин, к покойному дворцовому коменданту Трепову и начавшемся, правда незаметно, охлаждению к великому князю Николаю Николаевичу за его участие в поддержке гр. Витте при обновлении порядка в стране. Отмечу только, что первые две Государственные Думы своими выступлениями по волновавшим их вопросам давали сильное оружие против них в руки их политических противников, сумевших внушить государю чувство подозрительности к этому учреждению. П. А. Столыпину пришлось выдержать большую борьбу с влиятельными правыми течениями и идти по пути некоторых уступок

чтобы доказать необходимость этого государственного института в интересах успокоения страны. В предпринятых Столыпиным начинаниях налаживания отношения правительства с Государственной Думой кроется весь секрет признанной необходимости пребывания его на посту председателя Совета Министров и успех его борьбы с покойным П. Н. Дурново, окончившейся выездом последнего за границу незадолго до смерти Столыпина. Той же политики примирения с Государственной Думой держался и В. Н. Коковцов. Но с Государственной Думой начали считаться только как с учреждением законосовещательным, вошедшим так или иначе в обиход государственной жизни страны, и чутко прислушивались ко всем выступлениям Государственной Думы и министров, в особенности во время бюджетных прений и по вопросам управления. В силу тех же доминирующих правых течений развивалась политика привлечения на сторону правительства умеренных и правых групп, а в усилении правого крыла Государственного Совета видели сдерживавшее Государственную Думу начало в ее конституционных стремлениях.

Государь после речи А. И. Гучкова в Государственной Думе о влиянии Распутина заглушил в себе, считаясь с государственными соображениями, личное чувство обиды и не пошел навстречу сильному напору на него разных влияний, желавших использовать этот момент личных чувств государя в своих домогательствах об упразднении Государственной Думы. Но зато государыня с этого момента резко изменила свое отношение к ней и всецело перешла в этом вопросе на точку зрения правых групп. Она прислушивалась к их голосу, в особенности идущему из провинции и зачастую отвечавшему правительственным директивам. Старалась приблизить к государю тех влиятельных сановников, которые могли бы содействовать изменению его взглядов на Государственную Думу, нервно относилась ко всеподданнейшим личным докладам председателя Государственной Думы, в особенности если темой доклада служили вопросы, которым она придавала личное значение.

Война заставила изменить отношение к Думе, в особенности в минуты тяжелых испытаний переменного военного счастья. Затем между Думой и правительством начался ряд осложнений на почве обвинения правительства в неподготовленности к войне и в представлении неверных о боевой приспособленности армии сведений и в нежелании идти навстречу Думе в области мероприятий по обороне. Осложнения эти заставили Думу прибегать к поддержке Верховной Ставки, ставшей в интересах армии на сторону Государственной Думы. Этим была значительно выдвинута роль великого князя Николая Николаевича в делах государственного управления. Министры не только считались с его взглядами, но и были поставлены даже в положение исполнительных органов его повелений. Это повлекло за собой обращение некоторых министров к государю в отстаивании своих мероприятий, в соответствующем освещении роли Думы и великого князя. Изменилось отношение к великому князю и правых влиятельных групп, в особенности после частичного обновления кабинета. Это повлекло за собой в связи с отрицательным отношением Распутина к великому князю и умело внушенными старцем в это время подозрениями о посягательстве великого князя при помощи Думы и армии на корону — уход великого князя на Кавказ. Переменилось и отношение к Государственной Думе и к тем министрам, которые оказывали ей поддержку.

Этот период совпал со вступлением А. Н. Хвостова в управление министерством внутренних дел. При обсуждении нашего плана действий мы ввели в нашу

программу необходимость ослабить остроту переживаемого момента, войти в контакт с правым крылом Думы и Совета и монархическими организациями, приостановить хотя бы временно их выступления перед государем против Государственной Думы и парализовать в этом вопросе влияние Горемыкина, отрицательный взгляд которого на Государственную Думу мне был известен из частных бесед. В нашу задачу входило также примирить государыню с необходимостью, в интересах армии и страны, прохождения бюджета в предстоящей сессии Государственной Думы, а также принять все меры к сближению с председателем Государственной Думы и влиятельными ее депутатами. Подготовив такую обстановку, мы предполагали, переговорив с генералом Алексеевым и убедив Воейкова, — осветить именно в этом направлении вопрос о Думе при личном докладе государю...

Подготовив, таким образом, некоторую почву для осуществления нашей программы о Государственной Думе, мы постоянно, при каждом свидании готовили к благоприятному для нас разрешению наших предложений и Вырубову и Распутину, запугивая их беспокойным настроением масс, видимыми осложнениями войны и подчеркиванием патриотической роли Думы. Нельзя сказать, чтобы нам с первых же разговоров удалось достигнуть желаемых результатов.

В этом отношении Вырубова была откровеннее Распутин. Хотя она и понимала важность переживаемого времени, но на Государственную Думу смотрела с той же точки зрения, как и императрица и правые кружки. Только наша настойчивость и убеждение ее в том, что нами будут приложены все усилия к тому, чтобы в общих собраниях Думы не был поднят разговор об императрице, Распутине, митрополите и о ней, несколько поколебали ее, и она обещала переговорить по этому поводу с императрицей...

Что касается Распутин, то его отношение к Государственной Думе можно характеризовать следующим образом.

Присмотревшись к Распутину, я вынес убеждение, что у него идейных побуждений не существовало и что к каждому делу он подходил с точки зрения личных интересов своих и Вырубовой. Но в силу свойств своего характера он старался замаскировать внутренние движения своей души и помыслов. Изменяя выражение лица и голоса, Распутин притворялся прямодушным, открытым, не интересующимся никакими материальными благами человеком, вполне доверчиво идущим навстречу доброму делу, так что многие, искушенные опытом жизни люди и даже близко к нему стоящие лица зачастую составляли превратное о нем мнение и давали ему повод раскрывать их карты. Только в минуты сильного гнева, раздражения или полной его доверчивости у него обнаруживались иные черты его характера и помыслов.

Как ни мало знали мы еще Распутин в ту пору, для нас была понятна его точка зрения на Государственную Думу. В прошлом Государственная Дума ничего ему, Распутину, не дала хорошего, а наоборот, каждое открытие сессии Государственной Думы влекло за собой не только стеснение его свободы действий, но, в большинстве, и выезды его на продолжительное время из Петрограда, а это порождало у него тревогу за возможность в этот промежуток времени изменения отношений к нему со стороны, по крайней мере, государя. Выступления Гучкова обнаружили близость Распутин к высшим сферам, что вызывало общее негодование и породило в Распутине чувство опасения за свою жизнь. В будущем он не надеялся на перемену отношений к нему Государствен-

ной Думы, так как он сам видел, насколько этот вопрос беспокоил государя. Поэтому он всецело поддерживал государыню в мысли о бесполезности Думы, а государю указывал, что крестьянская масса разочаровалась в Государственной Думе, которая ничего не сделала для крестьян в улучшении их положения.

Распутин, будучи знаком с представителями монархических организаций, с Дубровиным, Орловым, его часто посещавшим, с Восторговым, Кольцовым и другими, находил в их взглядах на работу Государственной Думы материал для своих бесед с государем, с целью выставить не свои личные обиды и боязнь этого учреждения, а партийные лозунги и соображения в интересах монархического принципа. С другой стороны, Распутин боялся высказывать открыто свои взгляды на Государственную Думу, чтобы этим не дать повода к излишним о нем разговорам в ней. Он очень нервно воспринимал все то, что говорилось о нем в кулуарах Думы, и, когда эти разговоры до него доходили, расспрашивал меня об их подробностях и очень ценил тех немногих лиц, кто старался рассеять среди депутатов эти толки. Поэтому он обнаруживал свои симпатии А. А. Кону, который, познакомившись с ним по моей просьбе, — как увлекающийся вообще человек и к тому же мистик — почему-то искренне к нему привязался, находя в нем какой-то особенный склад душевных импульсов. Имея место, как журналист, в ложе корреспондентов и часто посещая Государственную Думу, где у него было много знакомых среди депутатов, Кон старался защищать Распутина и даже носился с мыслью сблизить с ним членов Государственной Думы. Эта мысль очень понравилась Распутину, но, с другой стороны, несколько его пугала. Я был против этого плана, который был осуществлен уже после моего ухода, когда Кон уже по собственному побуждению начал осуществлять это сближение Распутина с членами Государственной Думы. Я два или три раза присутствовал при свидании Распутина с М. А. Карауловым и видел, как Распутин с особым вниманием всматривался в Караулова, как в человека другого мира, и не знал, как вести себя. И только когда Караулов, налив себе за обедом вина, пригласил его выпить, Распутин начал входить в свою колею. И все же в его беседе время от времени проскальзывало желание показать Караулову, что он — человек исключительный. По моим советам и настоянию Вырубовой, такие свидания вскоре прекратились.

После моего ухода, когда в Государственной Думе начались речи об императрице и о Распутине, я заинтересовался отношением Распутина к заседаниям Государственной Думы и спрашивал об этом Манасевича-Мануйлова, все время, на первых порах по назначению Штюмерера, находившегося около Распутина.

Мануйлов передал мне, что из всего того, что происходило в Думе, Распутин интересовался только выступлениями против него и против лиц, ему покровительствовавших. Распутин требовал, чтобы Мануйлов прочитывал ему все, что о нем говорилось в Думе, и был взволнован, сосредоточен и ругал Штюмерера за то, что тот сейчас же не выступал в его защиту.

Когда А. Н. Хвостов и я начали разговаривать с Распутиным о предстоящем открытии сессии Государственной Думы, он сразу изменился, выслушал наши доводы и ответил с замаскированно простодушным и доверчивым видом, без всякой будто бы злобы, что он не раз говорил с государем о том, что надо помириться с Государственной Думой, приехать в нее и сказать: «Я ваш и вы мои, из-за чего нам ссориться, будем жить в ладу». Но «они», т. е. депутаты, по словам Распутина, больно оскорбили государыню, и виною охлаждения высо-

ких сфер к Государственной Думе являются Гучков и Родзянко. Распутин говорил, что он отлично понимает, почему его Дума не любит, тогда как он ничего дурного не сделал и, кроме добра, никому, а тем более августейшей семье, не желал. Думцы же все время про него распускают всякие небылицы, а Родзянко передает их государю.

Видя такую неискренность Распутина и чувствуя в его ответе оттенок затаенного озлобления против Думы, мы дали ему понять, что если только эта сессия Думы будет отложена, то не только Дума, но и вся Россия и армия будут винить в этом исключительно его, — и тогда мы не ручаемся за его безопасность. Наоборот, если Распутин поможет открытию Думы, то можно это обстоятельство использовать для изменения недоброжелательного к нему отношения, указав некоторым думцам на его роль в этом деле. Что касается Родзянко, то Хвостов успокоил Распутина, сказав, что он с ним находится в хороших отношениях и примет все меры к убеждению Родзянко не допускать в открытом заседании разговоров ни о нем, ни об императрице. Затем мы указали Распутину на те соображения, какие приводили и Вырубовой относительно смягчения настроения Родзянко. К этому я прибавил, что в Государственной Думе есть около Родзянко мой хороший знакомый — товарищ Родзянко А. Д. Протопопов, который желает познакомиться с Вырубовой и с ним, который обещал нам помогать ввиду своей преданности государю и государыне и который совершенно иначе, чем другие, понимает и относится к нему, Распутину.

После этого Распутин перешел на свой обычный тон и стал интересоваться деталями этого дела и, усвоив себе личную выгоду от нашего предложения, обещал даже сказать Вырубовой, чтобы она попросила Танеева (своего отца) о награждении Родзянко, и дал свое согласие содействовать нам в этом деле.

После посещения Распутиным государыни и получения А. Н. Хвостовым разрешения от ее величества императрицы внести этот вопрос на всеподданнейший доклад государю Хвостов отправился в Ставку и там, заручившись согласием Воейкова и Алексеева, провел свою программу. Вернувшись в Петроград, Хвостов постарался широко распространить в думских кругах о благожелательном настроении государя к Думе и ее работам. По агентурным думским сведениям, это обстоятельство сгладило недоверчивое отношение думских кругов к Хвостову и внесло успокоение в депутатскую среду относительно открытия занятий Государственной Думы.

О решении государя Хвостов довел до сведения некоторых министров. Но Хвостов не учел влияния Горемыкина... Горемыкин при докладе ему Хвостовым этого дела сказал, что он не получил еще никаких директив от государя и предполагает, в зависимости от хода занятий бюджетной комиссии Государственной Думы, испросить указаний по этому вопросу от его величества. Своего взгляда Горемыкин не высказал... Председатель Совета Министров еще до этого говорил мне, что ему не нравится роль, которую занял Хвостов в вопросе об открытии Думы, взяв именно на себя его разрешение путем всеподданнейшего доклада. Об этом я сообщил Хвостову, и тогда он решил поднять этот вопрос в Совете Министров...

Чем ближе время подходило к середине декабря, тем сведения, получаемые мною из Думы, становились тревожнее, так как ввиду близости рассмотрения в бюджетной комиссии сметы министерства внутренних дел видно было, что не избежать в бюджетной комиссии выступлений против Распутина. И Род-

зянко, по словам Хвостова, не видел возможности положить какой-нибудь предел этим разговорам в комиссии. Хвостов все же надеялся, что он сумеет своим ответом в бюджетной комиссии не вносить излишнего раздражения в среду депутатов и тем избежать резкой переходной формулы. Хвостов надеялся, что этим и окончатся выступления против Распутина и на общих собраниях они не повторятся. Что касается печати, то по военной и общей цензуре уже существовало распоряжение не пропускать о Распутине ни одной строчки. В этом направлении и были осведомлены Вырубова и Распутин. Не скажу, чтобы это их успокоило, так как они настаивали, чтобы ни о каких подробностях о заседании бюджетной комиссии, где будет затронут Распутин, не было помещено в печати. Ввиду этого Хвостов отдал по Петрограду и по Москве соответствующие распоряжения самого категорического характера.

Когда приблизился день рассмотрения сметы министерства внутренних дел в бюджетной комиссии, мы получили уже подробные сведения о том, что именно из депутатов, о чем и в каком духе будет выступать с речами о влиянии Распутина.

В день заседания бюджетной комиссии я должен был выехать в Ставку и поэтому присутствовал только на части заседания. По моем возвращении Хвостов заявил мне, а затем при мне Вырубовой и Распутину, что он сравнительно доволен исходом прений.

Приближалось время открытия Государственной Думы, но Горемыкин об этом в Совете Министров вопроса не подымал. Мне и Хвостову было известно, что он ездил с докладами к императрице. Это нас несколько встревожило. Затем у Горемыкина в этот период времени бывал Распутин, который нам также не сообщал о цели своего посещения председателя Совета Министров, а объяснял это свидание желанием вообще его повидать. Все это было подозрительно, и поэтому Хвостов решил поднять вопрос о Думе в Совете Министров. Несмотря на попытки Горемыкина отклонить суждение по вопросу о созыве Думы, тем не менее обмен мнений состоялся, и большинство министров стояло на точке зрения Хвостова. Горемыкин, не высказывая своего мнения и закрывая заседание, обещал при докладе государю сообщить ему выслушанные им мнения министров.

Хотя мы обо всем предупредили Вырубову и Распутина, тем не менее мы узнали затем, что Горемыкин побил нас тем же оружием, которое мы выставляли, то есть Распутиным, представив происшедшие в бюджетной комиссии выступления против Распутина началом более сгущенных разговоров на эту тему и относительно императрицы в открытом заседании Государственной Думы. При этом Горемыкин указывал, что Родзянко, по имеющимся сведениям, противодействовать этому не будет. Сведения эти, конечно, стали достоянием министров, Государственной Думы и прессы. Настроение Государственной Думы резко изменилось. И это было использовано Хвостовым для того, чтобы всю ответственность за изменившееся отношение Государственной Думы и общее в стране по этому поводу неудовольствие всецело перенести на Горемыкина и убедить высшие сферы принять ряд мер для смягчения настроения депутатов. Я рекомендовал изменить обычную форму даваемого в таких случаях указа, составив его в виде рескрипта на имя Родзянко и поставив срок открытия Думы в зависимость от доклада Родзянко государю об окончании работ бюджетной комиссии. Затем мы рекомендовали посещение государем Государственной Думы и указали, что перемена председателя Совета Министров будет

служить наглядным для всех доказательством того, что высокие сферы в этом вопросе считают ответственным Горемыкина, который своим неточным докладом о настроении Думы поставил в необходимость принять такую меру, как отсрочка ее созыва. Указ был составлен министром юстиции и дан на имя Горемыкина в несколько измененной редакции, что снова дало повод Хвостову отметить неприятное впечатление, произведенное на Государственную Думу этим указом, и опять высказать Вырубовой и Распутину для доклада при дворце, что необходимо и это обстоятельство поставить в вину Горемыкину.

Глава X

Чисто личные отношения, чисто личная оценка являются преобладающими во всех проявлениях высоких сфер. Об этом свидетельствуют многочисленные факты, из которых ограничусь следующими.

Чрезвычайно популярный в московских фабричных пригородах протоиерей Востоков, решившийся поместить на страницах своего духовного журнала петицию прихожан против влияния Распутина, был уволен и переведен в уфимскую епархию. Вмешательство в это дело уфимского архиерея Андрея, в миру князя Ухтомского, вызвало неудовольствие против него Вырубовой и Распутина и митрополита Питирима и не повлекло его удаления на покой только из опасений Синода, что такая мера вызовет открытое выступление самого еп. Андрея и поддержку со стороны прессы.

Известный протоиерей Восторгов был давно дружен с Распутиным. Вырубова и Распутин, под влиянием Хвостова, оказали Восторгову поддержку в его стремлении получить викарианство в Москве. Но митрополит Питирим, ввиду поднятого вокруг этого назначения газетами шума, хотя митрополит московский Макарий и стоял за Восторгова, высказался против этого, предполагая предоставить Восторгову епископскую кафедру в Иркутске. Делу помешал д-р Дубровин, который через меня передал Вырубовой одно из изданий Восторгова с отрицательным в нем отношением к Распутину. Распутин также заинтересовался этим изданием и сказал: «Теперь Восторгову — крышка, ничего не получит...» И действительно, с тех пор все разговоры о переводе и повышении Восторгова прекратились.

Архиепископ иркутский Иннокентий был удален со своего поста ввиду того, что в департамент полиции попала перлюстрированная военной цензурой его переписка с одной из игумений монастыря, в которой, кроме чисто интимных излияний, был высказан ряд горьких мыслей по поводу губительно отражающегося на всем ходе церковного управления, развращающего высшую иерархию влияния Распутина и отношений к нему высоких особ. Я ознакомил Вырубову с этой перепиской и, по ее указаниям, передал копию обер-прокурору Волжину и митрополиту Питириму. После указа об удалении епископа были приняты меры к тому, чтобы его прощание с паствой, в которой он был популярен, не сопровождалось демонстрациями. А ввиду донесений жандармского управления по поводу отношений к владыке генерал-губернатора Князева последний, по представлению Хвостова, без всяких предварительных сношений с генерал-губернатором, что его обидело, был назначен в Государственный Совет.

Отношения к военному министру Поливанову определились еще тогда, когда он разорвал свои отношения с Сухомлиновым, и вследствие его близости к

А. И. Гучкову. Когда Поливанов был назначен военным министром, то продолжающееся его знакомство с Гучковым и близость его к графу Коковцову — к чему относился подозрительно и Горемыкин — служили темой частых наших разговоров с Вырубовой. Но подозрительность к Поливанову усилилась с момента приезда Распутина, когда было обнаружено филерское наблюдение за Распутиным со стороны военного ведомства, устроившего также проследку телефонных разговоров Распутина и наших. Вырубова, узнав про это, просила принять нас свои меры. Мы филерское наблюдение военного ведомства за Распутиным провалили, были сделаны телефонные отводы, и я, в свою очередь, установил наблюдение за телефонными разговорами Поливанова из его квартиры и за его поездками в Царское и Павловск для выяснения его знакомств. О получаемых мною сведениях я сообщал Вырубовой. Так как она и Распутин волновались слезкой за собой, особенно за телефонными разговорами, то я как-то передал Поливанову, что установка наблюдений за Распутиным вызвала принятие и с нашей стороны таких же мер. После этого филерская проследка и наблюдение за телефоном военным ведомством были сняты. Хвостов пытался в докладах бороться с Поливановым, но государь не поддавался этому и, наоборот, требовал от Хвостова установления корректных отношений с Поливановым. Вследствие этого и так как в наш план налаживания отношений с Думой не входило обострение вопроса о Поливанове, с декабря 1915 года мы старались избегать в наших беседах с Вырубовой и Распутиным упоминания о Поливанове.

Уход Поливанова состоялся уже после нашего оставления службы в министерстве, но основная причина охлаждения Штюрмера к Поливанову произошла при нас.

Штюрмер с первых шагов своего вступления на пост председателя Совета Министров отнесся очень внимательно к плану А. Н. Хвостова, задуманному им с Гурляндом, по борьбе с оппозиционной прессой и созданию путем скупки акций «Нового Времени» доминирующего влияния правительства на этот орган и т. п. Узнав, что Хвостов получил согласие на кредит из секретного фонда для осуществления этих мероприятий и для предстоявшей избирательной кампании, Штюрмер пожелал взять на себя общее руководство этим делом. Меня удивило, что Хвостов легко согласился на это, по-видимому, неспроста, а имея в виду особые при этом цели. Согласился Хвостов и с желанием Штюрмера присутствовать при первом же докладе Хвостова государю под предлогом необходимости совместного освещения общих вопросов. Также Хвостов согласился и на представление Штюрмеру всего перлюстрированного материала, шедшего к министру внутренних дел, чего при Горемыкине не было.

Хвостов затем рассказал мне, что на совместном докладе Штюрмер нервничал, волновался, никаких программных предложений не делал, а только сумел испросить у государя разрешение на ассигнование в его, Штюрмера, распоряжение 5 миллионов рублей из секретного фонда на осуществление мер по прессе, но государь поставил условием, чтобы ассигнование прошло через Совет Министров. По-видимому, эта ассигновка была единственным мотивом желания Штюрмера присутствовать при докладе Хвостова.

В следующем очередном заседании Совета Министров Штюрмер предложил им к подписи проект журнала о денежном отпуске без указания, на какие надобности, доложив Совету, что на отпуск денег государь уже согласился; Хвостов подписал журнал, а Поливанов, к которому журнал перешел для подписи,

спросил о целях назначения кредита. На это Штюрмер резко отвечал, что обо всем он докладывал государю как о секретном назначении, что если Поливанов не желает, то может журнала не подписывать, но об этом будет доложено царю. Тогда Поливанов и вслед за ним остальные министры подписали журнал, но об инциденте пошли разговоры, дошедшие и до Думы. Тогда я, помимо Хвостова, доложил обо всем Вырубовой, советуя, дабы избежать впутывания в это дело имени государя, предупредить его об этом, так как Штюрмер не указал Совету Министров цели расхода, а сослался на доклад государю. В результате государь оставил при докладе Штюрмером журнал у себя, а затем вернул его с пометкой о согласии «с ознакомлением лично государственного контролера Покровского о всяком расходе из этого кредита». Штюрмер был поражен таким исходом, а министры довольны. Сведения об отметке государя попали в Думу, и Штюрмер считал виновником всего этого Поливанова. Я вскоре после этого уезжал надолго из Петрограда и не знаю, что предпринимал Штюрмер относительно Поливанова, но знаю, что назначение Шваева прошло мимо не только Штюрмера, но и лиц, его поддерживавших, и по своей неожиданности ошеломило Распутина, так как кандидатом Штюрмера и Распутина был ген. Беляев, друг Сухомлинова, известный Вырубовой и императрице и принимавший, по поручению императрицы, меры наблюдения через военную цензуру за телеграфными сношениями Илиодора с Ржевским после ареста последнего, мною произведенного. О ген. Беляеве Распутин отзывался всегда хорошо и говорил, что императрица и Вырубова считают его своим человеком. А. Д. Протопопов, когда я передал ему со слов Распутина о предстоящем назначении Беляева военным министром, отнесся к этой кандидатуре с одобрением.

Глава XI

С таким же отношением мне пришлось считаться и в вопросе относительно настоятеля царскосельского Феодоровского собора, воспитателя наследника по Закону Божиему протоиерея о. А. Васильева. Вырубова заявила мне, что императрицу и ее интересует о. Васильев, так как можно предположить, что о. Васильев не является сторонником императрицы, а между тем государь относится к нему доверчиво, а наследник к нему привязался. Из двух перлюстрированных писем о. Васильева я усмотрел несколько отрицательное его отношение к Распутину. Никаких дальнейших данных, однако, у меня не накопилось, и Вырубова перестала о нем говорить. Сам же о. Васильев рассказал мне следующий эпизод, происшедший за семейным высочайшим столом. Наследник цесаревич спросил государя: «Правда ли, что Григорий Ефимович (Распутин) — святой человек?» Тогда государь, ничего не отвечая наследнику, обратился к о. Васильеву и попросил его ответить наследнику на его вопрос. О. Васильев заметил при этом, как пытливо на него смотрела императрица, не спуская с него своего взгляда во время его ответа. О. Васильев, понимая щекотливое свое положение и не давая прямого ответа, объяснил наследнику, какие требования предьявляет завет Спасителя и Священное Писание к каждому, кто искренно желает угодить Богу. Государь после этого встал из-за стола, и разговор на этом оборвался.

Я уже указывал, как Распутин дорожил теми советами, которые мы ему при свидании давали, если они могли закрепить его значение у государя. Ис-

пользуя эту черту, я на одном из наших свиданий на нашей конспиративной квартире высказал Распутину сожаление о том, что государыня прекратила свои выезды по лазаретам в Петрограде и в провинциальные города, а между тем такие поездки могут только подчеркнуть, как раненым, так и всему народу, ее заботы о жертвах войны, в особенности если эти поездки будут совершаться в простой обстановке, которая могла бы дать возможность государыне воочию показать всем ее милосердное отношение к раненым. Это Распутину понравилось, и последствием его советов был ряд выездов государыни в ближайшие к Петрограду губернии и объезды петроградских лазаретов. То же вначале впечатление на Распутина произвело и наше внушение о желательности, как эта разлука ни тяжела для государыни, чтобы наследник сопровождал государя при выездах в Ставку. Мы лично в этом отношении следовали общему желанию удалить, по возможности, наследника от влияния на него Распутина. С этим был согласен и Воейков, как лично, так и отражая настроение армии. Затем Хвостов, вернувшись из Ставки, после одного из своих первых докладов государю передавал мне и Вырубовой свой разговор с государем об его жизни в Могилеве, и государь говорил, что единственным утешением для него будет наследник и что за это он очень благодарен государыне. После этого прекратились на время разговоры Вырубовой и Распутина относительно выездов наследника в Ставку, и Распутин передавал, что государь был ему благодарен за его советы брать иногда наследника в Ставку. Но затем время пребывания государя и наследника в Ставке стало затягиваться, и Вырубова и Распутин, несмотря на наши указания, что это объясняется ходом военных операций, начали подозрительно относиться к этим долговременным отлучкам государя и наследника. Вместе с тем, и императрица, несмотря на просьбы наследника, снова начала, в интересах непрерывности занятий наследника, высказываться против его выездов с государем. В этом ей стал помогать и Распутин, потому что когда государь уезжал один, то он старался поскорее вернуться в Царское Село, постоянно тревожась за здоровье наследника. Распутин мне передавал, что ему пришлось особенно настойчиво убеждать государя не брать наследника перед объездом армии юго-западного фронта. Распутин даже вызвал этим гнев государя. Так как на этот раз ни просьбы императрицы, ни убеждения Распутина не подействовали на государя и он уехал с наследником, то настроение Распутина и Вырубовой сделалось подавленным и нервным.

Во время этой поездки, не доезжая до станции Бахмач, у наследника, смотревшего в окно вагона, близко прижавшись к стеклу, при переходе поезда на стрелках от сотрясения открылось кровотечение из носа, что служило всегда для августейших родителей предметом постоянной боязни их за жизнь наследника, так как он страдал сложной формой гемофилии. Государь взволновался и после принятых медицинских мер приказал немедленно срочно возвращаться в Царское. Государь и наследник вернулись туда вечером. Немедленно по телефону было сообщено Распутину о болезни наследника с просьбой приехать. Но он не поехал. И как сам рассказывал потом, он сделал это сознательно, чтобы «помучить» государя. Распутин по телефону передал только, чтобы наследника положили в кровать; а сам выехал только на следующий день утром. Приехал он оттуда в торжествующем настроении и заявил, что отныне государь будет слушаться его советов. После этого, действительно, не только увеличилось влияние Распутина, но и на время приостановились и выезды наследника в Ставку.

Вообще, всякие выезды государя являлись событием, волновавшим как Вы-

рубову, так и Распутина; затягивавшееся пребывание государя давало повод для всяких опасений возможности влияния на государя в отношении императрицы и Распутина. В силу этого, как мне объяснил Распутин, государыня каждый день почти писала государю, а впоследствии, по совету Распутина, наезжала в Ставку и сама. Сам Распутин несколько раз порывался выехать в Ставку, но я и Вырубова всегда этому препятствовали. Однако телеграммы государю в духе и в стиле избранных его «размышлений» он посылал.

Чтобы понять, насколько нервно и злобно относился Распутин к тем, кого он подозревал в тайных замыслах подорвать его влияние на августейшую семью, я отмечу его позднейшее отношение к епископу Варнаве.

Затянувшееся по нашей, скорее, вине пребывание в Петрограде епископа Варнавы, по нашей просьбе проводившего некоторые назначения, возбудило у Распутина, не без влияния о. Мартемиана, Мануйлова и Осипенко, начавшееся чувство подозрительности к Варнаве. Поэтому Распутин приложил все усилия, чтобы воспрепятствовать дальнейшим приглашениям епископа Варнавы во дворец, всячески отдалял приемы его у Вырубовой, несколько охладил отношения к нему митрополита и, наконец, добился того, что епископу дали понять о желательности его отъезда из Петрограда. Варнава понимал свое положение и стал готовиться к отъезду. Хотя это и успокоило Распутина, тем не менее он почти накануне отъезда владыки, находясь в опьянении, вызвал его к телефону и тоном насмешки сказал ему вроде того, что: «Довольно накатались на автомобилях, теперь пожалуйста на своих и к себе; нечего здесь прохладжаться». (Владыка ездил на предоставленном ему мною автомобиле, и хотя я завел впоследствии и для Распутина от охранного отделения автомобиль, но это не давало ему покоя.)

Если его отношения были таковы к епископу Варнаве, с которым у него были старые связи, то по отношению к иноку Мардарию, воспитаннику Петроградской духовной академии, красавцу славянину, мистика, он был беспощаден. В одном из свиданий Вырубова просила меня сообщить ей сведения об этом монахе, так как Распутин постоянно о нем говорит и поездки Мардария в Царское Село не дают Распутину покоя. Распутин добился в конце концов того, что Мардарий принужден был выехать из Петрограда.

Ту же нервность обнаружил Распутин, когда я передал ему и Вырубовой полученные мною сведения о появлении в Царском Селе юродивого-босоножки Олега, которого скрывали в одном из домов для представления его затем, как можно было предполагать, высочайшей особе. Старец Олег поспешил уехать из Петрограда.

Другое отношение Распутин проявлял к старцу Василию-босоножке. Этот старец стоял всегда в монашеском полукафтаны, со значком «Союза Русского Народа», без шапки и с жалованным посохом на паперти Казанского собора и собирал подавание на построение храма, причем раздавал открытки со своим изображением во весь рост. Об этом старце была большая по департаменту полиции переписка с архиепископом ставропольским, который разоблачил его жизнь и его корысть и требовал отобрания у него книжки для сборов, снятия монашеского одеяния и препровождения на родину. Но этот старец пользовался покровительством Распутина и не выходил из его подчинения, вследствие чего нельзя было исполнить требования епархиального начальства, хотя он и был на учете полиции и по другим неблагоприятным поступкам.

Глава XII

Если мы, понимая значение публичных разоблачений личности и влияния Распутина на высочайших особ с точки зрения охраны династии, принимали меры сознательно к недопущению выступлений против него в прессе, то покровительствовавшие Распутину лица видели в таких разоблачениях вмешательство в их личную жизнь и стремление опорочить того, кто им был дорог.

До нашего вступления в должность в «Биржевых Ведомостях» был помещен ряд корреспонденций о покушении в с. Покровском на жизнь Распутина, организованном Илиодором. По особому распоряжению, следствие велось под наблюдением бывшего министра юстиции Щегловитова, который держал в курсе получаемых им сведений высочайших особ. По вступлении моем в должность я, до издания общего запрещения писать что-либо о Распутине, обратился к редактору «Биржевых Ведомостей» М. М. Гаккебушу, которому я впоследствии оказал содействие в перемене им своей фамилии на «Горелова», с просьбой прекратить эти фельетоны. От него я узнал, что материалы для этих статей дает им сотрудник Давидсон, случайно бывший в это время в с. Покровском и познакомившийся с семьей Распутина под видом жениха старшей дочери Распутина. Давидсона я знал еще ранее и помогал ему кое в чем в журнальной работе. Так как Давидсон, с которым Распутин и семья его прекратили знакомство после его фельетонов, продолжал звонить по телефону в дом Распутина, то Вырубова просила меня положить предел преследованию Давидсоном старшей дочери Распутина и была обеспокоена возможностью дальнейших газетных его против Распутина выступлений. Собрав о Давидсоне ряд сведений последнего времени, дававших мне возможность откровенного с ним разговора, я получил от него при письме желаемого мною содержания его архив, не представлявший никакой ценности, и помог ему, ввиду болезни его выдав ему в два приема 600 р. из секретного фонда. Печатание фельетонов о Распутине в «Биржевых Ведомостях» было приостановлено, а письмо и полученные мною материалы от Давидсона вполне успокоили и Вырубову и Распутину. Давидсон после моего ухода, не знаю, по каким соображениям, был временно арестован, а потом, как я слышал, перешел в организацию печати к Гурляндю. После смерти Распутина Давидсон хотел было поместить в «Биржевых Ведомостях» ряд сенсационных сведений, явившись в редакцию этой газеты с одной молодой особой и называя ее дочерью Распутина. Но был разоблачен редактором, г. Бонди, который мне об этом передавал. Затем, в первые недели моего вступления в должность я запретил печатать и приказал уничтожить все материалы по предполагавшейся к изданию в Москве книги, разоблачавшей интимные отношения Распутина к его почитательницам и его радения в бане в с. Покровском.

Особенную нервность как Вырубова, так и Распутин проявили по отношению к пьесе, где был выведен Распутин и его почитательницы и которая должна была идти в театре Яворской. Пьеса, пропущенная цензурой, была снята в день первого спектакля, затем неоднократно цензуровалась и переделывалась, шла в сильно измененном виде, что вызвало разочарования публики, и все же, по настояниям Вырубовой и Распутина, была запрещена Хвостовым окончательно к постановке по всей России.

Другое отношение проявила Вырубова к произведению фельдшера — фамилии не помню, — массиравшего ей ноги и составившего хвалебный очерк

жизни Распутина. Военная цензура не разрешила выпуска в свет этой брошюры, и мы соглашались с ней, потому что выход книги в свет поставил бы в необходимость разрешать и рецензии о ней. Настояния Вырубовой в этом направлении делу не помогли.

Не менее характерным делом, подтверждавшим мой общий вывод о личном характере всех отношений, является история с письмом Распутина о Горемыкине. По просьбе князя Андронникова я принимал участие в устройстве юбилея Горемыкина, помогая составить юбилейный о нем очерк. Князь Андронников широко агитировал за возможную популяризацию юбилея, в результате чего последовал ряд поздравительных телеграмм от высочайших особ. А затем, при поддержке Распутина и Вырубовой, был проведен план награждения Горемыкина орденом Андрея Первозванного, который имел из числа высоких сановников только Куломзин.

После этого, когда последовала смена министров, подписавших петицию о поддержании пожеланий Государственной Думы по вопросу о кабинете общественного доверия, как в прессе, так и в думских кругах заговорили об уходе Сазонова, министра иностранных дел, и о принятии Горемыкиным на себя обязанностей такого министра с назначением канцлером Российской Империи по образцу князя Горчакова. Слухи вскоре стихли. Но в один из своих очередных мне докладов Манасевич-Мануйлов передал мне, что случайно, как секретарь редакции «Вечернего Времени», на своем дежурстве он познакомился с сыном сенатора Кузьминского, авиатором, который предлагал редакции купить у него письмо Распутина к высоким особам с просьбой о пожаловании Горемыкина «канцлером», в случае отказа предполагал сделать такое же предложение редакции «Речи».

Мануйлов оценил всю серьезность предложения, отказался от покупки письма для редакции, имея в виду нас, и обещал Кузьминскому поместить письмо в надежные руки. Я решил письмо это выкупить у Кузьминского. Для этого был выработан план продажи письма мнимому корреспонденту английских газет, роль которого была поручена мною чиновнику Иозефовичу. Для этого ему пришлось иметь несколько свиданий с Кузьминским в ресторанах и в специально нанятой квартире, заказать визитные карточки несуществующего английского корреспондента и т. п. В конце концов, выкуп письма со всеми расходами обошелся в 1—1/2 тыс. р., взятых мною из бывшего в моем распоряжении секретного фонда. Иозефовичу, со слов Кузьминского, удалось узнать, что письмо Распутина передала ему его знакомая барышня, бывавшая у дочери Распутина и видевшая как-то это письмо на письменном столе у Распутина, небрежно вообще относившегося к письмам. Об этом она рассказала Кузьминскому, который и упросил ее достать подлинник.

Этот подлинник я показал Хвостову, который велел снять с него фотографию для своей коллекции о Распутине. По его же приказанию я письмо и фотографии передал Вырубовой, подчеркнув ей ту опасность, которая грозила, если бы все эти материалы попали в руки кадетской партии. Фотография письма была показана и Горемыкину. Распутин был очень удивлен, узнав про похищение у него письма, стараясь разузнать, кто мог это сделать. По его словам, ему «влетело» от Вырубовой за небрежное хранение писем. Роль Кузьминского и Иозефовича в этом деле мы, конечно, никому не раскрыли...

Глава XIII

В наш период управления министерством внутренних дел начались также разговоры об уходе графа Игнатьева, министра народного просвещения, подтверждавшие предсказание кн. Андронникова об уходе всех министров, подписавших петицию государю.

Несмотря на отрицательное отношение правых фракций Думы и Совета к деятельности Игнатьева, Хвостов и я находили уход этого министра несоответствующим нашей программе умиротворения Думы. В разговорах с нами Вырубова неоднократно высказывала, что, помимо родственных связей с графиней Игнатьевой, императрица недоверчиво относилась вообще к деятельности этого министра, подыгрывающегося в своей программе думским настроениям, но что государь, несмотря на неоднократные с ним разговоры о гр. Игнатьеве, продолжает по-прежнему дарить его своим доверием не только вследствие давних симпатий к нему, но и потому, что ставит в заслугу гр. Игнатьеву успокоение студенческой молодежи высших учебных заведений.

Когда в бюджетной комиссии была проведена положительная формула оценки деятельности министерства народного просвещения, Вырубова очень заинтересовалась этим и просила доставить ей печатный экземпляр отчета о заседаниях комиссии. Я поручил своей агентуре узнать у Распутина о положении дела с гр. Игнатьевым, но вскоре я ушел со службы и, уже вернувшись, спросил Распутина о гр. Игнатьеве. Распутин ответил мне, что он поддерживал императрицу, настаивавшую, как и Горемыкин и Штюмер, на необходимости иметь на этом посту своего человека и на уходе гр. Игнатьева; тем не менее государь «отмалчивался».

В это время Распутин начал уже посещать сенатора Кульчицкого. В ту же пору начались определенные поиски Распутиным нового обер-прокурора, на пост которого Питирим выдвигал Раева, против чего был Распутин. Я и предположил, что поездки его к Кульчицкому имеют целью проведение в обер-прокуратуру Кульчицкого. Но вернувшись в сентябре с Кавказа, я узнал, что мнение императрицы о гр. Игнатьеве поддерживал и Н. А. Маклаков, имевший две частные аудиенции у государя. Против Игнатьева действовал и Протопопов, и Штюмер, а Распутин выдвигал кандидатуру Кульчицкого, с которым говорил и Протопопов. Весь вопрос об уходе гр. Игнатьева держался в таком строгом секрете, что, пока я, вернувшись в ноябре, собирался предупредить гр. Игнатьева, уже состоялся указ об увольнении его от должности и назначении Кульчицкого.

Для характеристики Распутина приведу пример того, насколько он был неискренен в своих отношениях к высоким особам и как он старался в каждом случае найти возможность подчеркнуть им, что все его помыслы и действия направлены исключительно к служению их интересам, доходящему до забвения им даже своих личных обязанностей к семье или родным. За весь период моего знакомства с Распутиным решительно при каждой смене министра внутренних дел или председателя Совета подымался вопрос о таком материальном обеспечении Распутина, какое исключало бы возможность проведения им дел, во многих случаях сомнительного характера. Никто из нас не имел мужества, зная о далеко не бескорыстных побуждениях Распутина, честно его разоблачить перед государем. Но все старались как государю, так в особенности государыне и Вырубовой оттенить, что Распутин является жертвой своих лучших беско-

рыстных желаний помочь каждому, к нему обращающемуся, и что широко оказываемая им денежная поддержка бедных поглощает все даваемые ему на этот предмет добрыми знакомыми небольшие суммы. При этом каждый из министров обсуждал с Вырубовой как вопрос о материальной поддержке Распутина, так и способы парализования эксплуатации его доброты, причем, уходя с своего поста, каждый министр держал в тайне от своего заместителя, не желая подчеркивать свою близость к Распутину, секрет своего влияния и сношений с Распутиным. Распутин старался не разуверять в своем бескорыстии ни министров, ни окружавших его лиц, ни, в особенности, высоких особ. Если же государь иногда делал Распутину замечания, когда он представлял его величеству какой-нибудь коммерческий проект, в особенности за последнее время по поставкам на армию, явно подозрительного свойства, то Распутин всегда отговаривался, что он ничего в этих делах не понимает, а исполняет лишь просьбы других лиц, думая принести этим пользу государю. А затем в добродушном тоне Распутин рассказывал о том, как его хотели подвести под немилость царя. Все свои денежные дела Распутин вел в большом секрете даже, как я думаю, и от Вырубовой. Он всегда говорил о своих дырявых руках, не умеющих держать денег, и настолько уверил в этом высоких особ, что после его смерти Протопопов принял ряд мер к материальному обеспечению семьи Распутина. Со времени моего вступления в должность, наблюдая за Распутиным внимательно, я убедился, что он был погружен как в проведение больших коммерческих дел, так и в отстаивание своего влияния на государя, и по этим причинам он не желал и боялся оставлять Петроград.

В это время умер отец Распутина, и его вызвали приехать на родину, но Распутин мне говорил, что когда он заговорил во дворце о своем намерении уехать, то должен был уступить усиленным просьбам высоких особ и остаться. О своем покойном отце он говорил с подкупающим прискорбием, и я подумал, что в нем заговорила совесть, так как из филерских донесений об отношении его к отцу на родине я знал, что он не только не уважал отца, но даже не старался скрыть от посторонних своего пренебрежения к нему, ругал его самыми скверными словами, а в пьяном виде бил его и однажды даже вырвал у него клочок бороды. Поэтому я заинтересовался, не изменит ли Распутин свой образ жизни, хотя бы в первые дни после смерти отца, но я убедился, что все осталось по-прежнему: то же пьянство, те же кутежи, то же отношение к женщинам.

Как мы условились с Хвостовым, который, как и все сановники, имевшие дело с Распутиным, тщательно старался держать это в секрете, я взял на себя прием просителей с письмами Распутина. С письмами от него являлись преимущественно дамы и в единичных случаях мужчины. Просьбы Распутина заключались главным образом в изъятии от отбывания воинской повинности путем устройства в тыловых частях, о предоставлении должностей и о материальной поддержке. Просьбы первого характера я сначала исполнял, но затем ввиду их многочисленности отказался, о чем и заявил Распутину. Распутин после этого обратился ко мне только с одной подобного рода просьбой за одного москвича К., прибегнув в этом случае к поддержке Вырубовой. Из разговоров с женой К. я убедился, что она совершенно не знает Распутина и что она обратилась к нему через одну москвичку, устраивавшую все дела через Распутина за плату. Г-жа К. сказала, что все эти хлопоты стоят ей больших денег, которые она давала и посреднице, и лично Распутину, и Вырубовой в виде пожертвований на лазарет. Просьба ее о муже была исполнена, он был назначен в тыл, но

Распутин иначе смотрел на завязавшееся с ней знакомство, начал беспокоить К. телефонными разговорами и раз ночью хотел насильно ворваться к ней в номер. После этого К. явилась ко мне, рассказала об этом случае; по моему совету она послала еще денег Распутину и немедленно уехала в Москву. По уходе моем со службы я узнал, что Распутин все же брал на себя дела об освобождении от военной службы. В частности, он устроил своего родного сына Дмитрия санитаром в поезде императрицы по особому всеподданейшему докладу.

Второй разряд просительниц ходатайствовал о материальной поддержке и устройстве их на места. На первых порах я помогал денежно и давал рекомендации этим дамам на места, но затем начал получать, наводя справки, такие неутешительные о них сведения, что мне приходилось почти всегда краснеть за рекомендованных мною лиц. Одну из таких дам пришлось даже выслать из Петрограда. После этого случая я оказывал просительницам только денежную помощь, настойчиво советуя им в Петрограде не засиживаться. Характеризуя их, могу сказать, что эти просительницы принадлежали к числу интеллигентных дам, имевших то или другое положение в обществе, но находившихся на временной или постоянной свободе от семейных обязательств, легко смотревших на жизнь и на моральные принципы. Многие из них как бы гордились оказываемым им Распутиным вниманием и давали понять мне свою, хотя бы и временную, как я потом разузнавал в целях агентурных, к нему близость. Они же мне говорили, что познакомились у Распутина и с Вырубовой. Вначале эта психология для меня была непонятна, но затем, когда ко мне начали поступать из разных источников агентурные сведения, я уже более не удивлялся, так как пришлось встречаться и с такими фактами, когда занимающие видное положение в обществе, как, например, одна княгиня из Москвы, одна из крупных величин в артистическом опереточном мире и другие, хорошо материально обеспеченные и никаких просьб к Распутину не имевшие из чувства не только любознательности, но и особого интереса к Распутину сознательно искали знакомства с ним, зная, на что они идут...

Наконец, был третий тип просительниц, которых не материальная нужда, а горе по любимым людям заставляло идти к Распутину. Но это горе Распутина не трогало, и я до сих пор не могу забыть одной женской драмы, разыгравшейся у меня в кабинете. На прием ко мне с письмом Распутина явилась прилично и скромно одетая дама лет тридцати с просьбой помочь ей в возвращении административно высланного ее мужа. Высылка была произведена военными властями, и я, несмотря на усиленные ходатайства Распутина, ничего не мог сделать, но посоветовал просительнице уехать из Петербурга, предупредив ее о характере Распутина. Она все же осталась, и однажды, когда она вновь явилась ко мне, я просил ее прекратить ко мне визиты. Тогда она истерически разрыдалась и рассказала мне свою драму. Приехала она к Распутину, имея сбережения и драгоценные вещи; выдав почти все свои деньги Распутину, она настойчиво отклоняла всякие попытки Распутина фривольного свойства. После моего отказа хлопотать за ее мужа Распутин поставил ей ультиматум: или исполнить его требование, и тогда он попросит государя о муже, или же не показываться ему на глаза. Ни слезы, ни просьбы не помогли, и Распутин, пользуясь ее нервным состоянием, несмотря на то, что в соседней комнате были посторонние, насильно овладел ею и затем уже несколько раз приезжал к ней в гостиницу, поддерживая в ней веру в исход дела и взяв от нее всеподданейшее прошение. Затем

Распутин резко прервал с ней знакомство. Вспомнив мои предупреждения и не имея денег на обратный выезд, она и обратилась ко мне за помощью. Я посоветовал ей уехать, что она и сделала на другой день. Когда я спросил Распутина, почему он ее перестал принимать, то он ответил, что она «дерзкая» и что поэтому он не передал государыне ее прошения.

Прилегающая к столовой в его квартире комната, где стояла кровать Распутина и куда никто не имел права даже из близких входить, пока он там находился с кем-либо, могла бы рассказать много подобных жизненных драм, в ней протекших. Агентура отмечала и такие факты, когда оттуда в растрепанном виде выбегали с криками некоторые просительницы (из простолюдинок), ругаясь и отплевываясь, но их сейчас же старались успокоить и удалить из квартиры.

Чтобы разрядить атмосферу около Распутина, я при посредстве трех дам-сотрудниц и других лиц, близких Распутину, добился того, что поездки его по незнакомым ему домам значительно сократились, а в тех случаях, когда он, избегая домашней обстановки, рвался на сторону, — почитательницы его приглашали к себе и устраивали ему обеды или ужины с вызовом гармонистов, под плясовые наигрыши которых подвыпивший Распутин любил танцевать. Кроме того, в излюбленных Распутиным ресторанах, вследствие моих соглашений с градоначальником, отводились отдаленные, изолированные от публики кабинеты, куда кроме лиц, приезжавших с Распутиным или им вызываемых, никто не допускался и где Распутин мог, не стесняясь временем, засиживаться, слушая любимые им песни цыган и принимая участие в их танцах.

Что касается личной охраны Распутина, то с приездом полк. Комиссарова я учредил двойной контроль и проследку за Распутиным не только филерами начальника охранного отделения Глобачева, но и филерами Комиссарова; заагентурил всю домовую на Гороховой, 64, прислугу, поставил сторожевой пост на улице, завел для выездов Распутина особый автомобиль с филерами-шоферами; для наблюдения за выездами Распутина с кем-либо из приезжавших за ним на извозчике завел особый быстроходный выезд с филером-кучером. Затем, все лица, приближавшиеся к Распутину или близкие к нему, были, по моему поручению, выясняемы, и на каждого из них составлялась справка. Один экземпляр справок я передавал Хвостову. Далее, была установалена сводка посещения Распутина и проследка тех случайных лиц, которые так или иначе возбуждали сомнения при посещении Распутина. Кроме того, были приняты меры против газетных и театральных выступлений о Распутине, реорганизована самая тщательная перлюстрация всех получаемых им писем, что давало иногда возможность не только обнаруживать некоторые планы и заранее знать содержание его просьб, но и раскрывать сношения с ним многих лиц, в особенности из среды духовной иерархии.

Глава XIV

Для завершения всех наших мероприятий по отношению к Распутину я рекомендовал Хвостову пригласить состоявшего в ту пору начальником вятского губернского жандармского управления полк. Комиссарова, о личности и деятельности которого держится в обществе много легендарных рассказов.

Директор департамента полиции Н. Н. Зувев, бывший живой хроникой де-

партамента, подробно рассказал мне прошлое Комиссарова, его отношения к ген. Герасимову и разрыв с ним на почве семейных недоразумений, о службе его в департаменте полиции, о знаменитой комнате, обитой пробкой, где печатались контрреволюционные прокламации, обнаруженной бывшим товарищем министра внутренних дел кн. Урусовым и гр. Витте. Это открытие послужило началом борьбы Витте и Дурново и вызвало расследование, произведенное, по требованию Витте, директором департамента полиции Вуичем и Рачковским в присутствии товарища прокурора палаты Камышанского с целью доказать руководящую в этом деле роль П. Н. Дурново. Зуев мне рассказывал, что Комиссаров при допросе его обнаружил большую стойкость и взял всю вину исключительно на себя, несмотря на угрозы со стороны Витте серьезным наказанием. Зуев, признавая некоторые слабости Комиссарова, лично ценил в нем его преданность и чувство привязанности к людям, оказавшим ему доверие и внимание. Поэтому Зуев прощал Комиссарову многое из его служебных прогрешностей. Вскоре после этого Зуев уехал в заграничный отпуск, и я, по приказанию Столыпина, вступил в управление департаментом полиции при товарище министра П. Г. Курлове. В ту пору Столыпин и Кривошеин решили совершить объезд по России и Сибири в связи с произведенными аграрными реформами. Охрана поезда была возложена тогда, по моему настоянию, на Комиссарова, причем роль его в этом отношении была затушевана. Он в поезде Столыпина не ехал, а был только передовым. На это назначение Столыпин согласился не особенно охотно. В дальнейшем Комиссаров успешно делал свою карьеру и дошел до поста саратовского начальника губернского жандармского управления, откуда был переведен — что было значительным понижением — в Вятку, по распоряжению Джунковского.

Узнав о моем назначении, Комиссаров пытался перевестись в Петроград начальником охранного отделения, но я решил, что полковник Комиссаров, как человек искренне ко мне расположенный, которому я могу вполне доверять и откровенно посвятить его в мои и Хвостова отношения к Распутину и Вырубовой, хорошо подойдет к роли агента, приставленного от нас при Распутине. Хвостов на это немедленно согласился. Комиссаров был вызван в Петроград и в первое же свидание с Хвостовым произвел на него хорошее впечатление своей оживленной беседой, в которой, к моему удивлению, он перешел несколько границы почтительности, ему обычно присущей. Когда я, возвращаясь от Хвостова в автомобиле с Комиссаровым, отметил ему в виде опасения эту черту разговора, то на это Комиссаров ответил, что я неправильно себе представляю личность и мотивы Хвостова как министра вообще, так и в отношении к Распутину в особенности: в них Комиссаров не видит никаких государственных или идейных соображений, а только преследование Хвостовым личных своих интересов. Это впечатление Комиссаров вынес из обстановки приема у Хвостова и прибавил, что, зная близко многих министров внутренних дел, он не мог почувствовать в Хвостове министра. Затем Комиссаров заявил мне, что он только для меня, но не для Хвостова, о котором он навряд ли в будущем переменит свое мнение, возьмет предлагаемое ему поручение. Но Комиссаров ставит условием разрешить ему при всех случаях общения с Распутиним быть не в офицерской форме, которую он не желает ронять, а в статском платье.

Комиссаров был назначен начальником жандармского управления одной из эвакуированных губерний, прикомандирован к департаменту полиции и определен в мое распоряжение. Затем я поручил Комиссарову немедленно избрать

соответствующий штат опытных, испытанных и преданных филеров, организовать параллельное наблюдение за Распутиным, вменив филерам в обязанность приобрести расположение к себе Распутина, — чего они впоследствии вполне достигли — и позаботиться приисканием вполне удобной, подходящей для конспиративных свиданий с Распутиным квартиры. Не открывая роли Комиссарова Глобачеву, я предписал последнему ряд мер, которые согласовались бы с агентурными охранного отделения наблюдениями за Распутиным.

Приступая к делу, я сумел заинтересовать Вырубову и Распутина личностью Комиссарова и его преданностью интересам трона, рассказал им о роли Комиссарова при Дурново и оттенил отрицательное отношение к нему ген. Джунковского.

После этого я сказал Распутину, что, исполняя его желание и веря в его замечательное знание людей, мы сами отходим постепенно от кн. Андронникова; отныне те 1500 рублей, которые передавал ему от нас кн. Андронников, ему будет передавать, кроме ассигновок на ежемесячные благотворительные нужды, Комиссаров. Комиссарову Распутин может при ежедневной к нему явке передавать прошения, какие-либо интересующие нас новости и свои пожелания, вполне доверившись Комиссарову. Новая квартира для наших конспиративных с ним свиданий была нанята Комиссаровым в переулке, выходящем на Фонтанку, в первом этаже. Эту квартиру Комиссаров прилично обставил, снабдив ее всем необходимым, в том числе вином, для устройства Распутину обедов и ужинов, и поселил в ней преданного ему женатого филера под видом лакея.

Комиссаров сразу произвел на Распутина хорошее впечатление, быстро ориентировался в его жизни, установил с ним дружеские отношения и вошел в курс интересов и привычек Распутина. Рано утром, до прихода посетителей, Комиссаров являлся на квартиру к Распутину и, пока тот был в трезвом и приличном виде, узнавал от него новости, наводя его на интересующие нас темы, проводил путем обсуждения с Распутиным наши пожелания, подчеркивал нашу доброжелательность к Распутину, нашу преданность Вырубовой и интересам императрицы и государя и удерживал Распутина от его поездок в незнакомые дома и от употребления вина в незнакомом обществе, чем заслужил уважение в семье Распутина, где он стал своим человеком. Затем Комиссаров брал от Распутина, когда начинались приемы, различные прошения для передачи нам, ехал ко мне, а со мной и к Хвостову и докладывал подробно обо всем, что касалось Распутина, и о том, как они, по шутливому замечанию Комиссарова, решают с Распутиным государственные вопросы и обсуждают необходимые перемены в составе кабинета. За этот период времени, благодаря Комиссарову и всестороннему агентурному освещению образа жизни Распутина, удалось в точности установить роль близких к Распутину лиц, из которых только немногие относились к нему сердечно; остальные же проводили через него крупные дела, действуя секретно друг от друга и следя один за другим, чтобы поддержать в Распутине постоянное чувство подозрительности в обмане его при расчетах с ним тех, чье влияние на Распутина усиливалось. Сам Распутин никогда не посвящал в свои денежные дела даже самых близких ему лиц, но зорко следил за охраною своих материальных интересов и производил подробный сыск о тех, кого он подозревал в обмане его, и затем, не сдерживаясь, публично их разоблачал, не стесняясь в выражениях.

Такие черты своего характера Распутин проявил в особенности по отношению к Добровольскому, инспектору народных училищ петроградского округа.

Он и жена его пользовались особым расположением семьи Распутина. Сам Добровольский был очень конспиративен и сдержан, хорошо изучил слабые стороны Распутина, умело влиял на него. И поэтому Добровольский заведовал корреспонденцией Распутина, был посвящен в тайны влияния Распутина на высочайших особ и вел особую приходо-расходную книгу, куда записывал все свои денежные расчеты с Распутиным. Поставляя Распутину деловую клиентуру, Добровольский заставил окружающих Распутина лиц считаться с ним, Добровольским, и приглашать себя к участию в прибылях при проведении через Распутина денежных дел. Это многих задевало, конкуренты Добровольского, к которому доброжелательно относилась и Вырубова, повели против него умелую интригу, пользуясь подозрительностью Распутина, и когда почва была подготовлена, то решительный удар был нанесен неким Симановичем. После бурного объяснения Распутина с Добровольским отношения их прервались, и если потом и возобновились, то никакой роли Добровольский у Распутина уже не играл.

Что касается Симановича, то последний был знаком с Распутиным издавна еще по Киеву, где Симанович имел небольшую ювелирную лавку. Симанович в Петрограде вошел в полное доверие к Распутину, и его положение в доме Распутина закреплялось с каждым днем. Симанович небескорыстно для себя устраивал Распутину много прибыльных дел. Из справки начальника охранного отделения полк. Глобачева выяснилось, что Симанович состоит на учете сыскной полиции, как клубный игрок и ростовщик, помещающий свой капитал до 200 т. р. в вексельные займы золотой кутящей петроградской молодежи под большие проценты. Эту справку мы доложили Вырубовой и предупреждали Распутина — и не раз при посредстве Комиссарова. Но Распутин, наоборот, после этого еще более сблизился с Симановичем. Хвостов предполагал выслать Симановича, но я высказался против этой меры, ввиду того что Симанович приносит и пользу в отношении ревнивой охраны Распутина от подозрительных знакомств. После моего ухода со службы Хвостов арестовал Симановича в связи с делом Ржевского и произвел обыск у Добровольского. В этот момент я понял, какое значение имел для Распутина Симанович: Распутин нервно и настойчиво хлопотал у императрицы и добился того, что Симанович был освобожден от ареста, а затем была отменена и высылка его в Псков. На всеподданнейшем прошении Симановича государь написал резолюцию о прекращении против Симановича всяких преследований.

В этот период времени Манасевич-Мануйлов передал мне о желании Симановича познакомиться со мной. Знакомство это я поддерживал до последнего времени. Я часто встречался с ним в тех домах, куда Распутин приезжал в сопровождении Симановича, при посещениях квартиры Распутина и был у Симановича раз на обеде, данном им Распутину.

Симанович в общем был со мной откровенен, рассказывал мне много о тайных предположениях Распутина относительно служебных перемен, познакомил меня с подробностями дела Ржевского, помогая мне восстановить поврежденные этим отношения с Распутиным, давал мне правильную оценку отношений Распутина к высшим чинам правительства и посвятил меня в свои планы проведения через Распутина в министры юстиции Н. А. Добровольского, своего старого знакомого, с которым он познакомил поближе Распутина. Это дало мне возможность предупредить об этом А. А. Макарова. Симанович же держал меня в курсе всех данных о смерти Распутина, ездил со мной в ближай-

шие после смерти дни к Вырубовой с докладами об имевшихся у него по этому поводу данных и рассказывал мне о Протопопове и Курлове в первый период сближения их с ним при жизни Распутина.

Я усмотрел в Симановиче много хороших черт. Между прочим, он старался через Распутина воздействовать в высоких сферах на изменение правительственной политики в еврейском вопросе, чем отчасти и объясняется благожелательное отношение государя к поднятому Протопоповым вопросу о расширении прав евреев.

После смерти Распутина я узнал от Симановича, хорошо ознакомленного с материальными делами Распутина, что после Распутина осталось хорошее состояние, по крайней мере в 300 т. р.

Глава XV

Из наблюдений полк. Комиссарова, рисующих значение Распутина и обстановку его жизни, я припоминаю следующие его рассказы.

Однажды Комиссарову пришлось быть свидетелем телефонного разговора Распутина с великой княжной Татьяной Николаевной и наследником. Великая княжна сообщала Распутину, что у наследника болит голова, и передала телефонную трубку наследнику, который, по-видимому, подтвердил то же самое Распутину, прося его приехать. Тогда Распутин ласковым тоном начал рассказывать ему какую-то сибирскую сказку и по окончании сказал, что он придет на другой день. Распутин начал настойчиво убеждать наследника пойти и лечь в постель, уверив его, что после этого у него пройдет головная боль.

Обычно все телефонные разговоры Распутина с Царским Селом, в особенности с Вырубовой, которая с ним говорила ежедневно, происходили около 10 ч. у. Поэтому Распутин, где бы он ни был и как бы бурно ни провел ночь, всегда к этому времени возвращался домой, ожидая с нетерпением звонка из Царского Села. В зависимости от этих разговоров находилось и его настроение. Поэтому и свидания с ним Комиссарова тоже приурочивались к утренним часам. Таким образом, мы имели возможность получать некоторые сведения, нас интересующие, из первоисточника или передавать через Комиссарова Распутину к этому времени то, о чем мы признавали нужным осведомить Вырубову для дальнейшего доклада во дворце.

Второй рассказ Комиссарова касался празднования Распутиным дня своего ангела — 10 января.

Так как об именинах мы знали от Комиссарова заранее, то с ведома Хвостова я отпустил в распоряжение Комиссарова из секретного фонда особую сумму на покупку ценных подарков не только самому Распутину и его двум дочерям, но и приехавшим к этому дню жене Распутина и его старшему сыну. Куплены были обеденное серебро, брошь, золотые часы и браслеты. В этот день филерам Комиссарова нами было поручено во что бы то ни стало проникнуть внутрь квартиры Распутина, так как нас интересовал завтрак с Вырубовой и вечер в интимной обстановке друзей Распутина. Филеры, которых Распутин сначала не пускал к себе в квартиру, к этому времени уже сумели войти в доверие к нему, сопровождая его в церковь и в баню. Он уже охотно вступал с ними в разговоры и ценил обнаруживаемую ими преданность и удовольствие быть в его обществе. Поэтому, сопровождая Распутина в церковь в этот день, филеры предложили

Распутину свои услуги помогать девочке-племяннице Распутина в передней при раздевании посетителей. Распутин, находясь в хорошем настроении благодаря полученным от нас подаркам и поздравлению по телефону Вырубовой, обещавшей быть у него к завтраку, и благодаря полученной им телеграмме от высочайших особ, разрешил филерам быть у него на квартире.

По возвращении Распутина из церкви к нему начали собираться избранные его знакомые с ценными подарками. Один из рестораторов приготовил уже на свой счет обеденный стол с именинным пирогом. По приезде Вырубовой начался завтрак, проходивший до ее отъезда сдержанно, причем Мудролюбов сказал большую, в патетическом тоне речь и подчеркнул государственное значение Распутина как простого человека, доводящего к подножию трона болевые народные нужды. После отъезда Вырубовой в течение целого дня совершался непрерывный приток посетителей, приносивших Распутину массу ценных подарков. Целый дождь ценных подношений был прислан Распутину при письмах и карточках разных лиц, так или иначе связанных с Распутиным. Чего только не было здесь: серебряные и золотые вещи, ковры, целые гарнитуры мебели, картины, деньги и т. п. Все эти вещи жена и сын затем отвезли в с. Покровское. Затем из разных мест России было прислано Распутину много поздравительных телеграмм.

Распутин сиял от благожеланного удовольствия, с каждым приходившим к нему пил и, наконец, к вечеру свалился, и его уложили в постель. Немного протрезвившись сном, он вечером, с приходом более интимного кружка лиц, преимущественно дам, начал снова с ужина пить и требовал того же от дам, так что он почти всех споил. Более благоразумные дамы поспешили уехать, оставшиеся же были охвачены вместе с Распутиным, дошедшим в пляске и опьянении до полного безумия,— такой разнузданностью, что хор цыган поспешил уехать, а оставшиеся посетители в большинстве заночевали у Распутина. На другой день мужья двух дам, оставшихся на ночь в квартире Распутина, ворвались к нему на квартиру с оружием в руках. Филерам стоило большого труда предупредить Распутина и дам и этим дать последним возможность скрыться из квартиры по черному ходу, успокоить мужей, для чего они проводили их по всей квартире и дали уверение, что их жен на вечеру не было. Филеры затем проследили за ними и выяснили их личность.

По словам Комиссарова, докладывая ему об этом вечере, филеры не могли без омерзения вспомнить виденные ими сцены. Этот случай с мужьями запугал Распутина, и он несколько времени после этого как бы затих, был послушным, избегал выездов, боязливо прислушивался к звонкам и был благодарен нам за улаживание этой истории, обещая больше у себя на квартире замужних женщин на ночь не оставлять, и просил об этом никому, даже Вырубовой, не говорить, что мы и исполнили. Но затем в скором времени Распутин, убедившись, что эта история заглохла, начал снова вести свой прежний образ жизни, но только был сравнительно осторожен в своих отношениях к замужним женщинам.

Что касается наших свиданий с Распутиным, то они после устройства нами особой квартиры происходили регулярно, по мере необходимости в этом для нас или когда Комиссаров, видя какие-либо колебания Распутина в отношении к нам или его неудовольствие на нас за неисполнение какой-нибудь интересовавшей Распутина просьбы, убеждал нас в необходимости личных переговоров с Распутиным. В таких случаях устраивался обед, мы вели нужные беседы,

и в свою очередь Распутин передавал нам содержание своих разговоров с высокими особами и с Вырубовой и всякий раз обращался к нам с какой-либо просьбой или прошением, его интересующим, подчеркивая неизменно свое бескорыстие. Иногда происходили неловкости, так как Распутин, плохо разбираясь в бумагах, иногда передавал нам не то прошение, какое ему было нужно. И когда Хвостов или я указывали ему, что переданный документ касается получения концессии или подряда и к нам не относится, то Распутин вынимал другое прошение, а их у него всегда было в кармане много.

На первых наших обедах Распутин бывал сдержан в вине и даже пытался вести с ним беседы в духе своих «размышлений», но затем Комиссаров установил с ним сразу дружеский разговор на «ты» и отучил его от этой, по словам Комиссарова, «божественности». Это понравилось Распутину, и он с того времени перестал нас совершенно стесняться и, приходя в хорошее настроение, приглашал нас обычно поехать к цыганам, что мы всегда отклоняли.

При наших свиданиях с Распутиным в тех случаях, когда дела касались личных интересов Хвостова, как, например, скорейшего его утверждения в должности министра, пожалования ему, по примеру Маклакова, минуя три награды, сразу ордена Анны 1-й степени, проведения его кандидатуры на пост председателя Совета Министров и награждения его сразу шталмейстером,— Хвостов выходил в соседнюю комнату под предлогом отдыха, и тогда я о таких делах говорил лично с Распутиным. А затем я ездил к Вырубовой, ведя с ней такую же беседу и не забывая в нужных случаях заручиться поддержкой Воейкова.

Глава XVI

Под влиянием всех изложенных выше мер отношения наши со всеми необходимыми мне и Хвостову лицами установились, вопрос об охране Распутина и сношения с ним наладились, равным образом установились и хорошие отношения с Вырубовой, не только деловые, но и частные. Меня и Хвостова государыня, Вырубова и Распутин считали, в чем я был искренне убежден, несмотря на неоднократные предупреждения Комиссарова, тесно связанными друг с другом не только общностью служебных интересов и взглядов, но и чисто дружескими отношениями. Я за этот период времени никаких наград не получил, А. Н. Хвостов же был утвержден министром, пожалован Анной 1-й степени и укрепился в своем положении, бросив первые семена недоверия к Горемыкину в смысле неправильности его политики по отношению к Государственной Думе.

В этот период времени А. Н. Хвостов начал вести со мною в дружеской форме излияния, сначала отдаленные, а затем и вполне откровенные разговоры о вреде Распутина не только с точки зрения охраны интересов династии, но и в наших личных. Подчеркивая мне то обстоятельство, что положение его, Хвостова, теперь укрепилось у высочайших особ, у Вырубовой и у Воейкова, Хвостов начал вести со мной разговоры на тему о том, что теперь Распутин нам не только совершенно не нужен, но и даже и опасен: с ним, с его настроениями и с его подозрительностью постоянно необходимо считаться, что при возможных на него сторонних влияниях сильно осложняет проведение намеченных Хвостовым начинаний как в области государственной, так и в сфере его личных предположений. При этом Хвостов указывал, что его, равно как — он думает —

и меня, тяготят свидания с Распутиным и постоянная боязнь обнаружения, вследствие бестактности Распутина, нашей близости к нему. Это делает невозможным его, Хвостова, положение в семье, в обществе и в Государственной Думе. Избавление же от Распутина очистит атмосферу около трона, внесет полное удовлетворение в общественную среду лучше всех наших мероприятий, умиротворит настроение Государственной Думы и подымет в глазах общества, Думы и Совета наш престиж. При умелой организации этого дела устранения Распутина наше положение не пошатнется в глазах высочайших особ и Вырубовой, если мы постепенно подготовим их к возможности подобного рода события, жалуясь в доброжелательной к Распутину форме на его неоднократные, тайно от филеров совершаемые выезды. Хвостов указывал, что со смертью Распутина доминирующее во дворце положение Вырубовой бесспорно поколеблется, чем можно в дальнейшем умело воспользоваться для отдаления ее от высочайших особ. Затем Хвостов мне добавил, что в расходах на организацию этого дела можно не стесняться, так как он имеет в своем распоряжении для этой цели значительное частное денежное ассигнование.

Когда я об этом замысле Хвостова передал Комиссарову, то последний целым рядом логических посылок доказал мне, что в данном случае Хвостов, как и во всех предыдущих отношениях его ко мне, — неискренен: Хвостов, поставив меня в глазах высочайших особ, Вырубовой, митрополита и близких Распутину лиц в роль близкого к себе человека, которому он передоверил охрану Распутина и сношения с ним, все время умышленно подчеркивал это перед Вырубовой и другими и тем самым оставил себе в будущем возможность свалить всю вину в этом деле на меня. При этом Комиссаров сообщил мне, что, бывая у Хвостова и беседуя с его секретарями и офицерами, он вынес убеждение, что и им Хвостов сумел подчеркнуть свою отдаленность от Распутина и мою близость к последнему, как бы компрометирующих его. В таком духе, как Комиссаров приходилось слышать, Хвостов говорил и в Думе, и в обществе, и если Хвостов в настоящее время получил все через Распутина и обеспокоен вопросом об его удалении, то делает он это не ввиду побуждений идейного характера, а ради того, чтобы обезопасить себя от возможности обнаружения его близости к Распутину, с тем чтобы затем через Родзянко и других депутатов приписать себе государственную заслугу в этом деле. Комиссаров указал мне также очень важную черту Хвостова — отсутствие у него конспиративности. Но Комиссаров добавил, что если у него раньше, когда он не знал Распутина, было еще какое-нибудь сомнение в фатальном зле, приносимом Распутиным династии, то теперь, хорошо узнав этого человека, он и его филеры, которые не могут без чувства крайнего возмущения говорить о близости такого порочного человека к тем, кто для них священен, — всегда бы нашли возможность при тех отношениях, которые теперь установились с Распутиным, избавиться от него. Однако Комиссаров, не веря Хвостову, не может рисковать участью преданных ему людей. Комиссаров закончил, что если бы это отвечало моим желаниям, то он и его филеры, зная меня и мое отношение к подчиненным, сделают все то, что я прикажу.

После этого разговора с Комиссаровым я начал вспоминать весь период моей близости к Хвостову, отдельные эпизоды и мелочи жизни, слухи, все разговоры с ним и отношения к старым своим хорошим знакомым, которым он наружно при мне показывал знаки доверия, а после их ухода их вышучивал, указывая, ради какого личного интереса он их к себе приблизил, и т. п., — я дей-

ствительно многое понял — в особенности черствость, эгоистичность и беспринципность этого человека.

Переходя к вопросу о Распутине, вне всякой зависимости от желания Хвостова, я при всем моем органическом отвращении к крови в силу природных качеств и воспитания все-таки задумался: что, если бы под влиянием соображений высшего порядка, оставляя в стороне заманчивые перспективы, которые рисовал мне Хвостов, — что, если бы я пошел на эту великую для меня жертву и принял на себя организацию и осуществление, хотя бы в роли соучастника, этого преступления? Достиг ли бы я в конечных целях поставленной мною задачи и не был ли бы этот акт наивысшего, чреватого по своим непредвиденным последствиям служебного преступления бесплодной жертвою с моей стороны, которая всегда была бы для меня тягчайшим укором совести?

После долгого размышления я всесторонне взвесил склад мистически настроенной духовной организации государя, который видел в даровании ему долгожданного наследника проявление милости к нему высших и таинственных сил Провидения вследствие его молитв и общения с людьми, как бы имевшими особый дар предвидения будущего. Я учел постоянные опасения государя и императрицы за жизнь наследника и единственную веру их в то, что только одна незримая мощь тех же сил и лиц способна спасти и продлить эту дорогую им жизнь. Я видел этому примеры в прошлом, до появления Распутина, в отношениях к старцам, юродивым, предсказателям и тому подобным лицам. И я пришел к тому заключению, что если исчезновение Распутина временно и успокоит, в силу одиозности этого имени, деспотизм общественного мнения о нем, то вследствие причин, выше мною отмеченных, оно неизбежно повлечет за собою появление во дворце какого-нибудь нового странного человека по типу тех же лиц, которые проходили ранее, вроде Миши Козельского, Васи-босоножки, Мардария и других, от которых Распутин впоследствии так ревниво оберегал свое влияние на высокие сферы.

Ввиду этого такая жертва с моей стороны, противная совести и законам, была бы бесцельна сама по себе и, вызвав, при самых лучших условиях, общественное к Хвостову и ко мне внимание, могла бы через некоторое время вселить большое опасение в возможность применения нами, пользуясь преимуществами служебного положения, того же способа борьбы с политическими противниками существовавшего режима.

По всем этим основаниям я решил, пока мне не представится благовидный предлог для ухода, без ущерба для себя, со службы, удерживая в своих руках все нити наблюдения и охраны Распутина, противодействовать в этом отношении Хвостову, усыпляя его бдительность. Выдавать его намерения Вырубовой и Распутину я считал неэтичным, так как это могло быть истолковано Хвостовым и другими лицами в самом невыгодном для меня свете, в особенности в широких общественных кругах, которые, в силу одного имени Распутина, стали бы на сторону А. Н. Хвостова.

Я поделился этими соображениями с Комиссаровым, и мы решили показать Хвостову всю видимость искреннего сочувствия его замыслу относительно Распутина, но подвергать самой широкой критике все предлагаемые им планы, затаявая под всякими благовидными предлогами наступление решительного момента исполнения. Когда я передал Хвостову о том, что подготовил Комиссарова к принятию его предложения, и заручился его согласием, то при следующем нашем совместном докладе Хвостов, повторив ему все высказанные уже

мне мотивы для устранения Распутина, был горячо поддержан Комиссаровым, заверившим его, что это отвечает его пожеланиям и его филеров, на которых можно всецело положиться.

После этого А. Н. Хвостов приступил к обсуждению плана убийства, входя с особым интересом в обсуждение каждой детали и даже высказывая желание лично принять участие в деле. Чем больше мы об этом говорили, тем сильнее захватывала А. Н. Хвостова мысль убить Распутина и тем тяжелее было для меня присутствовать при этих обсуждениях. Что касается Комиссарова, то я поражаюсь его умению подойти под тон настроения Хвостова, и только потом, когда мы уходили с Комиссаровым от него, Комиссаров не сдерживался в своей оценке Хвостова, который теперь и для меня стал ясен во всей беспринципности своего мировоззрения.

После долгого обсуждения А. Н. Хвостов предложил послать после принятия мер предупредительного характера Распутину автомобиль под видом приглашения к какой-нибудь даме, а затем в глухом переулке, где автомобиль должен был замедлить свой ход, в него должны были вскочить загримированные люди Комиссарова; затянув петлю на шею Распутина и обмотав предварительно его лицо платком, чтобы он не кричал, и оглушив его, — они должны были свезти затем труп его на Неву, на Острова, и там его бросить в прорубь или, что еще лучше, завезти его на взморье и там зарыть в снегу, привесивши к телу камни, чтобы при оттаянии льда труп опустился в море.

Но весь это план требовал многочисленных предварительных приготовлений: необходимо было удалить под благовидным предлогом проследку филеров Глобачева, подготовить автомобиль, распределить роли среди филеров, наметить даму, которую знал бы Распутин, устранить возможность разговора с ней Распутина и т. п. Высказывая постоянно А. Н. Хвостову те или иные возражения, я не мог не обратить его подозрительного внимания своим поведением, и он в первое время приписывал это моему малодушию и поэтому старался воздействовать на меня не только лично, но и давлением со стороны. Так, в одно из обычных ежемесячных посещений меня Марковым и Замысловским для получения денег на партийные надобности и за дополнительными субсидиями на «Земщину» и лазарет Марков в присутствии Замысловского сказал мне, что они только что были у Хвостова и от него, с его ведома и согласия, пришли переговорить со мной о необходимости до открытия Государственной Думы убрать Распутина, который всем своим поведением и афишируемою близостью к августейшим особам подрывает в корень все партийные начинания монархических организаций в деле борьбы с начавшимся антидинастическим движением в стране. При этом Марков добавил, что, судя по словам Хвостова, все зависит теперь от меня.

Замысловский почти не принимал никакого участия в разговоре, но, по моим сведениям, оба они с Распутиным знакомы не были и в отношении его держались непримиримой точки зрения, какой придерживалось подавляющее большинство членов правой фракции Государственного Совета, кроме Штюмерера и Н. А. Маклакова, лично знавших Распутина.

Своим собеседникам я ответил, что если бы речь шла о моем отношении к устранению Распутина средствами партийных монархических организаций, то можно было бы говорить о моем колебании, но в данном случае, когда осуществление всего акта А. Н. Хвостов возлагает на меня, я не могу не обдумать каждого своего шага.

Затем при одном из ближайших моих посещений в Царском Селе дворцового коменданта ген. майора Воейкова последний также повел разговор на эту тему, указав на то, главным образом, что в армии идет как среди командного состава, так и среди войсковых частей открытое брожение на почве возмущения влиянием Распутина на августейших особ, которое может вылиться в самые нежелательные формы антидинастического движения. Передав об этом А. Н. Хвостову, Воейков считал нужным обратить на это мое особое внимание. Когда же я указал, что согласно одобренному и им плану мною приняты все меры к избежанию лишних разговоров о Распутине, Воейков на это ответил, что это паллиативы и что мне надо подумать о чем-либо более существенном, чтобы раз навсегда положить этому предел. Затем и впоследствии я имел такой же разговор с Воейковым, причем заметил некоторую сухость с его стороны по отношению к себе. Это было незадолго до истории с Ржевским, когда А. Н. Хвостов повел уже свою личную политику в отношении Ржевского, так что в перемене к себе Воейкова я видел отражение влияния Хвостова.

Наконец, с Комиссаровым, а затем и со мною, по поручению А. Н. Хвостова, на эту тему говорил кн. Андрей Ширинский-Шихматов. Но последнему и Комиссаров, и я, зная его доброжелательность к нам, откровенно расшифровали побуждения Хвостова; поставив его в курс всех своих соображений по этому делу — и он их разделил, — мы рассказали ему о той позиции, какую я и Комиссаров заняли по отношению к Хвостову в этом вопросе.

Из всего происшедшего я вынес убеждение, с одной стороны, в том, что Комиссаров прав в оценке поведения Хвостова в этом деле и его неконспиративности, с другой — в необходимости что-либо предпринять, чтобы усыпить на время бдительность Хвостова. А он между тем становился с каждым днем все более и более настойчивым и обнаруживал желание или избить Распутина, или, если мы не убьем его, самому его убить на свидании из револьвера... При этом Хвостов показывал свой небольшой браунинг...

Тогда я, воспользовавшись брошенной Хвостовым мыслью об избииении Распутина, стал доказывать министру, что подобного рода мера, если она будет проведена под видом мести мужа за поруганную честь жены, даст нам в будущем, когда совершится основной акт, основание указать и Вырубовой, и высочайшим особам, что и убийство является таким же актом мести. Вместе с тем, развивая этот план, я указал Хвостову, что, желая отвлечь Распутина от посещения ресторанов, я, в числе других лиц, между прочим, вошел в соглашение с другом Манасевича-Мануйлова — сотрудником «Вечернего Времени» М. А. Снарским (он же Оцуп), которого снабдил авансом для приглашения Распутина к себе на вечер. Я просил Снарского, в случае настойчивых попыток Распутина ехать в те или другие увеселительные заведения, сопровождать его, удерживая от скандалов и устраивая эти кутежи в изолированных от публики помещениях.

Ввиду этого я заявил Хвостову, что, переговорив со Снарским, который живет в малолюдном переулке, я дам ему еще денег для устройства у себя вечера: узнав, когда Распутин будет у него, я сообщу об этом Комиссарову, который замаскирует своих людей, и они при выходе Распутина с соответствующими угрозами нападут на него, привлекут шумом борьбы внимание дворников, чтобы последние могли доставить Распутина в полицию — для регистрации этого случая, — и сами исчезнут на автомобиле Комиссарова. Затем филеры, встревожась долгим отсутствием Распутина, начнут осведомляться из его квартиры по

участкам и таким образом отведут от себя всякое подозрение, а нам дадут возможность сослаться на этот случай как на доказательство трудности охраны Распутина при его стремлении скрывать свои выезды от филеров, что может повлечь за собой и более серьезные против него выступления.

Когда А. Н. Хвостов одобрил этот план, то я переговорил с Комиссаровым, который согласился осуществить его, так как Комиссарова постоянно смущали тайные от филеров отлучки Распутина.

Ко мне зашел Снарский. Я объяснил ему необходимость ввиду поведения Распутина погугать его и попросил Снарского пригласить Распутина, задержать его при выходе гостей и выпустить его одного. Для устройства этого вечера я выдал Снарскому аванс.

Через несколько дней Снарский сообщил мне о дне, когда назначено у него на квартире свидание Распутина с двумя дамами. Я передал об этом Комиссарову и просил, чтобы он внушил филерам не переусердствовать. Когда вечером Комиссаров мне доложил, что люди поставлены им на посту и роли распределены, А. Н. Хвостов пожелал прокатиться и лично посмотреть всю инсценировку подготовлявшегося нападения на Распутина. Мы отправились втроем, проехали по переулку, где жил Снарский, видели и автомобиль Комиссарова с опущенным верхом, и загримированных филеров. Однако, показывая нам квартиру Снарского, Комиссаров обратил наше внимание на то, что она не освещена, но я успокоил его тем, что вечеринка состоится после 12 ч. ночи, когда дамы приедут из театра, и что Снарский к этому времени обещал привезти и Распутина.

На другой день Комиссаров доложил, что никакой вечеринки у Снарского не было, — и план избиения, таким образом, не мог быть осуществлен. Снарский объяснил мне, что вечеринка расстроилась из-за Распутина, который не мог в этот вечер почему-то приехать к нему, но я узнал впоследствии, что всю ночь Распутин вместе со Снарским прокутил в отдельном кабинете Палас-Театра.

А. Н. Хвостов был очень недоволен такой неудачей потому, вероятно, что сказал кому-нибудь, что Распутина побили, потому что с этого же дня по городу пошли в разных версиях разговоры об избиении, о чем я узнал от кн. Волконского, товарища министра.

Глава XVII

После этого инцидента А. Н. Хвостов начал уже сам, без меня, приглашать к себе Комиссарова для разработки плана убийства Распутина, и о проектах министра я узнавал, таким образом, со слов Комиссарова.

Однажды, вернувшись от Хвостова, Комиссаров рассказал мне, что Хвостов ради скорейшего исполнения плана убийства предложил Комиссарову лично 200 т. р. на расходы по подготовке этого дела и для дальнейшего материального обеспечения филеров, которые будут участниками убийства, с тем чтобы они, предварительно акта, официально уволились со службы, попрощались с Распутиным, получили увольнительные билеты из департамента полиции и выписались, как выбывшие из Петербурга.

А. Н. Хвостов даже показал Комиссарову эти деньги, вынув их из несгораемого министерского шкафа.

Комиссаров на это предложение ответил, что если он и его филеры берутся за это дело, то не ради денег и что такое предложение их обидит.

Наличность у Хвостова такой большой суммы денег меня весьма поразила, так как я знал финансовые дела министра. Личных денег в таком размере у него быть не могло, ибо хотя его жена, урожденная Попова, дочь старшего председателя киевской судебной палаты, и принесла ему в приданое миллионное состояние, но, по рассказам Хвостова, я знал, что она состояние свое держит на своем счете и только дала возможность Хвостову очистить его родовые имения от долгов и завести большое свиное хозяйство, обещавшее в будущем давать доходы, в чем жена его сомневалась.

Что касается секретных сумм, то помимо меня он их получать не мог, взял же он до сих пор лишь 300 т. р. на усиление рептильного фонда. Но он был намерен, в силу полученного им согласия государя, возбудить секретным всеподданейшим представлением ходатайство об отпуске особых сумм на предвыборную кампанию 1917 года и на задуманную им для этого широкую правительственную агитацию, затем на осуществление плана борьбы с оппозиционной прессой по проекту Гурлянда, на получение еще дополнительного отпуска на рептильную прессу и, наконец, особого ассигнования на пополнение позаимствований из сумм департамента полиции на монархическую печать и другие расходы, произведенные в связи с его назначением и охраною Распутина.

Из указаний Комиссарова я вынес убеждение, что Хвостов был, по-видимому, прав, когда говорил, что у него есть особый фонд на убийство Распутина.

Положение мое, таким образом, в деле об убийстве Распутина становилось все сложнее, но подходящего случая, чтобы уйти от Хвостова, мне не представлялось,— а тут мне пришлось съездить в Ставку, что находили желательным Вырубова и Распутин и что советовал и кн. Андронников, обещавший написать об этом письмó гр. Фредериксу и Воейкову. Перед поездкой я побывал у Вырубовой и узнал, что императрица уже писала обо мне в Ставку.

В Ставке я переговорил с Воейковым, сделал все необходимые доклады ген. Алексееву и был приглашен к высочайшему столу.

После обеда государь подробно расспрашивал меня о моих докладах Алексееву, обещая их разрешить благоприятно для нашего министерства, и затем спросил меня о служебных новостях. Я доложил его величеству о настроении рабочих в связи с 9 января, о свиданиях Бурцева с А. И. Гучковым и о первых выступлениях членов бюджетной комиссии по поводу Распутина, что, по-видимому, остановило внимание государя, судя по сделавшемуся сосредоточенным его лицу.

Ввиду этого я, по поручению Хвостова, вместо того чтобы, как повелевал долг и совесть, откровенно высказать свое мнение о Распутине, повторил точку зрения А. Н. Хвостова на это выступление и его надежду, что этим будут исчерпаны все дальнейшие разговоры о Распутине в общих собраниях. Это успокоило государя, и он, прощаясь, поблагодарил меня за службу и за солидарность в работе с Хвостовым.

Милостивый прием, оказанный мне государем, в особенности напутственные его слова при прощании, ставили меня в безвыходное положение относительно Хвостова и его замысла на Распутина. Ввиду этого, переговорив с Комиссаровым, я решил восстать против предложенного Хвостовым убийства Распутина в автомобиле, а чтобы затянуть дело, предложил Хвостову отра-

вить Распутина, дав ему в мадере яду. Яд обещал доставить в Саратове (куда он должен был съездить) Комиссаров.

Хвостов с этим согласился и даже высказал проект послать ящик отравленной мадеры Распутину как бы от банкира Д. Л. Рубинштейна, чтобы затем как-нибудь связать и последнего с делом отравления Распутина. Против Рубинштейна Хвостов все время был враждебно настроен. Однако я указал Хвостову на неудобство такого плана отравления, так как Распутин может поблагодарить по телефону за присылку мадеры Рубинштейна, который часто к нему обращался с просьбами, — и тогда весь план рухнет.

Комиссаров вернулся из Саратова с несколькими флаконами яда. Когда я пришел к Хвостову, то застал у него Комиссарова, объяснявшего министру свойство и действие каждого яда. Комиссаров уверял, что он попробовал действие одного из ядов на коте, забредшем на кухню конспиративной квартиры, и живописно рассказывал Хвостову, что доставило последнему удовольствие, — как вертелся и наконец издох кот. Хотя я и обратил внимание на то, что окраска всех порошков ядов во всех банках была одинаковой, тем не менее сначала я подумал, что это действительно яд. И когда при ближайшем свидании с Распутиным Комиссаров наливал ему мадеры, то я подставил и свою рюмку, думая, что если Комиссаров дает Распутину отравленную мадеру, то мне уж ее не нальет. Затем на мои настойчивые вопросы относительно яда Комиссаров признался в своей проделке: во флаконах, показанных им Хвостову, были безобидные порошки. О свойствах ядов Комиссаров рассказывал Хвостову по учебнику фармакологии, которые купил себе в дорогу, а историю с отравлением кота он выдумал.

Наши свидания на конспиративной квартире с Распутиным продолжались, но Хвостов начал часто уходить в соседнюю комнату под предлогом отдохнуть, прося меня переговорить с Распутиным по поводу его кандидатуры на пост председателя Совета Министров с сохранением портфеля министра внутренних дел. Но в целях проверки моих бесед Хвостов, притворяясь спящим, столь громко храпел, что Распутин заметил это притворство и указал мне на него. Распутин увидел в этом знак некоторого пренебрежения к себе и начал с тех пор отвечать уклончиво на мои вопросы относительно Горемыкина и замечательства Хвостова.

В это время я обратил внимание на то, что Хвостов, приближая к себе Комиссарова, начал вызывать к себе с очередными докладами и нач. охр. отделения Глобачева. Боясь, чтобы Хвостов не начал вести с Глобачевым разговор о ликвидации Распутина, и не зная, как к этому относится Глобачев, я в один из заездов последнего сам начал с ним разговор о Распутине и о вреде его для трона и высказался в духе пожеланий Хвостова. Но из всего поведения Глобачева и из удивленного взгляда, брошенного им на меня, я убедился, что он не пойдет на соглашение в этом вопросе с Хвостовым. После этого я начал еще более бдительно следить за Распутиным, а Хвостова заверял, что с осуществлением плана отравления ввиду опасности его для жизни других, кроме Распутина, лиц надо повременить, пока Распутин не будет использован для проведения Хвостова в премьеры. Но это последнее соображение теперь даже его не останавливало; свидания с Распутиным он начал отдалять, что последнего заделало, а в отношениях Хвостова ко мне начала просвечиваться некоторая враждебность.

Глава XVIII

Однажды Манасевич-Мануйлов, делая мне свой очередной доклад и проводя в нем интригу против Комиссарова, возбудившего уже к себе недоверие Распутина, попросил меня уделить ему несколько минут для выслушивания его личной просьбы, имеющей весьма важное для него значение. И Мануйлов, вдруг разрыдавшись, в нервном тоне рассказал мне свою личную драму.

Несмотря на свое старое чувство привязанности к своей гражданской жене, о которой мне Комиссаров отзывался как об умной, тактичной женщине, в чем и я убедился впоследствии, когда Мануйлов сидел в тюрьме, — Мануйлов сердечно увлекся артисткой Лерма. И драма заключалась в том, что Мануйлов имеет основание бояться, что завязавшееся на почве уроков верховой езды знакомство Лерма с берейтором Пецом может перейти со стороны Лерма в чувство любви к Пецу, что причинит глубокую сердечную рану ему, Мануйлову. Поэтому Мануйлов просит меня, во имя расположения к нему и его всегдашней ко мне преданности, спасти его путем временного отдаления Пеца от Лерма.

Когда я указал Мануйлову, что не могу же я, как бы ни желал быть для него полезным, принять репрессивные меры к Пецу без всяких законных к тому поводов, то Мануйлов ответил мне, что Пец не только порочный человек, но и состоит под особым наблюдением следственной комиссии генерала Батюшина, имеющей веские основания подозревать Пеца в сбыте лошадей в воюющую с нами державу путем транспорта через Швецию. На мой вопрос, откуда Мануйлов мог получить такие сведения, он отвечал, что ему удалось оказать безвозмездно ряд весьма ценных услуг комиссии Батюшина вследствие близости к члену этой комиссии полк. Резанову, тоже сотруднику «Нового Времени», и получить сведения о Пеце из этой комиссии. Мануйлов говорил, что он не настолько вошел в доверие ген. Батюшина, чтобы обратиться к нему с личной просьбой, но просит меня хотя бы временно арестовать Пеца, пока вопрос о нем не будет разрешен комиссией Батюшина, или выслать его административно из столицы.

Я не дал Мануйлову категорического ответа, сославшись на необходимость получить сведения о Пеце. Хвостов же, которому я доложил о просьбе Мануйлова, увидел в этом деле ту цепь, на которой можно будет держать Мануйлова все время ради исполнения им наших желаний, и поручил мне, если сведения о Пеце подтвердятся, арестовать временно Пеца. Так как сведения подтвердились, то Пец был арестован охранным отделением. Мануйлов горячо благодарил меня, сказав, что такой услуги он никогда не забудет... Однако затем полк. Глобачев доложил мне, что тщательное расследование не подтвердило первоначальной справки о Пеце, что семья его ни в чем не замечена, об отце его имеется хороший авторитетный отзыв, а сам молодой Пец служит в Пскове в одном из учреждений, работающих на оборону. По данным Глобачева, все обвинения Пеца покоятся на чувстве мести Мануйлова из-за ревности к Лерма. Глобачев поэтому полагал необходимым освободить Пеца за истечением законного срока содержания его под арестом.

Хвостов рассудил, что нам пока необходимо помучить Мануйлова и согласиться на исполнение его просьбы относительно продолжения ареста Пеца под условием полного его служения нашим интересам. Что касается Пеца, то Хвостов распорядился продлить ему арест, объяснив Глобачеву, что это необходимо ради приведения в подчинение Мануйлова, пустившего крепкие корни около

Распутина. Я несколько дней держал Мануйлова в неизвестности относительно нашего решения продлить арест Пеца. Мануйлов несколько раз заходил ко мне и просил меня, рыдая, успокоить его и написал мне три письма по тому же поводу.

Глобачев подчинился этому решению, но записал Пеца, как арестанта, числящимся за мной; я же указал, что Глобачев допустил здесь неточность, потому Пец должен «считаться за министром», ибо арестован по его распоряжению. Глобачев затем несколько раз намекал мне на необходимость ликвидировать это дело... Но когда ко мне приходил с просьбой о сыне старик Пец, служивший в учреждении, где его начальником был бывший начальник сыскного отделения Филиппов, то я все же говорил Пecu-отцу о серьезности улик против его сына. Но когда Пец, узнав, вероятно, от Филиппова подробности дела, подал мне прошение с обвинением Мануйлова в клевете на сына и когда затем приходили ко мне просить за молодого Пеца его две сестры, взволнованные и нервные, то вид чужого горя образумил меня: не докладывая Хвостову, я вызвал Мануйлова, сказав ему, что отныне я отказываюсь от содействия в этом деле, и приказал Глобачеву освободить молодого Пеца, посоветовав ему не ездить в Финляндию, где у Лерма была своя дача, чтобы не возбуждать против себя Мануйлова, который на этот раз может действовать против Пеца через комиссию Батюшина. Впоследствии оказалось, что отец Пеца подавал на меня жалобу в Ставку, но департамент полиции дал отзыв, устранивший мою ответственность в этом деле.

Глава XIX

При последующих моих свиданиях с Мануйловым, неоднократно расспрашивая его об отношениях Распутина к А. Н. Хвостову и Горемыкину, я получал уклончивые ответы относительно возможности кандидатуры Хвостова на пост председателя. Относительно Горемыкина Мануйлов сообщал, что при дворе в нем в последнее время разочаровались.

В один из этих дней, приехав от Распутина, Комиссаров доложил мне, что Распутин просил его устроить ему свидание с И. Г. Щегловитовым, но в абсолютном секрете. Распутин о цели свидания ничего не говорил, несмотря на попытки Комиссарова узнать, в чем дело.

В это время И. Г. Щегловитов, незадолго перед тем ушедший с поста министра юстиции, был выбран товарищем председателя правой фракции Совета. Его эта роль не удовлетворяла. Он продолжал следить за политической жизнью, интересовался Горемыкиным, которого считал виновником своего ухода, и почти ежедневно звонил ко мне за политической информацией, которой я его снабжал. Щегловитов очень интересовался отношением к нему высоких особ, прося меня собрать в этом направлении точные сведения, и о нем я не раз говорил Вырубовой.

Переговорив по телефону со Щегловитовым по поводу желания Распутина с ним повидаться, я намекнул Щегловитову, что подобного рода предварительное ознакомление знаменует собой ранее или позже призыв к власти. Согласно нашему условию вскоре Комиссаров привез вечером секретно Распутина к Щегловитову, который просил нас решительно никому не говорить о своем знакомстве с Распутиным. По отзывам того и другого, они произвели друг

на друга хорошее впечатление; беседа их носила общий характер и не касалась конкретных предложений. Свидание было строго конспиративным, и о нем знало только 4 лица.

Щегловитов просил меня узнать о результатах разговоров о нем Распутина при дворе. Я обещал, но дальнейшие события пошли так быстро, что я не успел ничего узнать.

Вслед за этим Мануйлов известил меня, что уход Горемыкина после докладов Хвостова государю и моих разговоров с Вырубовой решен, но выбор заместителя пал не на Хвостова и не на Щегловитова, а на кандидата митрополита Питирима — Штюрмера, которого при дворе ценили, как испытанной преданности престолу человека, много потрудившегося во время сопровождения царской семьи при юбилейном посещении в 1913 году древних обителей, как председателя собиравшегося у него влиятельного кружка правых сановников, имевшего огромный круг знакомств в придворных сферах и являющегося для Думы новым человеком, который сумеет соединить мягкость с проявлением в нужных случаях твердости власти. С Штюрмером я был в давнишних отличных отношениях и был принят в его кружке, державшемся строго консервативного направления.

Несмотря на такой свой вес, его попытки вернуться к активной деятельности до сих пор не имели успеха, несмотря на поддержку кн. Мещерского и на знакомство Штюрмера и его жены с Распутиным. Я понял, что здесь сыграл свою роль Мануйлов, давнишний знакомый и друг Штюрмеров, и обратился к нему с вопросом об этом. Мануйлов мне отвечал, что, пользуясь благорасположением к нему митрополита Питирима, когда последний сообщил ему о недовольстве государыни на Горемыкина и о колебаниях в выборе преемника, позволил себе рекомендовать митрополиту Штюрмера, который в своей программной деятельности будет держаться советов владыки. Владыка заинтересовался Штюрмером, виделся с ним, беседовал о нем с императрицей, Вырубовой и Распутиным. По просьбе Штюрмера с Распутиным говорил о нем и Мануйлов. Распутин решил поддержать Штюрмера при дворе и пожелал поближе с ним познакомиться. Свидание между ними должно было состояться в день моего разговора с Мануйловым на квартире артистки Лерма.

Я спросил Мануйлова, почему он держал в секрете дело о Штюрмере и не содействовал видам Хвостова. Мануйлов мне отвечал, что он не верит Хвостову и его расположению ко мне и что мне будет гораздо лучше при Штюрмере, который относится ко мне с большим доверием и рад был бы повидаться со мной теперь.

Я понял, что назначение Штюрмера означает то, что Хвостов не приобрел еще к себе доверия государыни и что предстоит борьба между Штюрмером и Хвостовым из-за портфеля министра внутренних дел, к чему первый, как ближайший и любимый сотрудник Плеве, естественно, будет стремиться.

Я доложил Хвостову о предстоящем назначении Штюрмера, рассказав о роли, сыгранной в этом деле Питиримом, Распутиным и Мануйловым. Хвостов начал упрекать меня в излишнем доверии к Мануйлову, припомнил преждевременное освобождение Пеца, которым мы могли бы держать в своих руках Мануйлова, и указал мне, что если бы я своевременно устранил Распутина, то все его планы были бы осуществлены. Это меня задело. Я ответил, что он сам виноват в своем поведении по отношению к митрополиту и к Распутину, а что с исчезновением Распутина все равно значение Питирима увеличилось бы. Я доба-

вил, что ввиду недоверия к себе я прошу его только об одном — устроить мне возвращение в сенат. Хвостов начал меня успокаивать, говорить о своем доверии, но все же с этого момента наши отношения определились.

Свидание Штюмерера с Распутиным на квартире артистки Лерма состоялось, что подтвердило и наблюдение Глобачева. Мануйлов же мне доложил, что свидание привело к благоприятному результату. Штюмерер просил Распутина оказать ему поддержку перед государем и государыней и обещал со своей стороны советоваться с Распутиным по делам, имеющим важное значение для трона. При прощании они расцеловались. После этого свидания Штюмерер зашел на квартиру Мануйлова, был в восторге от исхода свидания, расцеловался с Мануйловым и обещал ему относиться как к родному сыну и устроить его после своего назначения согласно с его пожеланиями.

Результатом дальнейших свиданий Питирима со Штюмерером, поездки митрополита к императрице и выезда в Царское Распутина явилась поездка Питирима в Ставку для проведения, дополнительно к письмам императрицы и Распутина к государю, кандидатуры Штюмерера у последнего. Государь отложил вопрос о Штюмерере до своего возвращения в Царское. И когда государь вернулся туда, то Мануйлов, по возвращении Распутина из дворца, узнал о согласии государя на назначение Штюмерера и о назначении ему аудиенции. О случившемся я предупредил Горемыкина, но об этом обстоятельстве я уже говорил выше.

Как только Штюмерер был назначен, он принял меня самым любезным образом, расцеловался, просил его держать в курсе всех политических проявлений жизни, продолжать политику доброжелательства к Распутину и спросил меня, сколько мы выдавали ему денег? Получив ответ, он мне ответил, что еще не знает, какими суммами он располагает из секретного для себя фонда, поэтому с согласия Хвостова я ему выдал из наших сумм 2 т. р. Что касается Мануйлова, то Штюмерер сказал мне, что он хотел бы что-либо для Мануйлова сделать. И меня Штюмерер обещал обеспечить согласно моему желанию. И действительно Мануйлов накануне назначения Штюмерера сказал мне, что Штюмерер проведет меня в члены Государственного Совета с оставлением товарищем министра внутренних дел.

Мануйлов, вскоре причисленный к министерству с откомандированием в распоряжение председателя Совета, с первых же дней вступил в исполнение секретарских обязанностей при Штюмерере, всюду сопровождал его в служебном автомобиле, сумел в это время проникнуть в дом Вырубовой, завел пишущую машинку и переписчицу в доме Распутина и установил регулярные сношения с Вырубовой путем посылки написанных на машинке под диктовку Мануйлова всякого рода сообщений для Вырубовой в интересах Питирима и Штюмерера. Над этими сообщениями Распутин ставил свой обычный крест. Эта форма сообщений нравилась во дворце, и императрица некоторые из них посылала в Ставку государю.

Свое значение при Штюмерере Мануйлов прекрасно использовал. Он вошел в самые близкие отношения с графом Борхом. Утром, переговорив с Распутиным и приняв гр. Борха и секретаря митрополита Осипенко, которого он подавал своим авторитетом, он оказался в курсе всех новостей, из которых сообщал мне то, что находил нужным, а затем устраивал у себя приемы просителей.

Причисляясь к министерству, Мануйлов имел, конечно, свои виды. Вскоре он завел разговор о необходимости для меня, ради облегчения работы, взять

знающего розыск директора департамента полиции и предложил мне познакомиться с полк. Резановым, известным своими литературными трудами о немецком шпионаже и по розыскной своей в этой области работе в Прибалтийском крае, членом комиссии ген. Батюшина. Я познакомился с ним, и он на меня произвел хорошее впечатление. Мануйлов затем дал мне понять, что Штюмер не считает Хвостова отвечающим своему назначению, как министр, и предполагает сам взять портфель министра внутренних дел, как я это и думал давно.

Из приведенных выше двух случаев уступок Хвостовым Штюмеру — по поводу совместного доклада и распоряжения фондом для печати — я решил, что, очевидно, Хвостов имеет план путем заманивания Штюмера в сферу действий по министерству внутренних дел ясно обнаружить его стремление узурпировать себе положение министра внутренних дел и сделать перед государем Штюмера ответственным за изменение политики министерства в крупных вопросах, например по отношению к Государственной Думе; с этой целью он убедил Штюмера лично принимать доклады не только от начальника главного управления по делам местного хозяйства, но и директора департамента общих дел и директора департамента духовных дел и иностранных исповеданий. Затем Хвостов любезно предложил Штюмеру сделать общий прием высших чинов министерства, чего не делал доселе ни один председатель Совета Министров. После этого приема пошли толки об ярко выраженном намерении Штюмера взять себе портфель министра внутренних дел. Поэтому я счел нужным открыть Штюмеру глаза на образ действий Хвостова. По моему совету, Штюмер сделал приемы и высших чинов некоторых других министерств, чтобы придать этому общий характер и, доложив о том государю, предупредить неточность возможного об этом доклада со стороны Хвостова.

Вместе с тем Хвостов воспользовался своим старым знакомым Гурляндом, которого и откомандировал почти всецело в распоряжение Штюмера под видом доброжелательства своего к последнему для правильного освещения в прессе взглядов и начинаний Штюмера. При этом Хвостов не прерывал своих ежедневных свиданий с Гурляндом. Если Гурлянд был обязан Штюмеру своей карьерой по министерству внутренних дел, то, в свою очередь, Штюмер был во многих отношениях обязан Гурлянду, и между ними и их семьями была старая и тесная связь. Эта связь началась, когда Штюмер был ярославским губернатором, а Гурлянд, будучи приват-доцентом ярославского Демидовского лицея, составлял Штюмеру всеподданнейшие отчеты и памятные записки по многим вопросам, в особенности по старообрядческому. Записки эти в свою пору останавливали на себе внимание Александра III, Плеве, Святейшего Синода и кружка князя Мещерского и заставляли говорить о Штюмере как о выдающемся администраторе, знающем историю предмета и знакомом с практикой европейских государств. Для таких же работ Гурлянд был приглашен Штюмером в департамент общих дел, а впоследствии по рекомендации Штюмера был ближайшим сотрудником Крыжановского как по составлению изменений положения о выборах в Государственную Думу, так и в работах по выборам в третью и четвертую Государственные Думы.

Гурлянд оставался в роли ближайшего советника Штюмера по делам внутренней политики и личного друга семьи Штюмера с первых же дней его премьерства. Гр. Борх и Мануйлов, ввиду усиливающегося влияния, отделявшего Мануйлова от Штюмера, Гурлянда от Штюмера, вели против Гурлянда кампанию. Они указывали, что Гурлянд загнипнотизировал своими взглядами

Штюрмера, который под его влиянием вызвал неудовольствие Думы, что Гурлянд пользуется своим положением для того, чтобы пристроить себя и брата в весьма прибыльных частных финансовых предприятиях. Ввиду этого митрополит, Вырубова и Распутин сначала сами настаивали у Штюрмера на удалении Гурлянда, а затем, несмотря на свидание Гурлянда с Распутиным, как последний, так и означенные выше лица добились того, что императрица лично предложила Штюрмеру удалить от себя Гурлянда.

Вышеупомянутый гр. Борх, старый друг Штюрмера, бывший владимирский вице-губернатор, был вызван в Петроград Штюрмером, состоял чиновником особых поручений и был, благодаря своей энергии и умению вращаться в самой разнообразной среде, хорошим политическим осведомителем Штюрмера и помогал ему в борьбе с Хвостовым. В свою очередь и Хвостов собирал сведения о Борхе и занялся расследованием дела Борха об его покровительственном отношении к одной водворенной во Владимирскую губернию за германофильство семье, что чрезвычайно озлобило Борха.

Наружно наши отношения с Хвостовым оставались прежними, но свидания наши ограничивались официальными часами, причем Хвостов заставлял меня ждать очереди для доклада, чего раньше не бывало. Совместные наши свидания с Распутиным продолжались. Однажды я спросил Распутина до прихода Хвостова, отчего он не мог провести кандидатуру Хвостова в председатели Совета Министров. Распутин, улыбнувшись, ответил: «Больно много сразу хочет А. Н. Хвостов; пусть не горячится; все будет в свою пору».

Хвостов за это время еще больше озлобился на Распутина и стал настоятельно требовать от Комиссарова скорейшего осуществления плана убийства. В это же время Хвостов приблизил к себе прибывшего из Москвы дворянина Торопова, деятеля монархических организаций, намекавшего мне на свое близкое участие в партийной борьбе с революцией в Москве, когда был убит депутат Иоллос. Торопов много говорил мне о том, что он может предупреждать заговоры против сановников, императрицы и т. п. Как неуравновешенного человека, я отказался принять его на службу в департамент полиции, чего хотел Хвостов. Торопов проник и к Распутину, и к Вырубовой, которых встревожил своими рассказами о заговоре в Москве против императрицы и о плане насильственного ее заточения в монастырь. Зная участие Торопова в деле Иоллоса, я пришел к заключению, что Торопов, приближаясь к Распутину и Вырубовой, осуществлял замыслы Хвостова. Торопов после ареста Ржевского немедленно исчез из Петрограда.

Глава XX

На почве ареста Ржевского произошел мой окончательный разрыв с Хвостовым.

Ржевский был близким Хвостову человеком еще в Нижнем Новгороде, где он исполнял, в бытность там Хвостова губернатором, его секретные поручения, в особенности во время выборов в Государственную Думу депутата Барача, а впоследствии при борьбе с Кильвейном, не прошедшим в IV Думу. Но, по словам Хвостова, Ржевский часто подводил его в денежном отношении.

Ржевского до его приезда в Петроград я совершенно не знал, и он был принят в агентуру по личному желанию Хвостова. На меня Ржевский произвел

неприятное впечатление, и я уклонялся от дачи ему поручений. Получив сведения о его широком образе жизни, я агентурным путем узнал, что Ржевский, занимая должность уполномоченного Красного Креста северо-западного района, злоупотребляет внеочередными свидетельствами на перевозку грузов. Расследование было произведено полк. Савицким, и после откомандирования ввиду этого Ржевского от министерства внутренних дел я сообщил председателю общества Красного Креста о неблагоприятных действиях Ржевского и доложил Хвостову о необходимости выслать этого агента.

Когда Ржевский вернулся вместе с своей гражданской женой из-за границы и явился ко мне, то стал меня умолять пощадить его, не подымая дела о злоупотреблениях. Ввиду того, что я был непреклонен, Ржевский, желая меня подкупить искренностью, заявил мне, что он за границу ездил не за покупкою мебели для литературного клуба, о чем он мне говорил ранее, а по секретному поручению Хвостова для свидания с Илиодором. Так как в первоначальный период наших совместных обсуждений плана убийства Распутина Хвостовым была высказана мысль о возможности сделать ответственным за это дело Илиодора, уже раз пытавшегося убить Распутина, то я понял, зачем посылал Хвостов Ржевского к Илиодору. Чтобы не связывать себя с Ржевским и по этому делу, я прервал его рассказ, указав ему, что, как агент министерства, он не имеет права выдавать секретов, ему порученных. А затем я потребовал от Ржевского объяснений по поводу двух протоколов, составленных жандармской властью в Белоострове при проезде Ржевского за границу. Едучи туда, Ржевский обиделся тоном жандармского офицера, потребовавшего у него и жены его паспорта, и угрожал офицеру своей близостью к министру внутренних дел. Офицер составил протокол. Возвращаясь из-за границы, Ржевский, зайдя в дежурную жандармскую комнату, начал справляться, какое направление дано протоколу, и советовал направить его не ко мне, а к Хвостову, по секретному поручению которого Ржевский ездил за границу. Указав Ржевскому на неумение конспирировать, я сказал ему, что своего мнения не переменю и прошу его оставить мой кабинет.

В дальнейшем я решил посоветовать Хвостову решительно отказаться от услуг Ржевского и выслать его, если Хвостов будет со мной откровенен относительно данного за границей Ржевскому поручения. Если Хвостов будет конспирировать, то я сам решил арестовать Ржевского и выслать его. Хвостов после моего доклада — я не обнаружил, что знаю цель поездки Ржевского, — предоставил мне решить все это дело. Ввиду этого я отдал приказ Глобачеву арестовать Ржевского, произвести у него обыск и затем изготовить доклад об его высылке.

Пока еще Ржевский был на свободе, я заявил Хвостову, что в интересах нашего плана о Распутине необходимо отвести от него Комиссарова. Комиссарову я предписал заявить Распутину, что ввиду частых тайных отлучек Распутина, исключаящих возможность охраны, Комиссаров отказывается впредь охранять его. Я думал, что Распутин, насторожившись, будет после этого сидеть дома, а затем попросит вернуть ему Комиссарова. Но Комиссаров был так рад развязаться с Распутиным и излить чувство своего на него негодования за четыре месяца отношений с ним, что вышел из рамок данного ему мною поручения и так накричал и выругал Распутина, что семья его не только перепугалась, но и насторожилась против нас, передала обо всем по телефону Вырубовой, высказав свое недоверие к нам и предположение, что все это сделано нами с

какой-либо целью против Распутина. Обо всем этом мне доложил Мануйлов. Я немедленно переговорил с Распутиным по телефону, извинялся за Комиссарова — который, по словам Распутина, «уж больно шибко ругал меня, прямо страсть как шибко» — и советовал в эти дни никуда не выходить и пускать к себе лишь самых близких лиц. Узнав от Распутина, что Комиссаров увел от него и своих филеров, я приказал им вернуться.

На другой день я узнал, что Хвостов рвет и мечет по поводу того, что при произведенном у Ржевского обыске офицер взял, приобщил к делу и ознакомился с письмом Ржевского на имя Хвостова. Глобачев передавал мне, что в этом письме Ржевский просил Хвостова спасти его, тем более что поездка за границу была предпринята по поручению его, Хвостова. Приехав к Хвостову, я услышал от него нервные обвинения Глобачева по поводу взятого письма. Я отвечал, что жандармский офицер не имел права иначе поступить, и что если бы Хвостов не конспирировался от меня в деле Ржевского, то ничего подобного не произошло бы, и что вообще все дело Ржевского не стоит беспокойства, ибо переписка зависит от усмотрения Хвостова. Тогда Хвостов сообщил мне, что Ржевский послал письмо и к Распутину, в котором возвел на Хвостова какие-то обвинения. Тут я заявил Хвостову, что гораздо лучше будет для всех нас отойти от Распутина и от той атмосферы, которой нам пришлось дышать в это время, а вместо всяких замыслов об убийстве Распутина представить государю записку о поведении Распутина в форме выписок из филерского дневника за подписью Глобачева и Комиссарова и откровенно раскрыть глаза его величеству на личность Распутина. Если это может не привести, судя по бывшим примерам, к положительным результатам, то все же мы исполним свой долг. Хвостов согласился, и в одну ночь Глобачев и Комиссаров составили записку, которую утром я привез к Хвостову. Мы с ним отправились на вокзал вместе, и я старался дорогой укрепить его в мужестве для представления записки государю.

По возвращении Хвостова из Царского я спросил его о записке. Хвостов отвечал мне, что он сделал устный доклад государю о Распутине, выставив последнего причиной антидинастического движения в стране, а затем передал и записку. По словам Хвостова, государь в начале его доклада нервно вертел в своих руках карандаш, затем подошел к окну, начал барабанить по стеклу, и, когда доклад был кончен, государь взял записку и отнес ее в покои императрицы. Оттуда Хвостов слышал отзвуки повышенного разговора государя и государыни. Затем государь вернулся, оставил записку у себя и сухо попрощался с Хвостовым. Когда Хвостов вышел из кабинета, чтобы переодеться, то я попросил секретаря Граве посмотреть в портфеле министра, есть ли там записка о Распутине. Оказалось, что записка привезена обратно... Весь свой рассказ Хвостов, таким образом, сочинил, построив его на известных ему личных чертах государя. Хвостов продолжал вести со мной игру...

Вскоре я повидался с кн. Андронниковым, которому и рассказал про все разговоры о планах убийства Распутина. Андронников сообщил мне, что Хвостов уже сделал доклад государю о назначении меня вместо Князева иркутским генерал-губернатором. Жена моя была страшно рада этому назначению, да и я сам понял, что в моем выезде из Петрограда заключается спасение от тины, которая может меня засосать окончательно и довести до опозорения чести. В последующем моем разговоре с Хвостовым, когда я задал ему один вопрос: «За что?», он ответил, что все поправимо, если я ликвидирую Распутина. Затем я узнал из беседы, что, по-видимому, Хвостов желает меня и Комиссарова сде-

лать ответственными за все события, связанные с делом Ржевского. Я откровенно предупредил Хвостова, что я пока примирюсь с положением дел, если Хвостов будет корректен и не заденет моего самолюбия. Затем я узнал, что везде и всюду вплоть до думских кругов Хвостов говорил про меня, что я, пользуясь близостью к Вырубовой и Распутину и интригуя против него, чтобы занять его должность, истолковал командировку Ржевского за границу как шаг для организации убийства Распутина. В этом Хвостов изобличил, мол, меня перед государем — поэтому меня решено удалить в Иркутск. Такое же освещение событиям дал Хвостов и в своей беседе с представителями совета редакторов М. А. Сувориным и И. В. Гессеном. Я понял, что в будущем, после моего отъезда, Хвостов постарается еще решительнее подорвать мой авторитет и добьется быстрого моего ухода из Иркутска.

Ввиду этого я добился через Осипенко и Мануйлова у митрополита того, что у последнего в покоях состоялось мое свидание с ним, со Штюмером и Распутиным. Я рассказал всем им всю правду о деле Ржевского и заявил, что Хвостов желает так или иначе покончить с Распутиным. Но я не рассказал им о наших планах убить Распутина в автомобиле или отравить ядом, о последнем же знал со слов Андронникова и Распутин. Затем я рассказал и Вырубовой в присутствии сидевшей в соседней комнате, чтобы слышать разговор для передачи его Распутину, сестры милосердия Акилины все про планы убийства Распутина, упомянув и Воейкова. Свидания мои с Вырубовой возобновились. В ее руки попало письмо Ржевского, привезенное ей Симановичем от Распутина, в котором Ржевский обвинил Хвостова в поручении ему организации убийства Распутина. Ввиду этого Вырубова, заехав к Штюмеру лично, передала ему это письмо с высочайшим повелением расследовать это дело, а затем, по поручению императрицы, просила генерала Беляева учредить через контрразведку наблюдение за перепиской Ржевского.

Хвостов с этого момента старался всячески приблизить к себе Мануйлова, увеличил его содержание и просил держать его в курсе всех сведений. Но Мануйлов, передавая мне об этом, заметил, что он и не подумает служить интересам Хвостова и будет стоять на стороне Штюмера. От Мануйлова я узнал о полученных через ген. Беляева телеграммах Илиодора на имя Ржевского, в которых Илиодор настойчиво требовал высылки 5 т. р. для выезда пяти лиц из Саратовской губ., близких к Илиодору. Эти лица, как уверял Ржевский в своем первоначальном показании, должны были убить Распутина в автомобиле, шофером на котором должен был быть Ржевский. Распутина хотели заманить на любовное свидание через посредство жены Ржевского. Труп Распутина должны были бросить в Неву. Но потом Ржевский, вследствие пристрастного допроса Гурляндом, изменил свое показание. Вырубова и Распутин, пока дознание не перешло в руки Гурлянда, очень интересовались показаниями Ржевского. Штюмер ездил с докладами об этом деле к императрице, заезжая к Вырубовой, которая по тому же делу тоже приезжала к Штюмеру. Хотя дознание о Ржевском получило неопределенный характер, однако Вырубова и Распутин усумнились в искренности Хвостова. Штюмер же, не веривший Ржевскому под влиянием Гурлянда, все же ускорил высылку Ржевского. Поэтому Хвостов, несмотря на свое желание повидаться с Вырубовой и Распутиным, не мог получить от них приглашения, а обычный доклад его государю был отложен. Это вывело Хвостова из равновесия, и он, выслав кн. Андронникова навстречу Воейкову, ехавшему из своего имения с подробным докладом с целью заручить-

ся поддержкой государя,— начал действовать против Вырубовой и Распутина, сделав обыски у некоторых близких Распутина, и арестовал его друга Симановича, угрожая арестовать и Распутина, о чем и постарался довести до сведения Вырубовой. Эта угроза встревожила Вырубову, написавшую письмо к Хвостову с вопросом, правдивы ли дошедшие до императрицы сведения о предстоящем аресте Распутина. Это письмо Хвостов показывал очень многим лицам. Тогда я решил поехать к Вырубовой. Она мне сообщила, что в ответ на письмо Хвостов сказал ей по телефону, что он недоволен поведением ее и Распутина в этом деле и нежеланием с ним видаться. Вырубова, ввиду этого, пригласила Хвостова и Распутина на примирительный обед. Тогда я раскрыл Вырубовой всю игру Хвостова, и она обед отменила. Хвостов понял, что его игра проиграна. Штюрмер при поддержке митрополита, Распутина и Вырубовой доказал государю необходимость ухода Хвостова и передачи портфеля ему, Штюрмеру.

Я торопился выездом из Петрограда. За несколько дней до отъезда ко мне зашел редактор «Биржевых Ведомостей» М. М. Гаккебуш-Горелов и просил меня сообщить ему лично, но не для печати историю Ржевского на случай, если после моего отъезда пришлось бы защищать меня в прессе.

Я взял с него слово не оглашать моего рассказа и передал все то, что Горелов напечатал затем в «Биржевых Ведомостях», несмотря на отданный приказ по цензуре — не касаться дела Ржевского. Статья вызвала большой шум: говорили о запросе в Думу по инициативе Керенского. Правая группа Государственного Совета была возмущена, и Кобылинский послал в «Вечернее Время» свою статью с требованием моей отставки. Хвостов же был так возмущен, что Замысловскому и Маркову стоило немало усилий отговорить Хвостова от выступления на кафедре Государственной Думы. Тогда Хвостов потребовал от Штюрмера удовлетворения наказанием меня.

Что касается Гаккебуша, о дружбе которого с Гурляндом я до тех пор не знал, то он объяснил мне, что счел необходимым выступить в мою защиту. Разрешения печатать нашу беседу он от меня не добился за моим отсутствием дома. Запретительный же циркуляр, по недоразумению, не попал в редакцию. Узнав о последствиях всего этого дела, Гаккебуш предложил мне напечатать разъяснение от моего имени и от редакции. Военная цензура, по приказанию Штюрмера, не разрешила к печати таких писем. Тем не менее я добился помещения в «Новом Времени», что мне окончательно повредило, так как до появления моего письма можно было отрицать самый факт беседы. После же — всякое сомнение в этом отпало. Как я узнал, Штюрмер послал по поводу письма доклад государю. Вслед за этим я был приглашен Штюрмером к нему на квартиру, и он передал мне высочайшее повеление об увольнении меня от должности иркутского генерал-губернатора с оставлением в звании сенатора. Штюрмер, по получении через день доклада обо мне, вызвал меня вновь к себе, показал мне указ о моей отставке с оставлением сенатором и высочайшее повеление о пожаловании мне 18 т. р. Прощаясь со мной, Штюрмер настойчиво мне рекомендовал, намекая на желание государя, уехать на некоторое время из Петрограда и добавил, что он думает, что и А. Н. Хвостов уедет также.

РАСПУТИН И ЕВРЕИ (Воспоминания личного секретаря Григория Распутина)

Вместо предисловия

Единственная цель этих воспоминаний передать мои наблюдения над бурным периодом русской истории, к которому относится: начало мировой войны, неслыханное возвышение Распутина, гибель Романовской династии и первые раскаты гражданской войны.

Я не собираюсь в них делать никаких открытий и никого разоблачать. Я чужд тенденциозности. Я также стараюсь не говорить о делах, в которых я недостаточно осведомлен.

Мое повествование о событиях при дворе основывается главным образом на моих собственных приключениях и рассказах Распутина, который меня, как своего доверенного и советчика, посвящал во все, что он видел и слышал, а перед ним царская чета не имела никаких тайн.

Царь и царица исповедовались ему, как своему духовнику. Я вполне уверен, что его рассказы соответствовали правде, только по этой причине я осмелился говорить о фактах из интимной жизни царской семьи, которые до сих пор оставались неизвестными. Возможно, что в моем рассказе попадутся некоторые неточности в именах и мелочах, но я никогда не вел ни записей, ни дневников и поэтому должен был положиться исключительно на свою память. Я полагаю, что будет много попыток поколебать правдивость моего рассказа, но я уверен, что это не удастся.

Что касается моей личной деятельности, о которой я рассказываю, то я не выставляю требований признать все мои поступки правильными. Для меня всегда было важно достигнуть цели, которую я себе поставил и считал верной. Я пользовался средствами, которые были под рукой и мне казались наиболее рациональными. Я старался в первую очередь использовать все возможности, которые мне предоставляло мое положение советника и царем назначенного секретаря Распутина.

Старец

В это время — в 1905 году — появился при царском дворе Григорий Распутин.

Еще до появления его при дворе были распространены самые фантастические слухи об этом таинственном человеке, основанием которых служили

Печатается по книге А. Симановича «Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина» (издательство «Историческая библиотека», Рига, 1924) с сокращениями.

письма супруги великого князя Николая Николаевича Анастасии и ее вышедшей замуж за великого князя Петра Николаевича сестры Милицы.

Обе сестры как раз в то время находились в киевском монастыре.

Они сообщали из Киева о чудесном старце, которого они хотели взять с собой в Петербург. Этот человек — не монах и не священник, но обладает душевной силой.

Уже давно в окружении царицы перешептывались, что царица передала своим детям нездоровую кровь, которая является возбудителем болезней и причиной разных несчастий. Должен заметить, что среди придворных кругов было сильно развито суеверие. В этом отношении они не стояли выше простого крестьянства. Большинство лиц из царского окружения были очень ограничены, неопытны и беспомощны в самых обыденных жизненных вопросах. Вырубова, княгиня Орбелиани и другие придворные дамы передавали царской чете то, что они слышали о Распутине. Царь и царица как раз переживали очень тяжелые дни. Их угнетали опасения перед своей родней, двором и неизвестной будущностью. Надвигалась буря революции. Когда до них донеслись слухи о Распутине и его чудесах, в них зародилась надежда, что он мог бы помочь. Более всего они надеялись, что он мог бы исцелить тяжело больного царевича.

И до Распутина неоднократно при русском дворе появлялись многочисленные странники, монахи, предсказатели и тому подобные личности. Царская чета охотно беседовала и советовалась с ними. Советы исполнялись в точности, но ничего не помогало. После нескольких собеседований, совместных молитв и религиозных наставлений обычно интерес царской семьи к ним исчерпывался и они могли идти своей дорогой.

Между царем и царицей возникали очень часто ссоры. Оба были очень нервны. По несколько недель царица не разговаривала с царем — она страдала истерическими припадками. Царь много пил, выглядел очень плохо и сонно, и по всему было заметно, что он не властен над собой. Как раз в это время появились слухи о чудесных исцелениях Распутина. Рассказывали, что своими чудодействующими травами он врачует от самых тяжелых болезней. Все это дало пищу надеждам царской четы, и был отдан приказ доставить Распутина как можно скорее в царский дворец.

Первая встреча Распутина с придворными дамами

Откуда взялся Распутин и каким путем он мог достигнуть такого огромного влияния и неслыханного значения?

Я уже сказал, что в петербургском обществе Распутин нашел хорошо подготовленную почву. Он отличался от других сомнительных личностей, ясновидящих, предсказателей и тому подобных людей своей изумительной силой воли. Кроме того, он никогда не преследовал личных мелочных интересов и его стремление к влиянию над людьми вызывалось только жаждой к власти. Его сильная личность требовала выявления власти. Он любил приказывать и распоряжаться людьми. Это стремление обнаружилось у него еще до его появления в Петербурге, когда он еще проживал в стесненных условиях, и, конечно, в значительно сильной мере в Петербурге, когда он достиг своих баснословных успехов.

Распутин появился за девять лет до начала великой войны, и дальнейшие события я буду передавать по рассказам самого Распутина.

Великая княгиня Анастасия, супруга Николая Николаевича, и ее сестра Милица отправились на богомолье в Киев. Они остановились в подворье Михайловского монастыря. Однажды утром они на дворе монастыря заметили обыкновенного странника, занятого колкой дров. Он работал для добывания себе пропитания. Это был Распутин. Он уже посетил много святых мест и монастырей и находился на обратном пути своего второго путешествия в Иерусалим. Распутин пристально посмотрел на дам и почтительно им поклонился. Они задали ему несколько вопросов, и таким образом завязался разговор. Незнакомый странник показался дамам очень интересным. Он рассказывал о своих странствованиях по святым местам и о своей жизни. Он много видел и пережил. Два раза он пешком проделал далекую дорогу из Тобольска в Иерусалим и знал все знаменитые большие монастыри, а также мог многое рассказать о знаменитых монахах. Его рассказ привлекал высокопоставленных дам, и его повествования на религиозные темы импонировали им. Первое знакомство закончилось приглашением его на чай.

Распутин вскоре воспользовался приглашением. Великие княгини, которые свою поездку на богомолье совершали инкогнито, скучали, и рассказы Распутина доставляли им развлечение, которого им не доставало. Поэтому они радовались видеть в своих покоях своеобразную характерную фигуру Распутина.

Распутин рассказывал своим новым знакомкам, что он простой человек села Покровского Тобольской губернии. Его отец еще жив и занимается погрузкой и выгрузкой барж на реке Туре. Семья его состояла из его жены Пракскови, сына Мити и дочерей Марьи и Вари. Далее Распутин рассказывал, что, хотя он и человек необразованный, еле разбирающий грамоту, он часто на железнодорожных станциях и пароходных пристанях проповедует народу. Он гордился своим проповедническим талантом и утверждал, что ему нетрудно побороть даже ученых миссионеров и богословов. В особенности он подчеркивал свое знание «церковного права», но трудно было уяснить, что он понимает под церковным правом. Во всяком случае несомненно одно, что Распутин своими религиозными познаниями приводил в изумление даже епископов и академически образованных богословов.

Посещение Распутиным петербургских дам становилось все чаще. Они охотно с ним встречались, угощали его и относились к нему весьма любезно. В личности Распутина было что-то, что привлекало людей к нему. В особенности дамы, сами того не замечая, легко попадали под его влияние. Когда Распутин узнал, кто его новые знакомые, он в особенности постарался заручиться их расположением, значение которого для него сразу стало ясным. Конечно, он в то время еще и не предвидел, какая значительная роль ему предначертана при царском дворе, но сразу сообразил, какие блестящие возможности ему открываются.

Распутин сообщил дамам, что он обладает способностью излечивать все болезни, никого не боится, может предсказать будущее и отвести предстоящее несчастье. В его рассказах было много огня и убедительности, и его серые пронизывающие глаза блестели так суггестивно, что его слушательниц охватывало какое-то восхищение перед ним. Они проявляли перед ним какое-то мистическое поклонение. Легко поддающиеся суеверию, они были убеждены, что перед ними чудотворец, которого искали их сердца. Одна из них спросила его

как-то вечером, может ли он излечить гемофилию. Ответ Распутина был утвердительным, причем он пояснил, что болезнь эта ему хорошо известна, и описал ее симптомы с изумительной точностью. Нарисованная картина болезни вполне соответствовала страданиям цесаревича. Еще большее впечатление оставило его заявление, что он уже излечил несколько лиц от этой болезни. Он называл также травы, которые для этого применялись им. Дамы были счастливы, что им представляется возможность оказать царской чете громадную услугу излечением ее сына. Они поведали Распутину о болезни наследника, о которой в то время в обществе еще ничего не было известно, и он предложил излечить его.

Таким образом завязался узел, развязка которого последовала лишь убийством чудотворца и бурями второй революции.

Началось царствование Распутина.

Слухи

Скоро Распутин и его посещения царского дворца окружило бесчисленное количество слухов. С особенной настойчивостью старались выяснить, что могло побудить обеих великих княгинь и их спутников ввести в царский дворец неизвестного мужика. Многие высказывали подозрение, что появление Распутина не является случайным, но такого странного чудотворца искали уже давно, чтобы при его помощи оказать в политических целях влияние на царя.

Николай II был очень мнительным, но в своем роде хитрым. Он оказывал особую внимательность к людям, которые, казалось, обладали сверхъестественной силой. Разного рода мистики, душевно одержимые и даже шарлатаны очень легко получали не только доступ к нему, но и пользовались его вниманием, уважением и даже благоволением. В их обществе он чувствовал себя хорошо, внимая их поучениям и советам.

Объяснение этому многие находили в ранении его головы японским принцем во время путешествия в Японию.

Находились также люди, которые Распутина считали орудием Германии. Они поясняли, что Гогенцоллерны питают сильную вражду к династии Романовых и что германский император хочет отомстить русскому царю за его неблагодарность и непочтительность. Далее утверждали, что в течение последних двух столетий Гогенцоллерны принимали все меры, чтобы покорить Россию.

В действительности Германия имела очень сильное влияние на хозяйственную жизнь России, но не на политическую.

Русский двор не любил Гогенцоллернов и был уверен, что Вильгельм II считает Романовых единственным препятствием к мирному завоеванию России. Эти предположения служили основанием толков, что Распутин является орудием Вильгельма.

Другие лица были заняты решением вопроса, что побуждало Вырубову, приближенную царицы, всякими способами выдвигать и поддерживать Распутина. О немецком влиянии на нее не могло быть и речи. И все-таки она была первой, кто силой всей своей личности выступала за Распутина. Малейшее желание Распутина было для Вырубовой законом. Она боготворила Распутина и в большей части своего исключительного положения он обязан ей, его верной посреднице перед царской четой. Он говорил про нее, что она предана ему до гроба, и в действительности она была его преданнейшим агентом. При этом она

была убеждена, что она действует в интересах царской четы и династии, и главным образом добивалась излечения царевича.

Кто мог из лиц, способствовавших приближению Распутина к царской чете, иметь намерение этим вредить династии: может быть, обе дочери короля черногорского Никиты, великие княгини Милица и Анастасия, которые вызвали Распутина из Киева в Петербург.

Иногда высказывалось мнение, что Распутин был приближен к царю, чтобы своим знахарством погубить наследника, что могло бы быть в интересах царской родни.

Распутин — любимец царской четы

Распутин прибыл в Петербург не по железной дороге, а пешком и при этом босиком. Он остановился в монастырской гостинице, как гость архимандрита Феофана. Это и послужило поводом к слухам, что Распутина рекомендовал Николаю Николаевичу Феофан.

Из монастырской гостиницы Распутин переехал на квартиру генеральши Лохтиной на Николаевской улице.

Эксцентричная и не отдававшая в своих действиях отчета, госпожа Лохтина была известна тем, что она всегда носила белый шелковый цилиндр. Генеральша была чрезвычайно предана Распутину и обучала его грамоте. От нее Распутин перебрался к Сазонову, родственнику министра иностранных дел, на Ямскую улицу. Позднее Распутин жил на Английской набережной и наконец поселился на Гороховой улице, в доме № 64, где и проживал до самой смерти.

В Царском селе Распутина ожидали с нетерпением, но приняли сдержанно. Великая княгиня Анастасия встретила Распутина в Петербурге и вскоре ввела его к царице. Он оставил приятное впечатление, вел себя спокойно и с достоинством, рассказывал о своей жизни и избегал хвастаться своей сверхъестественной силой. Он знал, что великие княгини уже достаточно его разрекламировали.

С первой же встречи с царевичем он отнесся к больному мальчику с особенной предупредительностью. Он владел даром влиять на людей успокаивающим образом. Его спокойствие и уверенное обращение сильно влияли на людей. Его особенное искусство воздействовать на больных сразу поставило его в надлежащее положение у кровати страдающего мальчика.

Бедный ребенок страдал кровотечением из носа, и врачи не в силах были ему помочь. Обильные потери крови обессиливали мальчика, и в этих случаях родителям всегда приходилось дрожать за его жизнь. Дни и ночи проходили в ужасном волнении. Маленький Алексей полюбил Распутина. Суггестивные способности Распутина оказывали свое действие. Однажды, когда опять наступило кровотечение из носа, Распутин вытащил из кармана ком древесной коры, разварил ее в кипятке и покрыл этой массой все лицо больного. Только глаза и рот остались открытыми. И произошло чудо: кровотечение прекратилось. Распутин рассказывал мне подробно об этом своем первом выступлении в царском дворце в качестве врача. Он не скрывал, что кора, которой он покрыл лицо царевича, была обыкновенной дубовой корой, имеющей качество останавливать кровотечение. Царская чета при этом случае же узнала, что существуют сибирские, китайские и тибетские травы, обладающие чудесными целебными свойствами. Распутин между прочим умел исцелять также без помощи трав. Болел кто-ни-

будь головой и лихорадкой — Распутин становился сзади больного, брал его голову в свои руки, нашептывал что-то, никому непонятное, и толкал больного со словом «Ступай». Больной чувствовал себя выздоровевшим. Действие распутинского нашептывания я испытал на себе и должен признаться, что оно было ошеломляющим.

Распутин возбуждал в окружающих его людях самые разнообразные чувства. Одни испытывали перед ним какую-то странную боязнь, другие глубокое почитание, а третьи его ненавидели. Царская семья находилась всецело в его власти, и царь подчинялся вполне его влиянию. Распутин управлял им. Я не сомневаюсь в том, что Распутин потерял бы значительную долю своего влияния, если бы наследник выздоровел. Не подлежит сомнению, что здоровье наследника благодаря уходу Распутина значительно улучшилось, но он никогда совершенно не поправлялся. Распутин сумел внушить царю, что болезнь наследника опасна для него только до восемнадцатилетнего возраста и что после этого срока он совершенно избавится от болезни. При всяком ухудшении здоровья мальчика и при малейшем его недомогании призывался чудотворец: он обладал необъяснимой властью над мальчиком. Неоднократно было достаточно телефонного разговора, чтобы прогнать бессонницу или лихорадку. Этими обстоятельствами и объясняется необыкновенное влияние Распутина на царицу. Не лишённая некоторого болезненного оттенка, материнская любовь царицы делала ее рабыней Распутина. Он умел эти необычайные обстоятельства использовать для себя... Я догадываюсь, что в некоторых случаях он нарочно способствовал тому, чтобы обстановка эта сложилась как можно более выгодно для него.

Несмотря на свою необразованность, он был очень хитрым и ловким человеком. Было естественно, что он хотел свою сказочную власть удержать как можно дольше, к чему равно с ним стремилось все окружение царя, большинство придворных чинов, министров, генералов и прочих высокопоставленных лиц, которые меньше заботились об интересах родины и главным образом стремились как можно дольше удержать в своих руках власть. Разница между ними и сибирским мужиком состояла в том, что они не обладали особыми дарованиями и влиянием на царя.

В конце концов власть Распутина была даже больше власти царя, так как в некоторых случаях он мог добиться больше, чем император «всей России».

Распутин умел за счет царя окружить себя людьми, которые ему были преданы душой и телом и служили ему не за страх, а за совесть. С другой стороны, он видел возрастающую с каждым днем против него вражду. Против него открылся настоящий поход. Его враги изо дня в день становились все многочисленнее и сильнее. Они старались восстановить против него всю Россию. Их работа не оставалась безрезультатной, но одного они не могли достичь: разлучить царя и царицу с Распутиным.

Любовь царской четы к Распутину еще более окрепла, и даже просьбы и угрозы не могли ничего изменить. Хоть царь и царица не могли не видеть грозивших им из-за Распутина опасностей, но они не обращали на них внимания. Возникла неслыханная борьба, в которой против царя выступали: его народ, его ближайшие сотрудники и его родня.

Протестами против Распутина, грязными и лживыми доносами на него отвлекалась жизнь царской четы. Но всегда безвольный, царь оставался в этом вопросе непоколебимым. Другой на его месте пожертвовал бы не только Распу-

тиным, но и самым дорогим и любимым, лишь бы спасти уже в то время колеблющуюся корону. Но Николай пошел как раз противоположной дорогой. Он всем пожертвовал, лишь бы оставить около себя Распутина. При этом погиб не только он сам и его семья, но и великое государство.

Моя дружба с Распутиным

Я познакомился с Распутиным еще в Киеве, до того как он стал известен в Петербурге. В Петербурге я совершенно случайно встретил его у княгини Орбелиани, с которой я был в хороших отношениях. Впоследствии я его часто видел у Вырубовой.

При первой встрече на меня оказали сильное влияние его выразительные глаза. Эти глаза одновременно и приковывали человека, и вызывали какое-то неприятное чувство. Я вполне понимаю, что его взгляд оставлял на людей слабых и легко поддающихся чужому влиянию очень сильное впечатление.

Вырубова нуждалась в моем деловом совете по вопросу, касающемуся Распутина. Распутин отнесся ко мне весьма почтительно и показал, что он готов взаимно услужить. Я заметил, что этот мужик умел ценить хорошие отношения. Мы сделали скоро друзьями. Мне в руку сыграло то обстоятельство, что Распутин не имел никакого понятия о финансовой стороне существования и очень неохотно занимался финансовыми вопросами. Неоднократно в своей прошедшей жизни ему приходилось попрошайничать, проживать бесплатно в монастырях, монастырских гостиницах или у зажиточных крестьян. Будущность его интересовала очень мало. Он был вообще человеком беспечным и жил настоящим днем. Царский двор заботился о нем в Петербурге, но он оставался в столице беспомощным и чужим. Несмотря на свою близость к царской семье, он оставался одиноким. Его могучий и чувственный темперамент требовал сильных и возбуждающих переживаний. Он любил вино, женщин, музыку, танцы и продолжительные и интересные разговоры. В царском дворце он этого ничего не имел. Во дворце велась совершенно особая жизнь, и творившиеся там человеческие низости оставались там скрытыми под маской притворства и кажущейся добродетели. Это не подходило Распутину. В присутствии царя и царицы Распутин сдерживал свой страстный характер. Но его личная жизнь была беспорядочна, и он не был в состоянии завести налаженный домашний очаг. Вначале он жил на случайные подачки царя. Здесь ему потребовалась моя помощь, и это было основой нашей дружбы.

Я принял на себя хлопоты о его материальном благополучии, и Распутин был очень рад, что освобождался от этих забот. Вскоре я сделался для него незаменимым. Я заботился о всех мелочах и нуждах его ежедневной жизни. Мой опыт и мое знакомство со столичными условиями ему imponировали. Я помогал ему ориентироваться в Петербурге. Много было для него ново — и он привыкал постепенно руководствоваться во всем моими советами. Таким образом, я сделался его секретарем, ментором, управляющим и защитником. В результате Распутин без меня не предпринимал ничего важного. Я посвящался во все его дела и тайны. В случаях непослушания мне приходилось на него частенько прикрикивать, после чего Распутин вел себя как провинившийся школьник. Общественность об этом ничего не знала, и все были только уверены, что благодаря Распутину мне представляется возможным провести у царя, царицы, министров и прочих власть имеющих сановников почти все, что я желаю.

Личность Распутина

Своей внешностью Распутин был настоящий русский крестьянин. Он был крепыш, среднего роста. Его светло-серые острые глаза сидели глубоко. Его взгляд пронизывал. Только немногие его выдерживали. Он содержал суггестивную силу, против которой только редкие люди могли устоять. Он носил длинные, на плечи ниспадающие волосы, которые делали его похожим на монаха или священника. Его каштановые волосы были тяжелые и густые.

Духовных лиц Распутин не ставил высоко. Он был верующим, но не притворялся, молился мало и неохотно, любил, однако, говорить о Боге, вести длинные беседы на религиозные темы и, несмотря на свою необразованность, любил философствовать. Его сильно интересовала духовная жизнь человека. Он был знаток человеческой психики, что ему оказывало большую помощь. Регулярную работу он не любил, так как был лентяем, но мог в случае необходимости напряженно физически работать. Временами физическая работа была для него необходима.

Вокруг Распутина собралось несчетное количество легенд. Я не намерен состязаться с сочинителями всяких скандальных историй и хочу лишь передать мои наблюдения над действительным Распутиным.

На лбу Распутин имел шишку, которую он тщательно закрывал своими длинными волосами. Он всегда носил при себе гребенку, которой расчесывал свои длинные, блестящие и всегда умасленные волосы. Борода же его была почти всегда в беспорядке. Распутин только изредка расчесывал ее щеткой. В общем он был довольно чистоплотным и часто купался, но за столом он вел себя малокультурно. Он пользовался только в редких случаях ножом и вилкой и предпочитал брать кушанья с тарелок своими костлявыми и сухими пальцами. Большие куски он разрывал, как зверь. Только немногие могли при этом смотреть на него без отвращения. Его рот был очень велик, но вместо зубов в нем виднелись какие-то черные корешки. Во время еды остатки пищи очень часто застревали в его бороде. Он никогда не ел мяса, сладостей и пирожных. Его любимыми блюдами были картофель и овощи, которые доставлялись ему его почитателями. Распутин не был антиалкоголиком, но и не ставил высоко водку. Из других напитков он предпочитал мадеру и портвейн. К сладким винам он привык в монастырях и мог их переносить в очень больших количествах. В своей одежде Распутин всегда оставался верен своему крестьянскому наряду. Он носил русскую рубашку, опоясанную шелковым шнурком, широкие шаровары, высокие сапоги и на плечах поддевку. В Петербурге он охотно надевал шелковые рубашки, которые вышивали для него и подносили ему царица и его поклонницы. При них он также носил высокие лаковые сапоги.

Распутин любил поучать людей. Но он говорил немного и ограничивался короткими отрывистыми и часто даже непонятными фразами. Все должны были внимательно к нему прислушиваться, так как он был очень высокого мнения о своих словах.

Почитателей Распутина можно разделить на две категории. Одни верили в его сверхъестественные силы и его святость, в его божественное назначение, а другие просто считали модным за ним ухаживать или старались через него добиться для себя или своих близких каких-нибудь преимуществ. Когда Распутин укоряли его слабостью к женскому полу, он обычно отвечал, что его вина уж не так велика, так как очень много высокопоставленных лиц прямо вешают

ему на шею своих любовниц и даже жен, чтобы таким путем добиться от него каких-нибудь выгод для себя. И большинство этих женщин вступали в интимную связь с ним с согласия своих мужей или близких. Были у Распутина почитательницы, которые навещали его по праздникам, чтобы поздравить, и при этом обнимали его пропитанные дегтем сапоги. Распутин, смеясь, рассказывал, что в такие дни он особенно обильно мажет свои сапоги дегтем, чтобы валяющиеся у его ног элегантные дамы побольше бы испачкали свои шелковые платья.

Баснословный успех его у царской четы сделал его каким-то божеством. Все петербургское чиновничество пришло в волнение. Одного слова Распутина было достаточно, чтобы чиновники получали высокие ордена или другие отличия. Поэтому все искали его поддержки. Распутин имел больше власти, чем любой высший сановник.

Не нужно было особых знаний или талантов, чтобы при его помощи сделать самую блестящую карьеру. Для этого было достаточно прихоти Распутина.

Назначения, для которых была необходима долголетняя служба, Распутиным проводились в несколько часов. Он доставлял людям должности, о которых они раньше и мечтать не смели. Он был всемогущий чудотворец, но при этом доступнее и надежнее, чем какая-нибудь высокопоставленная особа или генерал.

Ни один царский фаворит — никогда в России не достигал такой власти, как он.

Распутин не старался перенять манеры и привычки благовоспитанного петербургского общества. Он вел себя в аристократических салонах с невозможным хамством.

По-видимому, он нарочно показывал свою мужицкую грубость и невоспитанность.

Это была удивительная картина, когда русские княгини, графини, знаменитые артистки, всесильные министры и высокопоставленные лица ухаживали за пьяным мужиком. Он обращался с ними хуже, чем с лакеями и горничными. По малейшему поводу он ругал этих аристократических дам самым непристойным образом и словами, от которых покраснели бы конюхи. Его наглость бывала неопишима.

К дамам и девушкам из общества он относился самым бесцеремонным образом, и присутствие их мужей и отцов его нисколько не смущало. Его поведение возмутило бы самую отъявленную проститутку, но несмотря на это почти не было случаев, когда кто-нибудь показывал свое возмущение. Все боялись его и льстили ему. Дамы целовали его испачканные едой руки и не гнушались его черных ногтей. Не употребляя столовых приборов, он за столом руками распределял среди своих поклонниц куски пищи, и те старались уверить его, что они это считают каким-то блаженством. Было отвратительно наблюдать такие сцены. Но гости Распутина привыкли к этому, и все это принимали с беспрецедентным терпением.

Я не сомневаюсь, что Распутин нередко вел себя возмутительно-безобразно, чтобы показать свою ненависть дворянству. С особенной любовью он ругался и издевался над дворянством, называл их собаками и утверждал, что в жилах любого дворянина не течет ни капли русской крови. Разговаривая же с крестьянами или своими дочерьми, он не употреблял ни единого бранного слова. Его

дочери имели особую комнату и никогда не заходили в помещения, в которых находились гости. Комната дочерей Распутина была хорошо меблирована, и из нее вела дверь в кухню, в которой жили племянницы Распутина Нюра и Катя, наблюдавшие за его дочерьми. Собственные комнаты Распутина были почти совсем пусты, и в них находилось очень немного самой дешевой мебели. Стол в столовой никогда не накрывали скатертью. Только в рабочей комнате стояло несколько кожаных кресел, и эта была единственная более или менее приличная комната во всей квартире. Эта комната служила местом интимных встреч Распутина с представительницами высшего петербургского общества. Эти сцены обычно протекали с невозможной простотой, и Распутин в таких случаях соответствующую даму выпроваживал из своей рабочей комнаты словами: «Ну, матушка, все в порядке!»

После такого дамского визита Распутин обыкновенно отправлялся в напротив его дома находящуюся баню. Но данные в таких случаях обещания всегда исполнялись.

При любовных похождениях Распутина бросалось в глаза, что он терпеть не мог навязчивых особ. Но с другой стороны, он надоедливо преследовал не поддававшихся его вожделиниям дам. В этом отношении он становился даже вымогателем и отказывался от всякой помощи в делах таких лиц. Бывали также случаи, что приходившие к нему с просьбами дамы прямо сами себя предлагали, считая это необходимой предпосылкой для исполнения их просьбы. В таких случаях Распутин играл роль возмущенного и читал просительнице самое строгое нравоучение. Их просьбы все же исполнялись.

Дом Распутина

В столовой Распутина обычно собиралось самое разнообразное общество. Каждый посетитель считал своей обязанностью принести что-нибудь съедобное. Мясные блюда не почитались. Приносили много икры, дорогой рыбы, фруктов и свежего хлеба. Кроме того, на столе стояли всегда картофель, кислая капуста и черный хлеб. Бессменно на столе возвышался громадный кипящий самовар. Кладовая Распутина была всегда набита всевозможными запасами. Каждый приходивший мог угощаться по своему желанию. Иногда можно было наблюдать сцену, когда Распутин бросал куски черного хлеба в миску с ухой, вытаскивал своими руками эти куски опять из ухи и распределял между своими гостями. Последние принимали эти куски с воодушевлением и съедали их с удовольствием. На столе всегда находилась куча сухарей из черного хлеба и соль. Распутин любил эти сухари, а также предлагал их своим гостям, среди которых постоянно находились кандидаты на министерские посты и другие высокие должности. Распутинские сухари пользовались в Петербурге большой популярностью. Его хозяйство вели его племянницы Нюра и Катя. Прислуги он не держал.

Съестные припасы я доставлял Распутину на дом. Я заботился о том, чтобы Распутин и его семья получали бы все необходимое; по этому поводу у нас с ним существовало молчаливое соглашение. Николай II знал, что, пока его любимец находится на моем попечении, он ни в чем нуждаться не будет. Распутин принимал мои услуги, но никогда не спрашивал об их мотивах. Он даже не инте-

ресовался, откуда я доставал деньги. В случае какой-либо нужды он всегда просто обращался ко мне.

Жизнь Распутина требовала громадных сумм, и я всегда их доставал. В последнее время по распоряжению царя из министерства внутренних дел отпускались ежемесячно пять тысяч рублей, но при широком образе жизни Распутина и его кутежах этой суммы никогда не хватало. Не хватало также моих личных средств на покрытие всех расходов. Поэтому я доставал Распутину деньги из особых источников, которые, чтобы не повредить моим единоверцам, я никогда не выдам.

Если бы Распутин думал лишь о собственных выгодах, то он накопил бы большие капиталы. Ему не стоило бы много труда получать от лиц, которым он устраивал должности и всякие другие выгоды, денежные вознаграждения. Но он никогда не требовал денег. Он получал подарки, но они не были высокой стоимости. Например, ему дарили одежду или платили по его счетам за кутежи. Деньги он принимал лишь в тех случаях, если он ими мог кому-нибудь помочь. Бывали случаи, что одновременно с каким-либо богачом у него находился бедный, хлопочущий о помощи. В таких случаях он предлагал богачу давать бедному несколько сот рублей. С особым удовольствием он помогал обращающимся к нему за помощью крестьянам. Случалось, что он своих просителей посылал к еврейским миллионерам: Гинцбургу, Соловейчику, Манусу, Каминка и другим с записками о выдаче им той или другой суммы. Эти просьбы всегда удовлетворялись. Когда Распутин посещал М. Гинцбург, то он обычно отнимал у него все при нем находящиеся наличные деньги и распределял их среди всегда в его доме толпящейся бедноты. В таких случаях он любил выражаться: в доме находится богатый человек, который хочет распределить свои деньги среди бедняков. Но для себя он ничего не требовал. Я пытался его заинтересовать в моих делах, но он всегда отказывался. Если его хотели отблагодарить, то нужно было искать особые пути. От природы он имел доброе сердце. Случалось лишь очень редко, что он в исполнении какой-нибудь просьбы отказывал. В серьезных случаях он показывал себя всегда очень деликатным и всегда готовым к помощи. Он очень подробно расспрашивал своих просителей, и ему было очень неприятно, если он не мог им помочь. Он охотно выступал за обиженных и униженных и принимал жалобы на власть имущих.

Между 10 — 1 у него всегда бывал прием, которому мог позавидовать любой министр. Число просителей иногда достигало до 200 лиц, и среди них находились представители самых разнообразных профессий. Среди этих лиц можно было встретить генерала, которого собственноручно побил великий князь Николай Николаевич, или уволенного вследствие превышения власти государственного чиновника. Многие приходили к Распутину, чтобы выхлопотать повышение по службе или другие льготы, иные опять с жалобами или доносами. Евреи искали у Распутина защиты против полиции или военных властей. Но мужчины терялись в массе женщин, которые являлись к Распутину со всевозможными просьбами и по самым разнообразным причинам.

Если он не спал после ночного кутежа, то он обычно выходил к этой разношерстной, набившей все углы его квартиры толпе просителей. Он низко кланялся, оглядывал толпу и говорил: «Вы пришли все ко мне просить помощи. Я всем помогу».

Если никогда Распутин не отказывал в своей помощи. Он никогда не задумывался, стоит ли проситель его помощи и годен ли он для просимой долж-

ности. Про судом осужденных он говорил: «Осуждение и пережитый страх уже есть достаточное наказание».

Для Распутина было решающим то, что проситель нуждался в его помощи. Он помогал всегда, если было только возможно, и он любил унижать богатых и власть имущих, если он этим мог показать свои симпатии бедным и крестьянам. Если среди просителей находились генералы, то он насмешливо говорил им: «Дорогие генералы, вы привыкли быть принимаемыми всегда первыми. Но здесь находятся бесправные евреи, и я еще их сперва должен отпустить. Евреи, подходите. Я хочу для вас все сделать».

Далее евреи уже поручались мне, и я должен был от имени Распутина предпринимать соответствующие шаги.

После евреев Распутин обращался к другим посетителям, и только под самым концом он принимал просьбы генералов. Он любил во время своих приемов повторять: «Мне дорог каждый проходящий ко мне. Люди должны жить рука об руку и помогать друг другу».

Жена Распутина приезжала в Петербург, чтобы навестить своего мужа и детей, лишь раз в год и оставалась на самое короткое время. Во время ее приездов Распутин не стеснял себя, но обходился с ней очень приветливо и любил ее по-своему. Она не обращала много внимания на любовные похождения своего мужа и в таких случаях говорила: «Он может делать, что хочет. У него хватает для всех».

Он целовал своих аристократических поклонниц в присутствии своей жены, и ей это даже льстило. Обычно очень упрямый, легко вспыльчивый, не терпящий противоречий и готовый всегда драться со своим противником, Распутин относился к своей жене очень податливо. Они жили в сердечной дружбе и никогда не спорили между собой.

Однажды приезжал в Петербург также отец Распутина, чтобы вблизи посмотреть на успехи своего сына. Он в Петербурге оставался очень короткое время, поехал обратно домой и скоро там умер. Сын Распутина Дмитрий был очень тихий и добродушный мальчик. Он был мало даровит и учился плохо. После двухлетнего посещения духовного училища он вернулся в село Покровское, сделался там крестьянином и теперь еще живет там со своей женой и матерью. Во время войны он стал военнообязанным, но отец его не пустил на фронт, а устроил помощником санитаря в императорском санитарном поезде.

Распутин кутит

Страстный кутила, Распутин находился в наилучших отношениях со всеми прожигательницами жизни столицы. Любовницы великих князей, министров и финансистов были ему близки. Поэтому он знал все скандальные истории, связи высокопоставленных лиц, ночные тайны большого света, и он умел все это использовать для расширения своего значения в правительственных кругах. Петербургские великосветские дамы, кокетки, знаменитые артистки и веселые аристократки — все были горды своими отношениями к любимцу царской четы. Все они были ослеплены его успехами. Дружба с Распутиным давала им возможность знать много разных тайн, обдeldывать свои темные делишки и делать свою собственную или близких им людей карьеру. Разные прожигательницы

жизни имели в то время особое влияние в Петербурге и занимали какое-то особое положение в дореволюционное время.

Случалось часто, что Распутин звонил к одной из своих приятельниц из этого круга и приглашал в известный ресторан. Приглашения всегда принимались, и начинался кутеж. Дамы эти пользовались удобным случаем, чтобы похлопотать у Распутина за своих друзей, любовников и родных. Очень многие из этих дам обогащались таким способом, так как Распутин в таких случаях был очень податливым.

Владелец загородного ресторана «Вилла Родэ» построил для ночных кутежей Распутина специальный дом. Там можно было встречать часто лиц с очень громкими именами и титулами; при этом дамы из общества старались своими выходками перебить хористок и шансонеток. Обычно призывался цыганский хор, так как Распутин очень любил цыганское пение. Он был также страстным танцором и великолепно танцевал русские танцы. В этом отношении было трудно с ним конкурировать даже профессиональным танцорам.

Отправляясь на кутежи, Распутин всегда набивал свои карманы разными подарками: конфетами, шелковыми платками и лентами, пудреницами, духами и тому подобными вещами. Распутин очень радовался, если после его прихода в ресторан все эти вещи расхищались из его карманов, и кричал весело: «Цыганки меня обворовали!»

Бывало очень редко, чтобы при таких кутежах не присутствовал какой-нибудь министр или кандидат в министры.

Однажды во время такого кутежа была предпринята попытка убить Распутина.

Несколько молодых людей и офицеров сумели устроить себе доступ на место кутежа. Вначале все было тихо, но, когда Распутин вышел на середину комнаты, приглашая партнершу на танец, офицеры вскочили и обнажили свои шашки. У штатских появились в руках револьверы. Распутин отскочил в сторону, обвел заговорщиков страшным взглядом и вскрикнул: «Вы хотите покончить со мною!»

Заговорщики стояли окаменелые, как парализованные. Они не могли отвернуться от взгляда Распутина. Все затихли. Случай произвел на всех присутствующих сильное впечатление.

Распутин пояснил: «Вы были моими врагами, но теперь вы больше не враги. Вы видели, что моя сила победила. Не сожалейте, что вы сюда пришли, но и не радуйтесь, что вы можете уйти. Не существует больше такой власти, которая могла бы направить вас против меня. Ступайте домой. Я хочу остаться с моими здесь и отдохнуть».

Молодые люди опустили перед Распутиным на колени и умоляли его их простить.

— Я вам не прощу, — ответил Распутин, — так как я вас сюда не приглашал. Я не радовался, когда вы пришли, и не горюю, когда вы уходите. Теперь уходите. Вы излечены. Ваши губительные намерения пропали.

Заговорщики оставили помещение.

Распутин и царская семья

В Петербурге усиленно распространялись слухи, что Распутин находится в интимной связи с царицей и ведет себя также неблагопристойно по отношению к царским дочерям. Эти слухи не имели ни малейшего основания.

Распутин никогда не являлся во дворец, когда там не было царя. Я не знаю, по собственной ли инициативе или по царскому указанию он так поступал. Изредка Распутин встречался с царицей в ее лазарете, но всегда в присутствии свиты.

Также в слухах о царских дочерях нет ни слова правды. По отношению к царским детям Распутин был всегда внимателен и благожелателен. Он был против брака одной из царских дочерей с великим князем Дмитрием Павловичем, предупреждая ее и даже советуя не подавать ему руки, так как он страдает болезнью, от которой можно было заразиться при рукопожатии. Если же рукопожатие неизбежно, то Распутин советовал сейчас же после этого умыться сибирскими травами.

Советы и указания Распутина оказывались всегда полезными, и он пользовался полным доверием царской семьи. Царские дети имели в нем верного друга и советника. Если они вызывали его недовольство, то он срамит их. Его отношения к ним были чисто отеческие. Вся царская семья верила в божественное назначение Распутина.

Он часто упрекал царицу в ее скупости. Он был очень недоволен, что вследствие бережливости царские дочери ходили плохо одетыми. Скупость царицы при дворе вошла в поговорку. Она стремилась даже в мелочах экономить. Ей было до того тяжело расставаться с деньгами, что она даже платья покупала в расрочку.

Грязные сплетни давали мне повод к частым разговорам с Распутиным по поводу его отношений к царице и ее дочерям. Эти злостные сплетни меня сильно беспокоили, и я считал бессовестным распространение безобразных слухов про безукоризненно ведших себя царицу и ее дочерей. Чистые и безупречные девушки не заслуживали этих распространяемых бессовестными создателями сенсаций обвинений.

Несмотря на их высокое положение, они были беззащитны против такого рода слухов.

Было стыдно, что даже родственники царя и высокие сановники также занимались муссированием этих слухов. Их поведение можно назвать тем более низким, что им доподлинно была известна вздорность этих слухов. Распутин возмущался этими слухами, но по причине чувства своей невинности не принимал их особенно горячо к сердцу. Я учитывал положение в этом отношении иначе и считал необходимым выступать против этих слухов и часто упрекал Распутина в его безразличии к этому вопросу.

— Что ты хочешь от меня, — кричал на меня во время таких разговоров Распутин, — что я могу сделать? Разве я виноват, что про меня клеветают таким образом?

— Но недопустимо, чтобы из-за тебя разводились нелепые сплетни на великих княжен, — возражал я. — Ты должен же понять, что каждому жаль бедных девушек и что даже царицу замешивают в эту грязь.

— Убирайся к черту, — кричал Распутин. — Я ничего не сделал. Люди должны понять, что никто не загрязняет его место, где он кушает. Я служу царю и никогда ничего подобного не осмелюсь сделать. На такую неблагодарность я не способен. И что ты думаешь, что сделал бы царь в таком случае?..

— Все происходит оттого, что ты постоянно гоняешься за юбками. Оставь этих баб. Ты же не можешь пропустить мимо себя ни одной женщины.

— Разве я виноват? — возражал Распутин. — Я не насилюю их. Они сами

шляются ко мне, чтобы я за них хлопотал у царя. Что мне делать? Я здоровый мужчина и не могу противостоять, когда ко мне приходит красивая женщина. Почему мне не брать их? Не я ишу их, а они приходят ко мне.

— Но этим ты вредишь всей царской семье. Этим ты возмутил против себя всю Россию, дворянство и даже за границу. Пора кончать. Мне ты не вредишь, но в твоих собственных интересах ты должен покончить с этим, пока не поздно. Иначе ты пропадешь.

Распутин обращал мало внимания на мои предупреждения. Когда же, мучаясь особенно плохими предчувствиями, я усиленно настаивал, он обыкновенно отвечал:

— Подожди только. Сперва я должен помириться с Вильгельмом, а потом пойду на богомолье в Иерусалим.

Такого рода разговор как-то раз произошел также в присутствии Вырубовой, сестер Воскобойниковых, госпожи фон Ден, Никитиной и других. Я видел, что все они со мной соглашались, но ни одна из них не имела мужества открыто высказать свое мнение.

Николай II

В сущности я Николая II всегда жалел. Без сомнения, он был глубоко несчастный человек. Он никому не мог imponировать, и его личность не вызывала ни страха, ни почтения. Он был заурядным человеком. Но справедливость все-таки требует подтвердить, что при первой встрече он оставлял глубоко обаятельное впечатление.

Он был прост и легко доступен, а в его присутствии совершенно забывался царь. В своей личной жизни он был чрезвычайно мало требователен. Но его характер был противоречив. Он страдал от двух недостатков, которые в конце концов его погубили: слишком слабая воля и непостоянство. Он никому не верил и подозревал каждого. Распутин передавал мне как-то следующее выражение царя: «Для меня существуют честные люди только до двух годов. Как только они достигают трехгодичного возраста, их родители уже радуются, что они умеют лгать. Все люди лгуны».

Распутин на это возражал, но безуспешно.

Вследствие этого и царю никто не верил. Николай II во время разговора казался очень внимательным и предупредительным, но никто не мог быть уверенным, что он сдержит свое слово. Случалось очень часто, что приближенные царя должны были заботиться о выполнении им данного слова, так как он сам об этом не заботился. Николай жил в убеждении, что все его обманывают, стараются перехитрить и никто не приходит к нему с правдой. Это был трагизм его жизни. Поэтому очень трудно было у него что-нибудь провести. В сознании, что он ненавидим собственной матерью и родственниками, он жил в постоянной боязни от двора императрицы-матери, т. е. так называемого старого двора, об отношениях которого к царю предстоит еще речь. Он считал даже свою жизнь в опасности. Привидение дворцового переворота постоянно носилось перед его глазами. Он часто высказывал опасение, что его ожидает судьба сербского короля Александра, которого убили вместе с женой и трупы выбросили через окно на улицу. Видно было, что убийство сербского короля произвело на него особое впечатление и наполняло его душу содроганием за свою судьбу.

Царь проявлял особый интерес к спиритизму и ко всему сверхъестественному. В этом лежала большая опасность. Когда он слышал о каком-нибудь предсказателе, спирите или гипнотизере, то в нем сейчас же возникало желание с ним познакомиться.

Этим и объясняется, что столько жуликов и сомнительных личностей, при других условиях и мечтать не смевших о царском дворе, сравнительно легко получали доступ к дворцу.

Достаточно лишь назвать имя Филиппа, который имел весьма большое влияние на Николая.

Также Распутин в первую очередь своим беспримерным успехом был обязан склонности царя к сверхъестественному. Много лиц занимались подыскиванием темных личностей для представления царю как людей со сверхъестественной силой. Таких личностей считали сотнями, и только о немногих стало известно общественности.

Среди лиц, которые умели заинтересовать Николая II в сверхъестественном еще до появления Распутина, особое место занимала графиня Нина Сарнекау, незаконная дочь принца Ольденбургского.

Николай II постоянно устраивал с ней спиритические сеансы и запрашивал через нее духов о своей судьбе. Я попробовал однажды, но безрезультатно, использовать эту склонность для моих целей при следующих обстоятельствах. Мой хороший друг, румынский скрипач Гулеско, любимец петербургского света, устраивал по какому-то случаю вечер. Он пригласил своих знакомых на тарелку «румынского супа». Среди гостей находились кавказский князь Николай Нишерадзе, камергер царя Иван Накашидзе, член главного правления Красного Креста князь Уча-Дадзани, флигель-адъютант царя князь Александр Эристов, кутаисский генерал-губернатор и отец известной придворной дамы князь Орбелиани и другие. После здоровенной выпивки мы чувствовали потребность продолжать в другом месте. Мы позвонили графине Сарнекау и были приглашены ею на ее квартиру. Здесь начался настоящий кутеж. Мы все, включая и нашу хозяйку, были уже сильно выпивши, когда вдруг к дому графини на дворцовом автомобиле подъехал царский фаворит князь Алек Амилахвари с предложением его величества графине немедленно ехать в Царское Село. Хотя и очень неохотно, но все-таки графиня не считала возможным отказаться от царского приглашения. Мы же в это время шутили над спиритическими способностями графини. Вдруг мне пришло в голову просить ее похлопотать перед духами в пользу русских евреев.

Духи должны были повлиять на царя в смысле отмены ограничительных законов для евреев в России.

Моя мысль была поддержана офицерами-грузинами. Однако, к крайнему сожалению, графиня не осмелилась заняться политическим вызовом духов. Может быть, она вообще не желала осуществления моей затеи, так как она принадлежала к высшему петербургскому обществу, которое всегда было враждебно настроено к евреям.

Антисемитизм среди высшего петербургского общества вообще не так трудно было бы искоренить, как принято думать. Враждебное отношение к евреям Николая II объясняется его воспитанием...

Распутин неоднократно говорил, что царя настраивают против евреев его родственники и министры. Сам царь рассказывал ему, что его министры во время своих докладов постоянно высказываются против евреев и таким об-

разом и его восстанавливают против них. Его постоянно забрасывают расказами о так называемом «еврейском засилье». Не удивительно, что эта травля имела свои последствия. Императрица вообще не имела понятия о еврейском вопросе и только потом узнала, что такое антисемитизм. При царском дворе были всегда заняты евреи, и никто не видел в этом ничего предосудительного. Известно, что царь немедленно после принятия командования над армией отменил практиковавшиеся Николаем Николаевичем бесчеловеческие притеснения евреев.

Распутин передавал мне, что царь сделал это по собственной инициативе, и допускал возможность, что царь довольно охотно внимал просьбам евреев, когда к нему обращались.

Молодые придворные дамы были вообще чужды антисемитизма, и, во всяком случае, он не был у них заметен. Даже для Вырубовой этот вопрос был мало знаком, и при разговорах о нем она только пожимала плечами.

Николай II был сторонником строгого абсолютизма, но его сильно стеснял обязательный для него как монарха придворный этикет.

Он охотно обходил его. Для него было большим удовольствием разговаривать с завсегдатаями петербургских увеселительных домов, которые не всегда вели себя к нему подобающе. Я не хочу здесь рассказывать подробности, но могу только заметить, что царю очень нравился румын Гулеско.

Главной причиной этому было то, что он сочинил песенку, в которой распевалось про офицеров царского конвоя, забывших в публичном доме уплатить по счету. Песенка кончалась припевом: «Отдай мне мои три рубля», и царь по поводу этой песенки много смеялся.

Младший брат царя, Георгий, который до рождения Алексея считался наследником престола, умер от туберкулеза в Абастумане. Непосредственной причиной смерти послужило переутомление, последовавшее за велосипедными гонками, участвовать в которых уговорил его спутник Гелльштрем, который дослужился в русском флоте до чина капитана второго ранга. Его считали незаконным сыном Александра III и одной придворной дамы. Он был на него удивительно похож. Вдовствующая императрица никогда не могла видеть его без волнения. Он получал пенсию от императорского двора и кроме того неоднократные денежные вспомоществования от вдовствующей императрицы и великого князя Михаила. Вследствие его вины в смерти великого князя Георгия императрица Мария была против него сильно озлоблена, но все-таки принимала его довольно часто. Он постоянно сетовал на свое незаконное рождение, которое у него отнимало права на царский трон, и вел весьма легкомысленный образ жизни.

Два двора

Между двором царя Николая II и двором его матери существовала острая, непримиримая вражда, последствия какой оказались роковыми. Почти вся родня царя находилась на стороне старого двора.

Вражда эта не относилась ко времени Распутина, но была значительно старше. Знающие обстоятельства объяснили начало этой вражды нежеланием старой императрицы видеть на престоле своего старшего сына. Рассказывали, что в Крыму составлялся даже заговор с целью возвести на престол второго

сына Александра III, Георгия, любимца матери. В этом заговоре должны были участвовать также некоторые гвардейские полки. Но план этого заговора почему-то расстроился.

Не было секретом, что вся родня Николая была против предоставления прав народу участвовать в управлении государством. Когда Николай II в 1905 году все-таки подписал конституцию, все были страшно возмущены против него. Такое отношение родни много способствовало колеблющейся политике Николая в последующие годы. Это подтверждал мне неоднократно граф Витте, творец конституции 1905 года, сам боявшийся мести старого двора. Каждый в Царском Селе знал, что вследствие данного отцу обещания мать и родня Николая II требовали безусловного соблюдения самодержавия. Ему даже довольно откровенно намекали на то, что в противном случае последствия для него могут оказаться весьма нежелательными. Эти обстоятельства понудили некоторых друзей предложить царю потребовать от своей родни вторичной присяги.

Все приверженцы царя, поддерживающие его в борьбе со старым двором, порицали его за попустительство по отношению к его явным врагам. Распутин также в этом отношении не соглашался с царем. Он знал, что его близкие отношения к Николаю являлись опасным оружием в руках его врагов, и был уверен, что родственники царя ненавидели его не меньше, чем самого царя. Это делало Распутина злейшим врагом старого двора и всех царских родственников. Он при каждом удобном случае восстанавливал царя против великих князей, но Николай не осмелился предпринять серьезные меры против своих родственников. Он боялся их и старался все недоразумения и ссоры улаживать мирным путем. Распутин не скрывал своего недовольства и часто упрекал царя за это.

— Почему ты не поступаешь, как должен поступать царь? Ты же царь. Если бы я был царем, я бы показал, как должен действовать царь и как это делается. Никто не думает о тебе, никому ты не нужен. Все стараются тебя только застрашать. Твои родственники тебя убьют. Ты не умеешь привлечь к себе людей. Все находятся с тобой во вражде, а ты только молчишь...

Так примерно говорил Распутин с царем. Он хотел понудить его к сопротивлению. Но царь не мог решиться на борьбу со своими врагами. Если кто-нибудь из царской семьи провинился уже слишком, то он накладывал взыскания, но до того незначительные, что все поражались его мягкости. Его слабость лучше всего характеризуется его поведением после убийства Распутина: он даже не посмел привлечь к ответственности виновных.

Николай не имел доверия также к своему личному конвою. Он всегда боялся заговора в пользу старого двора. Поэтому он привлекал в конвой татар и грузин. Его лично всегда охраняли кавказские князья. Он любил их и был спокойнее с тех пор, как они находились при дворе.

Мысль о привлечении кавказцев к дворцовой службе исходила от императрицы-матери, которая предполагала, что кавказцы помогут возвести на престол ее сына Георгия. Однако Николай опередил ее и привлек кавказцев на свою сторону.

Царь знал слабости своих верных. Он видел, что они не особенно культурны и склонны к кутежам и излишествам. Но зато он был уверен, что каждый из них готов за него умереть и убьет по его приказанию любого. Он гордился этим, и кавказцы стояли высоко в его глазах. Они вели при нем великолепную жизнь, но часто злоупотребляли его добродушием. Он часто платил их картежные

долги, и их выступления даже забавляли его. Любимец царя, князь Дадияни, изумил после какой-то попойки царя заявлением, что он заложил свои эполеты, что означало, что он поручился своим честным словом об уплате карточного долга.

Император часто закрывал глаза на проделки своих любимцев.

Случалось, что офицеры конвоя безобразничали в разных общественных местах, но они были душой и телом преданы своему царю. К счастью для генерала Рузского и депутатов Шульгина и Гучкова, они отсутствовали при требовании отказа от престола. Без сомнения, ни один из этих господ не остался бы в живых. Говорят, что генерал Рузский угрожал царю даже револьвером. Это мог лишь допустить всегда пьяный дворцовый комендант Воейков.

Я поддерживал со всеми офицерами царского конвоя наилучшие дружественные отношения.

Однажды я получил приглашение от дежуривших офицеров конвоя явиться в их дежурную комнату, где должна была состояться карточная игра. Я последовал приглашению, и мы играли в макао. Вдруг неожиданно в ночном костюме явился царь. Он сперва был недоволен и разнес нас за карточную игру, но затем раздал нам каждому по десять рублей новыми двугривенниками и сел сам за карточный стол.

Тайна рождения наследника престола

История, рассказанная мне о рождении наследника, до того фантастична, что верить ей действительно нелегко. Но я слышал ее от лиц, заслуживающих безусловного доверия.

Известно, что в первые годы супружества у царицы рождались лишь дочери. Это служило поводом многим насмешкам. В конце концов царская чета сама почти перестала верить в возможность рождения сына. Вину в том, что у его супруги рождались лишь девочки, царь приписывал себе, и эта мысль была, наверно, навеяна царю каким-нибудь предсказателем. Поэтому он будто бы пришел к невероятному решению на время отказаться от прав мужа и предоставить свою жену другому мужчине. Надежда, что рождение наследника помешает планам его родственников о его низвержении с престола, могла быть решающей в этом вопросе.

Выбор царицы пал на командира уланского ее имени полка генерала Орлова, очень красивого мужчину и притом вдовца. Как утверждали, царица с согласия своего мужа вступила в интимную связь с Орловым. Цель этой связи была достигнута, и царица родила сына, который при крещении получил имя Алексея.

Но за это время, как передавали, у царицы развилась сильная любовь к своему вынужденному любовнику. Отец ее сына, к которому она привязалась со всей силой своего материнского сердца, также покорила ее сердце женщины.

Но Николай II не был подготовлен к такому исходу этого странного способа получения наследника.

Роды были очень тяжелы, и потребовалась операция, так как ребенок имел ненормальное положение. Так как царица была очень недовольна своим лейб-акушером проф. Отт, то на консультацию был приглашен также лейб-медик царицы Тимофеев, который не был женским врачом. Он сообщил царю об

опасности положения и запросил его указания, кого в случае крайности спасти — мать или дитя.

Царь ответил: «Если это мальчик, то спасайте ребенка и жертвуйте матерью». Но благодаря операции были спасены и мать и дитя. Однако операция была сделана недостаточно удачно, и благодаря ей царица перестала быть женщиной. Что в крайности при родах пожертвовали бы ею, стало известно царице и произвело на нее удручающее впечатление. Ее отношения с Орловым продолжались. Назревал открытый скандал, и царь решил услатить Орлова в Египет. Перед отъездом он пригласил его на ужин. Что на этом ужине произошло между царем и Орловым, я не мог узнать. Но мне передавали, что после ужина Орлов был вынесен из дворца в бессознательном состоянии. После этого его в спешном порядке отправили в северную Африку, но он, не достигнув ее, по дороге умер. Его тело было доставлено обратно в Царское Село и там с большой пышностью погребено. Царица была уверена в виновности царя в смерти Орлова и не могла никогда этого забыть.

Страдания царицы были для нее непосильны, и она долгое время оставалась после этого чуждой своему мужу. Потом, хотя опять постепенно восстановились между ними хорошие отношения, но все же по временам царица не разговаривала со своим мужем.

В такие дни они посылали через своих приближенных друг другу письма. Флигель-адъютант Саблин, капитан царской яхты «Штандарт», бывал в таких случаях примирителем, и царь и царица после этого оставляли впечатление внутренне связанных людей. Она имела очень сильное влияние на него. Но кто его не имел?

После трагической смерти Орлова царица целый год посещала его могилу, украшая ее великолепными цветами. На могиле она много плакала и молилась. Царь не мешал ей.

С тех пор она часто страдала сильными истерическими припадками.

Покушение на наследника

Нельзя обойти молчанием страшный случай, происшедший в Царском Селе, который послужил исходным пунктом дальнейшим осложнениям. В связи с этим нельзя не вспомнить о болезни наследника, странностях царицы и других болезненных явлениях, к которым необходимо причислить историю с Распутиным, увлечение разными спиритическими личностями и интерес к лицам со сверхъестественными способностями. Возможно, что царившая при дворе болезненная напряженность имела и другие причины, но во всяком случае происшествие, о котором будет в дальнейшем речь, играло большую роль. Мне известны подробности страшного события из первоисточников. Российская общественность об этом, насколько мне известно, ничего не знала. Я не хочу никого обвинять и поэтому не стану передавать всех подробностей. Но правильность моих сведений подтвердил мне также Распутин, перед которым и при царском дворе не было никаких тайн.

Многие из читателей, наверно, видели фотографию наследника, на которой он изображен на руках своего дядьки, рослого матроса. В свое время рассказывали, что наследник упал на императорской яхте «Штандарт» и при падении повредил себе ногу. Вскоре после этого газеты сообщали, что капитан

«Штандарта» контр-адмирал Чагин (предшественник Саблина) покончил с собой выстрелом из винтовки. Самоубийство Чагина связывали с несчастным случаем, происшедшим с наследником. Говорили, что адмирал Чагин вынужден был покончить самоубийством из-за того, что на командуемом им судне случилось несчастье с наследником.

Все же эта причина недостаточна для самоубийства. По моей информации, с наследником вообще никакого несчастного случая не было, а мальчик стал жертвой произведенного на него в Царском Селе покушения. Мне рассказывали, что родственники царя обратились к адмиралу Чагину с просьбой рекомендовать двух матросов для службы в Царском Селе. Они должны были поступить туда в качестве чернорабочих. При дворе был заведен порядок, по которому для исполнения и самых простых работ принимались лишь такие люди, которые уже раньше работали в одном из дворцов или известных домов... Это был хороший метод для подбора надежного персонала.

Оба рекомендованные Чагиным матроса были сперва использованы для садовых работ в Аничковом дворце. В Царском Селе они были также назначены садовыми рабочими. Никому и в голову не могла прийти мысль, что оба матроса имели задание убить царевича.

Однажды мальчик играл в присутствии одного камердинера в дворцовом саду, где как раз оба матроса были заняты обрезкой кустов. Один из них бросился с большим ножом на маленького Алексея и ранил его в ногу. Царевич закричал. Матрос побежал. Находящийся поблизости камердинер нагнал матроса и задушил его тут же.

Второго матроса также поймали и по приказу царя без суда повесили.

Было установлено, что оба матроса попали в Царское Село по рекомендации Чагина. Этот случай до того потряс Чагина, что он покончил самоубийством, так как мысль быть заподозренным в участии в покушении на наследника была для него невыносима. Он наполнил ствол винтовки водой и выстрелил себе в рот. Его голова в буквальном смысле была разнесена на куски. Чагин оставил письмо императору, в котором изложил всю историю этого дела.

После покушения царская чета переживала страшное время. Положение Алексея было весьма опасным, и он поправлялся очень медленно. После этого родители постоянно опасались за жизнь своего сына. Они боялись новых покушений со стороны своих родственников и не смели никому его доверять. Мать почти никогда не оставляла его одного. Ее материнская любовь становилась болезненной. Царь также был сильно потрясен и не находил выхода. Этим объясняется многое в его странных поступках.

Все царствование Николая II было заполнено событиями, пригодными для сенсационного романа. В этом отношении он превзошел всех своих предшественников. Во многом он сам виноват, и многое лежит на его совести.

Громадный клубок кровавых событий и преступлений сплелся при его участии, и многое из него ждет своего объяснения. Эту задачу я должен предоставить будущему историку, и я хочу лишь ограничиться передачей моих впечатлений и наблюдений последнего десятилетия перед революцией. Очень трудно отделить факты от окружающих их легенд. Так обстоит также вопрос с историей рождения наследника.

Еврейский вопрос

Мною была создана обширная организация для собирания материалов о положении евреев во всех частях России. В последние годы перед революцией работа была закончена. Я не скупился в средствах. У меня были зарегистрированы все раввины, все еврейские политики, все купцы и даже еврейские студенты. Я был осведомлен не только о политическом положении и общественной жизни евреев, но знал также многое из личной жизни видных еврейских деятелей. Этим я больше всего импонировал моим клиентам, когда они ко мне обращались. Обычно я вперед знал, по какому делу они ко мне обращались, что производило еще большее впечатление. Ежедневно ко мне обращались евреи со всех концов России. Они ждали моей помощи и участия в самых разнообразных делах. Чтобы быть в состоянии им помочь, я наладил хорошие отношения со всеми соответствующими учреждениями и должен сказать, что не было в России учреждения, в котором я не мог бы провести мои дела.

Больше всего работы мне давала еврейская молодежь. Известно, что евреи в российских высших учебных заведениях принимались с большими ограничениями. Осилить эти ограничения стоило очень много труда и денег. Ежедневно меня забрасывали телеграммами, письмами и личными просьбами похлопотать о еврейской молодежи, жажда к образованию которой была ущемлена существующими ограничительными законами. Часто случалось, что люди приезжали за тысячу верст, чтобы только посоветоваться со мной. Большинство из них не были богаты, но отдавали свои последние гроши, лишь бы дать возможность своим детям попасть в соответствующее учебное заведение.

Всем, ко мне обращающимся, я давал точные указания, к кому они должны были направиться и что предпринять. Но это было еще недостаточно. В большинстве случаев я должен был ходатайствовать лично. Для этой цели я обзавелся рекомендательными письмами Распутина к влиятельным лицам, известным петербургским профессорам, придворным дамам, духовным и т. п. Просьбы о принятии одного или нескольких евреев в высшие учебные заведения передавались нередко даже от имени императрицы.

Перед началом занятий меня ежегодно посещали целые вереницы молодых евреев, которые добивались приема в Петербургский университет или другие высшие учебные заведения. Я снабжал их письмами Распутина, водил к министрам и сообщал, что царица поддерживает эти просьбы. Обычно молодые люди тогда принимались, несмотря на установленную норму.

Я сам диктовал Распутину его письма, и они гласили примерно следующее: «Милый, дорогой министр, Мама (т. е. царица) желает, чтобы эти еврейские ученики учились на своей родине и чтобы им не приходилось ехать за границу, где они становятся революционерами. Они должны остаться дома. Григорий».

Ограничение мест жительства для евреев также причиняло мне много хлопот. Я ежедневно получал телеграммы исхлопотать их отправителям разрешение проживать в Петербурге или Москве или предпринять поездку вне черты оседлости. Для удовлетворения этих просьб у меня существовало специальное бюро. При таких условиях я мог до тех пор, пока я имел в Петербурге влияние, добиваться того, что покровительствуемые мною лица могли спокойно проживать в Петербурге.

Права жительства я доставал всем без исключения евреям, которые ко мне обращались.

Еврейские ремесленники имели право жительства всюду, где они хотели заниматься своим ремеслом. Все евреи, которые хотели воспользоваться этим правом, подвергались испытанию, которое особых трудностей не представляло. Поэтому я много хлопотал о том, чтобы утвердиться в Петербургской ремесленной управе, которая в этом вопросе была решающей, и в конце концов добился того, что я при выборе правления управы имел решающее значение. Всегда проводились мои кандидаты, которые потом и были моими верными сотрудниками.

Я добывал разрешения на право жительства не только лицам, которые действительно хотели заниматься своим ремеслом, но и таким лицам, которые и понятия не имели о ремесле, по которому они экзаменовались. Они заносились в регистр подмастерьев. Как ювелир я так же имел право держать подмастерьев и пользовался очень широко этим, хотя в Петербурге я не имел мастерской. В моей квартире находились несколько рабочих столов в пустой комнате, где никогда не работали. Мои подмастерья занимались всевозможными делами, но только не ювелирным делом. Среди них были артисты, писатели, учителя и др. Когда министр внутренних дел Хвостов выслал меня в Нарымский край, о чем я еще буду рассказывать впоследствии, то среди опекаемых мною таким образом лиц возникла настоящая паника. Все боялись, что их так же вышлют. Но я скоро вернулся и был встречен целой толпой бурно меня приветствовавших евреев. Они радовались не только за себя и меня, но и за то, что простой еврей мог выйти победителем в борьбе с всесильным министром внутренних дел.

Мое возвращение из ссылки являлось лучшим доказательством, что я у царя находился в большой милости. По этому поводу я получил массу поздравительных телеграмм со всех концов России.

Причины моего влияния были только немногим известны. Таинственные легенды окружали мою личность. Одни считали меня что-то вроде министра по еврейским делам, другие же думали, что я являюсь представителем американских евреев.

Если какой-нибудь местности угрожал еврейский погром, то мой тамошний корреспондент меня об этом уведомлял. Условленный уже заранее текст телеграммы обычно гласил: «Беспокойся вашем положении. Телеграфируйте».

После получения такой телеграммы я немедленно принимал все меры, чтобы заставить центральные власти предписать местным властям прекратить погромную агитацию. Таким путем мне удавалось предотвратить погромы в Минске, где губернатором был Гирс, и в Вильно, где губернаторствовал Любимов. Как только мне удавалось добиться желаемых результатов, я немедленно посылал местному раввину или другому известному еврею в угрожаемый город короткую опять условную телеграмму:

«Надеюсь завтра выздороветь. Сообщу немедленно, как только смогу оставить дом». Это означало, что губернатору и полицейским властям срочными телеграммами предписано остановить погромную агитацию. В таких случаях, вследствие моих настояний, директор департамента полиции предписывал соответствующему губернатору лично посетить угрожаемую местность и лично там успокоить евреев. Это обычно делалось в такой форме, что губернатор просил к себе раввина и еще несколько представителей еврейства, которых уверял, что он не допустит погрома.

Кроме ремесленников также купцы пользовались правом жительства вне района оседлости или совершать соответствующие деловые поездки. Для меня

было легко доставать для них право въезда в Петербург. Но бывали и случаи, что проситель не имел никакого формального права для приезда в Петербург. В таких случаях я телеграфно предлагал просителю выслать прошение в двух экземплярах: один для меня, а другой петербургскому градоначальнику. Проситель от меня получал телеграмму: «Вам сообщает, что впредь до распоряжения вы причислены к канцелярии градоначальника».

Этот способ обычно применялся градоначальником тогда, когда другим путем не было возможности обойти правила об еврейской оседлости. Фиктивно причисленные к канцелярии градоначальника евреи могли со своими семьями совершенно беспрепятственно проживать в Петербурге.

Распутин и евреи

Конечно, не приходится распространяться о том, что при улаживании еврейских ходатайств, вскоре ставших моим главным занятием и поглощавших массу времени, дружба Распутина была для меня весьма ценной. Он никогда не отказывал в своей помощи.

Правда, в первое время он в еврейских делах проявлял некоторую сдержанность. Он охотнее со мной соглашался, если дело касалось других вопросов, и у меня создалось впечатление, что с еврейским вопросом он мало знаком.

Он также мне часто рассказывал, что царь сетует на евреев. Так как министры постоянно жаловались на еврейское засилье и участие евреев в революционном движении, то царю еврейский вопрос причинял немало забот, и он не знал, как с ним поступить.

Это было недолгое, но для евреев весьма опасное время. Я уже начал опасаться, что Распутин сделается антисемитом, и применял все мое умение и энергию, чтобы направить мысли Распутина по другому пути.

В известном смысле я должен был противопоставить мое влияние на Распутина царскому, так как царь посвящал Распутина во все свои заботы и постоянно жаловался на евреев. Вопрос касался того, вникнет ли Распутин в мои пояснения по еврейскому вопросу или поверит жалобам царя. Представители еврейства, которых я считал нужным посвятить в создавшееся грозное положение, были в большой тревоге и обязали меня принять все меры, чтобы предотвратить переход Распутина к антисемитам.

Для нас всех было ясно, что такой поворот имел бы ужасные последствия.

В то время Распутин находился уже на высоте своей славы и царь вполне находился под его влиянием. Николай в то время увлекался реакционными организациями и состоял сам членом «Союза Русского Народа», устроившего еврейские погромы. Если бы Распутин присоединился к реакционным деятелям, которые очень об этом хлопотали, то для евреев настали бы последние времена. После долгого колебания он стал на нашу сторону. Его здоровый человеческий рассудок победил. Он сделался другом и благодетелем евреев и беспрекословно поддерживал мои стремления улучшить их положение.

Руководящие еврейские круги прониклись большим доверием ко мне и моей деятельности. Они поняли, что при моих связях и моих способностях я мог бы побудить правящие круги окончательно разрешить в положительном смысле еврейский вопрос. Я имел много конференций с представителями еврейства, и мне была дана задача стремиться к еврейскому равноправию и, если только

возможно, добиться его. Это означало также, что мною намеченные пути и применяемые средства для достижения этой цели были признаны правильными.

Я принял к исполнению данное мне поручение, но революция в завершении его меня опередила. Во всяком случае я горжусь тем, что мне было суждено помочь евреям в столь тяжкое для них время и хоть отчасти облегчить их судьбу.

Самым горячим и энергичным защитником еврейства был Мозес Гинцбург, который в Порт-Артуре нажил большие деньги и в Петербурге занимался еврейским вопросом и еврейскими делами.

Как-то раз во время войны Гинцбург по телефону просил зайти к нему для переговоров по очень важному делу. Я нашел его очень озабоченным. Он пояснил мне, что положение еврейского вопроса вызывает очень сильные опасения и необходимо принять в срочном порядке меры, чтобы предотвратить нависшую опасность. Во всяком случае должны быть приняты меры к прекращению страшных преследований евреев в полосе военных действий.

Гинцбург подчеркивал, что война принесла значительное ухудшение еврейского вопроса. Создается впечатление, что верховный командующий, Николай Николаевич, желает воспользоваться случаем, чтобы совершенно истребить еврейство. Положение с каждым днем ухудшается. Все еврейство пришло к заключению, что наступило время, когда необходимо выступить энергично против гонителей еврейства. Момент очень удобный, так как в Петербурге существуют прекрасные связи. Эти связи необходимо использовать не только для помощи отдельным евреям, но для улучшения положения всего еврейского народа. Еврейское общество постановило мобилизовать все свои связи, средства и силы, чтобы добиться равноправия евреев. В средствах недостатка не будет. Евреи постановили за помощь в этом деле пожертвовать огромные суммы. Если я сумел бы провести равноправие евреев, я мог бы сделаться самым богатым человеком в России и, кроме того, мое имя будет занесено в еврейские памятные книги («пинкес»).

— Ты имеешь прекрасные связи,— говорил Гинцбург,— и бываешь в таких местах, где еще никогда не ступала нога еврея. Бери на помощь Распутина, с которым ты находишься в столь близких и коротких отношениях. Было бы грех не использовать такие обстоятельства. Я пришел к заключению, что Распутин может провести все, что он захочет. Он способен переубедить всех министров. Мы не можем терпеть, чтобы Николай Николаевич и его соподвижники в районе военных операций грабили и убивали несчастных евреев и чтобы их по всей России так притесняли. Ты получишь от нас все, что тебе понадобится. Возьмись сейчас за работу, и если ты сделаешься жертвой твоих стараний, то вместе с тобой погибнет весь еврейский народ.

Разговор с Гинцбургом произвел на меня глубокое впечатление. Я обещал ему всецело предаться борьбе за права и интересы моего народа, и мы советовались относительно предпринимаемых шагов. Положение было опасно и требовало сугубой осторожности. Мы признали, что сперва необходимо заполучить на нашу сторону министров, чтобы провести у царя необходимые мероприятия.

Я предложил созвать конференцию еврейских представителей с Распутиным, чтобы они лично могли убедиться во взглядах Распутина на еврейский вопрос. Гинцбург согласился с моим предложением. После этого я навестил Распутина и рассказал ему, что мы все ждем его содействия в борьбе за равноправие евреев. Он дал мне свое полное согласие и так же согласился участвовать

в конференции с еврейскими представителями. Она состоялась в доме Гинцбурга, и в назначенный час я привез туда Распутина. Там собралось много виднейших представителей еврейства; между ними находились: известный своей благотворительностью барон Гинцбург, присяжный поверенный Слизберг, Лев Бродский, Герасим Шалит, Самуил Гуревич, директор банка Мандель, Варшавский, Поляков и др.

Нарочно к участию на конференции не был привлечен ни один адвокат кроме Слизберга, так как Распутин заявил, что он с адвокатами и социалистами не желает разговаривать. А Слизбергу сделали исключение, так как Распутин против него ничего не имел. Он его считал хорошим евреем и поэтому на его профессию он не обращал особого внимания.

При появлении Распутина в салоне Гинцбурга ему была устроена очень торжественная встреча. Многие из приветствовавших его плакали.

Распутин был очень тронут встречей. Он очень внимательно выслушал наши жалобы на преследования евреев и обещал сделать все, чтобы еще при своей жизни провести равноправие евреев. К этому он прибавил:

— Вы все должны помогать Симановичу, чтобы он мог подкупить нужных людей. Поступайте, как поступали ваши отцы, которые умели заключать финансовые сделки даже с царями. Что стало с вами! Вы уже теперь не поступаете, как поступали ваши деды. Еврейский вопрос должен быть решен при помощи подкупа или хитрости. Что касается меня, то будьте совершенно спокойны. Я окажу вам всякую помощь.

Эта встреча со всемогущим при царе Распутиным оставила на всех присутствовавших евреев колоссальное впечатление. Они стали верить, что наше начинание должно иметь успех.

После конференции состоялся ужин. Распутин собирался сесть рядом за столом с молодой и красивой женой Гинцбурга. Хозяин дома, который знал славу Распутина как бабника, очень просил меня сесть между его женой и Распутиным. Я исполнил его просьбу, и его ревность утихла. Эта небольшая сцена была замечена другими гостями, которые очень смеялись над ней. После встречи с еврейскими представителями Распутин уже не скрывал свое расположение к евреям и охотно исполнял их просьбы. Я старался по возможности использовать его настроение. Он часто жаловался на противодействие к евреям враждебно настроенных министров и других влиятельных лиц. В связи с этим он просил меня познакомить его с людьми, которые могли давать ему интересную информацию по еврейскому вопросу.

При этом он мне рассказывал, что в общем царь уж совсем не так враждебно относится к евреям, как это принято думать. Слово «еврей» все же неприятно действует на царскую семью. Неприязнь к евреям прививается в детях императорской семьи уже с малых лет няньками и прочей прислугой. Распутин рассказывал, что министр внутренних дел Маклаков при играх с наследником старался его запугивать словами: «Подожди только, тебя заберут жида!». Из боязни наследник при этих словах даже кричал.

После составления подходящего списка кандидатов в министры Распутин стал все чаще и чаще заговаривать с царем относительно еврейского вопроса, причем царь все же высказывал большую осторожность не столько из-за своего антисемитизма, сколько вследствие других причин.

Я вскоре сам нашел подходящий случай хлопотать перед царем о моих единоплеменниках. Дело касалось следующего: двести еврейских зубных

врачей были приговорены к арестантским ротам из-за того, что будто они приобрели свои дипломы врачей, только чтобы обойти закон еврейской оседлости. Все они были честные, спокойные люди, и многие из них имели семьи. Я решил с ними заняться. Я пригласил к себе представителей приговоренных врачей и предложил их свести с Распутиным. Когда Распутин явился, все взмолились о его помощи против министра юстиции Щегловитова. Он ответил: «Как вам помочь! Щегловитов столь твердолюб, что не выполняет даже царских приказов, если они гласят в пользу евреев. Вы должны поручить дело Симановичу. Он перехитрит Щегловитова. Подайте прошение».

Мы решили прошение о помиловании подать в следующее воскресенье. Этот день Распутин собирался провести в Царском Селе, а именно: утром он хотел присутствовать вместе с царской семьей на обеде, а потом завтракать у Вырубовой. Все шло по программе. На завтрак явился также царь со всей семьей. Он был в отличном расположении духа. Вырубова была посвящена в наш план и хотела нам помочь. После завтрака она сказала царю:

— Симанович также здесь.

Царь вскочил шуточно из-за стола и сказал:

— Он, наверно, хочет меня провести.

Он вышел ко мне и спросил:

— Что ты хочешь?

Скрывая мое волнение, я сказал, что имею один бриллиант в сто карат и желаю его продать. Я уже предложил этот бриллиант царице, но она находит его слишком дорогим.

— Я не могу во время войны покупать бриллианты,— ответил он,— ты, наверно, имеешь другое дело. Говори.

В этот момент к нам подошел Распутин. Он слышал последние слова царя.

— Ты угадал,— сказал он ему.

Царь, по-видимому, не имел охоты входить в подробности нашего дела. Он уже предчувствовал, к чему наше дело сводилось.

— Сколько евреев? — спросил он.

— Двести,— ответил Распутин.

— Ну, я уже знал, давайте сюда прошение.

Я передал царю прошение, которое он просмотрел.

— Ах, эти зубодеры! — сказал он.— Но министр юстиции и слышать не хочет об их помиловании.

— Ваше величество,— возразил я,— что означает: не хочет слышать? Министр не смеет прекословить, когда ваше величество приказывает.

Распутин ударил кулаком по столу и вскричал:

— Как он смеет не повиноваться при исполнении твоих приказов!

Царь, видимо, смутился,

— Ваше величество,— сказал я.— Осмелился бы предложить следующее. Вы подписываете прошение. После отъезда вашего величества я передам прошение Танееву (начальнику царской канцелярии), и он уже распорядится о дальнейшем.

Царь последовал моему совету. Дантисты были помилованы. Они устроили денежный сбор, собрали 800 рублей, и на эти деньги была куплена и поднесена Распутину соболья шуба.

Я же получил еврейский медовый пирог, бутылку красного вина и серебряный еврейский кубок.

Мое возрастающее влияние заставило моих реакционных противников следить за мной. Таким путем они хотели добыть обвинительный материал против меня и установить круг моих знакомств.

Чтобы избежать этой слежки, я не принимал лиц, обращавшихся ко мне по еврейским делам, на моей квартире. Я обычно встречал их в одном из учрежденных мною игорных клубов, где мне легче было укрыться от глаз моих шпииков. Очень странно было положение охранной полиции в этом деле. Она также считала нужным за мной следить, но по моему распоряжению одновременно агенты охранной полиции также следили за агентами моих противников. Я должен заметить, что за мою деятельность в пользу евреев я не получил ни копейки денег. Я отклонял гонорар, так как не хотел испортить мою репутацию перед министрами и уменьшить значение моего влияния, а предпочитал зарабатывать другими путями.

Николай Николаевич

За кровавое воскресенье 9-го января 1905 года Николай II получил прозвище «кровавый».

Он его не заслужил. Он был слабым, бесхарактерным человеком, и вся его жизнь была путаной, без плана. Все зависело от того, кто в данный момент находился около царя и имел на него влияние. Если не было противоположного влияния, царя можно было уговорить к любому делу и направить по любому направлению.

Его действия были противоречивы, бессмысленны, смешны, и поэтому они имели пагубные последствия. Он казался безучастным и равнодушным. Его безучастие в решающие моменты жизни многих удивляло и отчаивало. Он действовал, как царь, супруг, отец и товарищ, офицер и христианин не должен был действовать.

Действительным «кровавым Николаем» был верховный главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич. Только немногим известно, что психическое состояние великого князя носило явно патологические признаки (?). Он страдал болезненной жадой крови.

Рассказывают, что эта его болезнь обнаружилась в первый раз во время русско-турецкой войны, в которой он участвовал молодым офицером.

В мирное время он утолял свою жажду крови на животных.

Он не упускал случая убить животное и поэтому был страстным охотником.

Распутин пробовал его лечить, и это послужило поводом их сближения.

Мировая война предоставила Николаю Николаевичу неограниченные возможности к удовлетворению этого страшного влечения.

На полях сражений, в кровавой работе военно-полевых судов и в жестоких гонениях мирного населения он мог давать полную волю своему болезненному стремлению. Без малейшего признака ответственности он мог себе все позволять. Его власть была неограниченна. Его жертвами были инородцы: евреи, галичане, поляки, немцы. Их обвиняли в шпионаже, дезертирстве и других преступлениях и вследствие этого вешали и расстреливали целыми толпами.

Николай Николаевич меньше интересовался доказательствами виновности, чем страшным возмездием. Своих подчиненных он собственноручно бил до крови, не щадил он даже генералов. Перед последними он изредка должен был

извиняться, но за сотни тысяч казненных и убитых евреев он один перед Богом несет полную ответственность.

Когда речь идет о кровавых действиях Николая Николаевича, то нельзя умолчать о той печальной роли, которую при этом играл его сотрудник, начальник генерального штаба генерал Янушкевич. В противоположность Николаю Николаевичу он был совсем здоровый человек, но по жестокости он даже превосходил его. Самым настойчивым образом он преследовал евреев и в этом отношении имел тайные полномочия великого князя. Положение в особенности ухудшилось с тех пор, как переговоры Янушкевича с евреями по одному делу кончились для Янушкевича неудачей. Дело в следующем: Янушкевич владел заложенным за четыреста тысяч рублей имением. Янушкевич через одного своего родственника обратился ко мне с просьбой узнать, согласятся ли еврейские банки перенять этот долг от Тульского поземельного банка. Я переговорил с банками, но, к сожалению, получил отказ. В результате Янушкевич сделался страстным врагом евреев. Сотни тысяч еврейских жизней лежат на его совести.

В своей борьбе с евреями Янушкевич пользовался поддержкой своего друга, командующего северо-восточным фронтом генерала Рузского. При отступлении с Карпат Рузским были учинены преследования евреев, по своей жестокости не имевшие примера в прошлом. Действия солдат и казаков не поддаются описанию. Еврейское население там просто истреблялось. Знакомый полковой командир рассказывал мне следующий показательный случай.

Несколько казаков под начальством урядника были посланы на разведку. Маленький отряд вернулся лишь через три дня. Все уже думали, что они попали в плен или перебиты. Урядник доложил, что они все это время были заняты избиением евреев. Он был уверен, что этим он искоренял шпионаж. Случай произошел в Галиции.

Начальник штаба псковского фронта, лично мне известный генерал Бонч-Бруевич, рассказывал мне, что, назначенный командующим фронтом, генерал Рузский уверял его, что все евреи шпионы. По его мнению, еврейские шпионы являются виновниками всех русских неудач, и это преступление должно быть искоренено уничтожением всего еврейства.

Заведенные генералом Рузским преследования евреев все усиливались. Почти ежедневно я умолял Распутина прекратить деятельность жестокого генерала. Распутин согласился добиться воздействия на Рузского, но последний, узнав об этом, начал интриговать против Распутина. Ему удалось восстановить против Распутина Николая Николаевича. Это случилось еще в то время, когда юго-западным фронтом командовал генерал Рузский. Скоро произошел между Распутиным и Рузским формальный разрыв по следующему поводу.

Одна дама, княгиня Тарханова, ходатайствовала перед Рузским о помиловании евреев, уличенных в неблагоприятных поступках при военных поставках. Она предъявила письмо, в котором Распутин также хлопотал об этих евреях. Начальник штаба Рузского пояснил, что Рузский просьбу исполнить не может и очень возмущен, что Распутин осмеливается его беспокоить своими просьбами.

Борьба между Распутиным и Рузским кончилась победой первого. Генерал счел нужным подать в отставку, указав причину: болезненное состояние своего здоровья. Но так как он чувствовал превосходство Распутина над собой, то он

решил с ним помириться и с этой целью явился к нему в полной парадной форме и при орденах, но ему была оказана очень холодная встреча.

«Слушай, генерал! — говорил ему Распутин. — Ты — вор. Ты украл у царя ордена. Тебя стоило бы повесить, а не дать обратно твою должность. Я не хочу твоей крови, но как ты осмеливаешься являться ко мне? Ты враг царя!»

Рузский побледнел и удалился.

После этого Распутин обратился к военному следователю, приведшему к нему Рузского, и сказал ему:

«Если ты хоть раз еще ко мне приведешь таких разбойников, то я и тебя перестану принимать».

Только после смерти Распутина Рузскому посчастливилось опять вернуться на должность командующего псковским фронтом. Он перешел на сторону революционеров и помогал им, когда они заставили царя отказаться от престола.

Страдания инородцев

Во время войны ко мне обращалось очень много молодых евреев с мольбами освободить их от воинской повинности. Для этого имелось много путей, но я выбирал всегда наиболее удобный для данного случая. Однако часто совершенно отсутствовала какая-нибудь законная возможность, и я должен был прибегать к исключительным мерам.

Имеющие аттестаты зрелости евреи могли бы поступать в высшие учебные заведения и таким образом, впредь до дальнейшего, освобождаться от поступления на военную службу. Но имелось много евреев без среднего образования. Для них было учреждено специальное учебное заведение под названием «Сельскохозяйственный и гидротехнический институт». Для отвода глаз в списки воспитанников института были занесены при содействии Распутина тысячи освобожденных от военной службы воспитанников духовных училищ, а в действительности институт имел лишь около шестисот слушателей и из них 70 процентов евреев. Ректором института был назначен начальник канцелярии статс-секретаря Крыжановского Балицкий, который кроме того состоял председателем реакционного «Академического союза».

Наш институт был задуман как переходная ступень между средним и высшим учебным заведением. После одного года его слушатели могли на более облегченных условиях переходить в высшие учебные заведения. В благодарность за его деятельность я ввел Балицкого к Распутину. Балицкий получил задачу хлопотать перед Распутиным о назначении своего начальника председателем Совета Министров и добился того, что между ними состоялась встреча. Крыжановский, однако, допустил ошибку, высказавшись против инородцев, вследствие чего Распутин решил, что он не подходит для намеченной должности.

Евреи вообще показывали мало склонности к военной службе, что объясняется их бесправным положением и притеснениями. Чтобы им помочь при освобождении от военной службы, я связался с комиссией города Луги по призыву военнообязанных, находящегося недалеко от Петербурга.

Все члены комиссии были назначены по указанию Распутина, и если к ним попадался призываемый, на бумагах которого имелся мой условный знак,

то такого обязательно освобождали. Но довольно об этом, я хочу рассказать несколько других эпизодов из тогдашней моей деятельности.

Еврейский антрепренер Фишзон обратился ко мне с просьбой добыть для него разрешение на гастроли еврейской оперетты в Петербурге. Это была задача не из легких. В то время даже в пределах еврейской оседлости не допускались еврейские театральные постановки. Я все-таки взялся за это дело. На мое предложение представить мне список труппы Фишзон назвал мне сорок лиц. Во время моего следующего посещения Царского Села я обратился к царице с просьбой разрешить мне устроить в моем доме еврейское театральное представление. Чтобы отвлечь малейшее подозрение, я заявил, что обладающий знанием еврейского языка епископ Исидор будет как бы в качестве цензора присутствовать на первом представлении. Мое ходатайство завершилось успешно, так как ссылка на епископа Исидора возымела свое влияние. Благодаря своему английскому воспитанию царице и в голову прийти не могло, что еврейские театральные представления могли бы быть предосудительными. Я еще прибавил, что на одном из намеченных представлений предполагают присутствовать также Распутин, председатель Совета Министров Штюрмер и другие известные лица. Царица меня внимательно выслушала и по своему обыкновению спросила: «Что же я должна делать?» Я передал ей прошение, на котором она написала: «Разрешается. Александра».

Я отправился немедленно к градоначальнику, который был очень удивлен, но вследствие моей с ним дружбы не чинил мне препятствий. Полицейское разрешение было мне немедленно выдано.

После прибытия труппы Фишзона в Петербург я устроил большой прием у меня на дому. Тогдашний председатель Совета Министров Штюрмер, епископ Исидор, министр внутренних дел Протопопов, Распутин, начальник охранного отделения ген. Глобачев, товарищ министра внутренних дел Белецкий и др. высокопоставленные лица были моими гостями. Я пригласил также труппу Фишзона. Можно себе представить изумление еврейских артистов при виде собравшихся у меня сановников. Одаренная примадонна труппы Клара Юнг пела и танцевала с большим успехом. Представления труппы состоялись в немецком Екатерининском клубе, членом правления которого я состоял. Петербургские выступления труппы были блестящи, как в художественном, так и в финансовом отношении. В конце концов Фишзону было дано разрешение играть по всей России.

Другой случай: еврейский врач Липперт попал в плен к немцам. Его жена, родственница графини Витте, обратилась ко мне с просьбой исхлопотать обмен его на немецкого военнопленного. Я ей посоветовал по этому делу обратиться к Распутину.

Мне было очень смешно видеть, насколько эта дама была взволнована предстоящим визитом.

Прием у царя не так волновал людей, как посещение Распутина.

Госпожа Липперт, следовательно, просила Распутина об освобождении ее мужа из германского плена. В нашей практике это был первый такого рода случай. Мы советовались о том, кто бы мог нам в этом деле помочь. Когда я предложил обратиться к министру иностранных дел Сазонову, то Распутин с видом смущения сказал.

— Тот нас выставит.

Мы все были удивлены, и я спросил:

— Почему?

— Он за войну, а я против войны,— ответил Распутин.

Распутин знал, что Сазонов, как многие другие лица, был против него. Сазонов пробовал даже восстановить царя против Распутина, но безуспешно. Он прекратил свою деятельность в этом направлении, когда увидел, что этим он мог только повредить своему положению у царя. Распутин не любил обращаться с просьбами к своим врагам и делал это только в крайних случаях. Но так как Сазонова в данном случае нельзя было обойти, то мы старались уговорить Распутина сделать в этот раз исключение.

В конце концов он согласился и заявил просительнице:

— Ну, так ступай к Сазонову!

Распутин писал очень плохо, но все же часто составлял короткие, запутанные и бессодержательные записки, причем он в таких случаях садился за письменный стол с очень важной миной. Его почерк был ужасен, и составление записок требовало много времени. Г-жа Липперт ждала в большом волнении. Наконец Распутин вручил ей большой клочок бумаги с нацарапанными на нем словами:

«Милый, дорогой, помоги изнывающему в германском плену! Требуй одного русского против двух немцев. Бог поможет при спасении наших людей. Новых-Распутин».

Госпожа Липперт отправилась на другой день к Сазонову. Она была в полной уверенности, что ее муж будет освобожден из плена.

Сазонов принял ее, прочел записку Распутина и, подумав слегка, сказал:

— Как министр иностранных дел я могу это дело провести и без этой записки. Сохраните ее и скажите Распутину, что я вашу просьбу исполнил бы и без его записки.

Вызванный Сазоновым чиновник заявил, что уже шесть русских военнопленных ждут своей очереди обмена и Липперт может попасть в очередь только после них. Это не устраивало госпожу Липперт, и она настаивала на немедленном возвращении своего мужа, так как он уже стар и болен. Сазонов обещал:

— Хорошо, я это сделаю через Красный Крест.

Когда госпожа Липперт рассказала Распутину о ее приеме у Сазонова, он был очень недоволен, но не сказал ни слова, потому что Сазонов все же обещал исполнить просьбу.

Мы ждали восемь дней. От Сазонова не было известий. Госпожа Липперт опять явилась к Распутину за советом. Он не любил, если его престиж начинал колебаться. Если он получал отказ, то он становился раздраженным. Так случилось и на этот раз. Распутин побежал к своему письменному столу и написал:

«Слушай, министр. Я послал к тебе одну бабу. Бог знает, что ты ей наговорил. Оставь это! Устрой, тогда все будет хорошо. Если нет, то я набью тебе бока. Расскажу любящему, и ты полетишь. Распутин».

Слова: «Расскажу любящему» означали, что Распутин намеревался по этому делу говорить с царем.

Госпожа Липперт сперва не осмеливалась со столь вызывающим письмом идти к Сазонову. Грубый тон записки был ей самой неприятен. Я все же уговорил ее посетить еще раз Сазонова. Она пошла и вручила ему записку.

— Ваше превосходительство! — сказала она.— Я имею еще одну записку от Распутина. Делайте с ней, что хотите!

— Как,— воскликнул он.— Я должен позволить такому прохождению, как Распутин, писать мне такие письма. Если бы вы не были дамой, я просто велел бы вас выбросить.

После этого госпожа Липперт просила вернуть ей письмо Распутина, но, к удивлению, Сазонов отказался, и, по-видимому, его злоба затихла.

— Если вы мне сейчас не вернете письмо Распутина,— ответила госпожа Липперт,— немедленно пойду к Распутину и передам ему наш разговор.

— Оставим это,— ответил Сазонов после некоторого колебания.— Я был вне себя. Не обращайтесь внимания на это. Скажите отцу Григорию, что это была лишь шутка.

— По моему мнению,— заметила госпожа Липперт,— вам следовало бы позвонить теперь Распутину.— От нее не ускользнула перемена в отношении Сазонова к Распутину.— Вы ведь знаете, что он меняет министров, как перчатки.

Она сняла телефонную трубку, соединилась с квартирой Распутина, попросила его к телефону и передала трубку Сазонову.

— Вы прислали мне странное письмо, Григорий Ефимович,— сказал Сазонов.— Разве вы сердитесь на меня?

— Как так,— ответил Распутин,— не за мною дело. Ты меня обидел. Только советую тебе не пакостить, а лучше оставаться друзьями.

Разговор закончился несколькими пояснительными фразами, причем Распутин присовокупил:

— Мы с тобою уживемся хорошо. Я еще никому таких писем не писал. После двух недель д-р Липперт был в Петербурге.

Очень гладко закончились наши хлопоты в пользу сосланных в Сибирь польских помещиков, которых по обвинению генерала Брусилова сослали в Сибирь за то, что они будто бы из своих имений на галицийском фронте сообщали неприятелю по телефону сведения о передвижениях войск. Я находился в отличных отношениях с деканом католического невского прихода в Петербурге, патером Казимиром. Патера просил один галицийский ксендз похлопотать в соответствующих учреждениях за сосланных помещиков. Между тем как ксендз считал нужным передать это дело папе, патер Казимир счел более целесообразным обратиться ко мне. С Распутиным патер Казимир был уже знаком с одного кутежа.

Я ему посоветовал обратиться к Распутину. Казимир не хотел обращаться к нему как частное лицо, а направился к нему в своем служебном одеянии. Этим Распутин счел себя очень польщенным. Возбужденное против поляков дело по обвинению их в шпионаже он считал необоснованным. Он предложил патеру Казимиру прислать к нему жен и детей сосланных.

— Я им поясню, каким путем они могут добиться освобождения своих кормильцев,— заявил он.

Спустя две недели в Петербург приехала делегация польских помещиков, среди которых находились также жены и дети сосланных помещиков. Казимир привел их ко мне. Вызванный по телефону на мою квартиру Распутин отнесся к полякам очень любезно и приветливо.

— Мы все славяне,— сказал он,— и я хочу вам помочь. И прошу находящуюся между вами потомку Бурбонов и одного из делегатов меня сопровождать. Я вас представляю царице, и вы ей скажете, что несмотря на все вы все же остаетесь верными престолу, а находитесь без защитников.

— А потом что? — спросил один из поляков.

— Остальное уже сделаю я сам, — ответил Распутин.

На другое утро, уже в восемь часов, я доставил поляков к Распутину, где уже находился автомобиль охраны. Распутин поехал с ними в Царское Село. Царь в то время находился на фронте. Царица милостиво приняла поляков в своем лазарете и спросила Распутину: «Что мне делать?»

— Напиши письмо к папе и пошли его с поляками в главную квартиру, кроме того, телеграфируй Воейкову, чтобы он позаботился о приеме их царем.

— Хорошо, — сказала царица, — я напишу Воейкову, чтобы допустил поляков к папе. Поляки должны мне подать прошение, на котором я напишу «согласна» и которое я с курьером пошлю папе. Таким образом, прошение получится в главной квартире еще до приезда туда поляков.

Мой сын Семен составил прошение, которое я доставил царице, и она его направила в главную квартиру.

Поляки выехали в Могилев. Через час после приезда они были приняты царем, который заявил им, что для него все изюверцы равны.

— Я верю вам, в восемь или десять дней сосланные вернуться, если только им не помешает непогода, — сказал им царь.

Царь еще расспрашивал их о польских делах и похвалил их за то, что они заступаются друг за друга.

После одиннадцати дней поляки вернулись.

Но не всегда наши хлопоты заканчивались столь успешно.

В ряде предпринятых преследований против евреев Николаем Николаевичем самым тяжелым является его жестокий прием по отношению еврейских цадиков, особо евреями почитаемых священнослужителей, не ожидавших и не заслуживших такого преследования. После занятия Львова и Карпат было отдано распоряжение о закрытии всех принадлежавших евреям ветряных мельниц. Военное командование опасалось, что при помощи мельничных крыльев могли передаваться сигналы о передвижении войск. Но так как как раз наступала еврейская пасха, то евреи всеми способами добивались открытия мельниц, чтобы заготовить муку для мацы. Очень неохотно на это согласились военные власти. По несчастному стечению обстоятельств, как раз в это время русские понесли небольшое поражение.

Николай Николаевич сразу признал виновными евреев. Он заявил, что евреи вращением крыльев своих мельниц дали неприятелю знать о расположении русских войск, и велел арестовать живших поблизости цадиков и виднейших евреев.

Цадиков выслали в Сибирь, а остальные евреи в качестве заложников были доставлены в Киев. Можно представить себе несчастье и муки этих людей, когда их в грязных товарных вагонах увозили из Галиции. Высылаемым цадикам даже не разрешили проститься с родственниками. С собою они также не смели ничего брать. Так как им не давали кошерной пищи, то единственным их питанием был только хлеб. Им не разрешили взять с собою даже теплую одежду и отобрали все при них находящееся. Молиться также не разрешали. Представителей еврейства, которые хотели их видеть по дороге в Сибирь, к ним не допускали. Одним словом, ничего не допускалось, что могло бы уменьшить их страдания.

Кантор хоральной синагоги во Львове Гальперин приехал в Петербург, чтобы хлопотать об облегчении участи сосланных евреев. Он сообщил мне от-

чаянные подробности их мученичества, и я принял срочные меры к спасению бедных цадиков. Петербургские центральные власти потребовали от нас представления подробных данных и доказательств. Но до представления этих данных, вследствие голода и холода, уже несколько цадиков скончались. Остальные должны были быть размещены в городах: Верхнеудинске, Омске и Томске, но только четверо прибыли на место назначения, так как остальные по дороге умерли. Я подал царю прошение о помиловании этих четверых. Царь удовлетворил мое ходатайство, но, пока телеграмма дошла в Сибири до места назначения, и эти четверо скончались. Евреи тогда решили протестовать перед всем цивилизованным миром против возводимых обвинений в шпионаже не только на отдельных личностей, а на весь еврейский народ. Евреи разослали в другие страны своих представителей с поручением осветить там бедственное положение евреев в России и просить о помощи.

Отчасти положение евреев облегчалось тем, что и царица находилась в подозрении в шпионаже. Ее телефонные разговоры и передвижения проверялись агентами охранной полиции. Это облегчало борьбу с Николаем Николаевичем и его сторонниками.

Распутин обещает увольнение Николая Николаевича

Я имел постоянные совещания с представителями еврейства. Мы обсуждали вопрос, что мы могли бы еще предпринять по делу достижения равноправия евреев. Я делал все от меня зависящее, но положение евреев продолжало оставаться все еще очень тяжким. Несмотря на поддержку Распутина и мои отношения в надлежащих правительственных кругах, все еще не могло быть и речи о победе в деле разрешения еврейского вопроса.

Я хлопотал о царской аудиенции для еврейских представителей, чтобы они лично могли бы изложить свое положение. Также в этом вопросе мне помогал Распутин. Он наконец уговорил царя дать представителям еврейства аудиенцию. Я этому очень радовался. Мы решили, что в состав делегации должны войти адвокаты: Грузенберг, Слиозберг и член Государственной Думы Фридман. Однако царь отказался принять эту делегацию, так как в нее входили адвокаты и революционеры.

Распутин имел совещание по этому вопросу с царем и предложил мне состав делегации: барон Гинцбург, М. А. Гинцбург и киевский сахарозаводчик Л. И. Бродский. Когда мы об этом сообщили указанным лицам, то они были очень изумлены, но отказались говорить с царем, так как они не могли взять на себя всю ответственность за этот разговор с царем. Таким образом, мое предложение не осуществилось.

Между тем политика Николая Николаевича становилась все <более> угрожающей и вызывала среди евреев невероятное возбуждение. Несколько еврейских представителей обратились ко мне с просьбой устроить новое совещание с Распутиным. Они строили большие надежды на баснословное влияние чудотворца, но одновременно хотели знать, на что им надеяться и чего им ждать. Я не возражал против предполагаемого совещания и при первом удобном случае сообщил Распутину об этом, поясняя, что еврейские представители хотят его совета для дальнейших действий. Он внимательно меня выслушал и

заявил, что согласен принять еврейских делегатов. После сообщения о результатах моих переговоров Мозесу Гинцбургу последний предложил устроить торжественный обед на квартире адвоката Слиозберга, которого Распутин считал надежным и заслуживающим доверия вождем еврейства. Действительно, без малейшего личного интереса Слиозберг сделал очень много для еврейского народа.

В назначенный день на квартире Слиозберга собрались представители еврейства, и среди них находились: барон Гинцбург, Мозес Гинцбург, Бланкенштейн, Мандель, раввин Мазо и многие другие, фамилии которых я теперь уже забыл. Когда все были в сборе, мне по телефону была передана просьба приехать с Распутиным. Мы поехали. На квартире Слиозберга Распутин был встречен очень торжественно и с большими почестями. Еврейские делегаты, старики с длинными, седыми бородами, в течение вечера рассказывали Распутину о преследованиях евреев Николаем Николаевичем и другими антисемитскими сановниками. Их рассказы оставили глубокое впечатление на Распутина, и он был действительно потрясен. При попытке успокоить еврейских делегатов он сам с трудом сдерживал слезы. Когда всеобщее волнение немного улеглось, Распутин пояснил, что он готов помочь евреям, но ему кажется невозможным провести в короткое время радикальные меры, так как правительственные круги слишком пропитаны антисемитизмом.

— Правительство и дворянство,— сказал он,— злы, как собаки. Нужно готовиться к упорной и длинной борьбе. Положение ужасное, но как его изменить? Я сделаю все, что смогу. Только скажите мне, что мне делать.

— Помогите нам, отец Григорий,— ответили обнадеженные словами Распутина делегаты.

— Вы дураки,— сказал Распутин.— Несмотря на ваше богатство и ум, вы не умеете поддаться к людям, которые могли бы быть вам полезными. Вы должны подкупить всех нужных вам людей и стараться всевозможными способами связать интересы влиятельных лиц с вашими интересами.

Делегаты рассказывали Распутину, что еврейские вожди Винавер, Грузенберг, Калманович, раввин Эйзенштадт и Фридман являются противниками такой тактики, так как, по их мнению, главной целью должно являться достижение равноправия для евреев. Но для проведения такой реформы необходимо время.

— Я действительно вас не понимаю,— возразил Распутин.— В прежнее время многие евреи имели большое влияние: например, Поляков. Симанович и теперь имеет доступ к царю. Почему вы не хотите постараться также найти к нему пути?

Делегаты продолжали свои жалобы против Николая Николаевича и просили Распутина избавить еврейство от его преследования. Он, очевидно, не ожидал, что ему столько придется услышать. Один за другим мы сообщали Распутину случаи гонения евреев и выражения против них ненависти со стороны Верховного Главнокомандующего и не могли удержать наши слезы при рассказах о несметных еврейских казнях через военные власти.

Распутин встал и перекрестился. Это означало, что он дал сам себе клятву нам помочь. В глубоком волнении объяснил он, что Николай Николаевич будет устранен от должности вождя русской армии в течение десяти дней, если только с ним ничего не случится.

— Тогда царь возьмет на себя командование армией, и мы сможем, может быть, сделать что-нибудь для евреев,— сказал он.

Все присутствующие были потрясены этим обещанием. Я предложил преподнести подарок в сто тысяч рублей для семьи Распутина. Мое предложение было принято. Распутин выразился, что он об этом сообщит царю.

На другой день М. Гинцбург внес в один из банков на имена дочерей Распутина по пятьдесят тысяч рублей.

С удивлением мы следили, как Распутин сдержал свое обещание. Еще до истечения десяти дней Николай Николаевич был смещен и назначен командующим кавказской армией.

«Сила» Распутина

Распутин часто утверждал, что он владеет особой силой, при помощи которой он может все достигнуть и в опасные моменты даже спасти свою жизнь. Скептики этому не верили.

В действительности, Распутин обладал особой способностью, которую он называл своей «силой». Мне приходилось наблюдать, как эта «сила» у него проявлялась и как он ее применял. Я не намереваюсь давать объяснения этой «силы» и не могу сказать, был ли это гипноз или магнетизм. Про это много говорилось и писалось. Я хочу только передать мои личные наблюдения и мне известные факты.

Особенно показательными мне кажутся мои наблюдения в этом отношении по делу Николая Николаевича. Распутину самому приходилось много страдать вследствие враждебности Николая Николаевича. Отношения между обоими были не всегда плохими. Как известно, супруга Николая Николаевича первая познакомилась с Распутиным и позаботилась о его приезде в Петербург. Николай Николаевич сначала также выказывал Распутину благожелательное отношение. Даже одно время он неоднократно исполнял просьбы Распутина об отмене высылки немецких подданных в Сибирь. Эти просьбы исходили от меня, и я пользовался Распутиным как посредником. За возвращенных германцев мне приходилось поручаться. В действительности большинство прошений о германских подданных исходило от царицы. Но она не считала возможным сама открыто выступать за германских подданных.

На одно такое прошение я вдруг получил от великого князя следующий телеграфный ответ:

— Удовлетворено в последний раз. В случае присылки новых прошений вышло в Сибирь.

Я поспешил к Распутину, поднял большой шум и горько жаловался на угрозу Главнокомандующего. Распутин улыбался. Он успокаивал меня и объяснял все недоразумением. Он решил лично поехать в главную квартиру и там с Верховным Главнокомандующим выяснить это недоразумение.

Он об этом телеграфировал Николаю Николаевичу, но через три часа получил очень определенный ответ:

— Если приедешь, то вешу тебя повесить.

Ответ Николая Николаевича сильно задел Распутина. С тех пор он носил при себе мысль отомстить Николаю Николаевичу при первом случае.

Я начал бояться за свою судьбу и упрекал Распутина в том, что благодаря

его деятельности наше положение стало угрожающим. Я стал объяснять ему, что он ничего не достиг, ни заключения мира, ни уравнивания в правах инородцев, только вызвал против себя ненависть, которая ничего доброго не обещает.

Последовал гордый ответ Распутина: «Люди, подобные мне, рождаются только раз в столетие. Но моя власть не может распространяться на все. Все нужное для меня я достигаю».

Вскоре после этого состоялось уже упомянутое совещание с представителями еврейства, на котором Распутин обещал добиться удаления Николая Николаевича.

При посещении в один из последующих дней мне бросилось в глаза странное поведение Распутина. Он ничего не ел, но все время пил мадеру. При этом он был молчалив, часто вскакивал, как будто ловил кого-то порывистыми движениями рук... грозил кулаком и вскрикивал: «Я ему покажу». Было ясно, что он собирался кому-то отомстить.

Подобное поведение я уже замечал у него раньше. Злобно он все повторял: — Я с ним справлюсь. Я ему покажу.

Он находился в каком-то особом состоянии и был погружен совсем в себя. Такое состояние продолжалось целый день. Вечером он отправился в сопровождении агента охранной полиции (такой был заведен порядок) в баню и вернулся домой в десять часов. Он имел очень утомленный вид и молчал. Мне было знакомо это состояние, и я не беспокоил его разговорами и даже распорядился, чтобы в этот вечер никого не принимать. Молча, ни на кого не смотря, Распутин прошел в свою рабочую комнату, написал что-то на записке, сложил ее и направился в свою спальню. Здесь он засунул записку под подушку и лег. Как я уже говорил, и раньше приходилось наблюдать у Распутина такого рода напоминающее колдовство поведение. Так как он в таких случаях не желал, чтобы его беспокоили, сейчас же заснул и проспал без перерыва всю ночь.

Однажды я спросил Распутина, какие это записки он кладет себе под подушку. Он ответил, что он записывает на записках свои желания, которые во время его сна исполняются. Это он мне говорил совсем серьезно: по-видимому, он верил в чудотворное действие записок, и эта вера действовала очень заразительно.

Распутин рассказывал, что в то время, когда он еще не умел писать, ему приходилось свои пожелания отмечать путем нарезов на палке и таким образом он предотвратил много несчастья.

После того, как он научился писать, он уже не нуждался в палке, но прибегал к запискам. На другой день после переданного случая он еще спал, когда я к нему пришел. Он вышел только спустя некоторое время, и я сразу заметил, что его вид был совсем другим, чем за день перед тем. Он был оживлен, благожелателен и любезен. В его руках находилась лежавшая ночью под его подушкой записка. Эту записку он растер своими пальцами, и, когда она превратилась в мелкие кусочки, он бросил ее. При этом он сказал мне с любезной улыбкой:

— Симанович, ты можешь радоваться. Моя сила победила.

— Я тебя не понимаю,— ответил я.

— Ну, так ты увидишь, что случится через пять или шесть дней. Я поеду к папе и расскажу ему всю правду.

— И твоя правда должна победить папу? — спросил я.

— Моя власть и правда будут царю известны через три дня,— ответил гордо Распутин.— Я должен ему только предсказать будущее.

Он просил меня соединиться по телефону с Царским Селом. Соединение было дано немедленно, так как телефонная станция имела распоряжение Распутина соединять с царем всегда немедленно. Такое же распоряжение было отдано телеграфному ведомству, так что телеграммы Распутина всегда передавались первыми.

— Чем занят папа? — спросил Распутин.

— Он занят со своими министрами,— последовал ответ.

— Доложи ему, что у меня имеется божественное послание для него. Распутина соединили с царем.

— Кто там? — спросил Распутин.

— Папа. Что случилось, отец Григорий?

— Это я не могу по телефону сказать,— пояснил Распутин,— могу ли я приехать?

— Пожалуйста. Я тоже хочу с тобой говорить.

Распутин поехал в Царское Село и был немедленно принят. Как он мне потом рассказывал, разыгралась следующая сцена.

Распутин обнял царя и прижал трижды свою щеку к его, как это он привык делать с людьми, которые были ему симпатичны и приятны. Потом он рассказал царю, что ночью он имел божественное явление. Это явление передало ему, что царь получит после трех дней телеграмму от Верховного Главнокомандующего, в которой будет сказано, что армия обеспечена продовольствием только на три дня.

Распутин сел за стол, наполнил два стакана мадерой и велел царю пить из его стакана, между тем как он сам пил из царского.

Потом он смешал остатки вина из обоих стаканов в стакан царя и велел ему выпить это вино. Когда царь этими мистическими приготовлениями был достаточно подготовлен, Распутин объявил, чтобы он не верил телеграмме великого князя, которая придет через три дня. Армия имеет достаточно продовольствия. Николай Николаевич желает только вызвать панику и беспорядки в армии и на родине, затем, под предлогом недостатка в продовольствии, начать отступление и, наконец, занять Петербург и заставить царя отказаться от престола.

Николай был ошеломлен, так как он верил предсказаниям Распутина.

— Что мне делать? — спросил он опасливо.

— Он хочет меня сослать в Сибирь, но я его отправлю на Кавказ,— ответил Распутин.

Царь понял намек. Можно представить себе его потрясение, когда через три дня от Верховного Главнокомандующего пришла телеграмма, которая сообщала, что армия снабжена хлебом только на три дня. Этого было достаточно, чтобы решилась участь великого князя. Никто уже теперь не мог разуверить царя в том, что великий князь замышляет поход на столицу и намеревается свергнуть с престола царя. Великий князь был назначен главнокомандующим кавказской армией, а царь принял на себя верховное главнокомандование. В этом царь также последовал совету Распутина.

Три дня Николай Николаевич оставался еще в главной квартире. Царица-мать хотела уговорить царя отменить его распоряжение. Но он остался при своем первом решении и распорядился подать Николаю Николаевичу поезд, который должен был доставить его на Кавказ.

Дар прозорливости у Распутина

Я посещал Распутина всегда с утра, и мы с ним устанавливали программу дня. В то же время я узнавал события прошедшего вечера. Мы всегда обменивались нашими сведениями.

Однажды я нашел Распутина в большом волнении и заключил из этого, что с ним происходит что-то особенное и опять проявляется его «сила». Он меня, действительно, удивил ошеломляющим сообщением.

— Слушай, Арон, в Киеве готовится еврейский погром. Ты должен принять меры.

Можно себе представить, насколько меня такое сообщение поразило. Я имел в Киеве много родственников, и нападки на евреев мне и так причиняли много хлопот. На мою просьбу о сообщении подробностей Распутин ограничился еще более неясным намеком:

— Нужно будет кончить со стариком,— сказал он.

Прозвище «старик» нами всегда употреблялось для председателя Совета Министров. В то время эту должность занимал Столыпин. Намек Распутина я мог только понять в том смысле, что Столыпин скоро умрет. Ближайшие подробности о предстоящем несчастье мне не были сообщены.

Я старался разузнать у Распутина, почему Киеву угрожает еврейский погром и каким путем можно его предотвратить. В случае необходимости я хотел послать в Киев предупреждение. К моему удивлению, Распутин объяснил мне, что избежать погрома можно лишь в том случае, если царь при своей поездке в Киев не возьмет с собой Столыпина, так как Столыпина в Киеве убьют и он больше не вернется в Петербург.

Я должен сознаться, что даже при моей вере в способность Распутина предсказывать будущее это откровение мне показалось маловероятным.

Несмотря на мою малообразованность, во мне часто возникали сомнения в возможности тому подобных чудес и что не кроется ли за ними надувательство. Однако многое из деятельности Распутина возбуждало во мне большое изумление, несмотря на то что я знал, что он большой ловкач и великолепно умел использовать свое положение при дворе. Что же касается указанного предсказания, то я не знал, что о нем думать. Несколько дней спустя Распутин рассказывал мне, что он имел с царем беседу по поводу его предстоящей поездки в Киев. Результатом беседы он был очень недоволен. Он предупреждал царя и советовал ему не брать с собою Столыпина. Хотя он и не предупреждал самого Столыпина о грозящей ему опасности, ибо он не был его другом, но так как царь в нем нуждался, то нужно было его щадить.

— Столыпин меня не трогает,— пояснил Распутин,— и я не хочу подставлять ему ногу.

Царь также не обратил особого внимания на это предсказание Распутина. Он не хотел отказаться от сопровождения его Столыпиным.

Это послужило поводом недовольства Распутина, которое не было вызвано тщеславием, а сознанием того, что поездкой решается судьба Столыпина.

Столыпин поехал в Киев и был там убит агентом киевской охранной полиции евреем Багровым.

Когда я впоследствии рассказывал этот случай моим знакомым из придворных кругов, то некоторые из них высказали мысль, что царь, может быть, потому и взял с собой Столыпина, что верил предсказаниям Распутина.

Я считаю это мнение совершенно необоснованным. Хотя и Николай верил предсказаниям Распутина, но это предсказание могло и ему показаться слишком невероятным, чтобы ему верить.

После покушения на Столыпина царь послал Распутину телеграмму: «Что делать?» Распутин ответил телеграммой: «Радость, мир, спокойствие! Ты, миротворец, никому не мешаешь. Кровь инородцев на земле русского царя столь же ценна, как своих собственных братьев»

Царь распорядился о принятии всех мер против возможных выступлений против евреев. Реакционеры были разочарованы. Погром не состоялся.

Распутин как врачеватель

Я хочу рассказать несколько случаев, которые должны послужить показателем чудесной силы Распутина как врачевателя.

Мой второй сын уже долгое время страдал болезнью, которая считалась неизлечимой. Его правая рука постоянно тряслась, и вся правая сторона была парализована. Он ежегодно несколько месяцев должен был проводить в кровати. Когда я услышал от Вырубовой и других дам о способности Распутина излечивать болезни, я его несколько раз просил помочь моему сыну. Но он не соглашался на исполнение моей просьбы и всякими путями изворачивался. Во время одного из его деловых посещений он увидел на моей квартире в очень жалком положении моего сына, и его, наверно, охватило сострадание к нему. Не спуская с него глаз, он предложил мне привести его рано утром, пока он еще не встал, к нему. Мой сын должен был поджидать Распутина в одной из комнат, а я разбудить его, но так, чтобы он меня не видел.

Я привез моего больного сына на квартиру Распутина, посадил его в кресло в столовой, сам постучал в дверь спальни и быстро покинул его квартиру. Мой сын домой вернулся через час. Он был излечен и счастлив. Болезнь больше не возобновилась. Он рассказывал, что его лечение производилось Распутиным следующим образом: Распутин вышел к нему из своей комнаты, сел против него в кресло, опустил на его плечи свои руки, направил свой взгляд ему твердо в глаза и сильно затрясся. Дрожь постепенно ослабевала, и Распутин успокоился. Потом он вскочил и крикнул на него:

— Пошел, мальчишка! Ступай домой, иначе я тебя выпорю.

Мальчик вскочил, засмеялся и побежал домой. Я испытал силу Распутина также на себе. Уже много лет я был страстным игроком и проводил много ночей напролет за карточным столом. Я основал несколько карточных клубов. Однажды я так сильно увлекся игрой, что трое суток подряд провел в клубе. Как раз в то время Распутин имел важное дело ко мне. Он звонил мне по телефону, приходил сам в клуб, но ничего не помогало. Когда мы наконец встретились, он спросил, что со мной случилось. Я сознался ему, что я много потерял и не хотел прерывать игру до тех пор, пока я опять не отыгрался. Распутин внимательно меня выслушал. Когда я закончил, он как-то странно улыбнулся и сказал:

— Я дам тебе деньги. Ступай играть.

Я очень удивился его предложению и отказался играть на его деньги.

— Вместо того чтобы проигрывать деньги,— сказал Распутин,— ты бы лучше купил себе новые мозги.

Он пригласил меня сесть за стол и воскликнул повелительно:

— Садись, теперь выпьем!

Я последовал его приглашению. Распутин принес бутылку вина и налил два стакана. Я хотел пить из моего стакана, но Распутин дал мне свой, затем он перемешал вино в обоих стаканах, и мы должны были его одновременно выпить. После этого странного действия наступило короткое молчание. Наконец Распутин заговорил:

— Знаешь что? Ты в свою жизнь больше не будешь играть. Конец этому. Ступай, куда ты хочешь! Я хотел бы видеть, исчезнешь ли ты еще раз на три дня.— Пока он говорил, он все время смотрел мне напряженно в глаза. Я испытывал какое-то неприятное, странное чувство.

После этого Распутин встал и оставил меня в замешательстве одного. После этого я до смерти Распутина никогда не играл, хотя оставался владельцем карточных клубов. Также я не играл на скачках и сберегал этим много денег и времени. После его смерти прекратилось действие странного гипноза, и я начал опять играть.

Распутин рассказывал, что таким же образом он заставил Николая бросить пьянство. Как известно, царь был большой любитель выпить. Почти всегда царь был абсолютно трезвым только по утрам, примерно до десяти часов, после этого же он всегда был в опьянении. Временами он напивался почти до потери сознания, и на полковых праздниках офицерам обычно приходилось его выносить к автомобилю.

Вообще по отношению к Николаю Распутин играл роль няньки. Он вмешивался в интимную жизнь всей царской семьи. Временами, уже с самого детства, у царя были заметны отклонения от нормальной половой жизни, что очень плохо влияло на нервную систему. Распутин обращался с царем как с мальчиком. Он покрикивал на царя, бранил его и командовал, а царь стремился поступать по его указаниям, совершенно не обижаясь на Распутина. Я неоднократно спрашивал Распутина, почему он не может совершенно излечить царя от пьянства. Он всегда ограничивался запретом алкоголя царю на две-три недели, но не больше чем на месяц. Распутин отвечал мне на это весьма неохотно или совсем уклонялся от ответа, что оставляло впечатление, что не в интересах Распутина было освободить царя совершенно от его недуга. Слабости царя Распутин умел использовать. Они давали ему возможность держать в руках всю царскую семью.

Очень часто царь торговался с Распутиным, на какое время тот должен был запретить ему пить. Обычно Николай просил о сокращении срока. Когда Распутин назначал один месяц, государь старался сократить срок до двух недель.

Запрет давался иногда в письменной форме, особенно тогда, когда царь отправлялся на более продолжительное время в Ставку. Распутин требовал от царя в Ставке полного воздержания. Но освободить царя совершенно от запоя и других его слабостей не было в интересах Распутина. Во всяком случае, у меня сложилось такое впечатление.

Витте ищет протекции Распутина

Однажды позвонил ко мне граф Витте и просил приехать к нему по одному доверительному делу. Я был сильно заинтригован. Хотя я и знал Витте давно,

но в последние годы я не видал его. Немедля поехал к нему и был весьма любезно принят.

В осторожной форме граф спросил меня, может ли он мне довериться и быть спокойным, что разговор останется в секрете. У него имеется план, который может оказаться весьма интересным для еврейского народа, а ему известно, что еврейский вопрос очень близок мне. Это введение меня подкупило, и я обещал графу никому не передавать содержание нашей беседы.

— Я считаю необходимым,— сказал Витте с выразительным взглядом,— чтобы вы меня свели с Распутиным.

Наступила пауза, и он старался выяснить, какое впечатление на меня оставило его желание. Я уже привык, что высокопоставленные особы старались использовать для себя влияние Распутина, и поэтому предложение Витте меня несколько не удивило. Я согласился его свести с Распутиным, и мы обсуждали, каким путем это осуществить. Я предложил ему сперва добиться расположения Распутина, с чем он вполне согласился. Посредницей для этого должна была быть использована графиня Витте: она удовлетворяла ходатайства просителей, посылаемых к ней Распутиным. Мы условились, что просители будут Распутиным посылаться просто к «мадам Матильде», не упоминая ни титула, ни имени, и предполагали, что удовлетворенные просители будут возвращаться с выражением благодарности к Распутину. Это должно было, по нашим предположениям, оставить благоприятное впечатление на Распутина и его настроить в пользу Витте.

Я считал целесообразным найти скрытую квартиру, в которой Витте и Распутин могли бы встречаться совершенно незамеченными. Витте согласился и на это. Он имел ту же мысль, но не решился ее высказать. К моему удовлетворению, Витте сам пришел к мысли эту квартиру искать в доме, в котором жил Распутин.

Сознаюсь, что мысль свести Витте с Распутиным и помочь первому опять занять руководящий пост была для меня очень заманчивой. Во всяком случае, при проведении еврейского равноправия Витте мог оказать нам огромные услуги. При этом Витте должен был обещать мне, что, если нам удастся его провести опять к управлению государственным кораблем, он будет сотрудничать с нами в уничтожении еврейских ограничений. Он согласился еврейский вопрос поставить на первый план, и договор между нами был заключен.

Со своей стороны, я обещал ничего не говорить его жене о предполагаемой встрече с Распутиным. При встречах с Распутиным Витте должен был называться «Иваном Феодоровичем».

Я начал осторожно готовить сближение Витте с Распутиным. Умный Распутин скоро заметил, к чему я клоню. Во время одной беседы, когда я старался осторожно наметить возможность такого сотрудничества, не называя имени, Распутин с лукавым взглядом заявил:

— Я знаю, о ком ты говоришь. Это граф Витте.

Он был рад, что для Витте потребовалась его поддержка и что он добивается с ним сблизиться. Он был польщен и охотно согласился на встречу.

При подыскивании удобной в доме Распутина квартиры я наткнулся на имевшуюся в этом доме маленькую квартиру моего знакомого Хайта. Я предложил ему уступить мне на лето его квартиру взамен на одну из моих, находящихся поблизости Петербурга, в Сестрорецке, дач. Он согласился на это, и

я послал Витте ключ от квартиры. Для мелких услуг был нанят отставной солдат, который и понятия не имел, кто такой Витте.

Первая встреча между Витте и Распутиным состоялась весной, в одну из суббот, в четыре часа дня. Результатами этой встречи оба были довольны. Распутин рассказывал потом мне, что он сперва спросил Витте, как ему величать его, и они условились: «Графчик».

Беседа быстро завязалась. Распутин сразу поставил свои требования, и соглашение было легко достигнуто. Распутин пояснил:

— Положение очень тяжелое. Ты человек умный, сделай свое предложение!

Витте пояснил, что он в немилости, потому что он против войны. Но он не может увлечься войной.

— Дай тебя поцеловать! — воскликнул восторженно Распутин. — Я также не хочу войны. В этом я вполне согласен с тобой. Но что делать? Папа против тебя. Я, во всяком случае, в ближайшие дни переговорю с ним и посоветую ему поручить тебе окончание войны. Я верю тебе.

Во время дальнейшей беседы Витте объяснил, что газета «Новое Время» творит много зла. Она пропагандирует войну. Необходимо каким-нибудь способом ее обезвредить.

— Совершенно правильно, — сказал Распутин, — устрой это.

— Следовало бы «Новое Время» купить и продолжать в удобном нам направлении, — предложил Витте.

— Хорошо, но следи за тем, чтобы эта цель была бы действительно достигнута. Ты знаешь, что у дворцового коменданта ген. Воейкова было несчастье с князем Андронниковым. Он устроил князю деньги для газеты, которая потом ополчилась на меня.

Спустя двенадцать дней Распутин сообщил Витте, что он имел относительно его разговор с царем.

— Я ему рассказал, — заметил Распутин, — что Матильда делает все, чтобы устроить моих просителей, что я с тобой встречаюсь и что он может на тебя полагаться.

Царь, однако, не мог решиться на новый призыв Витте к власти и мотивировал это следующим образом:

— Ты должен знать, что, призывая опять графа Витте, я подвергаю себя большой опасности. Мои родственники поступят со мной таким же образом, как в свое время было поступлено с сербским королем Александром. Меня с женою убьют. Если я назначу Витте председателем Совета Министров, то это будет означать, что я хочу заключить с Германией мир.

— Помоги мне, отец Григорий! — просил Витте. — Не оставь меня! Ты действительно русский и откровенный человек. Родственники царя не хотят допустить, чтобы он действовал самостоятельно. Они злятся на меня за то, что я был творцом конституции. Царь не сдержал данное им народу обещание, и только это является причиной затруднений последующих лет.

Через некоторое время граф Витте вызвал меня к себе и сказал:

— Я сегодня переговорил с издателем «Нового Времени». Ему срочно требуются деньги, и он просил моего совета, как их достать. Он даже согласен на продажу части акций газеты. Между прочим, он просил меня похлопотать перед министром финансов Барком о выдаче ссуды под залог акций.

— Я нахожу, — заключил Витте, — что сейчас самый удобный случай, что-

бы добиться влияния на «Новое Время» и прекратить его злостную пропаганду. Если Распутин может собрать необходимую сумму денег, то я все сделаю. Мы возьмем в свои руки «Новое Время», и оно будет обезврежено. Поговорите по этому делу с вашими евреями. Они не должны были бы упустить этот случай обезоружить своего злейшего врага.

Я рассказал Распутину об этом разговоре с графом Витте. После короткого совещания мы решили обратиться к нашему «умному банкиру» (так называл Распутин известного финансиста Димитрия Рубинштейна). Кроме того, мы решили поставить в известность барона Гинцбурга и Мозеса Гинцбурга. Распутин пригласил к себе всех этих финансистов и предложил им купить эту враждебную евреям газету. Он старался убедить еврейских финансистов, что такая сделка была бы в интересах всего еврейства, и его предложение оставило сильное впечатление на собравшихся, так как без уговаривания Распутина было ясно, что покупка «Нового Времени» могла принести нам много пользы. Тем выше они оценили выступление Распутина в интересах евреев. При его тогдашнем влиянии занятая им позиция имела громадное значение для евреев. Поэтому они всеми средствами старались заполучить Распутина на свою сторону и поручили мне постараться все больше и больше связывать его с нами.

Акции «Нового Времени» были приобретены на имя графа Витте, а затем им переуступлены Рубинштейну.

Рубинштейн радовался очень, что теперь закончится травля против евреев, а Витте был доволен, что «Новое Время» перестанет теперь его ругать и не будет ему вредить. Отношения между Распутиным и Витте продолжались до смерти последнего. Они часто встречались, и Витте, по-видимому, не оставлял мысли при помощи Распутина вновь забрать в свои руки власть. Однако, обладая хорошей шпионской организацией, старый двор вскоре разузнал о дружбе Витте с Распутиным. Шпионили не только за царем, царицей и царскими детьми, но следили за всеми лицами, имевшими доступ ко двору. Я, например, не мог шагнуть в Петербурге, чтобы за мной не следили. Бывали случаи, что за мной одновременно следило несколько агентов. Известие, что Витте при помощи Распутина ищет сближения с молодым двором, привело противников Николая II в сильное волнение, а также произвело возбуждение в кругах старого двора. Там против Витте боролись очень энергично. Предполагали, что этот замечательный государственный муж мог предпринять такие шаги, которые могли бы сильно повредить старому двору. Когда Витте умер, то по Петербургу ходили слухи, что враги его отравили.

Смерть лорда Китчнера

Когда я однажды в одиннадцать часов утра пришел к Распутину, мне бросилось в глаза, что он чем-то очень взволнован. Выяснилось, что он только что приехал из Царского Села. На мой вопрос о причине его беспокойства Распутин ответил, что вопрос касается весьма секретного дела и я не должен никому о нем даже заикаться. Случилось большое несчастье, царица очень озабочена. Она все время только плачет и в отчаянье хватается руками за голову.

— Страшно, что папа натворил, — пояснил Распутин. — Кажется, он всех нас погубит.

Я его спрашивал, что случилось, но он молчал. Он также был очень озабочен.

Распутин, впрочем, не мог долго скрывать и рассказал мне все подробности.

— Случилась большая беда,— сказал он.— Один английский генерал был по дороге к нам; он хотел нам помочь и принять кое-какие шаги, чтобы скорее и с успехом закончить войну. Но его корабль потоплен германцами. При этом говорят, что мы виноваты. Германские шпионы своему штабу сообщили, что английский генерал находится на пути к нам.

Далее Распутин рассказал, что царица боится, что подозрение в измене может пасть на нее, как немку. Она просила Распутина при помощи его сверхъестественных способностей указать виновника гибели Китчнера.

— Я в первый раз услышал, что этого генерала ждали к нам,— сказал Распутин,— моя сила не распространяется на иностранцев. Но я все же раскрою, кто узнал об отъезде Китчнера. Говорят, что это был умный человек.

Три дня спустя я узнал от Распутина, что он имел разговор с Николаем II. Царь уже немного успокоился и рассказал Распутину, что он был извещен шифрованной телеграммой об отъезде Китчнера. В то утро он встречался только с дворцовым комендантом Воейковым и адмиралом Ниловым. С ними он завтракал, и при этом они довольно много выпили.

— Следовательно,— сказал Распутин царю,— ты был выпивши и рассказал своим друзьям о полученной телеграмме. Воейков рассказал об этом германскому шпиону Андронникову, а последний сообщил германцам. Таким образом, все ясно.

Царь справился у Воейкова, и тот подтвердил, что он действительно передал князю Андронникову услышанное от царя сообщение. Он будто бы хотел этим понудить Андронникова поместить в своей газете приветственную статью.

Андронников был странный человек с темным прошлым. Никто с ним не считался, но все-таки он находился со всеми в деловых отношениях. Будучи очень тучным, он все же был весьма подвижным и деятельным. Утверждали, что он — германский шпион, но несмотря на это он оставался неприкосновенным и мог передавать военные сведения через Швецию в Германию. Его отец был армянин, мать немка, а воспитывался он в Германии. Он был лютеранином, но это ему не мешало быть на короткой ноге с высшим православным духовенством и раздавать всем своим друзьям и знакомым иконы. Даже царь и царица имели от него иконы. Он считался большим святошей. Его двоюродная сестра, княгиня Орбелиани, ввела его ко двору. Распутин говорил про него, что он пузырь, который лопнет и при этом даст много вони. До войны Андронников был большим бабником, но во время войны стал гомосексуалистом. Поэтому никто не удивлялся тому, что на его квартире всегда вращалось много молодых людей. Странно было только то, что большинство молодых людей были офицерами. Он снабжал их деньгами и вообще принимал их очень радушно. Стол всегда у него был накрыт. Молодые офицеры посещали его очень охотно и выбалтывали доверенные им военные тайны. Андронников был близким другом жандармского полковника Мясоедова и военного министра Сухомлинова. Оба последних привлекались к ответственности за шпионаж. Мясоедов был повешен, и мне кажется, что Андронников был зачинщиком этих преследований.

Я припоминаю еще случай, в котором роль Андронникова была не из красивых. Он имел родственника по имени Думбадзе. По рекомендации Андронникова Сухомлинов поручил ему закупку военных припасов в Америке. После исполнения возложенного на него поручения Думбадзе вернулся в Россию, но имел неосторожность разойтись с Андронниковым. Это побудило Андрон-

никова донести на своего родственника и его друга, инженера Веллера, как на шпионов и сотрудников Мясоедова. Оба были арестованы и преданы военному суду. Дед Веллера, девяностолетний старик, обратился ко мне с просьбой помочь спасти его внука. Несмотря на мои старания, мне не удалось приостановить этот ужасный процесс. Военным судом в Бердичеве Думбадзе и Веллер были приговорены к смертной казни. Приговор был представлен на утверждение царя и должен был быть приведен в исполнение в сорок восемь часов. Родственники Веллера поспешили ко мне. Во время их прихода у меня находилась княгиня Тарханова, родственница Думбадзе. Она присоединилась к родственникам Веллера, и мы все отправились к Распутину.

— Смотри, что твой Андронников натворил,— сказал я, чтобы его поддеть. Я знал, что Распутин ненавидит Андронникова.

— Что мне делать? — спросил Распутин.

— Сейчас же ехать к царю и просить о помиловании.

— Хорошо, я это сделаю,— ответил Распутин,— но с Андронниковым я еще рассчитаюсь.

Распутин потребовал из охранного отделения автомобиль и поехал с родственниками Веллера в Царское Село. Он оставил их на вокзале и заявил им:

— Если я поймаю царя, то его помилования я добьюсь в пять минут.— К счастью, царь был во дворце. Смертная казнь была заменена шестилетним заключением в исправительном доме. Распутин, вернувшись с этим сообщением, поцеловал обоих евреев и сказал:

— Слава Богу, жизнь осужденных спасена. Теперь нужно работать дальше.

Я боялся, что военный министр Шуваев сразу не подчинится распоряжению царя о помиловании. Поэтому мы просили Распутину съездить к военному министру и попросить его немедленно передать распоряжение царя в Ставку. Однако Распутин отказался обратиться к Шуваеву. Тогда мы сами вместе с княгиней Тархановой отправились к военному министру. Шуваев исполнил нашу просьбу и протелеграфировал в Бердичев. После исправительный дом для осужденных был заменен тюремным заключением на два года восемь месяцев.

Участие Распутина в этом деле было также отчасти вызвано желанием освободить армян от подозрения в шпионстве. Распутин особенно любил армянский народ и носился с мыслью выдать свою дочь Марью замуж за армянина.

Дело Думбадзе имело довольно значительные последствия.

Андронников был очень дружен с генералом Воейковым и адмиралом Ниловым, и эти постоянные участники царских попок всегда старались защищать Андронникова перед государем. Старый двор также поддерживал Андронникова, так как он был в родстве с князем Шервашидзе, морганатическим супругом вдовствующей императрицы. Этим и объясняется, что Андронников мог безнаказанно заниматься своим опасным ремеслом. Интересно то, что этот живущий шпионажем человек распространял среди солдат патриотические воззвания.

Распутин любил торжественно праздновать свои именины. В этот день его квартира была обычно полна народу. Среди поздравителей явился также князь Андронников. Распутин отказался подать ему руку и громко заявил:

— Твои руки запачканы кровью. Я знаю, кто ты. Ты кормишь рыб чelовечной, так как ты виноват в смерти английского генерала. Ступай домой.

Ошеломленный Андронников, ни слова не говоря, удалился. Сцена оставила

очень сильное впечатление на присутствующих. Мы все не могли отделаться от очень тягостного чувства. В это время очень много лиц подозревались в шпионстве, и много невинных погибло, но князь Андронников имел возможность безнаказанно продолжать свое гнусное ремесло.

Падение министра внутренних дел Маклакова

Маклаков попал в министры внутренних дел не вследствие своих государственных способностей, а исключительно благодаря своим дакейским способностям. Он умел царя и наследника занимать своими фокусами. Но потерял он свою должность министра потому, что разошелся с Распутиным. Условия, при которых последовало падение Маклакова, наглядно характеризуют власть царского любимца.

Я открыл на Фонтанке, в доме № 14, клуб. Освящение его прошло весьма торжественно. Основателем клуба считался граф Толстой, а президентом клуба был выбран барон Рооп. Правление его состояло из кавалерийского офицера-поручика Бермонта, впоследствии командующего северо-западной белой армией, князя Бермонта-Авалова, графа Мусвиц-Шадурского, полковника кирасирского полка, и прокурора Розена. В клубе играли преимущественно в лото, и он должен был служить, главным образом, местом встреч для наших единомышленников. Иногда устраивались вечера и концерты. Я заботился о том, чтобы Распутин как можно чаще посещал наш клуб. Этим я хотел заручиться его помощью на тот случай, если бы клубу что-нибудь угрожало.

Распутин не играл, но он приходил на наши обеды, если на них присутствовали люди, которых он ценил. Не приходится говорить о том, что наши обеды устраивались с большим великолепом: ели и пили на славу. Распутину подавались его любимые блюда. Это было необходимо потому, что он не ел мяса, сладких блюд и пирожных. Во время войны вина Распутину доставлялись из царских погребов или магазина Бродовича. Если Распутин хотел пить вино вне дома, то его сопровождал полицейский автомобиль с двадцатью бутылками мадеры.

Министр внутренних дел Маклаков однажды поручил своему чиновнику особых поручений Николаеву произвести ревизию клуба. Николаев нам сообщил по секрету, что целью ревизии является подыскание причин к закрытию клуба. Сначала мы не хотели запутывать Распутина в это дело. Секретарь клуба, Розен, был юрисконсультom очень влиятельного реакционного «Союза Михаила Архангела». Мы шутили над тем, что Маклаков, несмотря на участие в клубе Розена, осмеливался выступать против него. Розен был этим сильно взбешен и говорил, что он уж найдет способ указать Маклакову его место. Несмотря на это, мы получили через два дня сообщение градоначальника, что клуб за несоблюдение устава закрывается.

Это уже было со стороны Маклакова явное объявление нам войны, и мы решили добиться падения министра.

По этому поводу я обратился к Распутину и имел с ним следующий телефонный разговор:

- Слушай,— говорил я,— нашей хорошей жизни настал конец.
- Почему? — спросил удивленный Распутин.

— Закрыли наш клуб, потому что ты его посещал. Нам за это хотят отомстить.

— Приходи ко мне, дурак,— ответил Распутин.

Я поехал. Он хотел знать, что случилось. Я старался осветить дело так, что закрытие клуба являлось только интригой против Распутина.

Распутин обратился к градоначальнику Драчевскому, которому были подчинены клубы, и писал ему:

«Милый, дорогой градоначальник, только в одном месте я мог отдохнуть. Отмени твое распоряжение о закрытии клуба, не делай глупостей. Ты не смеешь подставлять нам к горлу нож. Выслушай подателя сего».

Мы послали к градоначальнику депутацию, которая состояла из графа Толстого, Розена и Бермонта. Градоначальник принял депутацию очень любезно, но сообщил ей, что постановление о закрытии клуба состоялось без его ведома. Он лично ничего против клуба не имеет. Распоряжение о закрытии клуба дано министром внутренних дел. «Я получил от него выговор за то, что задержал на два дня закрытие клуба»,— пояснил он.

Я поехал к Распутину и подробно передал ему наши переговоры с градоначальником. Чтобы его больше разозлить, я прибавил, что Маклаков закрыл наш клуб только потому, что он считает клуб гнездом Распутина, где, по словам Маклакова, конокрад Распутин устраивает свои оргии.

Распутин очень разозлился. Он бегал по комнате и ругал Маклакова площадными словами, причем нужно заметить, что Распутин умел ругаться. Он владел такими отборными ругательствами, что даже мужчинам становилось не по себе от них.

— Если он думает, что он оседлает меня потому, что у него длинные усы и он умеет развлекать наследника, и поэтому он творит разные глупости, то он весьма ошибается. Я ему покажу... Уж помянет он меня.

Он подсел к своему письменному столу и написал министру следующее письмо:

«Слушай, министр. Ты думаешь, что потому, что царь привез тебя из Чернигова вследствие твоей длинной бороды, и потому, что ты комедиант, ты можешь делать все, что ты хочешь. Когда ты приехал из Чернигова, твои усы были напыщены, но я их тебе сорву. Ты закрыл мой клуб, и за это ты получишь щелчок от меня. Благодарю Бога и отца Григория, что я ограничусь лишь щелчком. Ты был дураком и дураком останешься. Ты можешь на меня жаловаться, мне начхать на тебя».

Распутин передал мне письмо, вызвал по телефону начальника охранного отделения и потребовал подать ему автомобиль. В нем он немедленно отправился в Царское Село, чтобы жаловаться на Маклакова царю. Перед отъездом он просил Николая освободиться от других занятий, так как он имеет к нему важное дело.

Министра внутренних дел немедленно уволили. Распутин сообщил мне результат своих переговоров по телефону, и я просил членов нашего клуба отправиться к Маклакову, чтобы передать ему письмо Распутина.

— Почему вы не передали мне письма Распутина до моего увольнения? — воскликнул в отчаянии Маклаков.— Я закрыл клуб потому, что Распутин творил там разные безобразия.

— Распутин знал, что вы безобразничаете в других местах, но ничего против вас не предпринимал,— ответил один из членов нашего клуба.

Приведенный выше поступок Распутина поднял сильно его популярность в обществе. Все чиновники старались ему понравиться и услужить. Стремление заискивать у Распутина принимало иногда весьма некрасивые формы. Мне приходилось часто наблюдать, как высокопоставленные лица, миллионеры и духовные лица унижались перед этим неотесанным мужиком. Одного слова его было достаточно, чтобы решить судьбу человека. Стремление получить при посредстве всемогущего Распутина всякие выгоды являлось поводом к выявлению всевозможных низменных страстей.

Что может натворить министр внутренних дел

В первые годы после появления Распутина в свете на него имела большое влияние графиня Клейнмихель. Она имела салон, находилась в прекрасных отношениях со всеми кругами высшего петербургского общества, и с нею считались даже при дворе. В ее салоне вращались дипломаты и высшие государственные сановники, финансисты и множество дам высшего общества. Старая графиня была ловка и умна, а также умела со всеми ладить. Она была очень дружна с графиней Игнатьевой, которая была председателем реакционного общества «Звездная Палата». Обе дамы занялись Распутиным, чтобы использовать его влияние на царя в своих интересах, но скоро должны были прийти к заключению, что Распутин не допускает себя использовать в качестве слепого орудия. После этого он стал им казаться подозрительным. Они начали травлять монаха Илиодора против Распутина. До тех пор Распутин и Илиодор были друзьями. Теперь Илиодор сделался злейшим врагом Распутина и начал строить всевозможные козни против Распутина.

В то время — я уже не могу припомнить, в каком это было году, — Распутин находился в своем родном селе Покровском в Сибири. Его старый друг, епископ Варнава, который ему был обязан своим епископским посохом, направился туда и старался его уверить, что было бы лучше помириться с Илиодором. Далее он рассказывал, что друг Илиодора, бывший нижегородский губернатор Хвостов, очень охотно взял бы на себя посредничество между обоими. Вследствие этой услуги Хвостов надеялся попасть в министры внутренних дел.

Когда Распутин собирался возвращаться в Петербург, Варнава просил его разрешения познакомиться с Хвостовым и получил его согласие. Дорогу в Петербург Распутин вместе с Варнавой частью проделал на одном из волжских пароходов. Телеграфно извещенный Варнавой, Хвостов выехал им навстречу. Его друг, князь Андронников, сопровождал его.

Варнава познакомил Распутина с Хвостовым следующими словами:

— Вот толстяк, которому я послал телеграмму.

Между Распутиным и Хвостовым завязался разговор, который главным образом вращался около предполагаемого назначения Хвостова министром внутренних дел.

— Тебе придется выступить из «Союза Русского Народа», — сказал Распутин.

— Я совсем не принадлежу к этому Союзу, — ответил Хвостов. — Но его членами являются монархисты, и поэтому я должен их поддержать.

— В каких отношениях ты находишься с Илиодором? — спросил Распутин.

— Он все делает по моей указке, — пояснил Хвостов.

— И если я потребую, чтобы Илиодор был сослан? — спросил Распутин. — Исполнишь ли ты это?

— Если Илиодор узнает, что я против него, то он сам исчезнет. Тебе не придется тогда его бояться.

Распутин был, очевидно, успокоен заверениями Хвостова. После возвращения в Петербург он предложил царю назначить Хвостова министром внутренних дел. Царь согласился с этим предложением, и назначение Хвостова состоялось. Таким образом, исполнилась мечта Хвостова.

Скоро Распутин стал замечать, что Хвостов действительно произвел на Илиодора какое-то давление. Наконец монах бежал в Норвегию и уже оттуда продолжал свои нападки на Распутина.

В действительности же побег Илиодора в Норвегию был условлен с Хвостовым. Илиодор получил даже из секретных сумм министерства внутренних дел шестьдесят тысяч рублей. Эта сумма была ему уплачена будто бы за то, что он не станет опубликовывать своих разоблачений против императрицы.

Из Христиании Илиодор вел переписку с Хвостовым по поводу организации покушения на Распутина. Илиодор предполагал произвести покушение при посредстве одного из своих фанатических приверженцев. В этот момент на сцену выплыло еще третье лицо. Это был товарищ министра внутренних дел Белецкий, который сам мечтал о должности министра. Белецкий хотел услужить Распутину и для этого шпионил за перепиской Хвостова с Илиодором. Хвостов назначил своим секретарем мелкого журналиста Ржевского. Его товарищ Белецкий сумел перетянуть Ржевского на свою сторону.

Однажды Ржевский просил через моего друга инженера Гейна передать мне, что он получил от Хвостова поручение свезти в Христианию письма для Илиодора, а также передать последнему нужную для подготовки покушения на Распутина сумму денег. После этого сообщения я немедленно встретился со Ржевским. Он показал мне письмо Хвостова к Илиодору и просил меня его свести с Распутиным. Он хотел раскрыть большой заговор, который был направлен не только против Распутина, но и против царицы. Я полагаю, что Ржевский немного хвастался. Я думаю, что в то время против императрицы ничего не предполагалось, а только против Распутина. Я поспешил к нему. Увидев письмо Хвостова, он очень заволновался. Мы обсудили, что делать. Я предложил ему поручить жандармскому полковнику Комиссарову проследить это дело. Распутин согласился, и я поспешил к Комиссарову и изложил ему все обстоятельство.

— Что я заслужу за раскрытие всего дела? — спросил он.

— Что вы хотите? — был мой встречный вопрос.

— Я хочу быть произведенным в генералы и назначенным градоначальником одного из больших городов.

Распутин согласился исполнить его желание. Я считал нужным привлечь к раскрытию дела также Белецкого, так как в его руках находились все нити.

На другой день я привел Ржевского к Распутину, который его обнял.

— Никому не верь, отец Григорий, — пояснил Ржевский, — ни Комиссарову, ни Белецкому. Они продадут тебя и, может быть, поступят так же, как поступил с Гапоном Мануйлов. Тебе известно, что Гапон был предан и в Озерах повешен.

— Что мне теперь делать? — спросил Распутин.

— Продолжай спокойно переговоры с ними. Обещай их вознаградить, но не верь им. Разбор дела царь должен поручить совершенно непричастному лицу.

На другой день мы с Распутиным поехали в Царское Село к Вырубовой, куда скорó явилась царица. Мы показали ей письмо Хвостова Илиодору, в котором сообщалось, что все приготовлено и убийцы ждут только письменного распоряжения Илиодора о приступлении к исполнению заговора.

Я предложил поручить товарищу военного министра Беляеву расследовать дело о покушении. Беляев согласился на мое предложение, но просил письменного распоряжения царя. Его просьба была исполнена.

С его же согласия Ржевский был по дороге в Христианию, на финляндской границе, задержан и обыскан. После сфотографирования письма Хвостова был освобожден и мог продолжать свой путь. Все телеграммы Илиодора к Хвостову проверялись военной разведкой. На обратной дороге из Христиани Ржевского вновь задержали. Он вез письмо Илиодора к Хвостову, в котором назывались трое согласных на произведение покушения царицынских крестьян. Этих людей задержали, а потом, вследствие просьбы Распутина, они были высланы генералом Беляевым в Царицын.

Хвостов каким-то путем разузнал о нашем расследовании и моем участии в этом деле и решил мне отомстить. К этому ему скоро подвернулся подходящий случай.

Я уже говорил, что царь не исполнил своего обещания объявить в Государственной Думе о своем решении ввести конституционную форму правления и уравнивать в правах инородцев. Распутин поехал к нему и настаивал на том, чтобы предполагаемая реформа была проведена. Это было 6 января. Но царя нельзя было убедить исполнить его обещание. Распутин был очень огорчен и поехал к митрополиту Питириму. По телефону туда же был вызван председатель Совета Министров Штюрмер. В Александро-Невском монастыре, на квартире Питирима, состоялось совещание. Было решено, что Питирим должен написать царю очень убедительное письмо и в нем умолять царя склониться перед требованием времени и объявить ожидаемые новшества. Письмо подписали Питирим, Штюрмер и Распутин. Мне было поручено доставить письмо царю, и я повез этот исторический документ в Царское Село.

К сожалению, я теперь уже не могу передать его содержание. У меня имелась копия этого письма, но она осталась среди моих бумаг в Петербурге. В свое время письмо на всех, его читавших, оставляло очень сильное впечатление.

Я лично передал письмо Николаю при входе в Александровский дворец и мог наблюдать, что царь очень озабочен. Он просил меня передать Распутину, что он исполнит просьбу подписавших письмо. Этот ответ я сообщил Распутину, Питириму и Штюрмеру, которые были им очень довольны. Мы ждали, что 9-го января будет объявлен Государственной Думе манифест. Но ничего подобного не случилось. В этот день царь посетил Государственную Думу, но ни словом не обмолвился о предполагаемых реформах.

В ту же ночь по распоряжению министра внутренних дел у меня на квартире был произведен обыск. Меня арестовали. Какими-то путями Хвостов разузнал, что я передавал письмо Распутина, Питирима и Штюрмера царю. Узнав об этом, я много думал, не царь ли сам рассказал Хвостову об этом.

Меня заключили в отдельную камеру при Петербургском охранном отделении. Шестнадцать дней никто не знал, где я нахожусь. Мои родные также были в полной неизвестности. Охранная полиция передала мне предложение Хвостова в борьбе с Распутиным перейти на его сторону. Об этом я и слышать не хотел. Мой старший сын посетил императрицу и сообщил ей о моем аресте. Она была возмущена и заявила:

— Это революция! Хвостов позволил себе действовать против царя.

Председатель Совета Министров Штюмер и его секретарь Манасевич-Мануйлов тоже были очень озабочены. Мануйлов ночью вскочил с кровати и воскликнул:

— Тогда они и меня могут арестовать!

Хвостов свои меры предпринял совершенно неожиданно. Распутин был взбешен и не мог себе простить, что он провел Хвостова в министры. Мое положение было довольно угрожающим. Хвостов собирался легальным образом отправить меня на тот свет. Он достал подложные документы, которые должны были меня изобличить как шпиона. Документы были переданы военному суду, и без малого приговор состоялся бы. К счастью, я сумел доказать, что приписываемую мне переписку с вражескими агентами я не мог вести. Вследствие этого обвинение отпало.

Через шестнадцать дней я был освобожден, но получил распоряжение в двадцать четыре часа оставить Петербург и выехать в Нарымский край в ссылку. Днем позднее моей семье также было предписано следовать за мною в Сибирь. К счастью, царица могла еще заблаговременно заступиться за мою семью, и ссылка моей семьи была отменена. Царь в это время находился в Ставке.

После его возвращения в Петербург Хвостов поспешил представить ему совершенно извращенный доклад по делу Илиодора и моего ареста. Он старался всю ответственность свалить на Белецкого и Ржевского; между тем Распутин уже успел ознакомить царя с действительным положением этих дел. Он делал вид, что верит Хвостову, и последний был уже убежден в своей победе. Между тем царь отдал распоряжение о моем возвращении, которое меня застало в Твери. Сосланному же одновременно со мной брату с его сыном пришлось проделать всю дальнюю дорогу в Сибирь. Меня сопровождала в дороге моя собственная, состоящая из десяти человек, охрана, так как я опасался, что Хвостов мог распорядиться покончить по дороге со мной.

После моей ссылки в Сибирь я по распоряжению царя был причислен ко двору. Николай II считал меня секретарем Распутина. Он не желал, чтобы кто-нибудь помимо его воли наблюдал бы за моею деятельностью. Это знал Хвостов. Что, несмотря на это, Хвостов все же счел возможным меня арестовать и сослать, царь считал возмутительным.

Все же во время разговора с Хвостовым царь держал себя в высшей степени любезно. Хвостов понятия не имел о недовольстве им царя. Прием его царем продолжался два часа. Но когда Хвостов вернулся домой, он нашел уже там его ожидающий запечатанный пакет с распоряжением царя об его отставке. Он сомневался даже в подлинности приказа, так как только что царь был так любезен с ним. Хвостов немедленно поехал в Царское Село, чтобы говорить с царем, но не был им принят.

Дома его ждала новая неприятность. Его вызывал к себе председатель Совета Министров Штюмер. Хвостов направился немедленно к нему. Здесь

он узнал, что царь велел отнять у него все его ордена и сослать на шесть месяцев в его имение. В тот же вечер Хвостов¹ оставил Петербург. Еще до его отъезда на его квартире был произведен обыск, при котором по желанию Штюмерера присутствовал также я. Мы нашли много документов, важных бумаг и переписки. Среди них находились также письма царя, царицы и Распутина. Они были все сожжены.

Ржевский был одновременно со мной сослан в Нарымский край. До его отъезда Хвостов велел его доставить в свой рабочий кабинет и там надавал ему несколько оплеух.

По совету Распутина, Штюмерер был назначен также министром внутренних дел. Распутин потребовал от Штюмерера новой должности для полковника Комиссарова. Его назначили градоначальником в Ростов-на-Дону. Белецкий надеялся получить должность генерал-губернатора в Иркутске, но Распутин уговорил его остаться в Петербурге, обещав ему устроить специальное министерство полиции. Пока Белецкий был назначен сенатором. Что же касается генерала Беляева, то в исполнение данного ему Распутиным обещания он был назначен военным министром. Но в это время Распутина уже не было в живых.

Я еще должен заметить, что Хвостов имел особую причину быть мною недовольным. В 1915 году я вручил члену Государственной Думы князю Геловани документы, из которых усматривалось, что Хвостов занимался организацией еврейских погромов. Эти документы я получил от Белецкого за обещание устроить его министром внутренних дел. Геловани передал полученные от меня документы члену Государственной Думы Керенскому, который озаботился о их распубликации. Эти документы вызвали большой шум.

Керенский вел в Думе ожесточенную борьбу против реакционных партий и не упускал ни одного случая, чтобы выступить против них. О событиях в Государственной Думе нас регулярно информировал член Думы Караулов.

Борьба против антисемитской пропаганды

Долголетний министр юстиции Щегловитов имел очень вредное влияние на царя. Он старался с особенной настойчивостью доказывать ему, что все евреи заражены социализмом. По его мнению, их следовало поставить в такое положение, чтобы у них пропала всякая вера в социализм. Убийство мальчика Ющинского дало повод Щегловитову и другим врагам евреев начать против Бейлиса знаменитый ритуальный процесс. Но этот процесс не дал ожидавшихся последствий, а наоборот, они были весьма неприятны для самих зачинщиков процесса.

Распутин ненавидел Щегловитова и нападал на него, где только мог. Щегловитову, знавшему влияние Распутина на царя, приходилось нападки и обиды со стороны Распутина молча проглатывать. Распутин упрекал Щегловитова в бессердечности и язвил над тем, что он теперь состоял членом «Союза Михаила Архангела», между тем как он раньше был социалистом.

¹ Впоследствии арестован Керенским; посажен в «Кресты»; позднее переведен в Москву, где большевики его расстреляли совместно с Белецким.

Когда затевался процесс Бейлиса, то Распутин открыто заявил Щегловитову: «Ты проиграешь процесс, и ничего из него не выйдет».

Еще до окончания процесса Распутин уже предсказывал оправдание Бейлису. «Евреи не нуждаются в крови христиан, это я знаю лучше, чем ты», — уверял он министра юстиции.

После своего увольнения Щегловитов обратился к Распутину помочь ему снова стать министром. Распутин ответил ему довольно грубо, что только после его смерти он может рассчитывать на министерский пост. После смерти Распутина Щегловитов действительно сделался на короткое время председателем Государственного Совета.

Когда по случаю процесса Бейлиса началась страшная травля на евреев, я просил Распутина повлиять на царя о прекращении этой ужасной травли. Он неоднократно старался заговорить с царем по поводу процесса Бейлиса, но всегда получал ответ не затрагивать этого вопроса. Такое отношение царя сильно не нравилось Распутину. Он предполагал, что царь имел особые причины обращать большое внимание на науськивания Щегловитова.

Во время переговоров с министрами относительно необходимости облегчения положения евреев приходилось часто выслушивать ответ: «Гурлянд этого не хочет».

Этот господин Гурлянд играл странную роль. По рождению своему еврей, сын раввина в Одессе, перешедший уже взрослым в христианство, он сделался страшным юдофобом и сумел завязать хорошие отношения с министрами. Как раз в то время он был главным редактором правительственной газеты «Россия». Он поддерживал открыто партию старого двора и агитировал против молодого двора.

Несмотря на это, он имел сильное влияние на царя в еврейском вопросе. Я подозреваю даже, что фактическим застрельщиком процесса Бейлиса был Гурлянд. Во всяком случае, он был неофициальным руководителем по этому поводу проводимой антиеврейской пропаганды. Сопровождения о том, как использовать этот ритуальный процесс вообще в борьбе с еврейством, состоялись на его квартире.

Единственный обвиняемый Бейлис был оправдан, но в связи с этим процессом были привлечены к ответственности за превышение власти и другие противозаконные деяния начальник Киевской уголовной полиции и другие полицейские чины. Их приговорили к довольно суровым наказаниям.

Делегация, состоявшая из московского раввина Мазо, киевского сахарозаводчика Льва Бродского и петербургского финансиста Герасима Шалита, обратилась ко мне с просьбой об исходатайствовании помилования осужденных. Я добился этого.

При этом случае я должен отметить, что не только сам Герасим Шалит, но остальные члены его семьи всегда охотно отзывались на обращаемые к ним просьбы о помощи нуждающимся своим единоверцам.

Непостоянство царя отзывалось очень неприятным образом, также в еврейском вопросе. Хотя он и был преданным другом Распутина, врага реакционных союзов, он все же одновременно был беспрекословным последователем этих же союзов. Поэтому Распутин не осмеливался открыто нападать на эти организации, хотя он при каждом удобном случае старался им вредить. По моему совету, он уговорил царя прекратить выдачу сумм для поддержки известного реакционного деятеля Пуришкевича. Когда Пуришкевич узнал, что виновни-

ком прекращения этих ассигнований являюсь я, он стал моим злейшим врагом.

Впрочем, Пуришкевич имел еще другую причину ненавидеть меня и Распутина. В руководимом им «Союзе Михаила Архангела» играл большую роль дружественный мне прокурор Розен. Все поступающие в Союз жалобы на евреев поручались ему для проверки. Я добился того, что эти жалобы Розеном передавались сперва мне. Могущие иметь для евреев нежелательные последствия жалобы мною сжигались и только самые безобидные передавались обратно в Союз.

Пуришкевич начал подозревать Розена. С большим портфелем, набитым жалобами на евреев, его проследили около моей квартиры. После этого он был смещен с должности секретаря «Союза Михаила Архангела». Для него это была потеря небольшая, так как он от меня получал в месяц две тысячи рублей и имел еще другие доходы.

Розен объяснил мне секрет успеха у царя реакционных провинциальных губернаторов. Если губернатором назначался ставленник «Союза Русского Народа», то со всех сторон России от отделов Союза поступали царю благодарственные телеграммы. Я сблизился с председателем московского отделения Союза Орловым. За приличное вознаграждение он согласился распорядиться посылать благодарственные телеграммы царю также по случаю назначения рекомендованных Распутиным министров. Все расходы, конечно, покрывались мною.

Распутинский совет министров

Друзья Распутина часто шутили, что Распутин имеет свой собственный совет министров, значительно дельнее и положительнее царского Совета. Но этот «совет министров» имел ту особенность, что он состоял исключительно из дам.

Старая Головина была, так сказать, президентом. Она поддерживала Распутина своим именем и авторитетом среди петербургского высшего общества. Ее дочь Маня служила посредницей между Распутиным и высшим духовенством. Вырубова в исключительной мере способствовала при назначениях министров. Придворная дама Никитина поддерживала связь с председателем Совета Министров. Одна из сестер Воскобойниковых работала во дворце, а другая поддерживала важные знакомства в руководящих военных кругах. Акилина Лаптинская служила сыщиком Распутина. Она снабжала его всеми новейшими сплетнями и секретами; единственный ее недостаток был тот, что она не была достаточно надежна и работала также на врагов Распутина. Прочие дамы исполняли самым добросовестным образом все поручения Распутина и служили ему душой и телом.

К кружку его влиятельных поклонниц принадлежала также красивая фрейлина императрицы госпожа фон Ден, по рождению немка и замужем за немцем — русским морским офицером. Особенно она почитала Распутина за его пропаганду мира, но была и так ему очень предана.

При встречах во дворце Распутин и госпожа фон Ден совершенно не разговаривали, но часто виделись на квартире его подруги Кушиной, которую он называл «красавицей». Там же часто устраивались веселые интимные вечера, на которые иногда приглашали и меня.

Однажды один из гостей обратился к Распутину с вопросом, почему он боль-

ше симпатизирует немцам, а ненавидит англичан и французов. Изрядно выпивший Распутин дал совершенно неожиданный ответ:

— Не могу я любить французов,— пояснил он,— потому что я знаю, что они не могут полюбить меня. Они республиканцы и революционеры, и я им кажусь смешным. Я могу работать только с монархистами. Но монархисты не должны никогда воевать между собой и всегда хорошо между собой уживаться. Поэтому Россия должна как можно скорее помириться с Германией.

Это, конечно, не был исчерпывающий ответ Распутина по поводу его враждебности к войне. Но он ясно показал, что Распутин сознавал не только свою власть, но и ее пределы.

Как состоялись назначения министров

С тех пор как Распутин возымел решающее значение при назначении министров, он постоянно искал подходящих кандидатов. Так как личные качества протеже ему были мало известны, то выбор кандидатов для него был очень затруднительным. Поэтому он постоянно обращался ко мне с просьбами указать подходящих лиц для одного или другого министерского поста. Часто это было весьма затруднительно. Наша задача осложнялась еще тем, что многие из намеченных нами кандидатов, зная колеблющийся характер царя, сами отказывались от предлагаемых им назначений.

Особенно сложным становилось дело в последние годы царствования Николая II. Часто случалось, что царь телефонирует Распутину, требуя немедленно указать кандидата для какого-либо освобождающегося поста министра. В таких случаях Распутин просил царя обождать несколько минут. Возвращаясь к нам, он требовал назвать необходимого кандидата.

— Нам нужен министр,— восклицал он взволнованно. Недалеко от телефона происходила тогда конференция, на которой иногда участвовали даже племянницы Распутина, между тем как царь ждал у телефонной трубки. Однажды Распутин во время разговора с царем сказал нам:

— Нам требуется генерал.

Случайно присутствовавший при этом мой сын Семен назвал фамилию Волконского, хотя тот и не генералом, а товарищем председателя Государственной Думы был. Распутин назвал фамилию царю. Вскоре после этого Волконский был назначен товарищем министра внутренних дел.

Если выбор был особенно затруднительным, то нам приходил на помощь Манасевич-Мануйлов. Он, конечно, старался проводить своих людей. По его совету был назначен Штюмер председателем Совета Министров. Манасевич-Мануйлов рекомендовал нам Штюмера как «старого вора и жулика» и ручался за то, что Штюмер исполнит все наши пожелания.

В первую очередь мы искали людей, согласных на заключение сепаратного мира с Германией. Со Штюмером мы долго торговались. Только тогда, когда нам казалось, что он достаточно подготовлен, последовало его назначение. Я выступал за него, потому что он был еврейского происхождения. Его отец воспитывался в первой школе раввинов в Вильно, потом крестился и сделался преподавателем гимназии. Потом он получил дворянство. Первоначально он имел другую фамилию и только потом стал называться Штюмером. Я пред-

полагал, что председатель Совета Министров не станет возражать против уравнивания в правах евреев, и не ошибся.

Однажды царю понадобился в срочном порядке кандидат для должности обер-прокурора Синода. Мы предложили профессора высших женских курсов Раева, старого и совершенно незаметного человека, носившего парик и очень комичного. Он был председателем учрежденного мною «Научно-коммерческого объединения». Несмотря на громкое название, это был обыкновенный игорный клуб, где днем и ночью шла крупная игра.

Я должен заметить, что в то время царь говорил каждому вновь назначенному министру, что Распутин единственный человек, которому он доверяет. Его указание должно было служить в некотором роде направляющей рукой.

— Распутин — посланец Бога,— говорил в таких случаях Николай.— Я никогда в моей жизни не питал такой любви и доверия к человеку, как к Распутину.

Посылаемые Распутиным к министрам записки обычно содержали оборот: «Расскажу любящему». Это означало, что Распутин по данному делу собирался говорить с царем. Соответствующий министр в таких случаях считал просьбу Распутина как приказ царя и ставил на записке надлежащую резолюцию.

Незадолго до своей смерти Распутин сообщил мне, что царь решил принять меры к улучшению положения евреев. Все министры получили указания пересмотреть постановления прежних министров по поводу ограничений мест жительства для евреев. Из архивов были извлечены старые дела о черте оседлости.

Сообщение Распутина было также подтверждено мне Протопоповым, который к этому добавил, что желание царя — провести эти мероприятия без лишней огласки. Протопопов выразил желание, чтобы к нему явилась делегация евреев. Его желание было исполнено. Адвокаты Слиозберг и Варшавский, если я не ошибаюсь, были делегатами. Протопопов подтвердил им, что приняты уже меры к расширению еврейских прав. Он просил только считать это сообщение доверительным, чтобы избежать лишней огласки. На приеме еврейских депутатов присутствовал также генерал Курлов, занимавший тогда высокую должность в министерстве внутренних дел. Убийство Распутина прекратило все подготовительные работы. После убийства Распутина царь распорядился в первую очередь обратить внимание на борьбу с революционным движением. Еврейский вопрос был снят с очереди.

Распутин — политик

Каким представляли себе Распутина современники? Как пьяного, грязного мужика, который проник в царскую семью, назначал и увольнял министров, епископов и генералов и целое десятилетие был героем петербургской скандальной хроники. К тому еще дикие оргии в «Вилле Родэ», похотливые танцы среди аристократических поклонниц, высокопоставленных приспешников и пьяных цыган, а одновременно непонятная власть над царем и его семьей, гипнотическая сила и вера в свое особое назначение.

Это было все!

Только немногим было суждено познакомиться с другим Распутиным и

увидеть за всем известной маской всесилоного мужика и чудотворца его более глубокие душевные качества.

Люди, которые могли бы использовать его особое влияние и суггестивную силу для более высоких целей, не вникли в его душу и остались ей чуждыми и далекими. Почти все, кто искал его близости, стремились лишь к достижению своих личных, обычно весьма грязных целей. Для них он был только простым орудием для достижений их. У них не было охоты вдаваться в более глубокие размышления над его характером. Да и другой Распутин был им и не нужен.

Но за грубой маской мужика скрывался сильный дух, напряженно задумывающийся над государственными проблемами.

Распутин явился в Петербург готовым человеком. Образования он не имел, но он принадлежал к тем людям, которые только собственными силами и своим разумом пробивают себе жизненную дорогу, стараются разгадать тайну жизни. Он был мечтатель, беззаботный странник, прошедший вдоль и поперек всю Россию и дважды побывавший в Иерусалиме. Во время своих странствований он встречался с людьми из всех классов и вел с ними долгие разговоры. При его огромной памяти он из этих разговоров мог многому научиться. Он наблюдал, как жили люди разных классов, и над многим мог задуматься. Таким образом, во время его долгих паломничеств созрел его особенный философский характер.

После проявления его решающего значения на царя Распутин не разменивал его на мелкую монету. Он имел собственные идеи, которые он старался провести, хотя успех был очень сомнителен. Он не стремился к внешнему блеску и не мечтал об официальных должностях. Он оставался всегда крестьянином, подчеркивал свою мужицкую необтесанность перед людьми, считавшими себя могущественными и превосходящими всех, никогда не забывая миллионы, населяющие русские деревни, крестьян. Им помочь и разрушить возведенную между ним и царем стену было его страстным желанием и пламенной мечтой.

Долгие часы, проведенные им в царской семье, давали ему возможность беседовать с царем на всевозможные политические и религиозные темы. Он рассказывал о русском народе и его страданиях, подробно описывал крестьянскую жизнь, причем царская семья его внимательно слушала. Царь узнал от него многое, что осталось бы без Распутина для него скрытым.

Распутин горячо отстаивал необходимость широкой аграрной реформы, надеясь, что она должна привести русского крестьянина к новому материальному благосостоянию.

— Освобождение крестьян проведено неправильно,— говорил он часто.

— Крестьяне освобождены, но они не имеют достаточно земли. Обычно крестьянская семья численно велика и состоит из десяти членов, но участок земли мал. Из-за земли сыновья ссорятся с родителями, и им приходится отправляться в город в поисках работы, где они ее не находят. Окончится война, сыновья вернутся и поженятся. Чем же они тогда будут кормиться? Возникнут ссоры и беспорядки. Крепостные крестьяне жили лучше. Они получали свое пропитание и необходимую одежду. Теперь крестьянин не получает ничего и должен платить еще подати. Его последняя скотинка описывается и продается с торгов. До десятого года крестьянские дети бегают голыми. Вместо сапог они получают деревянные колодки. Не хватает у крестьянина земли. Замирает вся жизнь в деревне.

Распутин жаловался на то, что правительство не строит в Сибири железных дорог.

— Боятся железных дорог и путей сообщения,— пояснял он.— Боятся, что железные дороги испортят крестьян. Это пустой разговор. При железной дороге крестьянин имеет возможность искать себе лучшее существование. Без железной дороги сибирский крестьянин должен сидеть дома, не может же он пройти всю Сибирь пешком. Сибирский крестьянин ничего не знает и ничего не слышит. Разве это жизнь? Сибирь пространна, и сибирский крестьянин зажиточен. В России же (Распутин понимал европейскую Россию) крестьянские дети так редко видят белый хлеб, что считают его лакомством. Крестьянин в деревне не имеет ничего. Пшеничную муку он иногда получает к Пасхе, мясо он даже по праздникам получает очень мало. Ему не хватает одежды, обуви и гвоздей, но он ничего не может заказать. В деревне нет мастеровых. Если в деревне появляется не русский мастеровой, то его прогоняют. Почему? Потому, что он изготовил лопату, плуг или подкову, или потому, что он починил сапоги? Боятся чужого мастерового. Боятся, что крестьянин мог бы разбаловаться, пожелать денег или земельного надела!

Поясняют, что все это может привести к революции. Все это глупости. Дворянство имеет слишком много. Дворянство ничего не делает, но мешает и другим. Если появляется образованный человек, то кричат, что он революционер и бунтовщик, и в конце концов сажают его в тюрьму. Крестьянину не дают образования. Эта господская политика к добру не приведет.

Распутин мечтал о крестьянской монархии, в которой дворянские привилегии не имели бы места.

По его мнению, монастырские и казенные земли следовало разделить между безземельными крестьянами, и в первую очередь между участниками войны. Частные помещичьи земли, по его мнению, тоже следовало отчудить и распределить среди крестьян. Для уплаты помещикам за отчужденные земли следовало бы исхлопотать крупный внешний заем. Распутин был очень высоко мнения о земледельческих способностях и благосостоянии немецких колонистов. Их чистоплотность и опрятная добротная одежда сильно выделяли их среди русских крестьян.

Попадая в немецкую колонию, Распутин всегда удивлялся богатству их стола. Его особенно поражало, что колонисты пили не только чай, но и кофе. Эти наблюдения сильно врезались в душу Распутина, и при разговорах с русскими крестьянами он всегда заводил разговор о благосостоянии немецких колоний. Он советовал русским брать в жены девушек из немецких колоний. Такие браки оказывались всегда как-то очень счастливыми.

— Крестьянин рад,— говорил он,— если у него в доме немка, тогда в хозяйстве порядок и достаток. Тесть гордится такой снохой и расхваливает ее перед своими соседями.

Уважение Распутина к Германии возросло еще больше после того, как Распутин узнал, что большинство употребляемых русскими крестьянами сельскохозяйственных машин германского происхождения.

Он всегда стоял за немедленное заключение мира, даже при самых плохих условиях. По его мнению, любой мир для России был лучше, чем война. Когда Россия опять окрепнет, тогда и можно будет вновь пересмотреть мирные условия.

На заявления, что о немедленном заключении мира не может быть и речи и поэтому за него и не стоит выступать, Распутин всегда отвечал:

— Я ничего не боюсь. Я плохого ничего не хочу. Никто не имеет права уничтожать человеческие жизни. Существуют люди, которые занимаются посредничеством в денежных делах, в продажах домов и земель. Я хочу быть только посредником заключения мира. Даже папа говорит, что я прав и должен остаться нейтральным...

Утверждение царя, что он не прекратит войны до тех пор, пока последний германский солдат не оставит русскую землю, не влияло на Распутина.

— Царь мог и это сказать. Он хозяин своего слова. Если он его дал, то он может его и взять обратно. Если он что-нибудь приказал, то новым приказом он первый может отменить. Он царь и может все. И каким путем прогнать из России всех немцев? Что делать с немецкими мастеровыми и купцами?

Не помогало и разъяснение, что царь своими словами не хотел задеть русских немцев и говорил только о германских солдатах. Он хитро улыбался и говорил, что он не видит разницы между русскими немцами и германцами. Оба они преследуют одну цель, лишь с той разницей, что одни работают кулаком, а вторые деньгами и головой.

— Русский, — говорил он, — привык к немецким товарам. Немецкие купцы поставляют хорошие товары и идут покупателям всячески навстречу. Немец умеет работать. Если в деревню попадает германский военнопленный, то бабы стараются заполучить его в свою избу, потому что он хороший работник.

Кроме Германии Распутин очень влекло к Америке. И это имело свои причины.

В России имелось довольно много крестьян, родственники которых жили в Америке и присылали оттуда своим родным в Россию денежные вспомоществования. Много бедных выходцев стали в Америке состоятельными фермерами, но оставшиеся и там простыми рабочими были довольны своими заработками. Для бедного русского крестьянина Америка казалась сказочной страной. Поэтому Америка импонировала Распутину, и он советовал жить с Америкой в дружбе и мире.

Под конец я хочу еще рассказать один любопытный случай. После отступления русских войск из-под Варшавы Николай II вызвал в два часа ночи Распутина к телефону. Он был очень взволнован и говорил, что готов повеситься, так как Вильгельм предполагает учредить самостоятельное польское государство. Такого унижения он не может перенести... Распутин ответил ему:

— Ты сам должен был полякам даровать самостоятельность. Но теперь имей мужество. Если ты вернешь Польшу, то ты ей дашь все... Они такие же славяне, как русские, и должны себя чувствовать хорошо.

Сомнения и надежды

В течение долгих лет я находился при Распутине и днем и ночью. Я знал его лучше всех. Я могу сказать, что он не особенно верил в прочность его отношений к царю. Мне часто казалось, что он чувствовал себя ненадежно и был беспокоен. Мысль, что его большая роль может быть в один день сыграна, заставляла его задумываться о будущем. Он не столько боялся своей смерти,

сколько своего падения и неизбежных с ним последствий. Распутин имел сильно развитое самомнение, и поэтому падение его беспокоило больше, чем смерть. Он старался себя успокоить верой в свою «силу», так как имел к тому основания, уже ранее мною сообщенные. Мучимый сомнениями и в заботе о будущем, Распутин обращался ко мне за дружеским советом и поддержкой. Он считал меня хорошим математиком, с большим жизненным опытом и практическим умом. Он верил мне и цеплялся за меня. Я тоже чувствовал привязанность к нему. Я никогда не видел от него ничего плохого, да и другим он не делал зла. В том, что Николай II был слабым царем, не он был виноват. При моем посредстве он помог тысячам людей и вследствие своей доброты спас многих от бедности, смерти и преследований. Распутину это я никогда не забуду и поэтому не имею права не только его осуждать, но и вообще судить. Нет людей без недостатков, но, по моему мнению, Распутин был честнее всех собиравшихся на его квартире людей. Когда он говорил о своей будущности, я ему советовал теперь же оставить Петербург и царя, до того, пока его враги окончательно не выведены из терпения.

Я владел в Палестине небольшим участком земли и мечтал конец моей жизни провести в стране моих праотцев. Распутин также имел влечение к святой земле. Он соглашался с моим планом переехать туда. Мы давно уже бросили бы эту нездоровую и опасную жизнь в Петербурге, если бы нас не удерживало проведение поставленных нами себе целей. Распутин решил добиться заключения мира, а я стремился к осуществлению еврейского равноправия.

— Необходимо, — говорил он, — заставить царя сдержать данное им слово. Он обещал конституцию. Если бы он исполнил свое обещание, то давно уже все национальности были бы уравнены в правах, но теперь мы должны думать только о заключении мира.

— Заключение мира — очень трудная вещь, — отвечал я: — Ты бы лучше начал с еврейского вопроса. Это облегчило бы также заключение мира. Если нам удалось бы добиться разрешения еврейского вопроса, то я наверное получил бы от американских евреев столько денег, что мы были бы обеспечены на всю жизнь...

— Почему же русские евреи не хотят давать деньги? — настаивал Распутин.

— Потому что русские евреи не хотят, чтобы про них говорили, что они у царя купили свою свободу, — ответил я. — Деньги я оставляю себе и поделюсь с тобой. Их хватит на нас обоих и на наши семьи. Твой уход облегчит всеобщее примирение, и я полагаю, что дворцовые круги и дворянство скорее согласятся на еврейское равноправие, если они этим смогут освободиться от тебя.

— Но папа не хочет мира, — отвечал он. — О равноправии евреев он даже и слушать не хочет. Его родня не позволяет ему даровать конституцию. Неоднократно я царю говорил: «Если ты дашь конституцию, тебя назовут Николаем Великим». Он мне ответил, что при конституционном правлении он не сможет заключить сепаратный мир с Германией. Он вместе со мною все время ищет министров, которые были бы согласны на заключение мира (?!), но он всех боится. Когда он в своем рабочем кабинете разговаривает со мною, то он все время оглядывается, не подслушивает ли кто-нибудь нас. Я настаиваю, чтобы моим крестьянам была дана конституция. Она не угодна

только барам. Но мы — крестьяне — нуждаемся в ней. Теперь после отбывания военной службы солдаты уже не возвращаются в деревню, а остаются в городе. Как только дадут крестьянам землю, это изменится. Это большая беда, что папа не дает себя уговорить. Как только я не при нем, он забывает свои обещания. Это наше несчастье.

Потом Распутин продолжал:

— Я вполне согласен с Витте. Может быть, мне удастся провести его на какую-нибудь значительную должность. Тогда он меня поддержит. Когда я теперь разговариваю с царем по еврейскому вопросу, он не противоречит мне, но говорит:

«Подожди, отец Григорий, пока я найду верного министра и заключу мир, тогда я исполню все, что я обещал».

«Ты, может быть, все и дашь,— отвечал я совершенно откровенно,— но отберешь все обратно. Тогда уже лучше не давай ничего, чтобы тебе не приходилось брать обратно».

— Ну хоть что-нибудь нужно же дать евреям,— кричал я.

— Как же может быть что-нибудь дано евреям, если я для моих крестьян ничего не добился,— возражал Распутин.— Царь боится даровать евреям равноправие. Он уверен, что его после этого убьют. Его дедушку ведь убили. Царь мне много раз жаловался, что все его министры жулики. Они стараются ему внушить, что во всем виноваты евреи.

Этот разговор произошел в 1915 году, в период сближения Витте с Распутиным, Витте имел тогда большое влияние на Распутина, а последний сумел перетянуть на его сторону царицу и митрополита Питирима. К ним присоединился также старик Штюмер, и им симпатизировал весь молодой двор. Распутин старался убедить царя, что необходимо, наконец, внести конституционную форму правления и таким образом покончить со всеми раздорами. Однажды Распутин явился в очень хорошем настроении к нам. Он заявил, что ему, наконец, удалось провести у царя свои желания. Царь собирается в Государственную Думу, чтобы объявить, что он решил установить порядок, по которому председатель Совета Министров будет назначаться им самим, а остальные министры будут намечены Думой. Как все это должно было пройти, я не могу сказать. Может быть, я Распутина не так понял, а может быть, он мне все и не передал как следует.

— Во всяком случае,— присовокупил он,— после объявления новой конституции евреи также получают полное равноправие, за исключением права занимать руководящие должности в войсках и в государственном управлении.— По словам Распутина, это была немецкая система.

Я счел своей обязанностью все передать моим единоверцам и сообщил полученные от Распутина сведения барону Гинцбургу и Мозесу Гинцбургу. Все ему поверили, так как знали, что он не лжет.

Но мы упустили из виду печальные качества царя. Правильнее было бы, если бы мы не упустили бы из виду его безволие, неспособность сдерживать данное слово и не верили бы его обещанию.

После своего возвращения из Ставки он заявил Распутину, что он свое намерение переменял. Он не желает даже показываться в Думе и не думает о даровании новой формы правления, пока идет война.

Распутин бывал иногда очень несдержан и грубоват с царем. На этот раз он не скрывал свою злость. По сему случаю он запугивал царицу и Вы-

рубову и говорил, что революция неизбежна, так как царь не может понять, что необходимо сговориться со своим народом.

Наконец царь объявил, что он последует совету Распутина, и даже был установлен день, когда будет оглашена конституция. В этот день он действительно направился в Государственную Думу, но, по-видимому, он опять в последнюю минуту был напуган возможностью его убийства в случае отказа от своих самодержавных прав. К сожалению, подробности этого случая мне неизвестны.

Безрезультатная попытка у царя

Однажды мы устроили в Александро-Невском монастыре у митрополита Питирима совещание по еврейскому вопросу. Оно состоялось скоро после назначения Штюмера председателем Совета Министров. Он обязался перед нами предпринять меры к решению еврейского вопроса. На совещании митрополита кроме меня участвовали епископ Исидор, Штюмер и Распутин. Все присутствующие выразили согласие по мере сил способствовать разрешению еврейского вопроса.

По отношению ко мне Штюмер высказался следующим образом:

— Ты странный человек, Симанович. В твоих стремлениях ты прав, но ты выбрал неправильную дорогу для их осуществления. Должен же ты знать, что не только я, но и весь Совет Министров никогда без согласия царя не осмелится поднять еврейский вопрос. Каждый министр заботится о своей будущности. При прежних царях было иначе: они действовали по собственному почину, имели больше мужества и держали слово. Теперешнему царю же никто не верит. Он сам также никому не верит, и поэтому трудно что-нибудь у него провести. Я был бы счастлив, если мне удалось бы вывести еврейский народ из его ужасного положения. Но я не могу решиться взять на себя инициативу, так как за это я могу поплатиться моей карьерой. Каждый русский министр официально должен быть юдофобом и не должен отказываться от своей враждебности к евреям. Я же, конечно, хочу сохранить мой пост министра, и ты не имеешь права от меня требовать невозможного. Я охотно помогу евреям, но для этого должен подвернуться случай. При твоих связях и изворотливости тебе скорее представится случай поднять этот вопрос. Ты имеешь больше власти, чем мы все вместе. Добейся только, чтобы царь поручил мне заняться еврейским вопросом, и я могу тебе поклясться, что я все необходимое сделаю.

Митрополит Питирим выступил после этого с совершенно неожиданным предложением: — Слушай, Симанович, мы с Распутиным завтра едем в Царское Село, где будет богослужение. После службы раненым будет дан обед. Ты должен привезти коньяк, сахар и мармелад для солдат, и я позабочусь о том, чтобы ты мог лично поговорить с царем. Это будет самый верный путь. Следуй моему совету и расскажи царю откровенно о всех тех преследованиях евреев, о которых ты рассказывал здесь. Бог тебе поможет.

Предложение митрополита встретило всеобщее одобрение.

Я вызвал к телефону сестер Воскобойниковых и получил от них подтверждение, что действительно в Серафимовском лазарете предполагается устроить богослужение. Наследник имел намерение в этот день распределять подарки среди раненых.

Я отправился в лазарет, и наследник поручил мне купить для подарков дюжину серебряных часов и столько же подставок для чайных стаканов. Взяв на другой день заказанные предметы с собой, я приехал в лазарет к окончанию службы. Наследник был в восхищении от моих вещей. Царица обратила на это свое внимание и сейчас же сообщила царю, насколько наследник доволен мною. Настроение казалось мне благоприятствующим. Наследник распределял подарки.

Распутин понимал, что наступил для исполнения нашего замысла подходящий момент. Он встал и обратился к царю:

— Сын еврейского народа стоит перед тобой.

Николай II посмотрел с удивлением на нас обоих с Распутиным и сказал:

— Я не понимаю.

Остальные присутствующие смотрели на нас с большим любопытством. Распутин продолжал:

— Я только начал, он сам изложит тебе все.

Дрожа от волнения, я начал:

— Ваше императорское величество, я уже годами живу в Петербурге, но мои сестры и братья и весь наш еврейский народ ничего не знают о вашей любви к нам.

Митрополит прервал меня:

— Ты объясняешь очень неясно. Если ты говоришь как сын еврейского народа, то ты должен выражаться яснее.

В сильном волнении я продолжал:

— Ваше величество, мои братья и сестры и весь еврейский народ ждут вашего слова. Они ждут свободы и разрешения на право образования, они ждут вашу милость.— Царь слушал меня. Речь моя была бессвязная. Я говорил отрывистыми предложениями, но Николай II понял, чего я хотел. Все молчали и с напряжением ждали ответа царя. С удовлетворением я заметил, что все присутствующие мне сочувствовали. Но царь ответил мне:

— Скажи твоим братьям, что я им ничего не разрешу.

Я потерял самообладание и со слезами на глазах умолял царя:

— Ваше величество, ради Бога, освободите меня от этого ответа. Свыше моих сил передать моим братьям такой ответ.

Ласково смотрел царь на меня и сказал спокойным, даже симпатичным тоном:

— Ты меня не понял. Ты должен передать евреям, что они, как и все инородцы, в моем государстве равны с другими подданными. Но у нас имеется девяносто миллионов крестьян и сто миллионов инородцев. Мои крестьяне безграмотны и мало развиты. Евреи высоко развиты. Скажи евреям: «Когда крестьяне будут на той же ступени развития, как евреи, то они получат все то, что к тому времени будут иметь крестьяне».

Я ответил:

— Как прикажете, ваше величество, я все сделаю.

Я просил митрополита Питирима на другой день принять еврейских делегатов и подтвердить им, что я хлопотал перед царем о равноправии евреев. Барон Гинцбург, Поляков и Варшавский явились к нему, и он им подтвердил правильность моего сообщения.

Наши надежды на царя разбились, и мы находились в очень подавленном состоянии. Мы решили в будущем уже не рассчитывать на непостоянство царя, а действовать больше при посредстве министров. На них можно было легче воздействовать и при помощи орденов и денег перетянуть на свою сторону. Я опять поставил себе целью добиваться улучшения еврейского положения, считая, что скорее возможно улучшить положение отдельных лиц, чем добиться изменения всего режима.

В этом отношении у нас появились новые надежды. Распутин неоднократно сообщал нам, что царь не прочь предоставить евреям некоторые облегчения. Когда нам удалось провести в министры внутренних дел Протопопова, мы взяли с него обещание что-нибудь сделать для евреев. Мы уверили его, что почва в этом отношении уже подготовлена нами и дальнейший успех зависит исключительно от его ловкости и умелости.

Когда евреи узнали, что Протопопов обещал принять меры к улучшению положения евреев, то они прислали к нему делегацию. Ему это было очень неприятно, так как он не хотел преждевременно открывать свои карты. Поэтому он принял делегацию довольно сдержанно и не высказал ей своего намерения идти им навстречу. Этим он вызвал сильное недовольство среди евреев.

Протопопов, решив выдвинуть себя на пост министра, вошел сперва в сношения со мной. Мы скоро с ним подружились и стали на ты. Я его свел с Распутиным, который начал ему доверять. Он часто разговаривал с царем о Протопопове и старался царя им заинтересовать. Его старания не остались без результатов.

Первые встречи Распутина с Протопоповым происходили у княжны Тархановой. Потом они встречались в доме князя Мышецкого. Протопопов мечтал о министерской карьере. Мы выдвинули ему наши условия: заключение сепаратного мира с Германией и проведение мер к улучшению положения евреев. Он согласился. Я его потом познакомил с выдающимися представителями еврейства, и он им подтвердил свое согласие относительно евреев. Однажды Протопопов, Распутин и я поехали в Царское Село к Вырубовой. Она подвергла его, по своему обычаю, особому испытанию. Все сошло хорошо. В лазарете Вырубова представила Протопопова царице, на которую он произвел хорошее впечатление. Скоро он сделался министром внутренних дел, но, как потом оказалось, последним при старом режиме. До его назначения я выкупил его векселя на сто пятьдесят тысяч рублей, иначе его объявили бы несостоятельным, что воспрепятствовало бы его назначению. Протопопов обещал мне эту сумму уплатить после своего назначения из секретных фондов министерства. Но так как он пожертвовал сто тысяч рублей лазарету Вырубовой, то он сразу не мог эту сумму вернуть. Вырубова запросила, согласен ли Распутин на принятие этого пожертвования, и получила ответ, что оно произведено по указанию Распутина. Для нее это было достаточно, и она приняла пожертвование. Очень часто такие суммы жертвовались лицами, которые пользовались поддержкой Вырубовой. Так, например, ей пожертвовали: г-жа Рубинштейн 50 000 рублей, г-жа Бейнсон — 25 000 рублей, банкир Манус — 200 000 рублей, Нахимов — 30 000 и другие. От меня Вырубова получала неоднократно ценные бриллианты, смарагды и дорогие серебряные вазы. Вырубова рассказывала царской чете,

что ее друзья хотят обеспечить ее будущность, так как во время железно-дорожной катастрофы у нее были сломаны ноги.

При обыске на моей квартире во время революции были найдены несколько векселей Протопопова. На основании этого судебный следователь, нашедший у меня векселя также других лиц, великих князей, министров и прочих высоких сановников, хотел меня обвинить в даче взяток. Но до этого дело не дошло. Я пояснил ему, что не могу отвечать за то, что я занимал должность еврея без портфеля.

Назначение Протопопова вызвало в России много шума. Члены Государственной Думы были возмущены, что он в борьбе за народное представительство стал на сторону царя. Очень озабоченный этим Протопопов советовался с нами, что делать. Распутин пояснил ему, что он не должен вводить себя в заблуждение. Члены Думы сами не знают, что они хотят. В действительности, Распутин боялся, чтобы против него самого не произносились бы едкие речи. Поэтому он советовал царю и потом Протопопову по возможности оттягивать открытие Думы и вообще держать представителей народа как собак на привязи, так как они всегда будут недовольны и всегда будут иметь стремление кусаться. Это выражение особенно любил Распутин.

Царь, царица и Распутин были сильно увлечены Протопоповым. Молодой двор чувствовал себя всеми оставленным и окруженным только врагами. Он находился в сильном беспокойстве, чувствовал опасность, но не был в силах ее предотвратить. Это кажется странным потому, что царь не был еще свержен и имел почти неограниченную власть, но настроение при дворе было в высшей степени подавленным. Тем более ценилось каждое лицо, которое вызывало доверие. Кружок друзей и надежных людей все суживался. Царь становился все более апатичным и безразличным. Создавалось впечатление, что он уже ничем не интересуется. Ему и в голову не приходило принимать действительно энергичные меры к примирению со своими врагами и к общему улучшению положения. В это время появился Протопопов, и он сумел воскресить угасшие надежды.

Афера сахарозаводчиков

Сын известного председателя петербургской синагоги Зив обратился ко мне с просьбой помочь его тестю Хепнеру, киевскому сахарозаводчику. Хепнер был арестован совместно с сахарозаводчиками Бабушкиным и Добрым.

Так началась известная афера киевских сахарозаводчиков. Их обвиняли в продаже во время войны немцам крупной партии сахара и отправке его в Персию. Дело касалось, насколько я мог установить, крупной махинации с сахаром и имело своим началом крупную продажу перед войной. Военные власти старались всех обвиняемых (они были все евреи) привлечь к ответственности за государственную измену.

Осуждение их военным судом могло иметь самые нежелательные последствия для евреев, и поэтому считалось необходимым всеми мерами противодействовать обвинению заводчиков.

Я советовался с Распутиним. Он согласился помочь арестованным. Зив согласился нести все финансовые тяготы, связанные с благополучным разре-

шением этого дела. Его первый расход был уплачен в «Вилла Родэ» за ку-теж: пятнадцать тысяч рублей.

Далее я заинтересовал этим делом и обер-прокурора Сената Добровольского, который, со своей стороны, конферировал с товарищем министра юстиции. Через несколько дней Добровольский посоветовал мне подать через поверенного жалобу на неправильный арест обвиняемых. По мнению Добровольского, процесс подлежал рассмотрению в гражданском суде. Военные же власти держались того взгляда, что произведена спекуляция с сахаром, вредно отозвавшаяся на снабжении армии.

Случай был очень тяжелый, и даже Распутин признался мне, что у него нет надежды. Генералы не хотели его даже слушать. Он пояснил мне, что с этим делом я должен один справиться. После долгих споров он все-таки согласился и в дальнейшем меня поддерживать. Чтобы облегчить борьбу, мы дали Добровольскому обещание провести его в министры юстиции, если он нас поддержит. Со своей стороны, он обещал нам распустить комиссию генерала Батюшина, которая будто бы мешала юстиции. Распутин согласился с этим планом и даже вызвался заинтересовать этим делом царицу. Он, действительно, сумел так устроить, что Добровольский был представлен царице. При посредстве ее окружения старались ей внушить, что генерал Батюшин и его комиссия приносят много вреда. Распутин выступал вообще против комиссий, в бесполезной работе которых, по словам Распутина, только тратилось много времени, которое могло быть использовано более целесообразно.

Скоро я мог установить, что наша пропаганда в пользу сахарозаводчиков при дворе возымела некоторый успех. Одновременно я предпринимал также шаги и в другом направлении. Я посылал моего друга Розена к отдельным членам комиссии, к которым он как бывший прокурор имел отношения, с поручением выведать положение дела и ход расследования, что ему без особых трудов и удавалось. Таким образом, нам удалось узнать слабые пункты обвинения.

От имени дочери Хепнера мы подали на имя царицы прошение о помиловании, в котором мы особенно напирали на слабые стороны обвинения. В прошении указывалось, что сахар был продан немцам еще до войны и отправлен в Персию. Каким путем он оттуда попал в Германию, сахарозаводчикам неизвестно. Царица послала прошение находящемуся в то время в Ставке царю с просьбой поручить установить действительное положение дела.

Николай вызвал генерала Батюшина в Ставку. Здесь ему сообщили, что он скоро будет смнен с должности председателя комиссии и получит другое назначение. Батюшин сильно возмутился и пожаловался начальнику штаба Алексееву. Последний посоветовал ему не обращать внимания на эти запугивания и спокойно продолжать свою работу. Батюшин последовал этому совету, но стал осторожнее и начал добиваться расположения к нему Распутина. Когда я это заметил, я пошел к генералу. Мы имели продолжительный разговор. Батюшин стал податливее, и нам удалось все дело вырвать из рук военного суда и передать его гражданскому суду. Сахарозаводчики признали себя виновными в спекуляции с сахаром, но отвергли обвинение в государственной измене.

Это произошло уже после смерти Распутина. В то время министр юсти-

ции Макаров был уже уволен и вместо него назначен, по моему указанию, Добровольский. Я был в нем вполне уверен и рассчитывал на то, что ему удастся это дело совсем прекратить. Он вызвал к себе киевского прокурора с подробным докладом о ходе расследования. После переговоров с прокурором Добровольский распорядился о прекращении дела. Все же освободить арестованных мне не удалось, так как они были арестованы по распоряжению командующего юго-западным фронтом Брусилова, который и слышать не хотел об их освобождении. Он распорядился сослать сахарозаводчиков в Нарымский край.

Мы старались оказать на Брусилова влияние, но совершенно безрезультатно. Тогда Слиозберг написал царю новое прошение, в котором сахарозаводчики признали себя виновными в попустительстве, благодаря которому германцам удалось переотправить сахар в Германию, и просили о помиловании. Прощение было подано через министра внутренних дел Протопопова. На прошении царь поставил резолюцию, коей хотя и сахарозаводчики не были совершенно оправданы, но судебное преследование против них было прекращено. Она гласила, что хотя сахарозаводчики и провинились, все же для них будет достаточным наказанием сознавать перед обществом свою вину.

Незадолго перед революцией они были освобождены.

Это дело имело еще в 1919 году свои последствия в Одессе. Хепнер, Розен и я в числе других беженцев также попали туда. Розен очень нуждался. Розен просил Хепнера выдать ему обещанные в Петербурге его зятем Зивом двести тысяч рублей. Хепнер отказался. Тогда Розен пожаловался бывшему члену комиссии генерала Батюшина Орлову, который в то время занимал должность начальника контрразведки при генерале Деникине. У него был произведен обыск, и при этом найдено мое адресованное ему письмо, в котором я требовал уплаты указанных двухсот тысяч рублей. Хепнера арестовали. В то время Одесса была оккупирована французами. Когда они узнали, что Хепнер в свое время оказывал услуги немцам, они стали к нему относиться весьма подозрительно. Он оставался в заключении до оставления Одессы французами.

Министр-президент в виде приманки

К началу войны министром-президентом в России был Горемыкин. Старый и совершенно больной человек оставался на своем посту только благодаря своей жене, которая сумела обеспечить себе расположение Распутина. Она постоянно находилась на квартире Распутина и всеми мерами старалась удержать его расположение. Когда Горемыкин все же был смещен, ей удалось все же добиться вновь назначения мужа министром-президентом.

Горемыкина приняла на себя, по ее мнению, почетную работу снабжать Распутина вареным картофелем, который доставлялся Распутину с такой быстротой, что по дороге не успевал остыть. Кроме того, она часто посылала уху, яблоки и белые булочки. Она умела картофель приготавливать десятью способами и этим действительно добилась расположения Распутина.

Известный петербургский банкир Дмитрий Рубинштейн, человек очень честолюбивый, высказал пожелание познакомиться с Горемыкиным. Я посо-

ветовал для этой цели пожертвовать Горемыкину для содержания лазарета некоторую сумму денег. По моему совету Рубинштейн через Распутина просил передать Горемыкину для пожертвования соответствующую сумму для лазарета. После этого Распутин представил Горемыкину Рубинштейна. Сумма пожертвования была 200 000 рублей. Госпожа Рубинштейн была назначена начальницей лазарета, и, таким путем, Рубинштейн имел возможность часто встречать Горемыкина.

Это вызывало много зависти среди других финансистов Петербурга, но имело большую пользу для Распутина, так как благодаря этому престиж Рубинштейна сильно поднялся. Он очень гордился знакомством с Горемыкиным и никогда не упускал случая этим похвастаться. Очень часто во время разговора с каким-нибудь лицом, с которым он считался, Рубинштейн звонил по телефону к Горемыкину и спрашивался о здоровье его супруги или заводил с ним какой-нибудь незначительный разговор, чтобы этим импонировать присутствующему при разговоре. Соответствующее лицо тогда распространяло по всему городу слухи о близости Рубинштейна с Горемыкиным, что, конечно, в сильной мере укрепляло положение Рубинштейна.

Рубинштейн приобрел большинство акций известного банкирского дома Юнкер и К⁰. Началась эта операция блестящим балом, на который в числе других был приглашен очень богатый киевский сахарозаводчик Лев Бродский. Рубинштейн надеялся его также привлечь к участию в покупке акций. Ему это удалось. Когда Бродский на балу Рубинштейна увидел министров Горемыкина и Протопопова, Распутина и ряд других высокопоставленных лиц и ему пришлось подслушать дружественные разговоры хозяина дома с влиятельными министрами, он согласился участвовать в покупке акций на несколько миллионов рублей.

Рубинштейн умел выдвигать себя на первый план. Он не скупился большими пожертвованиями на благотворительность. Я с ним находился в хороших отношениях и часто помогал ему в его делах. Его сближение с Распутиным состоялось через меня. Рубинштейн расценивал знакомство с Распутиным очень высоко. Поэтому он охотно отзывался на мои просьбы о помощи бедным евреям. Со своей стороны, я также старался быть ему полезным и всюду его рекомендовал для финансовых операций.

Банкир царицы

Царица просила Распутина указать ей для ее доверительных финансовых операций верного банкира. Он, конечно, обратился ко мне, и я назвал ему Рубинштейна. Распутин вызвал его к себе и спросил его, можно ли ему доверить производство одной финансовой сделки, в которой особенно заинтересована государыня. Рубинштейн пришел в большое волнение и клялся в том, что он оправдает вполне оказанное ему доверие и будет держать данное ему поручение в безусловной тайне. К моему удовольствию, Рубинштейну удалось убедить Распутина, что он является самым подходящим человеком для исполнения поручений царицы.

Распутин рассказал царице, что он нашел для нее очень подходящего банкира, Рубинштейна, члена древней еврейской фамилии, родственника знаменитого композитора, который ко всему этому является одаренным финан-

систом. Царица согласилась на выбор, и Рубинштейн находился на вершине своего счастья.

Поручение царицы заключалось в следующем.

Царица имела в Германии бедных родственников, которым она помогала. Во время войны денежные переводы в Германию не производились, и царица беспокоилась о своих нуждающихся родственниках. Поэтому она искала возможности тайным образом переслать деньги в Германию. Роль Рубинштейна в этом деле была очень деликатна и опасна, но он исполнил поручение царицы с большой ловкостью и этим заслужил ее благодарность.

Своими отношениями к Распутину Рубинштейн добился некоторого значения в придворных кругах. Оба старались быть друг другу полезными. Лично для себя Распутин от Рубинштейна ничего не требовал. Но он посылал к Рубинштейну массу нуждающихся, чтобы он им помог или дал работу. Рубинштейн никогда не отказывал в исполнении просьб Распутина, но не имел возможности предоставить такой массе работу в своих банках. Поэтому он основал на Марсовом поле контору, назначение которой для него самого было неясно. Служащие этой конторы не имели никакой работы, но регулярно получали жалованье. Этим Рубинштейн достиг того, что Распутин его постоянно хвалил и величал «умным банкиром».

Отношение Рубинштейна к царице никому не были известны, но путем ловкой рекламы Рубинштейн сумел распространить слухи, что он состоит банкиром царского дома. Мануйлов, секретарь президента министров Штюмерера, с особым усердием заботился о том, чтобы эти слухи получили бы более широкую огласку. Однако скоро Рубинштейна постиг тяжкий удар. Он скупил все акции страхового общества «Якорь» и их с большою прибылью продал одному шведскому страховому обществу. Планы застрахованных в «Якоре» крупных зданий он послал в Швецию. Среди них находились планы многих украинских сахарных заводов.

Это произошло как раз в то время, когда по примеру великого князя Николая Николаевича искали по всей России шпионов. В охоте за шпионами гибла масса невинных людей; она вызвала всеобщее смятение. Почта и пассажиры на границе Швеции подвергались строгому контролю. Когда контролирующие чиновники увидели посылаемые Рубинштейном планы, они вообразили себя напавшими на след большой шпионской организации. Это было скоро после назначения Штюмерера. Старик Горемыкин уже не мог ему помочь. Распутин, бывший недовольным некоторыми его финансовыми махинациями, также был настроен к Рубинштейну не особенно доброжелательно. По распоряжению военных властей Рубинштейн был арестован. Это вызвало внимание всей России. Особенно неприятным был этот арест для евреев, так как он давал новую пищу для разговоров о еврейской шпионской деятельности. Друг Рубинштейна консул Вольфсон, находящийся в хороших отношениях с графиней Клейнмихель, был также арестован.

Арест Рубинштейна произвел на царицу потрясающее впечатление. Она предполагала, что арест вызван как раз произведенными по ее поручению Рубинштейном операциями. Ее беспокойство улеглось только после того, как выяснилось, что арест с ее поручениями ничего общего не имел. Она все очень боялась, что ее отношения к Рубинштейну могли как-нибудь раскрыться, что, конечно, вызвало бы неслыханный скандал. Царицу все это сильно тревожило.

Она поручила статскому советнику Валуеву съездить в Ставку и там принять шаги к прекращению дела. Она посоветовала ему сперва обратиться к генералу Гурко с просьбой сообщить все данные о деле. Гурко высказался, что, по его мнению, арест Рубинштейна не имеет достаточно оснований. По его мнению, военные власти произвели арест с целью вообще напакостить евреям.

Рубинштейну угрожала виселица. Гурко знал акты. Он составил доклад, в котором выводилось, что Рубинштейн вообще не совершил военного преступления. Но Рузский, большой враг евреев, с ним не соглашался. Он опасался, что Рубинштейна в Петербурге могут освободить, и поэтому распорядился о переводе его и Вольфсона в псковскую тюрьму. Расследование дела было поручено комиссии генерала Батюшина, и дело принимало все больший объем.

Все евреи были очень встревожены. Представители еврейства устраивали беспрерывно совещания, на которых много говорилось о преследованиях евреев. На одно из этих совещаний был приглашен также и я. Ко мне обратились с предложением оказать еврейскому народу большую услугу. Вследствие моих отношений к царской чете, Вырубовой, Распутину и министрам все присутствующие считали, что только я один способен что-то сделать. Я должен был добиться прекращения дела Рубинштейна, так как оно для еврейского дела могло оказаться столь же вредным, как в свое время дело Бейлиса. Я вполне сознавал опасность положения и считал, что должны быть приняты все меры, чтобы отвратить надвигающуюся на евреев беду.

В первую очередь я старался достигнуть примирения Распутина с Рубинштейном. Распутин согласился хлопотать за него. По моему указанию жена Рубинштейна посетила Распутина. Она уверяла Распутина в невинности своего мужа, объясняла все происками врагов евреев и горько плакала. Распутин обращался с ней очень милостливо и предложил ей поехать с ним немедленно в Царское Село.

Царица приняла их в лазарете. Распутин просил ее помочь невинно арестованному человеку. Она расспросила г-жу Рубинштейн о всех подробностях и наконец сказала ей:

— Успокойтесь и поезжайте теперь домой. Я еду в Ставку и там расскажу все моему мужу. О результатах я вам сообщу по телефону.

Госпожа Рубинштейн была очень ошарашена милостливыми словами царицы.

Нужно было подать прошение об освобождении из-под ареста. Но, к нашему удивлению, известные адвокаты отказались от его составления. Даже находившиеся в дружественных отношениях с Рубинштейном адвокаты не хотели и слышать о нем. Все они боялись военных властей. Но без прошения царица не могла ничего предпринять. Поэтому я поручил составить прошение моему старшему сыну. Мы его передали царице, и к еврейскому Новому году я получил от нее телеграмму:

«Симанович, поздравляю. Наш банкир свободен. Александра».

На другой день г-жа Рубинштейн отправилась в Псков. Она надеялась своего мужа встретить уже на свободе, но ее радость была преждевременной.

Мы старались выяснить причины, из-за которых задерживалось освобождение Рубинштейна, и скоро их обнаружили. Совместно с братьями Воейко-

выми Рубинштейн учредил банк. Банк работал плохо, и Воейковы вину приписывали Рубинштейну. Они в этом деле потеряли около восьмисот тысяч рублей, т. е. очень крупную сумму. С тех пор они были врагами Рубинштейна. Один из братьев был дворцовым комендантом. Получив распоряжение царя об освобождении Рубинштейна, он оставил его без исполнения. Эти обстоятельства я выяснил к моменту возвращения царя в Царское Село. После церковной службы мне удалось переговорить с ним. Поступком Воейкова он был крайне возмущен и потребовал подачи ему нового прошения. Это прошение с резолюцией царя было передано для исполнения надлежащему учреждению помимо Воейкова, и Рубинштейн наконец был освобожден. Узнав, что Воейков оставил без исполнения приказ царя, царица устроила своему мужу неприятную сцену. Царь молчал, даже не защищая своего любимца. Создавалось впечатление, что подобный случай не первый.

Наша победа в деле Рубинштейна казалась мне очень важной, так как благодаря ей еврейский народ избежал много новых неприятностей.

Вторичный арест Рубинштейна

Рубинштейн не долго оставался на свободе. Скоро после его освобождения был убит Распутин. Я допустил большую тактическую ошибку, благодаря которой опять было возобновлено дело против Рубинштейна. Его арестовали во второй раз. Дело было в следующем.

После смерти Распутина царь был еще милостливее ко мне, так как он предполагал, что я был вполне посвящен в планы Распутина. После погребения Распутина я был вызван к царю, подробно расспросившему меня о надеждах и намерениях умершего. Мне удалось благодаря доверию ко мне царя провести в министры несколько лиц, кандидатуры которых были нами совместно с Распутиным уже намечены.

В последний дореволюционный год все министры назначались и увольнялись исключительно по моим с Распутиным указаниям. При выборе кандидатов мы руководствовались двумя соображениями: насколько предполагаемый министр мог способствовать заключению мира с немцами и нам помочь при проведении еврейского равноправия.

Еще при жизни Распутина я наметил моего юридического советника Добровольского, состоящего в то время обер-прокурором Сената, в министры юстиции. Он был плотный, по внешним признакам весьма ограниченный мужчина. Но при его помощи в Сенате можно было многое сделать. Он очень любил деньги и за подарки услуживал. Поэтому для меня он был очень ценным. Вообще такими людьми Петербург был переполнен.

Я хотел провести Добровольского в министры юстиции, так как предполагал, что он в благодарность будет исполнять все мои желания. Но он был запутан в какую-то грязную историю и пользовался в высших кругах весьма неважной репутацией. Поэтому проведение его в министры стоило мне большого труда, и это назначение вызвало очень много толков в обществе и в газетах.

Назначение Добровольского состоялось после смерти Распутина, но только потому, что я его предложил царю. Я и понятия не имел, что он принадлежал к кружку старого двора. После я узнал, что он друг дома баронессы Розен. Там он часто встречался с мадам Рубинштейн. Они занимались спирити-

ческими экспериментами. Между мадам Рубинштейн и Добровольским произошла ссора, благодаря которой они сделались большими врагами. Что он не будет помогать мне при освобождении Рубинштейна из второго ареста, было для меня ясно. К нашему разочарованию, он действовал против нас. Во время своей первой аудиенции он докладывал царю о необходимости вторичного ареста Рубинштейна, так как, по его мнению, на него падают очень сильные подозрения в военном шпионаже. Последствием этого было, что безвольный царь отменил свое прежнее распоряжение о прекращении дела против Рубинштейна и согласился на его вторичный арест.

Таким поступком Добровольского мы были захвачены врасплох и не знали, что делать. Я отправился к Добровольскому и устроил ему крупную сцену. Я бранил его и объяснил ему, что он очень скоро вылетит из министерства. Я дал полную волю моей злобе и ударял даже кулаками по столу. Однако старая лисица Добровольский старался инициативу приписать царю и вел себя довольно вызывающе. Но на открытый разрыв с нашей партией, т. е. царицей и Вырубовой, у него все-таки не хватало мужества.

После разговора с Добровольским я немедленно отправился к царице и рассказал ей все случившееся. Она была в полном отчаянии, хваталась за голову и говорила мне:

— Симанович, что вы наделали.

Назначение одного из сторонников старого двора министром юстиции действительно могло иметь для царицы самые нежелательные последствия. Опять появилась угроза раскрытия операций по переводу царицей денег в Германию. Довольно долго продолжалось, пока царица пришла в себя. Она повторяла несколько раз:

— Вы нас всех погубили, Симанович, всех погубили...

Я упал перед ней на колени и сказал:

— Простите, ваше величество, но дело поправимо, нужно прогнать Добровольского.

Царица предложила мне немедленно отправиться к нашему общему доверенному, министру внутренних дел Протопопову, и спросить, что делать. Протопопов также был изменой Добровольского очень возмущен. Но его смещению препятствовало то обстоятельство, что царь был в убеждении, что Добровольский намечен в министры Распутиным. Сам же Добровольский великолепно знал, насколько царь считался с указаниями покойного, и поэтому усиливал свою враждебность к нам. Протопопов вызвал к телефону Добровольского и сильно его упрекал, но ничего не помогало. Добровольский оставался твердым и только старался формально вину свалить на царя.

При таких обстоятельствах я решил прибегнуть к моему старому испытанному средству — взятке. Протопопов согласился, и мы решили мой план привести немедленно в исполнение.

На другой день я пошел вместе с мадам Рубинштейн в банк, где она получила сто тысяч рублей. Так как мне было известно, что любимая дочь Добровольского была только что помолвлена, то я взял с собой несколько драгоценностей. Добровольский не устоял против соблазна, получил от нас наличными деньгами сто тысяч рублей и драгоценности для свадебного подарка своей дочери и согласился прекратить судебное преследование против Рубинштейна.

Но он свое обещание не сдержал, и нам разрешили только певичести

Рубинштейна из тюрьмы в санаторию, где он во всяком случае имел больше удобств. Потом наступила революция. Когда во главе Временного правительства стал Керенский, мадам Рубинштейн при посредстве дружественного к ней адвоката Зарудного добилась освобождения мужа.

План фиктивной революции

С 1916 года Распутин не скрывал, что он противник войны. Он постоянно высказывался за скорейшее заключение мира. Если ему говорили, что царь и слышать об этом не хочет, то он отвечал, что во всем виновата «баба». Она бросила камень в воду, а теперь трудно его найти. Он подразумевал царицу-мать, которая пропагандировала русско-английское сближение. Распутину этот союз казался малоудачным. Он говорил мне, что существует только одна возможность вызвать мирные переговоры: революция. Только революция могла Россию освободить от обязанности перед своими союзниками. Политическое будущее России Распутину рисовалось в очень мрачных красках.

— Все министры жулики, — любил он говорить, — а дворянство кусается. У царя нет советников, и он не видит выхода. Он изворачивается и не решается ни на мир, ни на войну. Может быть, нам удастся найти министров, которые будут за заключение мира и в его необходимости убедят также царя. Мама хочет мир, но все плачет. Ее сестра Елизавета увлекается войной, она хотя и немка, но восстанавливает всех против немцев. Она потребовала даже от царя моей высылки и заключения царицы в монастырь. Это она требовала по поручению московского дворянства. Царица прогнала ее, и царь посоветовал ей лучше вернуться в учрежденный ею монастырь. Хорошо, что она не может продолжать свои козни, иначе и я не был бы от нее в безопасности. Но теперь победа на нашей стороне.

Во время посещения Царского Села строй царицы Распутин был в сильно беспокойстве. Когда он полностью узнал ее намерения, он сильно взволновался, писал разные записки и клал их под свою подушку. На другой день он тогда казался уверенным в своей победе. В происках великой княгини царь отказал, но положение перед тем было столь критическим, что я счел необходимым сжечь некоторые бумаги, которые в случае выступления против Распутина могли бы оказаться опасными. Касалось это главным образом поступивших к Распутину со всех концов России прошений, количеством превосходящих число прошений, получаемых даже царицей. При просмотре бумаг нам помогал епископ Исидор.

Пришлось установить, что пошатнувшееся доверие народа к царю выявлялось также в сильно уменьшившемся в последние годы перед революцией числе поступавших прошений на имя царя. Царица этим явлением была сильно обеспокоена. Она старалась, насколько это только было возможно, исполнять все поступающие просьбы. Мы старались это обстоятельство использовать для наших целей и советовали многим к нам обращавшимся подавать прошения царице, будучи уверены, что эти прошения будут удовлетворены.

Мирная пропаганда Распутина вызвала недовольство представителей союзников России. Французский посол Палеолог имел даже свидание с Распутиным, но ничего не добился от хитрого мужика. Однажды через одну из

поклонниц Распутина к нему обратилась одна английская художница с просьбой разрешить ей писать с него портрет. Он согласился, но работа подвигалась очень медленно. После истечения около полгода Распутин выбросил художницу со словами:

— Я знаю, что ты от меня добиваешься,— сказал он,— но ты меня не перехитришь.

Оказалось, что эта художница старалась приблизиться к Распутину по поручению английского посла Бьюкенена, чтобы выследить Распутина.

После назначения Протопопова у Распутина появилась надежда в возможности окончания войны.

— Царь теперь имеет верного советника,— выражался он,— может быть, теперь нам удастся остановить бессмысленное кровопролитие.

Он устроил совещание, на котором кроме Протопопова присутствовали начальник петербургского гарнизона Хабалов, начальник политической охраны генерал Глобачев и начальник петербургской крепости генерал Никитин. К изумлению Распутина, Протопопов привел с собою также своего сотрудника генерала Курлова.

Распутин открыл совещание и заявил, что царь поручил ему посоветоваться по одному очень важному и строго секретному делу с безусловно верными людьми, и спросил, может ли он быть вполне уверенным в этом относительно всех присутствующих.

— Я вполне доверяю всем присутствующим,— ответил Протопопов.

— Но среди нас есть лицо, которому я не доверяю,— ответил Распутин,— если бы я знал, что ты назначишь его своим сотрудником, я не стал бы хлопотать о твоём назначении. Этот человек — Курлов. Я не стану в его присутствии говорить.

Курлов встал и удалился. Распутин продолжал:

— Он человек больной и все путает. Царь его не любит. Он подозревается в участии при покушении на Столыпина. К остальным генералам я питаю полное доверие. Теперь говори, Александр Димитриевич, что царь тебе приказал.

— Царь поручил мне,— заявил Протопопов,— устроить восстание.

— Почему как раз ты хочешь взять на себя это поручение? — спросил Распутин.— Ведь это больше дело генералов? Как ты хочешь это устроить?

— Я поручил вполне верному нам председателю «Союза Русского Народа» Дубровину доставить с Кавказа людей, на которых мы можем вполне надеяться. Это отчаянные головорезы, но, безусловно, нам преданные. Они подавят восстание в подходящий момент. Число городских будет также увеличено на 700 человек, и они будут обучены обращению с пулеметами.

— Ты не говорил генералу Хабалову, что он должен удалить из Петербурга солдат старых призывов и заменить их молодыми?

— В этом нет надобности,— ответил Протопопов.

— Это должно быть сделано,— настаивал Распутин и, обращаясь к генералу Хабалову, добавил:

— Ты должен стянуть к Петербургу молодых солдат и старых офицеров. Царь должен как можно чаще их навещать и привлечь на свою сторону. Тогда устроим беспорядки. Солдаты нас защитят. После этого царь заключит мир.

— Каким путем тычинишь беспорядки?

— Я вышлю на улицу моих людей с криками: «Давайте хлеба!» Это

вызовет общее выступление, но солдаты без труда разгонят толпу. Мы сможем тогда нашим союзникам сказать: «Мы находимся перед революцией». Но я считаю, что нет необходимости вызывать в Петербург новые военные части. Мы можем вполне положиться на теперешний петербургский гарнизон.

Распутин утверждал, что царь уже получил от Вильгельма мирное предложение и обсуждал его с некоторыми доверенными лицами. Он собирается возобновить прежний торговый договор с Германией и признать самостоятельность Польши. Россия получает часть восточной Галиции, населенной православными русинами. Прибалтийские губернии должны отойти к Германии, но зато Россия получает свободный проход через Дарданеллы. Но царь заявил, что он не может приступить к заключению мира до тех пор, пока не произойдут беспорядки.

Агент члена Государственной Думы Пуришкевича Лаптинская сумела подслушать и записать этот разговор. План фиктивной революции стал известным в Петербурге. Протопопов приступил к подготовительным работам, но странным образом поручил их Курлову. Как раз в это время был убит Распутин, и план был оставлен.

Покушения на Распутина

Мне было прекрасно известно, насколько Распутина ненавидели его враги, и об его безопасности я был в постоянном беспокойстве. Для меня было ясно, что неслыханное возвышение этого мужика должно повлечь за собой трагическую развязку.

Во время ночных попок Распутина часто происходили всякие недоразумения и столкновения. Они всегда заканчивались гладко, но только благодаря мною уже заранее предпринятым мерам предосторожности. Для охраны Распутина была организована специальная служба, подчиненная начальнику петербургского охранного отделения генералу Глобачеву. Дом, в котором жил Распутин, постоянно охранялся агентами полиции. При оставлении Распутинским квартиры его всегда сопровождали агенты охраны. О своих наблюдениях они составляли доклады, которые представлялись по начальству. Охрана Распутина была организована по образцу охраны членов царской фамилии. Для охраны отпускались значительные суммы денег. На охранную службу командировались исключительно опытные и надежные агенты. Я сам также старался Распутина не выпускать из виду. Мы встречались по несколько раз в день. Если он не находился во дворце или у Вырубовой, то я навещал его и по вечерам. Кроме того, мы часто беседовали по телефону. На Распутина постоянно устраивались покушения. Зачинщиком некоторых из них являлся монах Илиодор.

Однажды утром мы провожали Распутина с одной попойки в «Вилле Родэ» домой. На Каменноостровском проспекте были брошены несколько больших поленьев дров перед нашим автомобилем с целью вызвать катастрофу. К счастью, шофер обладал достаточным присутствием духа и свернул машину в сторону. При этом переехали одну крестьянку. Покушавшиеся бежали. Мы позвали находившегося поблизости городского, который нагнал и аресто-

вал одного из покушавшихся крестьян. Стонавшую крестьянку мы доставили в больницу. Распутин успокаивал ее и дал ей денег. Поранения ее были незначительны. Арестованный назвал всех своих сообщников. Все они были простыми крестьянами из Царицына, главной цитадели Илиодора. Он их подговорил к покушению, но они не намеревались лишить жизни старца, а лишь подшутить над ним.

Распутин отказался от судебного их преследования. Из Петербурга они были высланы на родину.

Второе покушение было произведено на Распутина незадолго перед началом великой войны. Распутин находился тогда в своем родном селе, Покровском.

Распутин ежегодно ездил летом на свою родину, и в тот раз его сопровождал журналист Давидсон. Впоследствии я узнал, что этот журналист будто бы знал о предполагающемся покушении и собирался писать сенсационные статьи об убийстве Распутина. Спор между Распутиным и Илиодором достиг в то время наивысшего своего напряжения, и Илиодор задумал еще раз принять меры к насильственному устранению своего врага. К поклонницам Илиодора принадлежала Гусева, также знакомая Распутина, крестьянка с провалившимся носом. Она получила от Илиодора приказание убить Распутина. В село Покровское она явилась еще до приезда туда Распутина, часто посещала дом Распутина и не вызывала ни малейшего подозрения. Однажды Распутин получил из Петербурга телеграмму. Он привык за доставку телеграмм давать чаевые. На этот раз телеграмма была вручена не ему, а одному из членов семьи.

Распутин спросил, не забыли ли дать на чай, и, получив отрицательный ответ, он поспешил за доставившим телеграмму. Гусева его поджидала и пошла к нему со словами: «Григорий Ефимович, подай, Бога ради, милостыньку».

Распутин начал искать в своем кошельке монету. В этот момент Гусева ударила Распутина в живот спрятанным перед тем под платком ножом. Так как на Распутине была надета лишь рубашка, то нож беспрепятственно вонзился глубоко в тело. Тяжело раненный, с распоротым животом, Распутин побежал к дому. Кишки выступали через рану, и он держал их руками. Гусева бежала за ним, намереваясь ударить его еще раз. Но Распутин был еще в силах подобрать полено и им выбить у Гусевой нож из рук. Гусеву окружили прибежавшие на крики люди и изрядно избили. Бессспорно, над ней был бы устроен самосуд, но Распутин попросил за нее. Рана оказалась очень опасной. Врачи считали чудом, что он остался живым. Он употреблял какие-то целебные травы и свое исцеление приписывал исключительно им.

В Петербурге многие были того мнения, что если бы Распутин был ко времени объявления войны в Петербурге, то ему удалось бы войну предотвратить. Зная Распутина и обстоятельства, я должен к этому мнению вполне примкнуть. Царь безусловно следовал его советам. Распутин уже в то время был противником всяких войн. Задерживаемый своим ранением в Покровском, он телеграфировал царю во всяком случае отказаться от войны. Но телеграмма не могла оказать на царя такое влияние, как его личное присутствие. Объявление войны привело Распутина в такое волнение, что его рана вновь раскрылась. Он послал царю вторую телеграмму, в которой он умолял царя еще раз отказаться от войны, но было уже поздно.

Распутин рассказывал мне, что после сараевского убийства он неоднократно указывал царю, что не стоит начинать войну с Австрией из-за Сербии. По этому поводу он даже поссорился с царем.

— Ты родился несчастным царем,— взволнованный, говорил он ему.— Народ еще не забыл Ходынскую катастрофу при коронации и гибельную войну с Японией. Мы не можем начинать новую войну. Плати им, сколько хочешь. Дай Австрии 400 миллионов, но только не войну. Война всех нас погубит.

Распутин не любил балканские страны. Во время своего посещения в 1913 году Петербурга болгарский царь Фердинанд навестил Распутина. Причиной этому послужил отказ Николая принять Фердинанда. Распутин ископтал для него прием у царя. Но результаты не были удовлетворительны. Распутин рассказывал мне, что Фердинанд поехал домой с красным носом.

Фердинанд старался повлиять на Николая II указанием о возможности новой балканской войны. Распутин был уверен, что не существует военной опасности. «Пока я жив, я не допущу войны»,— говорил он.

Заговор против Распутина

Теперь я приступаю к описанию убийства Распутина во всех подробностях. Оно не произошло для меня неожиданно. Меня неоднократно предупреждали, и как раз в дни, предшествующие убийству, я принял тщательные меры предосторожности. Они, однако, не достигли благодаря несчастным случаям своей цели. Первые слухи о предполагаемом убийстве были мне доставлены следующим образом. В то время в Петербурге существовало много клубов, в которых шла карточная игра. Во главе клубов обычно стояли высокопоставленные лица или люди с громкими именами. Они получали большие оклады, но не имели никакого влияния на дела клуба. Я был владельцем такого клуба под названием «Пожарный Клуб», и находился он в доме графини Игнатъевой на Марсовом Поле. С пожарным делом клуб ничего общего не имел. Он служил исключительно для карточной игры. Председателем правления состоял городской голова Пскова Томилин. В клубе на хороших условиях служило¹ двое молодых людей. Один назывался Иваном, а другой Алексеем. Фамилии обоих я забыл.

Томилин был избран председателем «Национального Клуба», который находился недалеко от моего клуба. Поэтому Томилин должен был нас оставить. Он пригласил с собою также моих обоих служителей. Я этому не противился, так как вследствие их новой службы мне предоставлялась возможность узнавать о происшествиях в новом клубе.

Для меня было весьма ценно быть осведомленным о том, что происходило в других клубах и общественных собраниях, и поэтому я всюду имел своих людей. Это было мне необходимо для успешного ведения дел моих многочисленных клиентов. Один из моих бывших служителей, Иван, явился однажды ко мне с сообщением о состоявшихся в «Национальном Клубе» тайственных совещаниях, которые ему казались очень подозрительными. Подробностей он не мог мне сообщить, так как в той комнате, в которой состоялись совещания, прислуживал не он, а его коллега Алексей. Он только знал определенно, что на этих совещаниях много говорилось о Распутине.

— Слушай, Иван, вот тебе пятьсот рублей, передай их Алексею и попроси его от моего имени выяснить все подробности этих совещаний. Деньгами он может не скупиться. Я вас обоих хорошо вознагражу, если вам удастся выяснить, что подготавливается в клубе.

Иван и Алексей великолепно знали, что в таких делах я наградами не скупился. После пары дней ко мне явился Алексей и рассказал мне, что ему удалось разузнать о совещаниях в их клубе. Он передал, что на совещаниях председательствовал известный антисемитский член Думы Пуришкевич, а участвовали великий князь Дмитрий Павлович, граф Татищев, молодой князь Феликс Юсупов, бывший министр внутренних дел Хвостов, реакционный член Думы Шульгин и несколько молодых офицеров, фамилии последних Алексей не знал. Но он слышал, что это были великие князья. Все время на совещаниях много говорилось о Распутине. Иногда назывались также имена английского посла Бьюкенена, царя и царицы. Затевалось что-то таинственное и говорилось, что кого-то необходимо выставить.

Общее впечатление было, что против царя и Распутина затевался заговор, головой которого был Пуришкевич.

Сообщение Алексея заставило меня задуматься. В сопровождении его я немедленно отправился к Распутину. Я обещал Алексею еще большее вознаграждение, если ему удастся получить дальнейшие сведения, и поставил ему на вид возможность получить службу во дворце. Этим он был очень ободран и обещал мне сделать все возможное.

Распутин выслушал сообщения Алексея с большим вниманием и был сильно возмущен заговором. Пуришкевича он всегда считал своим врагом. Но мы были уверены, что при помощи Алексея нам удастся обезвредить затеянный Пуришкевичем план. Алексей ежедневно являлся ко мне и доносил о дальнейших действиях заговорщиков. Он сообщал, что в совещаниях участвовало также много членов Государственной Думы, фамилии которых он не мог установить.

У меня всегда счастливилось с моими сотрудниками. На этот раз особенно ценным для меня помощником оказался Евсей Бухштаб, который работал в одном из моих предприятий. Бухштаб был дружен с одним врачом по венерическим болезням, фамилию которого я не хочу называть. Я только ограничусь указанием, что он имел клинику на Невском проспекте. Пуришкевич в то время лечился сальварсаном. Я просил Бухштаба расспросить его друга врача, что затевает Пуришкевич против Распутина. Мы полагали, что благодаря своей болтливости Пуришкевич не утерпит посвятить своего врача в планы заговора. Бухштаб посещал врача ежедневно и обещал ему большое вознаграждение, если ему удастся разузнать планы Пуришкевича. Врач согласился на наше предложение.

Однажды оба пришли ко мне в большом волнении. Они рассказали мне следующее.

После произведенного впрыскивания сальварсана Пуришкевич прилег. Врач разговаривал с ним и как будто совершенно случайно заговорил о Распутине и высказал мысль, что тот является большим несчастьем для России и что следовало бы его удалить. Пуришкевич ответил, что он может уверить его, что скоро Распутина не станет. Он собирается освободить русский народ от Распутина. Вся Государственная Дума, включая и председателя Родзянко, с ним согласна. Скоро уже царь не сможет помешать работе

Думы, ее распуская. «Вы увидите, — закончил он, — что произойдет в ближайшие три дня».

Я очень благодарил врача за это сообщение и отправился в Царское Село. Там я имел разговор с сестрами Воскобойниковыми, находящимися в очень близких отношениях к царице. По моему мнению, было необходимо посвятить царскую чету в дело о заговоре Пуришкевича, и я просил сестер передать царю, что я считаю весьма полезным вызвать указанного врача в Царское Село и лично его расспросить о заговоре. Без сомнения, предполагался государственный переворот. Положение очень серьезное. Я посоветовал также допросить обоих слугителей клуба: Ивана и Алексея. После этого я направился к Распутину и также рассказал ему все. У него были гости: придворная дама Никитина и Маня Головина. По-видимому, Распутин не хотел выдавать перед ними свое волнение и внешне казался спокойным.

Когда гости уехали, я сказал Распутину:

— Дело очень серьезное, и ты не должен терять времени. Поезжай немедленно к царице и расскажи ей, что затевается переворот. Заговорщики хотят убить тебя, а затем очередь будет за царем и царицей. Царь должен от тебя отказаться. Только этой жертвой можно остановить надвигающуюся революцию. Когда тебя не будет, все успокоится. Ты восстановил против себя дворянство и весь народ. Скажи папе и маме, чтобы они дали тебе один миллион английских фунтов, тогда мы сможем оба оставить Россию и переселиться в Палестину. Там мы сможем жить спокойно. Я также опасаюсь за мою жизнь. Ради тебя я приобрел много врагов. Но я хочу жить.

Не в первый раз я уже ему это говорил. Но я еще никогда не чувствовал опасность столь сильной и близкой. Для меня это было ясно, что Распутин не мог дольше оставаться при царском дворе. Мои предупреждения не остались без результатов. Взволнованный Распутин ходил по комнате, потом он потребовал вина, и было видно, что он хочет привести себя в состояние ясновидящего. Принесли вино, и Распутин выпил сразу две бутылки мадеры.

— Сказанное тобою еще преждевременно. Я не скажу царю ничего из твоего разговора. Еще рано.

Он говорил очень скоро, его глаза блестели.

— Дворянство против меня, — вдруг воскликнул он. — Но дворянство не имеет русской крови. Кровь дворянства смешанная. Дворянство хочет меня убить, потому что ему не нравится, что около русского трона стоит русский мужик. Но я им покажу, кто сильнее. Так скоро они меня не забудут. Я уйду только после заключения мира с Вильгельмом. До тех пор от меня не освободятся. Дворянство врет. Оно только ищет, как можно больше выжать из крестьянина. Но я пошлю моих мужиков домой с фронта, дворяне могут кусаться, сколько им угодно.

Наша беседа продолжалась еще долго. Мои старания заставить Распутина отказаться от своей роли при царском дворе остались безрезультатными.

Преувеличенная самоуверенность Распутина

Нам не пришлось долго ждать новых известий о предполагаемом заговоре. При моем следующем посещении Распутина я там встретил трех офицеров: обоих братьев князей Эристовых и жениха дочери Распутина Марьи —

Симеона Пхакадзе. Распутин любил армян и желал, чтобы его дочь вышла замуж за офицера из армян. К Пхакадзе он был особенно расположен. Но потом оказалось, что он находился на службе «Русского Национального Клуба» и был помолвлен с дочерью Распутина лишь для того, чтобы легче проникнуть в дом Распутина и произвести покушение.

Братья Эристовы и Пхакадзе пришли к Распутину, чтобы пригласить его на попойку, которая должна была состояться в доме графа Толстого, на Троицкой улице. Там он был встречен большим обществом, и было много выпито. Многие гости были совсем пьяными.

Вдруг Распутин заметил, что Пхакадзе вытащил свой револьвер и направил его на него. Пхакадзе предполагал, что Распутин ничего не замечает. Тогда Распутин повернулся к нему, пристально на него посмотрел и сказал:

— Ты хочешь меня убить, но твоя рука не повинуется.

Пхакадзе был ошеломлен и выстрелил себе в грудь. Среди гостей возникла паника. Одни окружили Пхакадзе и старались ему помочь, другие хотели успокоить Распутина, но он, никого не слушая, повернулся, вышел, взяв свою шубу, и направился домой.

После прихода домой он немедленно вызвал меня к себе и рассказал о случившемся. При этом он не был не только подавлен, но находился даже в хорошем расположении духа. Он даже подпрыгивал, как он это делал, когда был в радостном настроении, и сказал мне:

— Ну, теперь опасность миновала. Покушение уже произведено. Пхакадзе, конечно, больше не жених моей дочери. Он поедет теперь домой.

Он был вполне уверен, что ему не грозит больше никакая опасность.

Я же был уверен, что заговорщики не успокоятся неудавшимся покушением. Опасность казалась мне еще больше. Я предполагал, что Пхакадзе, находившийся в отпуске в Петербурге, и отпуск получил только для производства покушения на Распутина.

Вернувшись домой, я узнал, что Распутин приглашен на чай к одному из великих князей. Это сообщение обеспокоило меня, и я счел нужным Распутина предупредить. Для меня было ясно, что необходима крайняя осторожность. Если на этом чае участвовали великий князь Дмитрий Павлович или князь Феликс Юсупов, то для меня было ясно, что на Распутина опять что-то готовилось. Я опять поехал к нему, чтобы его лично предупредить.

— Будь осторожен! — воскликнул я. — Чтобы они с тобой там не покончили.

— Что за глупости! — ответил он. — Я уже справился с одним убийцею, и с такими мальчишками, как князь, я также справлюсь. Я поеду к ним, чтобы этим доказать перед царем мое превосходство над ними всеми!

— Но мы не можем допустить, чтобы ты пошел, — возразил я, — они тебя там убьют.

— Никто не может запретить мне ехать, — настаивал он. — Я только жду «маленького», который за мной должен заехать, и мы поедем вместе.

— Кто же этот «маленький»? — спросил я с любопытством. Я уже раньше слышал это прозвище, но Распутин не хотел его мне выдавать. Но он был возбужден и бегал по комнате.

— Григорий, ты должен быть готовым, — сказал я, — что тебя сегодня

или завтра убьют. Лучше послушай моего совета и исчезни. Иначе для тебя нет спасения.

В этот момент раздался телефонный звонок, и Распутин пошел к телефону. Незнакомый женский голос спрашивал:

— Не можете ли вы мне сказать, когда состоится отпевание Григория Распутина?

— Тебя похоронят первой,— ответил злобно Распутин и повесил трубку.

— Видишь, уже тебя хоронят,— сказал я.— Слушайся меня. Брось свои фантазии. Ты мог бы их провести двести лет тому назад, но не теперь. Я не хочу больше с тобой спорить, а все скажу царю, царице и Вырубовой. Может быть, им удастся тебя научить.

— Слушай,— сказал Распутин,— я сегодня выпью двадцать бутылок мадеры, потом пойду в баню и затем лягу спать. Когда я засну, ко мне снизойдет божественное указание. Бог научит меня, что делать, и тогда уже никто мне не опасен. Ты же убирайся к черту!

Распутин велел принести ящик вина и начал пить. Каждые десять минут он выпивал по одной бутылке. Изрядно выпив, он отправился в баню, чтобы после возвращения, не промолвив ни слова, лечь спать. На другое утро я его нашел в том странном состоянии, которое на него находило в критические моменты его жизни. Перед ним находился большой кухонный таз с мадерой, который он выпивал в один прием. Я его спросил, чувствует ли он прибавление своей «силы».

— Моя сила победит,— ответил он,— а не твоя.

В этот момент вошла очень возбужденная Вырубова.

— Были ли здесь сестры из Красного Креста? — спросила она. Видимо смутившийся Распутин прошептал мне:— Говори, что сестры здесь были. Оказалось, что царица и одна из ее дочерей, в форме сестер Красного Креста, навестили Распутина.

Они приходили просить Распутина без моего ведома не принимать никаких приглашений. Это было результатом моих предостережений.

После этого приезжали также епископ Исидор, придворная дама Никитина и другие лица, и все они умоляли Распутина не выезжать.

Я посвятил также министра внутренних дел Протопопова в мои заботы. Он находил эти тревоги беспочвенными, так как он не видел никакой опасности, советовал мне ехать домой и присовокупил:

— Я сам примусь за это дело. Царица приказала мне позаботиться о том, чтобы Распутин сегодня не уходил из дому. Все меры предприняты, и Распутин сам своим честным словом обещал мне сегодня не оставлять квартиру. Нет ни малейшего повода к беспокойству.

Протопопов говорил очень уверенно, и это меня несколько успокоило. Я возвратился к Распутину.

В это время гости Распутина стали постепенно расходиться. Я же считал необходимым также принять некоторые меры предосторожности. Я велел Распутину раздеться и запер в шкаф на ключ его платье, сапоги, шубу и шапку. На квартире Распутина остался секретарь митрополита Питирима Осипенко, который мне обещал следить за Распутиным. Кроме того, дом был окружен агентами охранной полиции, получившими распоряжение не выпускать Распутина.

Но Распутин сумел нас всех перехитрить. Он вышел к агентам охраны, дал

им деньги и уговорил их уйти, так как, по его словам, он собирался спать. Они поверили ему и пошли в какой-то ресторан.

После этого к Распутину приезжал еще Протопопов, чтобы удостовериться в исполнении всех его распоряжений. Распутин уже находился в кровати. Он просил Протопопова распорядиться, чтобы Осипенко ушел, так как его присутствие излишне. Протопопов исполнил эту просьбу. Ушел также в то время у Распутина еще находившийся епископ Исидор. Протопопов оставался еще некоторое время. При прощании Распутин как-то таинственно сказал ему:

— Слушай, дорогой. Я сам господин своего слова. Я его дал, но я его могу и взять обратно.

Протопопов изумился этим словам, но объяснил их всегда несколько странным распутинским оборотом речи и ушел.

Убийство Распутина

В полночь ко мне позвонил Распутин по телефону и сказал:

— Приехал «маленький», я поеду с ним.

— Боже упаси,— воскликнул я испуганный.— Оставайся дома, иначе они тебя убьют.

Слово «маленький» приводило меня в ужас.

— Не беспокойся,— возразил Распутин,— приезжай к нам. Мы будем пить чай, и в два часа я позвоню к тебе.

Нечего было делать. Я не имел возможности удержать Распутина. Но о сне я и думать не мог и поэтому остался с моими сыновьями около телефона. Часы пробили два, потом три... Распутин не звонил. Я не был в состоянии подавить мое волнение и сказал моим детям:

— Помните мои слова, они убили Распутина.

Наконец я поехал с моим старшим сыном Семеном к Распутину и разбудил его племянниц и дочерей. Я им заявил прямо:

— Ваш отец убит, нужно искать его тело.

Девушки заплакали. Я их спросил, кто такой «маленький».

— Отец запретил нам это говорить,— ответили они.

— Он убил вашего отца,— воскликнул я.

— Это — Юсупов,— наконец призналась старшая дочь Марья.

Когда я услышал эту фамилию, я в отчаянии схватился за голову. Теперь мне стало ясно все. У меня уже не было сомнений, что Распутин сделался жертвой страшного заговора.

— Как же Юсупов с ним встретился,— удивленный спросил я,— ведь они были большие враги?

— Через Маню Головину,— к моему удивлению, ответила дочь Распутина.

Для меня это было непонятно. Головина была фанатической поклонницей Распутина, и я не мог себе представить, что она могла бы явиться участницей заговора.

Я отправился к Мане Головиной и не скрывал от нее мою тревогу.

— Григорий убит,— сказал я ей. Но она мне не верила.

— Нет, вы ошибаетесь,— ответила она,— Григорий жив.

Я спросил ее, для какой цели она способствовала сближению Распутина

и Юсупова. Для меня было ясно, что она и понятия не имела о заговоре. Она сообщила мне следующие подробности.

Родители Юсупова не были довольны своим сыном, и поэтому они послали его для образования в Англию. Только после убийства из-за какой-то проститутки на дуэли его старшего брата ему было разрешено вернуться в Петербург.

Так как Феликс был гомосексуалистом, то родители пытались его вылечить с помощью Распутина. Лечение, которому подвергался Феликс, состояло в том, что Распутин укладывал его через порог комнаты, порол и гипнотизировал. Немного это помогло. Но Феликс поссорился с Распутиным, так как последний был против его брака с дочерью великого князя Александра Михайловича Ириной.

План женитьбы Юсупова на великой княжне Ирине имел целью влить несметные богатства князей Юсуповых во владения семьи Романовых.

Князя Юсуповы были татарского происхождения. Поэтому Распутин часто говорил, что в их жилах не течет русская кровь, и советовал Николаю не выдавать Ирину замуж за Феликса Юсупова, так как он вообще не мог быть мужем.

Молодой Юсупов узнал об этих выражениях Распутина и страшно возмутился. Произошло очень бурное столкновение, после которого они не встречались, пока их опять не помирила Маня Головина.

Царица была против женитьбы Феликса на Ирине, и после того, когда эта женитьба все же была решена, она долгое время не разговаривала с царем. Она присутствовала на венчании, но не разговаривала с Николаем.

Все эти подробности я узнал от Распутина, перед которым царская чета не имела секретов.

Я лично с князем Юсуповым познакомился при следующих обстоятельствах. Юсупов хотел купить для своей невесты подарок — жемчужное кольцо, которое было выставлено в окне ломбарда около Синего Моста. Я требовал 12 000 рублей. Юсупов поехал туда со своим комиссионером Эйзенбергом и мною. Эйзенберг отличался красным цветом лица и имел искусственную ногу, вследствие чего бросался всем в глаза. Покупка не состоялась. Распутин был против моих деловых сношений с Юсуповым по причине своей враждебности к нему.

Феликс Юсупов, окончив военное училище, был произведен в офицеры. Но царь не хотел его, вследствие его гомосексуальности, принять в гвардию. Юсупов решил обратиться к Распутину в надежде, что царь не откажет Распутину в ходатайстве. Он обратился к Мане Головиной замолвить за него перед Распутиным доброе слово. «Я достигла их примирения, — гордо заявила она, — Феликс пригласил сегодня Распутина к себе. Григорий обещал вылечить (?) также княгиню Юсупову. Теперь они кутят и чествуют свое примирение. Убийство совершенно исключается».

Я знал, что княгини Юсуповой совсем не было в столице. Вне сомнения, Распутин был вовлечен в ловушку. Но Маня Головина уверяла, что Распутин, как обычно после кутежа, благополучно вернется домой.

Я поспешил к Протопопову, разбудил его и рассказал ему все.

— Но Распутин же дал мне свое честное слово, что он никуда не поедет, — удивился министр.

Я рассказал, каким способом он тайком ушел из дому. Протопопов

обеспокоился, звонил по телефону и поднял на ноги всю полицию. Распутина искали по всему городу.

С епископом Исидором я направился в полицейский участок в районе дворца Юсуповых. Участковый пристав, с которым я был дружен, также разделял мое мнение, что Распутин убит. Ему уже доносили, что ночью из дворца Юсуповых были слышны выстрелы. С тех пор как стало известно о заговоре, квартира заговорщиков находилась под постоянным полицейским наблюдением. Городовой, находившийся ночью на этом посту у дворца Юсуповых, доносил, что ночью подошел к нему неизвестный, назваля членом Государственной Думы Пуришкевичем, передал ему пятьдесят рублей и заявил, что он убил Распутина.

— Я освободил Россию от этого чудовища. Он был другом германцев и хотел мира. Теперь мы можем продолжать войну. Ты также должен быть верным своему отечеству и молчать.

Городовой направился в участок, где обо всем и доложил. Пристав велел вызвать в участок кого-нибудь из слуг Юсуповых.

Вызванный слуга был бледен и сильно взволнован. Он заявил, что он видел автомобиль, которым управлял великий князь Дмитрий Павлович. В этом автомобиле сидели Юсупов и Распутин, а рядом с великим князем с нарочно измененным лицом Пуришкевич. Он им открывал двери и потом получил от Юсупова распоряжение удалиться. Дальнейшие подробности затем сообщила присутствовавшая при убийстве и тоже стрелявшая двоюродная сестра Юсупова.

Участниками заговора были великий князь Дмитрий Павлович, оба сына великого князя Александра Михайловича, братья жены Юсупова и Пуришкевич. Отец Юсупова и бывший министр внутренних дел Хвостов ожидали результатов убийства в другой части дворца. В убийстве Распутина принимали участие двоюродная сестра Юсупова и танцовщица Вера Коралли. Один из шуринов Юсупова находился спрятанным за портьерами в передней. При входе Распутина он выстрелил в него и попал ему в глаз. В упавшего Распутина стреляли уже все, только Вера Коралли отказалась и кричала: я не хочу стрелять.

Ее крик был услышан даже в соседних помещениях.

Заговорщики полагали, что Распутин уже мертв. Они надели на него его шубу, завернули его в дорожный плед и спрятали в подвал дома с намерением потом его удалить из дома.

Но Распутин был еще жив, хотя в него и было сделано 11 выстрелов.

Он пришел в себя, выбрался из подвала, направился в окруженный высокой стеной сад и там искал из него выход. Он даже старался перелезть через стену, но это ему не удалось. Собаки подняли сильный лай, который привлек внимание убийц. Они бросились и начали ловить Распутина. Последний, несмотря на свои раны, отчаянно сопротивлялся. Наконец Дмитрию Павловичу удалось поймать Распутина, и он был связан по рукам и ногам веревками. Впавшего в то время в обморочное состояние Распутина повезли в автомобиле в заранее выбранное место, на скованной льдом Неве, близ Каменного острова. С деревянного моста сбросили Распутина в воду, которая около моста была замерзшей.

Было очень трудно найти то место, где тело Распутина было сброшено в воду. Но мой сын Семен нашел около моста галошу Распутина. Мы также

заметили следы крови, которые вели к одной проруби. В полверсте от этого места мы на льду нашли тело Распутина. Оно было сильно занесено снегом. По-видимому, Распутин выбрался из воды и потащился по льду, и только благодаря сильному морозу он погиб; шуба на нем была продырявлена пулями в восьми местах. Его правая рука была развязана и приподнята, как бы для сотворения крестного знамени. Наверно, ему еще в автомобиле удалось освободиться от веревок, и в воду он был брошен живым.

Это произошло 17-го декабря 1916 года.

Похороны Распутина

После нахождения тела Распутина туда явились Протопопов, начальник политической охраны Глобачев, начальник петербургского гарнизона генерал Хабалов, петербургский градоначальник Балк и полицмейстер Галле. В их присутствии тело было перенесено в автомобиль.

Еще до нахождения тела Распутина я в восемь часов утра отправился во дворец Юсуповых. Епископ Исидор сопровождал меня. Молодой Юсупов немедленно вышел к нам взволнованный и бледный.

— Что вы сделали с Распутиным? — спросил я его. — Были ли вы с ним у цыган?

— Я не знаю, — пробормотал он. — Мы вместе с ним кутили, но он остался у цыган.

Князь не осмеливался смотреть мне в глаза.

— Сообщите это царице, — ответил я. — Ее величество очень беспокоится. Она хочет знать, что произошло с Распутиным.

Князь передал мне через несколько минут письмо, в котором говорилось, что ему ничего не известно о пребывании Распутина.

— Я ничего не знаю, — повторял молодой человек.

Тем временем я заметил на полу темные кровавые пятна.

— Чья это кровь на полу? — спросил я его.

Это его не озадачило. Он ответил мне совершенно спокойно, хотя и не глядел на меня.

— Мы застрелили нашу собаку, это не имеет никакого значения.

— Но чем объяснить то, что живущие по соседству модистки слышали несколько выстрелов и кроме того крик: «Не убивайте его!»?

Эти сведения мною были получены от моих агентов, которым я поручил заняться выяснением обстоятельств убийства.

— Это были моя двоюродная сестра и госпожа Коралли, — ответил с деланным спокойствием князь. — Они очень испугались, когда мы стреляли в собаку.

Ничего больше я не мог от него добиться.

Тело Распутина в дубовом гробу доставили в Чесменскую часовню, которая находилась по дороге из Петербурга в Царское Село. Скоро туда прибыли дочери и племянницы Распутина. Я с моими сыновьями также направился туда. Мы увидели в часовне притворяющуюся поклонницей Распутина, а в действительности бывшую агентом «Национального Клуба» Акилину Лаптинскую. По приказанию царицы посторонним доступ в часовню был воспрещен. Дочери Распутина привезли с собой белье и платье. Тело омыли и одели.

Епископ Исидор отслужил панихиду. Мы просили об этом митрополита Питирима, но он ответил, что убийство Распутина его слишком расстроило.

Император находился в Ставке. Об убийстве Распутина ему было сообщено по телеграфу. Царь приказал разломать весь лед от Петербурга до Кронштадта.

Он поспешил вернуться в Петербург. Убийство Распутина повергло его в тяжелую грусть.

— Я погиб,— говорил он. Все старались его успокоить, но ничто не могло отвлечь его от грустных мыслей. Он был уверен, что убийство Распутина повлечет за собой и его гибель.

Царица и ее дочери плакали все время. В дворцовой часовне постоянно совершались панихиды. Тело покойного было тайно доставлено в одну часовню в Царском Селе и там погребено. После погребения еще часто совершались службы, на которых присутствовала вся царская семья. Но на них могли присутствовать лишь люди, которые считались ближайшими друзьями царской четы.

На тайных похоронах все члены царской семьи помогали при перенесении гроба в склеп; даже маленький наследник, который держал прикрепленную к гробу черную шелковую ленту. Тело было набальзамировано и над лицом покойного в крышке гроба помещено стекло. На груди покойного была помещена икона, на которой расписались все члены царской семьи. Один офицер по фамилии Беляев каким-то путем узнал об иконе с подписями членов царской семьи. Для него было ясно, что эта икона могла стать очень ценной для собирателей редкостей, и он решил икону похитить. Ему было трудно узнать место погребения Распутина. Для этой цели он прибег к хитрости. Он познакомился с дочерью Распутина Марьей и выдавал ей себя за тайного поклонника ее отца; но осуществить свой план ему удалось лишь с началом революции. К склепу Распутина он привел толпу революционеров. Гроб Распутина вскрыли, и Беляев взял себе икону, а тело сожгли. Толпа была уверена, что Беляев действовал в интересах революции.

Завещание Распутина

После убийства Распутина царь продолжал оставаться в подавленном состоянии. Он потерял всю жизнеспособность. Только этим можно объяснить то, что он без особого противодействия подписал свое отречение. Еще до наступления революции царь был уверен в неизбежности катастрофы. Несомненно также, что решающую роль в этом сыграло предсказание Распутина, которое он незадолго до своей смерти в письменной форме передал царю. Оно имело громадное влияние на все действия царя во время переворота.

Предсказание Распутина, о котором идет речь, создалось таким же путем, как создавались все его предсказания, которыми он очень гордился. Весь день он находился в приподнятом настроении. Вечером он лег спать. На другой день он поручил мне вызвать к нему его любимца адвоката Аронсона. Он собирался писать свое завещание. Я изумился его намерениям, но исполнил его просьбу. Аронсон провел с нами весь вечер. Распутин написал следующее прощальное письмо:

«Дух Григория Ефимовича Распутина-Новых из села Покровского.

Я пишу и оставляю это письмо в Петербурге. Я предчувствую, что еще до первого января я уйду из жизни. Я хочу Русскому Народу, папе, русской маме, детям и русской земле наказать, что им предпринять. Если меня убьют нанятые убийцы, русские крестьяне, мои братья, то тебе, русский царь, некого опасаться. Оставайся на твоём троне и царствуй. И ты, русский царь, не беспокойся о своих детях. Они еще сотни лет будут править Россией. Если же меня убьют бояре и дворяне, и они прольют мою кровь, то их руки останутся замаранными моей кровью, и двадцать пять лет они не смогут отмыть свои руки. Они оставят Россию. Братья восстанут против братьев и будут убивать друг друга, и в течение двадцати пяти лет не будет в стране дворянства.

Русской земли царь, когда ты услышишь звон колоколов, сообщающий тебе о смерти Григория, то знай: если убийство совершили твои родственники, то ни один из твоей семьи, т. е. детей и родных, не проживет дольше двух лет. Их убьет русский народ. Я ухожу и чувствую в себе Божеское указание сказать русскому царю, как он должен жить после моего исчезновения. Ты должен подумать, все учесть и осторожно действовать. Ты должен заботиться о твоём спасении и сказать твоим родным, что я им заплачу моей жизнью. Меня убьют. Я уже не в живых. Молись, молись. Будь сильным. Заботься о твоём избранном роде.

Григорий».

Это пророческое завещание я передал царице. Какое оно на нее оставило впечатление, я не знаю. Она никогда мне об этом не говорила. Она только просила меня не показывать его царю. Я его передал на хранение митрополиту Питириму.

Царь познакомился с завещанием только после смерти Распутина. Я думаю, что царица сама сказала ему о завещании. Царь опасался, что задуманный «Национальным Клубом» заговор направлен не только против Распутина, но и против него. Отношения его родни становились более угрожающими. После убийства Распутина Николай II считал себя в серьезной опасности. Он неоднократно совещался с представителями департамента полиции. С тех пор он уже не имел ни к одному человеку на свете доверия.

Это делало его положение еще более безнадежным.

ДНЕВНИК

На политической арене

I часть

19 ноября 1916 года

Сегодня я провел день глубочайших душевных переживаний.

За много лет впервые я испытал чувство нравственного удовлетворения и сознания честно и мужественно выполненного долга: я говорил в Государственной Думе о современном состоянии России; я обратился к правительству с требованием открыть государю истину на положение вещей и без ужимок лукавых царедворцев предупредить монарха о грозящей России опасности со стороны темных сил, коими кишит русский тыл,— сил, готовых использовать и переложить на царя ответственность за малейшую ошибку, неудачу и промах его правительства в делах внутреннего управления в эти бесконечно тяжелые годы бранных испытаний, ниспосланных России Всевышним.

А мало ли этих ошибок, когда правительство наше — все сплошь калейдоскоп бездарности, эгоизма, погони за карьерой; лиц, забывших о родине и помнящих о своих интересах, живущих одним лишь сегодняшним днем.

Как мне бесконечно жаль государя, вечно мятущегося в поисках людей, способных занять место у кормила власти, и не находящего таковых; и как жалки мне те, которые, не взвешивая своих сил и опыта, в это ответственное время дерзают соглашаться занимать посты управления, движимые честолюбием и не проникнутые сознанием ответственности за каждый свой шаг на занимаемых постах.

В течение двух с половиной лет войны я был политическим мертвецом: я молчал и в дни случайных наездов в Петроград, посещая Государственную Думу, сидел на заседаниях ее простым зрителем, человеком без всякой политической окраски. Я полагал, как и полагаю сейчас, что все домашние распри должны быть забыты в минуты войны, что все партийные оттенки должны быть затушеваны в интересах того великого общего дела, которого требует от всех своих граждан, по призыву царя, многострадальная Россия; и только сегодня, да, только сегодня я позволил себе нарушить мой обет молчания и нарушил его не для политической борьбы, не для сведения счетов с партиями других убеждений, а только для того, чтобы дать возможность докатиться к подножию трона тем думам русских народных масс и той горечи обиды велико-

го русского фронта, которые накаплиются и растут с каждым днем на всем протяжении России, не видящей исхода из положения, в которое ее поставили царские министры, обратившиеся в марионеток, нити от коих прочно забрали в руки Григорий Распутин и императрица Александра Федоровна, этот злой гений России и царя, оставшаяся немкой на русском престоле и чуждая стране и народу, которые должны были стать для нее предметом забот, любви и попечения.

Тяжело записывать эти строки, но дневник не терпит лжи: живой свидетель настроений русской армии от первых дней великой войны, я с чувством глубочайшей горечи наблюдал день ото дня упадок авторитета и обаяния царского имени в войсковых частях, и увя! не только среди офицерской, но и в толще солдатской среды, — и причина тому одна — Григорий Распутин.

Его роковое влияние на царя через посредство царицы и нежелание государя избавиться себя и Россию от участия этого грязного, развратного и продажного мужика в вершении государственных дел, толкающих Россию в пропасть, откуда нет возврата.

Боже мой! Что застилает глаза государя? Что не дает ему видеть творящееся вокруг?!

Как жалки его министры, скрывающие истину и под давлением себялюбивых интересов играющие судьбами династии! Когда этому конец и будет ли?

Что заставляет молчать русских сановников и лиц, приближенных царю при дворе?

Трусость. Да, только одна беспредельная трусость и боязнь утратить свое положение, и в жертву этому приносятся интересы России.

Они боятся сказать государю правду.

Яснее, чем когда-либо, понял я это 3-го ноября, когда, возвращаясь с поездом моим с Румынского фронта, я был приглашен государем в Могилев к обеду и делал доклад ему о настроениях наших армий в районе Рени, Браилова и Галаца.

Помню, как сейчас, перед обедом блестящую шумливую толпу великих князей и генералов, поджидавших вместе со мною выхода государя к столу и делившихся впечатлениями военных событий и событий внутренней жизни России. Один за другим они подходили и заговаривали со мною: вы делаете доклад царю? Вы будете освещать ему положение дел? Скажите ему о Штюмере. Укажите на пагубную роль Распутина. Обратите его внимание на разлагающее влияние того и другого на страну. Не жалейте красок, государь вам верит, и ваши слова могут оказать на него соответствующее впечатление.

— Слушаюсь, ваше высочество! Хорошо, генерал! — отвечал я то одному, то другому, направо и налево, а в душе у меня становилось с каждым мгновением все тяжелее и печальнее: как, думал я, неужели мне, проводящему всю войну на фронте и живущему одними только военными интересами наших армий, приходится сказать государю о том, о чем ежедневно ваш долг говорить ему, ибо вы в курсе всего того, что проделывает Распутин и его присные над Россией, прикрываясь именем государя и убивая любовь и уважение к нему в глазах народа.

Почему вы молчите? Вы, ежедневно видящие государя, имеющие доступ к нему, ему близкие. Почему толкаете на путь откровений меня, пригла-

шенного царем для других целей и столь далекого сейчас от событий внутренней жизни России и от политики, которую проводят в ней калифы на час ее, появляющиеся и лопающиеся, как мыльные пузыри, бездарные министры.

Трусый! — думал я тогда. Трусый! — убежденно повторяю я и сейчас.

Жалкие себялюбцы, все получившие от царя, а неспособные даже оградить его от последствий того пагубного тумана, который застлал его духовные очи и лишил его возможности, в чаду придворной лести и правительственной лжи, правильно разбираться в истинных настроениях его встревоженного народа.

И вот я сказал — и тогда ему в Ставке и сейчас в Государственной Думе, на всю Россию, — горькую истину, и, как верный, неподкупный слуга его, принеся в жертву интересам родины личные мои интересы, осветил ту правду, которая от него скрывалась, но которую видела и видит вся скорбная Россия.

Да, я выразил то несомненно, что чувствуют лучшие русские люди, без различия партий, направления и убеждений. Я это понял, когда сходил с трибуны Государственной Думы после моей двухчасовой речи.

Я это понял из того потока приветствий, рукопожатий и неподдельного восторга, который сквозил на всех лицах обступившей меня после моей речи толпы — толпы, состоящей из представителей всех классов общества, ибо Таврический дворец в день 19-го ноября был переполнен тем, что называют цветом нации в смысле культурности, общественного и официального положения.

Я знаю, что я высказал то, что чувствовала Россия.

Я знаю, что ни одного фальшивого звука не было в моей речи.

Я чувствую, что в ней не сквозила хамская наглость Гучкова, но что, вся проникнутая чувством верноподданнейшей любви, она должна показать государю, что вся Россия, от крайнего правого крыла до представителей левых партий, не лишенных государственного смысла, одинаково оценивает создавшееся положение и одинаково смотрит на тот ужас, который представляет собою Распутин в качестве неугасимой лампы в царских покоях.

Да, все, что находилось сегодня в Таврическом дворце, на скамьях, внизу и на хорах, все это были мои единомышленники, и только три-четыре человека на всю Государственную Думу, с Марковым и Замысловским во главе, остались чуждыми тем чувствам, которыми жили мы, взывавшие к государю и просившие у него избавить и себя, и Россию от той новой казни египетской, какую представляет собою Распутин.

Но что нужды? Кому больше, чем самим себе, вредят эти патриоты казенного образца, готовые стать на запятки ко всякой власти и любовно пестуемые людьми типа Протопопова, Штюрмера, Воейкова и компании, знающими им цену, а вернее, расценивающими их в тот или другой момент жизни государства сообразно обстановке и обстоятельствам.

Когда я выходил из Таврического дворца, уставший, истомленный и обессиленный от рукопожатий и приветствий, меня нагнал в Екатерининской зале Кауфман-Туркестанский, состоящий главным уполномоченным Красного Креста при Ставке государя и отъезжающий завтра в Ставку, и, обнявши меня, сказал, что распорядился доставить себе один

экземпляр стенограммы моей речи, какую повезет государю и лично передаст ему.

Возвратившись домой, узнал дома от жены любопытную подробность.

После окончания моей речи к ней, сидевшей на хорах, подходило много дам высшего петроградского круга и аристократии, просивших передать мне сочувствие по поводу всего мною сказанного, и в числе этих дам подошла баронесса Икскуль-фон-Гильденбант, одна из самых ярых поклонниц Распутина, в салоне коей он постоянно бывает запросто, как свой человек, и просила жену мою также принять от нее по адресу моему горячий привет и «восхищение» всем мною сказанным и вместе с тем просить меня в один из ближайших дней не отказать отобедать у нее вместе с некоторыми ее друзьями.

Мы долго хохотали над этим приглашением, цель которого для меня сразу стала ясной: почтенная баронесса, очевидно, хотела свести меня с Распутиным, будучи уверенной, что и я поддамся его гипнозу и после свидания с ним окажусь его фанатичным поклонником.

20 ноября

Сегодня весь день я буквально не имел покоя, сидя дома и работая у своего письменного стола: телефон мой трещал с утра до вечера, знакомые и незнакомые лица выражали сочувствие всему мною сказанному вчера; и должен признаться, что степень этого сочувствия поднялась до такого градуса, что дальнейшее пребывание у себя в кабинете мне сделалось невыносимым; нет положения более глупого, по-моему, чем молчаливо выслушивать похвалы себе, не смея перебить говорящего и разливающегося соловьем в твою пользу.

Бесконечное число лиц заносило мне сегодня свои визитные карточки в знак сочувствия.

Среди них была масса от членов Государственного Совета и, что мне особенно дорого, от старика графа С. Д. Шереметьева, которого я привык любить и уважать наравне с покойным близким мне А. А. Нарышкиным, ибо оба они рыцари без страха и упрека.

Из звонивших по телефону меня заинтриговал один собеседник, назвавшийся князем Юсуповым, графом Сумароковым-Эльстон.

После обычных приветствий он, не удовлетворившись этим, просил разрешения побывать у меня в один из ближайших дней, по возможности скорее, для выяснения некоторых вопросов, связанных, как он сказал, с ролью Распутина при дворе, о чем по телефону говорить «не удобно».

Я просил его заехать завтра, в 9 часов утра.

Любопытно узнать, о чем он хочет говорить и что ему нужно.

21 ноября

Сегодня, ровно в 9 часов утра, ко мне приехал князь Юсупов.

Это молодой человек лет 30, в форме пажа, выполняющий, очевидно, военный ценз на звание офицера.

Мне он очень понравился и внешностью, в которой сквозит непередаваемое изящество и порода, и, главным образом, духовной выдержкой. Это, очевидно, человек большой воли и характера: качества, мало присущие русским людям, в особенности из аристократической среды.

Он просидел у меня более двух часов.

«Ваша речь не принесет тех результатов, которых вы ожидаете,— заявил он мне сразу.— Государь не любит, когда давят на его волю, и значение Распутина, надо думать, не только не уменьшится, но, наоборот, окрепнет, благодаря его безраздельному влиянию на Александру Федоровну, управляющую фактически сейчас государством, ибо государь занят в Ставке военными операциями».

«Что же делать?» — заметил я. Он загадочно улыбнулся и, пристально посмотрев мне в глаза немигающим взглядом, процедил сквозь зубы: «Устранить Распутина».

Я засмеялся.

«Хорошо сказать,— заметил я,— а кто возьмется за это, когда в России нет решительных людей, а правительство, которое могло бы это выполнить само и выполнить искусно, держится Распутиным и бережет его, как зеницу ока».

«Да,— ответил Юсупов,— на правительство рассчитывать нельзя, а люди все-таки в России найдутся». — «Вы думаете?» — «Я в этом уверен, и один из них перед вами».

Я вскочил и зашагал по комнате.

«Послушайте, князь, этим не шутят. Вы мне сказали то, что давным-давно сидит гвоздем в моей голове. Я понимаю не хуже вашего, что одними думскими речами горю не помочь, но утопающий хватается за соломинку, и я за нее схватился. Выход, о котором вы говорите, не представляется для меня неожиданным, больше того, несколько лет тому назад, при жизни покойного В. А. Дедюлина, бывшего, как вы знаете, дворцовым комендантом, я специально ездил к нему в Царское Село, состоя с ним в близких отношениях, исключительно затем, чтобы убедить его в необходимости немедленно ликвидировать Распутина, создав для этого подходящую обстановку, ибо уже и тогда мне было ясно, что Распутин является роковым человеком для династии и, естественно, для России».

«И что же?» — спросил Юсупов. «Как видите, ничего: Распутин жив и по сей день. Дедюлин, очевидно, не дерзнул взяться за это дело, ибо ужас положения в том, что масса высших сановников наших, типа Саблеров, Раевых, Добровольских, Протопоповых, Штюмеров, Воейковых, строят свою карьеру на Распутиных, и малейшая оплошность лица, которое пожелало бы избавить Россию от этой язвы, стоила бы головы инициатору, с одной стороны, и с другой — содействовала бы вящему укреплению значения при дворе этого гада».

«Вы правы,— заметил Юсупов.— Знаете ли вы, что Распутин охраняется сыщиками, поставленными со стороны трех учреждений?»

«Что вы!»

«Да, да. Его охраняют шпики от министерства императорского двора, по желанию императрицы, шпики от министерства внутренних дел и шпики от... отгадайте, от кого еще?»

«Не сумею вам сказать!»

«Не удивляйтесь!.. и шпики от банков».

Я усмехнулся. «Князь,— заметил я,— я перестал удивляться чему бы то ни было в России. Я ничего не ищу, ничего не добиваюсь, и если

вы согласны принять участие в деле окончательного избавления России от Распутина, то вот вам моя рука, обсудимте все возможности этой операции и возьмемся за ее выполнение, если найдем еще несколько подходящих лиц, не привлекая к делу никого из слуг в целях соблюдения тайны».

«Двоих я могу уже вам указать,— с живостью заметил Юсупов, пожимая мне руку.— Если вы свободны сегодня, приезжайте ко мне, они у меня будут, и вы с ними познакомитесь. Мы обсудим вопрос, и если четырех нас окажется мало, то подыщем еще кого-либо из наших друзей, а я вам сообщу мой план, исполнимость коего будет находиться в прямой зависимости от степени душевного спокойствия Григория Ефимовича и желания его посетить мой дом вечером в один из ближайших дней».

На этом мы расстались.

Заговор

II часть

22 ноября

Вчера вечером я был у Юсупова. Я приехал в 8 час., когда он был еще один.

Через полчаса вошел молодой офицер Преображенского полка, поручик С*., показавшийся мне человеком мало подвижным, но энергичным, а еще через 10 минут не вошел, а влетел в комнату высокий статный красавец, в котором я немедленно узнал великого князя Дмитрия Павловича.

Мы познакомились друг с другом и, не откладывая дела в долгий ящик, принялись за обсуждение вопроса о способе ликвидации Распутина.

Выяснилось, что Распутин давно ищет познакомиться с молодой графиней П., очень известной петроградской красавицей, бывающей в доме Юсуповых.

«Графини сейчас в Петрограде нет,— заявил нам хозяин Ф. Ф. Юсупов,— она в Крыму и в Петроград даже не собирается, но при последнем посещении моем Распутина я заявил ему, что графиня на днях возвращается в Петроград, где будет несколько дней, и что если он, Распутин, хочет, то я могу его с нею познакомить у себя в доме в тот вечер, когда графиня будет у моих родных.

Распутин с восторгом принял это предложение и просил заблаговременно только предупредить его о дне, когда у нас будет графиня, дабы в свою очередь устроиться так, чтобы в этот день „она“, т. е. императрица, не позвала бы его в Царское Село.

Вы видите, господа,— добавил Юсупов,— что при этом условии покончить с Распутиным не составит труда; вопрос лишь в том, каким способом от него избавиться, как обезопасить себя от слежки шпикив, дабы подозрения, после смерти Распутина, не пали на нас, и куда девать его труп».

* А. С. Сухотин. (Примеч. сост.)

После продолжительного обсуждения поставленных Юсуповым вопросов мы пришли к единогласному заключению о необходимости покончить с Распутиным только путем отравления его, ибо местоположение дворца Юсуповых на Мойке, как раз против полицейского участка, расположенного по ту сторону реки, исключало возможность стрельбы из револьвера, хотя бы и в стенах подвального этажа, в коем помещалась столовая молодого Юсупова, куда он предполагал провести Распутина, привезя его к себе во дворец в намеченный день.

Вместе с тем стало совершенно очевидным, что четырех лиц недостаточно для удачного выполнения намеченной операции, ввиду нежелания нашего привлекать к делу кого-либо из прислуги и необходимости иметь своего верного шофера, без коего все дело казалось нам неосуществимым.

Я предложил взять в качестве такового старшего врача моего отряда, работавшего в течении двух лет со мной на войне, д-ра С. С. Лазаверта. Предложение мое было принято, и, побеседовав на тему о политическом положении России еще полчаса, мы расстались, уговорившись собраться 24 ноября, в 10 часов вечера, в моем поезде, стоявшем на товарной станции Варшавского вокзала, откуда я намеревался, пополнив мой отряд Красного Креста всем необходимым, в средних числах декабря двинуться на Румынский фронт, в Яссы, для работы в районе наших армий этого фронта.

24 ноября

Сегодня я провел весь день в разъездах с д-ром Лазавертом, озабочиваясь исполнением моего поезда всем необходимым перед отъездом его на фронт.

Был в главном управлении Креста, где царит обычная бестолочь и занимаются интригами, орденами и писанием бумаг в ущерб живому делу.

В 12 час. дня заехал к принцу Александру Петровичу Ольденбургскому, у которого завтракал после обычного доклада; от принца проехал в Государственную Думу...

Только в восемь часов вечера приехал я к себе на поезд, на Варшавский вокзал, и прошел в вагон-библиотеку, чтобы распорядиться и приготовить все нужное к нашему совещанию, начало которого назначено было мною сегодня на 10 часов.

Отпустив санитаров и шоферов из поезда, спустив шторы в вагоне-библиотеке, я стал ждать.

Ровно в 10 часов в автомобиле Дмитрия Павловича приехал он сам с Юсуповым и поручиком С.

Я познакомил их с д-ром Лазавертом, и мы приступили сообща к дальнейшему обсуждению нашего плана, причем князь Юсупов показал нам полученный им от В. Маклакова цианистый калий как в кристалликах, так и в распущенном уже виде в небольшой склянке, которую он в течение всего пребывания своего в вагоне то и дело взбалтывал.

Заседание наше длилось около двух часов, и мы сообща выработали следующий план.

В назначенный день, или вернее ночь, мы все собираемся у Юсупова ровно в 12 часов ночи. В половине первого, приготовив все, что нужно, в столовой у Юсупова, помещающейся в нижнем этаже его дворца, мы поднимаемся наверх, в его кабинет, откуда он, Юсупов, выезжает к

1 ч. ночи за Распутиным на Гороховую в моем автомобиле, имея шофером д-ра Лазаверта.

Привезя Распутина к себе, Юсупов проводит его прямо в столовую, подъехав со двора, причем шофер должен вплотную подогнать автомобиль к входной двери с таким расчетом, чтобы с открытием дверцы автомобиля силуэты выходящих из него не были бы видны сквозь решетку на улицу кому-либо из проходящей публики как по эту сторону Мойки, так и по ту, где в № 61 находится полицейский участок и помимо всего могут прогуливаться шпики, ибо нам неизвестно, уведомляет ли всегда и уведомит ли на этот раз также Распутин своих телохранителей, где он проводит добрую половину ночи.

По приезде Распутина в дом Юсупова д-р Лазаверт, скинув с себя шоферские доспехи, по витой лестнице, ведущей от входа мимо столовой в гостиную князя, присоединяется к нам, и мы, т. е. Дмитрий Павлович, я, С. и Лазаверт, становимся наверху у витой лестницы на всякий случай, дабы оказать помощь находившемуся внизу, в столовой, Юсупову в случае необходимости, если бы внезапно дело пошло не так, как нужно.

После смерти Распутина, которая, по нашим соображениям, должна была бы наступить через десять-пятнадцать минут по его прибытии во дворец и в зависимости от дозы выпитого им в мадере яда, князь Юсупов подымается наверх к нам, после чего мы все спускаемся в столовую и, сложив в узел возможно большее из одежды Распутина, передаем это поручику С., который, облачившись в распутинскую шубу (С. по комплекции и росту в шубе может быть принят шпиками, коих мы все-таки опасались, за Распутина, прикрыв лицо поднятым воротником) и взяв узелок вещей Распутина, выходит с великим князем во двор и садится в автомобиль, на коем д-р Лазаверт опять за шофера; автомобиль направляется к моему поезду на Варшавский вокзал, где к этому времени в моем классном вагоне должна быть жарко натоплена печь, в каковой моя жена и жена д-ра Лазаверта должны сжечь все то из одежды Распутина, что привезут С. с великим князем.

Вслед за сим Лазаверт и его пассажиры погружают мой автомобиль на платформу, входящую в состав поезда, и засим пешком или на извозчиках отправляются на Невский во дворец великого князя Сергея Александровича, откуда, сев в автомобиль великого князя Дмитрия Павловича, возвращаются в этом автомобиле на Мойку, во дворец Юсупова, и, опять-таки со двора, подъехав вплотную к дому, поднимаются в гостиную, где князь Юсупов и я должны поджидать их возвращения.

Вслед за сим, спустившись все вместе в столовую, мы обворачиваем труп в какую-либо подходящую материю и, уложив мумию в крытый автомобиль великого князя, отвозим его в заранее намеченное место и бросим в воду, привязав к телу цепями двухпудовые гири, дабы труп не всплыл случайно на поверхность через какую-либо прорубь, хотя это представлялось нам едва ли возможным, ибо вследствие жестоких морозов все в Петрограде и его окрестностях — реки, речки и каналы — были покрыты толстым слоем льда, и приходилось подумать и подыскать место, свободное от ледяной коры, куда мы могли бы опустить труп убитого Распутина. На этом закончилось наше заседание.

Для дальнейшей разработки деталей мы решили собраться 1-го декабря вновь у меня в поезде, также в 10 час. вечера; до этого времени сделать основательную рекогносцировку в окрестностях Петрограда тех мест, которые

могли оказаться подходящими для погребения в воде Распутина, причем я взялся объехать окрестности с д-ром Лазавертом в качестве шофера на своем автомобиле, а Юсупов на автомобиле великого князя, управлять коим взялся Дмитрий Павлович, дабы даже в этих поездках не прибегать к помощи наших шоферов-солдат.

В 12 час. ночи мы распрощались друг с другом и разъехались по домам, причем я взял на себя еще поручение купить цепи и гири на Александровском рынке для задуманного предприятия...

28 ноября

Сговорившись по телефону с Юсуповым, заехал к нему сегодня в 1 час дня, дабы вместе с ним осмотреть то помещение в нижнем этаже его дворца, которое должно стать ареной нашего действия в день ликвидации Распутина.

Подъехал я с главного подъезда и прошел в кабинет князя сквозь невероятный строй челяди, толпящейся у него в передней.

«Послушайте, князь, — говорю ему, — неужели вся эта орава так и останется сидеть в передней, с ливрейным арапом во главе, в предстоящую нам ночь распутинского раута?»

Он засмеялся. «Нет, — говорит, — успокойтесь, останутся лишь два дежурных на главном подъезде, а все остальное будет отпущено вместе с арапом».

Мы пошли с Юсуповым в столовую, помещающуюся, как я сказал, в полуподвале его дворца.

Там работали люди, проводившие электричество.

Столовая пока имеет еще вид довольно растерзанной; в ней идет полный ремонт; но помещение это для приема дорогого гостя крайне удобное, глухое, и мне думается, сужу по толщине стен, что если бы даже пришлось здесь стрелять, то звук от выстрела не был бы слышен на улице, ибо окна — их два в комнате — крайне малы и находятся почти на уровне тротуара.

После осмотра помещения мы поднялись вновь наверх, в гостиную князя, и через четверть часа я поехал в Государственную Думу с целью повидаться с В. А. Маклаковым, более тесное участие коего в нашем предприятии казалось нам с Юсуповым полезным, хотя Юсупов и полагал, что Маклаков не согласится на активную роль.

Поймав Маклакова в Думе, я, как говорится, сразу взял быка за рога и, усевшись с ним рядом у бюста императора Александра II, заявил ему, что для успеха нашего дела нас мало и что крайне желательно его участие как в нашем последнем совещании по этому вопросу, так и в выполнении намеченного плана.

Маклаков на меня воззрился, впился в меня взглядом и после продолжительного молчания заявил, что едва ли он может быть полезен как активный деятель в самой ликвидации Распутина, но что после таковой, если что-либо у нас выйдет негладко и мы попадемся, он не только готов помочь нам юридическим советом, но и охотно выступит нашим защитником на суде, если дело дойдет до такового.

Вместе с тем, прозондировав у меня приблизительный день, когда мы должны осуществить намеченное, он как-то радостно объявил мне, что даже независимо от своей воли лишен возможности стать более тесным соучастником нашим, ибо к этому времени должен выехать в Москву, где ему придется пробыть около недели.

«Но вот о чем я вас горячо прошу,— с живостью добавил он,— если дело удастся, не откажите немедленно послать мне срочную телеграмму, хотя бы такого содержания: „Когда приезжаете“. Я пойму, что Распутина уже не существует и что Россия может вздохнуть свободно».

Я вздохнул. Типичный кадет,— подумал я, но мне ничего не оставалось другого, как согласиться на его просьбу, и мы расстались.

29 ноября

Все утро провел в хлопотах: сначала ездил в Александровский рынок с женой на извозчике покупать гири и цепи, какие с большими предосторожностями мы свезли на поезд и разместили частью в аптеке, а частью за книгами в вагоне-библиотеке, во избежание любопытства нашей поездной прислуги.

Затем в 1 час дня, после завтрака, я выехал с Лазавертом на моем автомобиле осматривать окрестности Петрограда согласно решению нашего последнего совещания.

Лазаверт сел за шофера, и мы прокатились без малого четыре часа по жесткому морозу, всматриваясь в каждую прорубь Невы, речонки и болота под Петроградом и оценивая степень их пригодности для намеченного дела.

В начале шестого, продрогшие и иззябшие, возвратились мы домой и еле отогрелись большими дозами *tincturae coniaci*. В сущности, из всего нами осмотренного подходящими, по-моему, оказались лишь два места: одно — плохо освещаемый по ночам канал, идущий от Фонтанки к Царскосельскому вокзалу, в каковом канале есть небольшая прорубь, и другое — за пределами города на Старой Невке у моста, ведущего к островам.

Интересно знать, что высмотрели Юсупов с великим князем и не привлекли ли их внимания эти же проруби?

30 ноября

Видел доспехи, приобретенные д-ром Лазавертом сегодня за 600 руб. по моему поручению: шоферская доха, нечто вроде папахи с наушниками и шоферские перчатки.

Лазаверт облачался во все это при мне и выглядел типичным шофером — хлыщеватым и нахальным. Все купленное он свез до времени в гостиницу «Асторию», в которой живет в дни наших наездов в Петроград.

1 декабря

Сейчас 1 час ночи. Только что из поезда моего уехали великий князь, Юсупов и поручик С.

Мы намечали дальнейшие детали задуманного.

Юсупов и я хотели бы приблизить момент его осуществления и закончить все не позже 12 декабря; но, оказывается, у великого князя Дмитрия Павловича все вечера вплоть до 16 декабря разобраны, а на вечер, который, по словам Юсупова, был более всего подходящим для выполнения нашего плана, у Дмитрия Павловича была назначена какая-то пирушка с офицерами-однополчанами, и ни отменить ее, ни перенести на другой срок великий князь не мог, так как, оказывается, сам назначил день этого собрания, и какая-либо перемена его могла бы вызвать толки.

Из слов Юсупова я понял, что Распутин проявляет чрезвычайное нетерпе-

ние скорее познакомиться с интересующей его дамой и сам напоминает и торопит его по телефону не откладывать дела в долгий ящик.

Юсупов был на днях у Распутина и сообщил ему, что заранее уведомит о дне свидания, но что сейчас еще в точности определить этот день не может, ибо графиня, интересующая Григория Ефимовича, еще не приехала и проедет в Царское Село через Петроград не раньше средних чисел декабря.

«Я заезжал к Распутину,— заявил нам Юсупов,— главным образом для того, чтобы уяснить себе вопрос: оповещает ли вообще Распутин, выезжая в свои ночные похождения, шпикив о месте своего пребывания по ночам, и в частности намерен ли он уведомить их о том, что будет у меня. К сожалению,— добавил князь,— этот вопрос остается для меня и по сейчас открытым, ибо ни сам Распутин, ни его любимая секретарша, фрейлина Головина, почти круглые сутки проводящая у него в квартире, определенного ответа мне не дали».

«Как он к вам относится, Феликс? — спросил Юсупова великий князь.— Вы пользуетесь его доверием?»

Юсупов рассмеялся: «О, вполне! Я вне подозрения. Я ему очень нравлюсь. Он сетует, что я не занимаю административного поста, и обещает сделать из меня большого государственного человека».

«Ну и вы?..» — многозначительно взглянув на Юсупова и затягиваясь папиросой, кинул ему великий князь.

«Я? — потупившись, опустив ресницы и приняв иронически-томный вид, ответил Юсупов.— Я скромно заявил ему, что чувствую себя слишком малым, неопытным и неподготовленным для службы на административном поприще, но что я донельзя польщен столь лестным обо мне мнением известного своею пронизательностью Григория Ефимовича».

Мы все рассмеялись.

— C'est ravissant, mais c'est vraiment ravissant,¹ — несколько раз воскликнул великий князь.

Перед самым концом нашего совещания нами было решено, в целях отвести подозрение шпикив, если таковые будут уведомлены Распутиным о месте его пребывания в вечер посещения им юсуповского дворца, еще сделать следующее: Распутин, как известно, постоянно кутит по ночам в «Вилла Родэ» с женщинами легкого поведения; в этом учреждении он считается завсегдатаем, своим человеком и хорошо известен всей прислуге, посему нами было решено, чтобы в момент, когда великий князь с поручиком С. отправятся после смерти Распутина на вокзал в мой поезд сжигать там одежду убитого, поручик С. из телефонной будки Варшавского вокзала позвонил в «Вилла Родэ», вызвал заведывающего этим учреждением и спросил: прибыл ли уже Григорий Ефимович? Здесь ли он? И в каком кабинете?

Дождавшись ответа — само собой разумеется, должен был последовать отрицательный,— С. кладет трубку, но предварительно, как бы про себя, у трубки и так, чтобы его слышал заведывающий «Вилла Родэ», произносит: «Aga! Так его еще нет, ну, значит, сейчас придет!»

Прodelать это мы признали необходимым на случай, если бы нити исчезновения Распутина привели бы сыск ко дворцу Юсупова.

¹ Это восхитительно (фр.).

У нас был готовый ответ: да, Распутин был здесь, провел с нами часть вечера, а затем заявил, что едет в «Вилла Родэ».

Естественно, что судебные власти обратились бы к администрации «Вилла Родэ» с вопросом: был ли здесь Распутин, и сразу выяснилось бы, что его здесь ожидали, что о нем осведомлялись, что спрашивали, когда он приедет, и если Распутин не приехал, а исчез, то это вина не наша, а самого Григория Ефимовича, который, очевидно, избрал себе сотоварищем для кутежа человека, ни нам, ни полиции неизвестного.

Расходясь, мы решили назначить выполнение нашего плана в ночь с 16 на 17 декабря и, во избежание могущих возникнуть подозрений, собраться еще лишь один раз опять у Юсупова 13 или 14-го декабря, сговорившись между собою по телефону словами: «Ваня приехал»...

7 декабря

Начались заседания экстренного съезда Объединенного дворянства.

Цель занятий: выработка и поднесение всеподданнейшего адреса государю, с указанием на грозную опасность, которой подвергается и династия, и Россия вследствие влияния на все органы государственного управления безответственных темных сил, т. е., иначе говоря, Распутина и всей его придворной и чиновно-бюрократической клики. Жить становится с каждым днем все более и более невыносимо.

Государь совершенно не видит или не хочет видеть той пропасти, в которую толкает родину его злой гений — Александра Федоровна...

9 декабря

В городе передаются самые фантастические слухи о переменах на высших правительственных постах. Сегодня приезжал в Думу, где по рукам уже ходит телеграмма, посланная, как говорят, Распутиным императрице Александре Федоровне, пребывающей в Ставке; апокриф ли эта телеграмма или действительно существует такая, но из уст в уста передается ее текст: «Пока Дума думает да гадает, у Бога все готово: первым будет Иван, вторым назначим Степана». Объясняют это так: Щегловитов намечается Распутиным на пост премьер-министра и Белецкий министром внутренних дел. Так ли это или нет, увидим в ближайшем будущем. Все может быть, ибо каждый день приносит нам все новые и новые сюрпризы.

Александра Федоровна распоряжается Россией, как своим будуаром, но назначаемые на министерские посты благодаря ей и Распутину люди чувствуют себя настолько непрочны, что даже не переезжают на казенные квартиры, а остаются на своих частных.

Наше время напоминает страницы царствования Павла Петровича: никто не может быть уверен в завтрашнем дне, и люди, взысканные милостью сегодня, завтра могут очутиться на улице.

Я не в состоянии без боли видеть все это и мысленно задаю себе вопрос: «Неужели государь не в силах заточить в монастырь женщину, которая губит его и Россию, являясь злым гением русского народа и династии Романовых? Неужели государь не видит, куда она толкает нас? Как дискредитирует она монархический принцип и позорит самое себя, будучи, в чем я уверен, чистой в отношениях своих к Распутину, который сумел околдовать ее лишь на религиозной почве?» А что говорят! «Царь с Егорием, а царица с Григо-

рием» — вот что собственными ушами я слышал вчера в группе молодых солдат, проезжая по Загородному, мимо казарм Семеновского полка. Каково это слышать нам, монархистам, а можно ли наказать пошляка, балагура, говорящего вслух о том, что молча с горечью наблюдают все.

Боже мой! Чем бы я ни занимался, где бы я ни был, с кем бы я ни был, о чем бы я ни говорил — червем точит меня мысль везде и всюду: жив он — этот позор России, каждый час можно ожидать какой-либо новой неожиданности, каждый день он марает все более и более царя и его семью. Уже грязная клевета черни касается, на этой почве, чистых и непорочных великих княжен — царских дочерей, а этот гад, этот хлыст забирает что ни день, то больше и больше силы, назначая и смещая русских сановников и обдывая через шарлатанов, вроде Симановича, вроде князя Михаила Андронникова, свои грязные денежные дела.

Все то чистое и честное, что по временам дерзает возвысить свой голос у царского трона против него, подвергается немедленной немилости и опале. Нет того административного поста, как бы высок он ни был, который гарантировал бы безопасность вельможе, дерзнувшему указать царю на недопустимость дальнейшего влияния Распутина на ход русской политики и государственных дел. Где честнейший и благороднейший А. Д. Самарин, занимавший пост обер-прокурора Святейшего Синода? Он уволен. Он оказался не на месте, ибо не мог мириться с ролью исполнителя распутинской воли; не мог терпеть на епископских постах монахов вроде Варнавы, Мардария и Путяты, и на место его посажен через Распутина какой-то директор женских курсов Раев, темная и совершенно неизвестная личность, а в помощники ему для вершения дел церкви, теми же путями, прошел юродивый князь Жевахов, вся заслуга коего в том, что он успел понравиться Елизавете Федоровне своей брошюрой о святителе Иосафе Горденко, доводящемся Жевахову каким-то дальним родственником по отцовской или материнской линии.

Где начальник дворцовой канцелярии князь Владимир Орлов? Он высказался против Распутина и должен был немедленно покинуть двор.

Где генерал В. Д. Джунковский? Его постигла та же участь, несмотря на тесную близость его к царю.

Где фрейлины княжны Орбелиани и Тютчева, бывшая столько лет воспитательницей великих княжен?

Их нет при дворе, ибо они дерзнули поднять свой голос против Распутина.

В силе лишь тот, кому покровительствует этот гад, и, само собою разумеется, первое место поэтому при дворе занимают Мессалина Анна Вырубова и процелыга-аферист дворцовый комендант Владимир Воейков.

Государь попал совершенно под влияние своей супруги; он считает вмешательством в свои семейные дела всякое напоминание ему со стороны вернейших и честнейших его слуг о тлетворной роли Распутина при дворе. Бог мой, как я понимал при чтении воспоминаний Бисмарка его ненависть к императрице — жене Вильгельма.

Бывший министром путей сообщения Рухлов мне как-то говорил, что, когда однажды он, во время своего доклада в Царском Селе царю, коснулся имени Распутина в связи с каким-то вопросом, государь немедленно перестал его слушать, стал барабанить пальцами по столу и, обернувшись лицом к саду, начал напряженно смотреть в окно.

Рухлов тотчас же понял, что дальнейший разговор в этом направлении

может для него плохо окончиться, и, прервав доклад по поднятому вопросу, связанному с именем Распутина, перешел к другому.

Честность, порядочность, идейность, самоотверженность сейчас не ставят ни в грош, и у власти могут находиться лишь те, которые в лучшем случае способны закрыть глаза на все проделываемое Распутиным и готовы беспрекословно исполнять приказания его чудовищно безграмотных записок, рассылаемых день за днем в огромном количестве по всем ведомствам и административным учреждениям Петрограда, начиная от министров и кончая мелкими чиновниками.

Неисполнение воли Распутина, излагаемой в ультимативном тоне, влечет за собой, в ближайшем будущем, месть хлыста строптивому чиновнику и назначение на его место другого, послушного, податливого и не способного сопротивляться его воле.

Императрица Александра Федоровна, глядящая на все, на всех и на вся глазами Распутина, делит служащих во всех правительственных учреждениях на две группы: «наши» и «не наши».

Первая поощряется всеми мерами, вторую исподволь справляют, замещая опростанные места «нашими».

Принц А. П. Ольденбургский рассказывал на днях, на что он напоролся в Ставке, куда ездил с докладом к государю: прибыв в Могилев, он пожелал быть принятым молодой императрицей, проживающей в дни пребывания своего в Могилеве не во дворце с императором, а в своем поезде на вокзале.

Принц не мог быть принят царицей, ибо она еще спала, несмотря на сравнительно поздний час.

Осведомившись о причине того, почему императрица почивает и не больна ли она, принц получил ответ, что ее величество здорова, но вчера до глубокой ночи занимались с А. Вырубовой государственными делами. Заинтересовавшись, что именно сейчас беспокоит императрицу, старик-принц узнал, что Александра Федоровна с фрейлиной Вырубовой отмечали добрую половину ночи плюсами и минусами по адрес-календарю чинов петроградского бюрократического мира, разделяли их на своих сторонников и противников.

Честный и благородный принц долго не мог прийти в себя от изумления и горечи, удостоверившись, что сообщенное ему было неоспоримым фактом.

Что ждет нас завтра? Вот вопрос, который вправе поднять всякий мало-мальски вдумывающийся в причины той политической абракадабры, которая царит сейчас в России. Я лично впереди просвета не вижу никакого, ибо воля государя скована, а при этом условии не может быть никакой устойчивости в политическом курсе...

10 декабря

Слышал сегодня, что главноуполномоченный Красного Креста при Ставке государя Кауфман-Туркестанский уволен со своего места. Увольнение произошло, говорят, на почве распутинских интриг, ибо императрица Александра Федоровна крайне возмутилась тем, что Кауфман не только сочувственно отозвался государю о моей речи 19-го ноября, но и привез стенограмму ее для прочтения его величеству.

11 декабря

Сегодня заезжал в Думу с целью просить членов Думы осмотреть мой санитарный поезд перед отправлением его на Румынский фронт. Меня неоднократно просили многие из сотоварищей, наслышавшись, как они говорили, хорошего о моих отрядах на фронте, ознакомить их с постановкой у меня дела.

Я пригласил членов Думы пожаловать на Варшавский вокзал в 9 час. утра 17 декабря, когда я вечером собираюсь выехать на фронт.

Выбрал я этот день нарочно, ибо если в ночь на 17-е удастся благополучно покончить с Распутиным, то не может быть ничего лучшего, как через несколько часов после этого, как ни в чем не бывало, показывать мой поезд большому числу людей, интересующихся делом, и иметь возможность отвлечь свои мысли от кошмара пережитой ночи.

Вопрос лишь в том, выдержат ли мои нервы и смогу ли я поспать хоть несколько часов в те часы ночи, которые останутся мне для сна после кончины Распутина и перед посещением поезда членами Думы?

А поезд мой посмотреть стоит: я с гордостью и удовлетворением смотрю на результат моих хлопот по его снабжению, и мне сладко думать, что все это я раздам там, на позициях, на чужбине, родным героям: солдату и офицеру, стоящим на страже русской чести и проводящим бессменно третий год войны бок о бок в тесном братском единении друг с другом, неся равные лишения и живя в одинаковых условиях в суровых окопах...

13 декабря

Сегодня утром звонок в телефон: «Ваня приехал», значит, мы собираемся.

В 10 час. я был у Юсупова, куда приехал с д-ром Лазавертом. Дмитрий Павлович и поручик С. были уже там.

Юсупов доложил нам, что Распутин согласился приехать к нему 16-го вечером и что все идет в этом отношении превосходно.

Мы вновь повторили друг другу выработанный нами план действия, решив, по смерти Распутина, бросить труп его в Старую Невку, где места уединеннее в ночные часы, чем вдоль канала, идущего от Фонтанки к Царскосельскому вокзалу.

В добавление к раньше нами намеченному мы решили поставить большой граммофон в тамбуре, ведущем из гостинной князя, находящейся наверху, к его столовой, куда, по приезде, прямо должен пройти Распутин, помещающийся, как я уже сказал, в полуподвальном этаже дворца.

Граммофон будет поставлен у витой лестницы рупором к ней, и в момент прибытия Распутина во дворец граммофон будет заведен, ибо хотя граммофон и слабое, и приевшееся развлечение, но, тем не менее, развлечение; игрой его будут достигнуты две цели: во-первых, Распутин может подумать, что собравшееся наверху дамское общество слушает музыку и вследствие этого молодая графиня, знакомства с коей он так жаждет, не может к нему тотчас же сойти, а во-вторых, игра граммофона могла бы заглушить наши голоса, если бы мы прослушали стук подъезжающего автомобиля и продолжали бы громко беседовать между собой наверху.

Закусив и выпив чаю, в 11 час. мы разъехались по домам, причем Юсупов перед самым моим отъездом вынул из письменного стола средней величины двухфунтовую каучуковую гирю, подобно тем, коими делают ручную комматную гимнастику.

«Как вам это нравится?» -- спросил меня он.

«А для чего вам это?»

«Так, — заметил он многозначительно, — на всякий случай, этот подарочек я получил от В. А. Маклакова; мало ли что случится!»

«Н-да!» — протянул я.

Мы распрощались, и я уехал.

14 декабря

Сегодня, ввиду предстоящего отъезда на фронт, я перевез мою семью в поезд, ибо на время Рождественских каникул сыновей моих беру санитарями, а жену мою, прошедшую уже курсы сестер милосердия и все прошлое лето состоявшую старшею сестрою на одном из главных пунктов моего отряда, беру работать в качестве сестры милосердия на том перевязочно-питательном пункте, который я развернул в Румынии. Переезд их занял у меня сегодня большую половину дня.

После обеда я распрощался окончательно с моею городской квартирой и занял обычное купе в вагоне моего санитарного поезда.

15 декабря

Д-р Лазаверт, купив кисть и краску защитного цвета, весь день сегодня, облачившись в кожаный фартук, провозился над автомобилем, который будет служить нам завтрашнюю ночь и привезет высокого гостя.

На всех автомобилях моего отряда большими красными буквами стоит написанным мой девиз: «Semper idem»¹. Приходится замазывать надпись, ибо, в противном случае, по этой надписи нити следствия сразу привели бы судебные власти, при случайно неудачливом обороте дела, к Юсуповскому дворцу и к моему поезду.

К вечеру автомобиль оказался в порядке. Завтра придется лишь поднять на нем верх и заблаговременно отпустить по квартирам в город шоферов, под предлогом дать им попрощаться с семьями перед отъездом, назначенным мною на 17-е декабря вечером, а в сущности освободиться от их назойливого любопытства и расспросов о том, куда едет д-р Лазаверт поздно ночью, не желая пользоваться их услугами. И без того сегодня, когда он возился у автомобиля, поездная прислуга, окружив его со всех сторон, то и дело спрашивала его, зачем он вымарывает надпись. Лазаверт очень удачно отбрехался: «Как тронемся в путь, ребята, — сказал он им, — опять надпишем по-старому и будет так, как было, а завтра, ночью еду кутить с... — и он подмигнул, — а потом кататься на острова, и нельзя, чтобы видели автомобиль генерала (т. е. мой) в такой час в неподходящем месте». Любопытные этим удовлетворились и успокоились.

16 декабря

Сейчас 7 час. вечера. Я весь день не выезжал в город, а сидел и читал у себя в купе, ибо распоряжаться уже нечем — поезд готов к отъезду, а видеть посторонних людей мне противно.

В 8 1/2 час. на трамвае поеду на малое заседание городской думы, где просижу, чтобы убить время, до без четверти 12 ночи, когда к думской каланче

¹ Всегда тот же (лат.).

должен подъехать Лазаверт, одетый шофером, с пустым автомобилем, и отсюда я, сев в него, поеду во дворец Юсупова.

Я чувствую величайшее спокойствие и самообладание. На всякий случай беру с собой стальной кастет и револьвер мой, великолепную вещь системы «Sauvage»; кто знает, может быть, придется действовать либо тем, либо другим.

Не знаю почему, но у меня весь день сегодня вертится в голове стих оды Горация:

Tu ne quaesieris, scire nefas, quem mihi, quem tibi, Finem di dederint...
Leuconoe! ¹

Да! Но только там дело шло совсем о другом, а наша Левконоя несколько иного сорта... да! Scire nefas! ² А впрочем, ждать не за горами...

18 декабря

Глубокая ночь. Вокруг меня полная тишина. Плавно качаясь, уносится вдаль мой поезд. Я еду опять на новую работу, в бесконечно дорогой мне боевой обстановке, на далекой чужбине, в Румынии.

Я не могу заснуть; впечатления и события последних 48 часов вихрем проносятся вновь в моей голове, и кошмарная, на всю жизнь незабываемая ночь 16 декабря встает ярко и выпукло перед моим духовным взором.

Распутин уже нет. Он убит. Судьбе угодно было, чтобы я, а не кто иной избавил от него царя и Россию, чтобы он пал от моей руки. Слава Богу, говорю я, слава Богу, что рука великого князя Дмитрия Павловича не обогрета этой грязной кровью — он был лишь зрителем и только.

Чистый, молодой, благородный, царственный юноша, столь близко стоящий к престолу, не может и не должен быть повинен хотя бы и в высоко патриотическом деле, но в деле, связанном с пролитием чьей бы то ни было крови, пусть эта кровь будет и кровью Распутина.

Как ни тяжело, но нужно постараться привести в порядок мои мысли и занести в дневник с фотографической точностью весь ход происшедшей драмы, имеющей столь большое историческое значение.

Как ни тяжело, но постараться воскресить события и занести их на бумагу.

В половине 10-го 16 декабря я покинул мой поезд на Варшавском вокзале и на трамвае отправился в городскую думу.

Подъезжаю и вижу, что зал не освещен; швейцар сообщает мне, что заседание не состоялось за неприбытием законного числа гласных, а прибывшие, подождав, разошлись.

«Братец,— говорю,— мне некуда деваться, открой мне кабинет товарища головы, дай бумаги, я напишу здесь несколько писем, пока приедет за мной автомобиль». Швейцар исполнил мою просьбу, и я около часа времени провел в писании писем некоторым друзьям.

Без четверти 11-ть, т. е. ровно за час до того времени, как я назначил Лазаверту заехать за мной в думу, я запечатал последнее письмо и остался в нерешительности, что мне делать: одеться и выйти на улицу с тем, чтобы

¹ Не спрашивай, не выпытывай, Левконоя, нам знать не дано, какой конец уготовили тебе и мне боги (лат.).

² Знать не дано (лат.).

там ждать автомобиль, было неудобно и могло вызвать какие-либо подозрения, ибо я был в военной форме, и могло показаться странным, что в двенадцатом часу ночи стоит без всякого дела на панели в военной форме озирающаяся фигура.

Я решил оставшееся время провести у телефона и, вызвав приятельницу мою, артистку N., проболтал с нею до начала двенадцатого.

Дальнейшее пребывание в думе было, однако, неудобным и я, одевшись, когда часы на думской каланче пробили четверть двенадцатого, вышел на панель, опустил письма в почтовый ящик и стал гулять по думскому переулку.

Погода была мягкая, мороз не превышал 2°—3°, и порошил редкий мокроватый снег.

Каждая минута мне представлялась вечностью, и мне казалось, что каждый проходивший мимо меня подозрительно меня оглядывает и за мною следит.

Часы пробили половину двенадцатого, я положительно не находил себе места; наконец, без десяти минут двенадцать я увидел вдаль, со стороны Садовой, яркие огни моего автомобиля, услышал характерный звук его машины, и через несколько секунд, сделав круг, д-р Лазаверт остановился на панели.

— Ты опять опоздал! — крикнул я ему.

— Виноват! — ответил он искательным голосом.— Заправляя шину, лопнула по дороге.

Я сел в автомобиль рядом с ним, и, повернув к Казанскому собору, мы проехали по Мойке.

Автомобиля моего решительно нельзя было узнать с поднятым верхом, он ничем не отличался от других, встречавшихся нам по пути.

Согласно выработанному нами плану мы должны были подъехать не к главному подъезду Юсуповского дворца, а к тому, малому, к которому Юсупов намеревался подвезти и Распутина, для чего требовалось предварительно въехать во двор, отделявшийся от улицы железной решеткой, с двумя парами таких же железных ворот, которые, по уговору, должны быть к этому часу открытыми.

Подъезжая ко дворцу, однако, видим, что обе пары ворот закрыты; полагая, что еще рано, мы, не уменьшая хода автомобиля, проехали мимо дворца и там, замедлив ход, сделали круг через площадь Маринского театра и вновь вернулись на Мойку по Прачешному переулку. Ворота оказались опять закрытыми.

Я был вне себя. «Давай к главному подъезду! — крикнул я Лазаверту.— Пройду через парадное, и, когда откроют железные ворота, въедешь и станешь с автомобилем вон у этого малого входа».

Я позвонил. Дверь открыл мне солдат, и я, не сбрасывая шубы, оглянувшись, есть ли еще кто-либо в подъезде (на скамейке сидел еще один человек в солдатской форме, и больше не было никого), повернул в дверь налево и прошел в помещение, занимаемое молодым Юсуповым.

Вхожу и вижу, в кабинете сидят все трое.

— А! — воскликнули они разом.— Vous voilà! ¹ А мы вас уже пять минут как ждем, уже начало первого.

¹ А вот и вы! (фр.)

— Могли бы прождать и дольше,-- говорю,-- если бы я не догадался пройти через главный подъезд. Ведь ваши железные ворота к маленькой двери,-- обратился я к Юсупову,-- по сию минуту не открыты.

— Не может быть,-- воскликнул он,-- я сию же минуту распоряджусь,-- и с этими словами он вышел.

Я разделся. Через несколько минут в шоферском костюме по лестнице со двора вошел д-р Лазаверт и Юсупов.

Автомобиль был поставлен на условленное место, у маленькой двери во дворе, после чего мы впятером прошли из гостиной через небольшой тамбур по витой лестнице вниз в столовую, где и уселись вокруг большого обильно оснащенного пирожным и всякою снедью чайного стола.

Комната эта была совершенно неузнаваема; я видел ее при отделке и изумился умению в такой короткий срок сделать из погребца нечто вроде изящной бомбоньерки.

Вся она была разделена на две половины, из коих одна ближе к камину, в котором ярко и уютно пылал огонь, представляла собою миниатюрную столовую, а другая, задняя, нечто среднее между гостиной и будуаром, с мягкими креслами, изящным диваном, перед коим на полу лежала громадная, исключительной белизны шкура-ковер белого медведя. У стенки под окнами в полумраке был помещен небольшой столик, где на подносе стояло четыре закупоренных бутылки с марсалай, мадерой, хересом и портвейном, а за этими бутылками виднелось несколько темноватого стекла рюмок. На камине, среди ряда художественных старинных вещей, было помещено изумительной работы распятие, кажется мне, выточенное из слоновой кости.

Помещение было сводчатым, в стиле старинных, расписных русских палат.

Мы уселись за круглым чайным столом, и Юсупов предложил нам выпить по стакану чая и отведать пирожных до тех пор, пока мы не дадим им нужной начинки.

Четверть часа, в продолжение коих мы сидели за столом, показались мне целою вечностью, между тем особенно спешить было не к чему, так как Распутин предупредил еще раньше Юсупова, что шпики всех категорий покидают его квартиру после 12-ти ночи, и, следовательно, толкнись Юсупов к Распутину до половины первого, он как раз мог напороться на церберов, охранявших «старца».

Закончив чаепитие, мы постарались придать столу такой вид, как будто его только что покинуло большое общество, вспугнутое от стола прибытием нежданного гостя.

В чашки мы поналивали немного чаю, на тарелочках оставили кусочки пирожного и кекса и набросали немного крошек около помятых нескольких чайных салфеток; все это необходимо было, дабы, войдя, Распутин почувствовал, что он напугал дамское общество, которое поднялось сразу из столовой в гостиную наверх.

Приведя стол в должный вид, мы принялись за два блюда с пти-фурами. Юсупов передал д-ру Лазаверту несколько камешков с цианистым калием, и последний, надев раздобытые Юсуповым перчатки, стал строгать яд на тарелку, после чего, выбрав все пирожные с розовым кремом (а они были лишь двух сортов: с розовым и шоколадным кремом) и отделив их верхнюю половину, густо насыпал в каждое яду, после чего, наложив на них снятые верхушки, придал им должный вид. По изготовлении розовых пирожных

мы перемешали их на тарелках с коричневыми, шоколадными, разрезали два розовых на части и, придав им откусанный вид, положили к некоторым приборам.

Засим Лазаверт бросил перчатки в камин, мы встали из-за стола и, придав некоторый беспорядок еще и стульям, решили подняться уже наверх. Но, помню как сейчас, в эту минуту сильно задымил камин, в комнате стало сразу угарно, и пришлось провозиться по крайней мере еще десять минут с очисткой в ней воздуха. Наконец, все оказалось в порядке.

Мы поднялись в гостиную, Юсупов вынул из письменного стола и передал Дмитрию Павловичу и мне по склянке с цианистым калием в растворенном виде, каковым мы должны были наполнить до половины две из четырех рюмок, стоявших внизу в столовой за бутылками, через двадцать минут после отъезда Юсупова за Распутиным.

Лазаверт облачился в свой шоферский костюм. Юсупов надел штатскую шубу, поднял воротник и, распрощавшись с нами, вышел.

Шум автомобиля дал нам знать, что они уехали, и мы молча принялись расхаживать по гостиной и тамбуру у лестницы внизу.

Было тридцать пять минут первого. Поручик С. пошел проверить, в порядке ли граммофон и наложена ли пластинка, все было на месте.

Как я убил Распутина

III часть

Я вынул из кармана отдавливавший его мой тяжелый «соваж» и положил его на стол Юсупова.

Время шло мучительно долго. Говорить не хотелось. Мы изредка лишь перебрасывались отдельными словами и, посоветовавшись о том, можно ли курить и не дойдет ли дым сигары и папиросы вниз (Распутин не хотел, чтобы сегодня, в день его посещения, у князя Юсупова были гости — мужчины), стали усиленно затягиваться: я сигарой, а С. и Дмитрий Павлович папиросами.

Без четверти час великий князь и я, спустившись в столовую, налили цианистый калий, как было условлено, в две рюмки, причем Дмитрий Павлович выразил опасение, как бы Феликс Юсупов, угощая Распутина пирожными, не съел бы второпях розового и, наливая вино в рюмки, не взял бы по ошибке рюмки с ядом. «Этого не случится, — заметил я уверенно великому князю, — Юсупов отличается, как я вижу, громадным самообладанием и хладнокровием».

Исполнив свое дело, мы вновь поднялись наверх, чутко прислушиваясь малейшим звукам, доходящим с улицы.

«Едут!» — полусшепотом заявил я вдруг, отходя от окна.

Поручик С. кинулся к граммофону, и через несколько секунд раздался звук американского марша «янки-дудль», который и по сей час, по временам, преследует меня.

Еще мгновение, — слышим стук автомобиля уже во дворе, хлопающую дверь автомобиля, топот стряхивающих снег ног внизу и голос Распутина: «Куда, милый?» Засим дверь от столовой закрылась за обоими приехавшими, и через несколько минут снизу по лестнице поднялся к нам д-р Лазаверт в своем

обыкновенном костюме, снявший и оставивший внизу шоферскую доху, папаху и перчатки.

Затаив дыхание, мы прошли в тамбур и стали у перил лестницы, ведущей вниз друг за другом в таком порядке: первым к лестнице я, с кастетом в руках, за мною великий князь, за ним поручик С., последним д-р Лазаверт. Мне трудно определить, сколько времени в напряженнейшем ожидании провели мы в застывших позах у лестницы, стараясь не дышать, не двигаться и вслушиваясь буквально в каждый шорох, происходивший внизу, откуда доносились к нам голоса разговаривавших, то порою в виде односложных звуков, то в связной речи, но расслышать того, что говорилось, мы не могли; полагаю, что мы просто стояли у лестницы не менее получаса, бесконечно заводя граммофон, который продолжал играть все тот же «янки-дудль».

Того, чего мы ожидали, не произошло, а ожидали хлопанья пробок и откупоривания Юсуповым бутылок, стоявших, как я уже сказал, внизу. Это должно было стать показателем, что дело идет на лад и что через несколько минут после того Распутин окажется трупом. Но... время шло, мирная беседа внизу продолжалась, а собеседники, очевидно, не пили и не ели ничего.

Наконец, слышим, дверь снизу открывается. Мы на цыпочках бесшумно кинулись обратно в кабинет Юсупова, куда через минуту вошел и он.

— Представьте себе, господа,— говорит,— ничего не выходит, это животное не пьет и не ест, как я ни предлагаю ему обогреться и не отказываться от моего гостеприимства.

Что делать?

Дмитрий Павлович пожал плечами: «Погодите, Феликс; возвращайтесь обратно, попробуйте еще раз и не оставляйте его одного, не ровен час он поднимется за вами сюда и увидит картину, которую менее всего ожидает, тогда придется его отпустить с миром или покончить шумно, что чревато последствиями».

— А как его настроение? — спрашиваю я у Юсупова.

— Н-неважное,— протягивая, отвечает последний,— можете себе представить, он как будто что-то предчувствует.

— Ну, идите, идите, Феликс! — заторопил Юсупова великий князь.— Время уходит.

Юсупов опять спустился вниз, а мы вновь заняли в том же порядке свои места у лестницы.

Прошло еще добрых полчаса донельзя мучительно уходившего для нас времени, когда, наконец, нам ясно послышалось хлопанье одной за другой пробок, звон рюмок, после чего говорившие до этого внизу собеседники вдруг замолкли.

— Пьют,— прошептал мне над самым ухом Дмитрий Павлович,— ну, теперь уже ждать недолго.

Мы застыли в своих позах, спустившись еще на несколько ступеней по лестнице вниз. Но... прошло еще четверть часа, а мирный разговор и даже порою смех внизу не прекращались.

— Ничего не понимаю,— разведя руками и обернувшись к великому князю, прошептал я ему.— Что он, заколдован что ли, что на него даже цианистый калий не действует!

Дмитрий Павлович пожал плечами.

— Погодите, слышите, вот, кажется, уже внизу что-то неладно.

И действительно, как будто послышался оттуда стон. Но это оказалось aberrацией слуха, и через минуту снизу опять послышалось мирное журчание речи одного из собеседников и односложные слова, по-видимому, со стороны другого.

Мы поднялись по лестнице вверх и всю группу вновь прошли в кабинет, куда через две или три минуты неслышно вошел опять Юсупов, расстроенный и бледный.

— Нет, — говорит, — невозможно. Представьте себе, он выпил две рюмки с ядом, съел несколько розовых пирожных, и, как видите, ничего; решительно ничего, а прошло уже после этого минут, по крайней мере, пятнадцать. Ума не приложу, как нам быть, тем более что он уже забеспокоился, почему графиня не выходит к нему так долго, и я с трудом ему объяснил, что ей трудно исчезнуть незаметно, ибо там наверху гостей не много, но что, по всем вероятностям, минут через десять она уже сойдет; он сидит теперь на диване мрачный и, как я вижу, действие яда сказывается на нем лишь в том, что у него беспрестанная отрыжка и некоторое слюнотечение.

— Господа, что вы посоветуете мне? — закончил Юсупов.

— Возвращайтесь обратно, — заметили мы ему, — яд должен, наконец, сделать свое дело, а если тем не менее действие его окажется безрезультатным, поднимайтесь к нам по прошествии пяти минут обратно, и мы решим, как покончить с ним, ибо время уходит, теперь глубокая ночь и утро может нас застать с трупом Распутина в вашем дворце.

Юсупов медленно вышел и прошел вниз.

В это время я обратил внимание на то, что доктора Лазаверта нет среди нас. Еще несколько раньше я заметил, что этот крепчайшего телосложения человек чувствует себя от волнения положительно дурно: он то нервно шагал по кабинету, апоплексически краснея и в изнеможении опускаясь в глубокое кресло под окном, то хватался за голову, обведа нас все блуждающим взглядом.

— Что с вами, доктор? — спросил я его.

— Мне дурно! — ответил он полушепотом. — У меня чрезвычайно напряжены нервы. Мне кажется, я не выдержу. Я никогда не думал, что я так мало способен держать себя в руках. Поверите ли, меня сейчас может повалить пятилетний ребенок.

Я крайне удивился, ибо за все время пребывания в моем отряде д-ра Лазаверта, неоднократно работавшего на передовых позициях не только под орудийным, но и под пулеметным огнем неприятеля, за что он был награжден двумя георгиевскими крестами, он проявил себя человеком большой выдержки, самообладания и несомненного мужества.

«Да, — подумал я, — храбрость там одно, а здесь совсем другое».

— Где Лазаверт? — спросил я поручика С. по уходе Юсупова.

— Не знаю, — ответил последний, — должно быть, у автомобиля.

«Странно», — подумал я и намеревался уже спуститься за ним, как вдруг увидел его бледным, осунувшимся, входящим в дверь кабинета.

— Доктор, что с вами? — воскликнул я.

— Мне стало дурно, — прошептал он, — я сошел вниз к автомобилю и упал в обморок, к счастью ничком, снег охладил мне голову, и только благодаря этому я пришел в себя. Мне стыдно, В. М., но я решительно ни к чему не го- жусь.

— Доктор, доктор! — проходя в это время мимо нас и качая головой, промолвил Дмитрий Павлович.— Вот не сказал бы.

— Ваше высочество,— разводя руками и как бы извиняясь, ответил Лазаверт,— виноват не я, а моя комплекция.

Мы оставили Лазаверта в покое, предоставив его самому себе, и стали ждать.

Через минут пять Юсупов появился в кабинете в третий раз:

— Господа,— заявил он нам скороговоркой,— положение все то же: яд на него не действует или ни к черту не годится; время уходит, ждать больше нельзя; решим, что делать. Но нужно решать скорее, ибо гад выражает крайнее нетерпение тому, что графиня не приходит, и уже подозрительно относится ко мне.

— Ну что ж,— ответил великий князь,— бросим на сегодня, отпустим его с миром, может быть, удастся сплавить его как-нибудь иначе в другое время и при других условиях.

— Ни за что! — воскликнул я.— Неужели вы не понимаете, ваше высочество, что, выпущенный сегодня, он ускользнет навсегда, ибо разве он поедет к Юсупову завтра, если поймет, что сегодня был им обманут. Живым Распутин отсюда,— отчеканивая каждое слово, полушепотом продолжал я,— выйти не может, не должен и не выйдет.

— Но как же быть? — заметил Дмитрий Павлович.

— Если нельзя ядом,— ответил я ему,— нужно пойти ва-банк, в открытую, спуститься нам или всем вместе, или предоставьте мне это одному, я его уложу либо из моего «соважа», либо размозжу ему череп кастетом. Что вы скажете на это?

— Да,— заметил Юсупов,— если вы ставите вопрос так, то, конечно, придется остановиться на одном из этих двух способов.

После минутного совещания мы решили спуститься вниз всем и предоставить мне уложить его кастетом, а Лазаверту, на всякий случай, Юсупов в руки сунул свою каучуковую гирю, хотя первый и заявил ему, что он едва ли будет в состоянии что-либо сделать, ибо так слаб, что еле передвигает ноги.

Приняв это решение, мы гуськом (со мною во главе) осторожно двинулись к лестнице и уже спустились было к пятой ступеньке, когда внезапно Дмитрий Павлович, взяв меня за плечо, прошептал мне на ухо: «Attendez, un moment»¹ и, поднявшись вновь назад, отвел в сторону Юсупова. Я, С. и Лазаверт прошли обратно в кабинет, куда немедленно вслед за нами вернулись Дмитрий Павлович и Юсупов, который мне сказал:

— В. М., вы ничего не будете иметь против того, чтобы я его застрелил, будь что будет. Это и скорее, и проще.

— Пожалуйста,— ответил я,— вопрос не в том, кто с ним покончит, а в том, чтобы покончить и непременно этой ночью.

Не успел я произнести эти слова, как Юсупов быстрым решительным шагом подошел к своему письменному столу и, достав из ящика его браунинг небольшого формата, быстро повернулся и твердыми шагами направился по лестнице вниз.

Мы молча кинулись вслед за ним и стали на старые позиции, поняв, что сейчас уже ждать придется недолго.

¹ Подождите минуту (фр.).

Действительно, не прошло и пяти минут с момента ухода Юсупова, как после двух или трех отрывочных фраз, произнесенных разговаривавшими внизу, раздался глухой звук выстрела, вслед за тем мы услышали продолжительное... а-а-а! — и звук падающего на пол тела.

Не медля ни одной секунды, все мы, стоявшие наверху, не сошли, а буквально кубарем слетели по перилам лестницы вниз, толкнувши стремительно своим напором дверь столовой: она открылась, но кто-то из нас зацепил штепсель, отчего электричество в комнате сразу потухло.

Ощупью, ошарив стенку у входа, мы зажгли свет, и нам представилась следующая картина: перед диваном, в части комнаты, в гостиной, на шкуре белого медведя лежал умирающий Григорий Распутин, а над ним, держа револьвер в правой руке, заложенной за спину, совершенно спокойным, стоял Юсупов, с чувством непередаваемой гадливости глядявываясь в лицо им убитого «старца».

Крови не было видно: очевидно, было внутреннее кровоизлияние, и пуля попала Распутину в грудь, но, по всем вероятностям, не вышла.

Первым заговорил великий князь, обратившись ко мне.

— Нужно снять его поскорее с ковра, на всякий случай, и положить на каменные плиты пола, ибо, чего доброго, просочится кровь и замарает шкуру, давайте снимем его оттуда.

Дмитрий Павлович взял убитого за плечи, я поднял его за ноги, и мы бережно уложили его на пол ногами к уличным окнам и головою к лестнице, через которую вошли.

На ковре не оказалось ни единой капли крови, он был только немного примят упавшим телом.

Молча окружили мы затем труп убитого, которого я сейчас увидел в первый раз в жизни и которого знал до этой минуты только по фотографиям, из коих одну большую карточку, где Распутин был изображен в кругу своих поклонников из среды петроградской придворной аристократии за чайным столом, полученную мною от командира 3-го стрел. гвард. полка генерала А. П. Усова, я переснял в большом количестве экземпляров и с оскорбительною надписью для его поклонников, коих фамилии подписал на карточках, роздал в конце ноября членам Государственной Думы и разослал по редакциям всех петроградских газет.

Сейчас я стоял над этим трупом, и меня волновали самые разнообразные и глубокие чувства; но первым из них, как теперь помню, было чувство глубочайшего изумления перед тем, как мог такой, на вид совершенно обыденный и отвратительный, типа Силена или Сатира, мужик влиять на судьбы России и на ход жизни великого народа, страна коего, в сущности, представляет часть света, а не государство.

Чем околдовал ты, негодяй, думал я, и царя, и царицу?

Как завладел ты царем до такой степени, что твоя воля стала его волею; что ты был фактическим самодержавцем в России, обратив помазанника Божьего в послушного, беспрекословного исполнителя твоей злонамеренной воли и твоих хищнических appetitов? И стоя здесь, над этим трупом, я невольно припомнил рассказ Юсупова о том, чем угощал царя, через посредство своего приятеля, тибетского лекаря Бадмаева, Распутин.

— Зачем ты, Феликс,— сказал как-то раз Распутин Юсупову,— не бываешь у Бадмаева. Нужный он человек, полезный человек, ты иди к нему, милой,

больно хорошо он лечит травочкой, все только травочкой своею. Даст он тебе махонькую, ма-ахонькую рюмочку настойки из травушки своей, и у —! ух —! как бабы тебе захочется, а есть у него и другая настоечка, и того меньше рюмочку даст он тебе, попьешь ты этой настоечки в час, когда на душе у тебя смутно, и сразу тебе все пустяком покажется, и сам сделаешься ты такой добренький, до-обренький, такой глу-упенький, и будет тебе все равным-равно.

Не этой ли настойкою, думал я, стоя над трупом Распутина, угощал ты в последнее время постоянно русского царя, отдавшего бразды правления над великой Россией и над своим народом Змею Горынычу — роковой для России женщине, супруге своей Александре Федоровне, возомнившей себя второю Екатериною Великою, а тебя, государь, приравнявшей к Петру III и не постеснявшейся в письме своем к великой княгине Виктории Федоровне написать ей, что бывают моменты в истории жизни народов, когда при слабости законных их правителей женщины берутся за кормило правления государством, ведомым по уклону мужскою рукою, и что Россия такие примеры знает...

Я стоял над Распутиным, впившись в него глазами.

Он не был еще мертв: он дышал, он агонизировал.

Правой рукою своею прикрывал он оба глаза и до половины свой длинный, ноздреватый нос; левая рука его была вытянута вдоль тела; грудь его изредка высоко подымалась, и тело подергивали судороги. Он был шикарно, но по-мужицки одет: в прекрасных сапогах, в бархатных навыпуск брюках, в шелковой, богато расшитой шелками, цвета крем рубахе, подпоясанной малиновым с кистями толстым шелковым шнурком.

Длинная черная борода его была тщательно расчесана и как будто блестела или лоснилась даже от каких-то специй.

Не знаю, сколько времени простоял я здесь; в конце концов раздался голос Юсупова: «Ну-с, господа, идемте наверх, нужно кончать начатое». Мы вышли из столовой, погасив в ней электричество и притворив слегка двери.

В гостиной, поочередно поздравив Юсупова с тем, что на его долю выпала высокая честь освобождения России от Распутина, мы заторопились окончанием нашего дела.

Был уже четвертый час ночи, и приходилось спешить.

Поручик С. наскоро облачился поверх своей военной шинели в шикарную меховую шубу Распутина, надел его боты и взял в руки его перчатки; вслед за ним Лазаверт, уже несколько оправившийся и как будто успокоившийся, облачился в шоферское одеяние, и оба они, предводительствуемые великим князем Дмитрием Павловичем, сели на автомобиль и уехали на нем к моему поезду с тем, чтобы сжечь одежду Распутина в моем классном вагоне, где к этому часу должна была топиться печь, после чего им полагалось на извозчике доехать до дворца великого князя и оттуда на его автомобиле приехать за телом Распутина в Юсуповский дворец.

Мы с Феликсом Юсуповым остались вдвоем, и то ненадолго: он через тамбур прошел на половину своих родителей, коих в Петрограде, как кажется, в это время не было, а я, закулив сигару, стал медленно прохаживаться у него в кабинете наверху, в ожидании возвращения уехавших соучастников, с коими предполагалось вместе увязать труп в какую-либо материю и перетащить на автомобиль великого князя.

Не могу определить, долго ли продолжалось мое одиночество, знаю только, что я чувствовал себя совершенно спокойным и даже удовлетворенным, но

твердо помню, как какая-то внутренняя сила толкнула меня к письменному столу Юсупова, на котором лежал вынутый из кармана мой «соваж», как я взял его и положил обратно, в правый карман брюк, и как вслед за сим, под давлением той же неведомой мне силы, я вышел из кабинета, дверь от коего в тамбур была закрыта, и очутился в тамбуре совершенно без всякой цели.

Не успел я войти в этот тамбур, как мне послышались чьи-то шаги уже внизу у самой лестницы, затем до меня долетел звук открывающейся в столовую, где лежал Распутин, двери, которую вышедший, по-видимому, не прикрыл.

«Кто бы это мог быть?» — подумал я, но мысль моя не успела еще дать себе ответа на заданный вопрос, как вдруг раздался дикий, нечеловеческий крик, показавшийся мне криком Юсупова: «Пуришкевич, стреляйте, стреляйте, он жив! он убегает!»

А-а!.. и снизу стремглав бросился вверх по лестнице кричавший, оказавшийся Юсуповым; на нем буквально не было лица; прекрасные большие голубые глаза его еще увеличились и были навывкате; он в полусознательном состоянии, не видя почти меня, с обезумевшим взглядом, кинулся к выходной двери на главный коридор и пробежал на половину своих родителей, куда я его видел уходящим, как я уже сказал, после отъезда на вокзал великого князя и поручика С.

Одну секунду я остался оторопевшим, но до меня совершенно ясно стали доноситься снизу чьи-то быстрые грузные шаги, пробиравшиеся к выходной двери во двор, т. е. к тому подъезду, от которого недавно отъехал автомобиль.

Медлить было нельзя ни одного мгновения, и я, не растерявшись, выхватил из кармана мой «соваж», поставил его на «feu»¹ и бегом спустился по лестнице.

То, что я увидел внизу, могло бы показаться сном, если бы не было ужасною для нас действительностью: Григорий Распутин, которого я полчаса тому назад созерцал при последнем издыхании, лежащим на каменном полу столовой, переваливаясь с боку на бок, быстро бежал по рыхлому снегу во дворе дворца вдоль железной решетки, выходящей на улицу, в том самом костюме, в котором я видел его почти бездыханным.

Первое мгновение я не мог поверить своим глазам, но громкий крик его в ночной тишине на бегу: «Феликс, все скажу царице!» — убедил меня, что это он, что это Григорий Распутин, что он может уйти благодаря своей феноменальной живучести, что еще несколько мгновений, и он очутится за воротами на улице, где, не называя себя, обратится к первому, случайно встретившемуся прохожему с просьбой спасти его, так как на его жизнь покушаются в этом дворце, и... все пропало. Естественно, что ему помогут, не зная, кого спасают, он очутится дома на Гороховой, и мы раскрыты.

Я бросился за ним вдогонку и выстрелил.

В ночной тишине чрезвычайно громкий звук моего револьвера пронесся в воздухе — промах.

Распутин поддал ходу; я выстрелил вторично на бегу — и... опять промахнулся.

Не могу передать того чувства бешенства, которое я испытал против себя в эту минуту.

Стрелок более чем приличный, практиковавшийся в тире на Семеновском

¹ Огонь (фр.).

плацу беспрестанно и попадавший в небольшие мишени, я оказался сегодня неспособным уложить человека в 20-ти шагах.

Мгновения шли... Распутин подбежал уже к воротам, тогда я остановился, изо всех сил укусил себя за кисть левой руки, чтобы заставить себя сосредоточиться, и выстрелом (в третий раз) попал ему в спину. Он остановился, тогда я, уже тщательно прицелившись, стоя на том же месте, дал четвертый выстрел, попавший ему, как кажется, в голову, ибо он снопом упал ничком в снег и задергал головой. Я подбежал к нему и изо всей силы ударил его ногою в висок. Он лежал с далеко вытянутыми вперед руками, скребя снег и как будто бы желая ползти вперед на брюхе; но продвигаться он уже не мог и только лязгал и скрежетал зубами.

Я был уверен, что сейчас его песня действительно спета и что больше ему не встать.

Простояв над ним минуты две и убедившись в том, что сторожить его больше бесполезно, я быстрыми шагами направился обратно через ту же маленькую дверь во дворец, но помню ясно, что в промежутки моей стрельбы по Распутину по панели на улице прошло два человека, из коих второй, услышав выстрел, кинулся в сторону от решетки и побежал.

«Что делать? что делать?» — твердил я себе вслух, пройдя в гостиную. Я один; Юсупов невменяем; прислуга в дело не посвящена; труп лежит там у ворот, каждую минуту может быть замечен случайным прохожим, и пойдет история. Мне самому не втащить его, ибо одна мысль о возможности прикоснуться к Григорию Распутину вызывала во мне отвращение и гадливое чувство, но медлить было нельзя.

Нет, решил я, раз дело пошло не так, как мы рассчитывали сначала, то и дальше должно пойти своим путем. Положим, выстрел Юсупова в комнатах прислуга могла не слышать, но нельзя допустить мысли, чтобы два солдата, сидящие в передней у главного входа, могли не услышать четырех громчайших выстрелов во дворе из моего «соважа», и я быстрыми шагами направился через тамбур к главному подъезду.

При виде меня два сидевшие там солдата сразу вскочили.

— Ребята, — обратился я к ним, — я убил... — При этих словах они как-то вплотную придвинулись ко мне, как бы желая схватить, — ...я убил, — повторил я, — убил Гришку Распутина, врага России и царя. — При последних моих словах один из солдат, взволновавшись до последней степени, бросился меня целовать, а другой промолвил: «Слава Богу, давно следовало».

— Друзья, — заявил я, — князь Феликс Феликсович и я надеемся на полное ваше молчание. Вы понимаете, что, раскройся дело, царица нас за это не похвалит. Сумеете ли вы молчать?

— Ваше превосходительство, — с укоризной обратились ко мне оба, — мы русские люди, не извольте сомневаться, выдавать не станем.

Я обнял и поцеловал того и другого и попросил их немедленно оттащить труп Распутина от решетки во двор и втянуть его в маленькую переднюю, что находилась у лестницы перед входом в столовую.

Распорядившись этим и узнав, куда прошел Юсупов, я направился к нему, чтобы успокоить.

Я застал его в ярко освещенной уборной, маклонившимся над умывальной чашкой, он держался руками за голову и без конца отплевывался.

— Голубчик! что с вами, успокойтесь, его уже больше нет! Я с ним покон-

чил! Идем со мною, милый, к вам в кабинет.— Испытывавший, очевидно, тошноту, Юсупов посмотрел на меня блуждающим взглядом, но повиновался, и я, обняв его за талию, бережно повел на его половину.

Он шел, все время повторяя: «Феликс, Феликс, Феликс, Феликс...»

Очевидно, что-то произошло между ним и Распутиным в те короткие мгновения, когда он спустился к мнимому мертвецу в столовую, и это случившееся сильно запечатлелось в его мозгу.

Мы проходили через тамбур как раз в то время, когда солдаты Юсупова втаскивали труп в переднюю там у лестницы, вниз.

Юсупов, увидев, над кем они возятся, выскользнул от меня, бросился в кабинет, схватил с письменного стола резиновую гирю, данную ему Маклаковым, и, повернувшись обратно, бросился вниз по лестнице к трупу Распутина. Он, отравлявший его и видевший, что яд не действует; стрелявший в него и увидевший, что его и пуля не взяла, очевидно, не хотел верить в то, что Распутин уже мертвое тело, и, подбежав к нему, стал изо всей силы бить его двухфунтовой резиной по виску, с каким-то диким остервенением и в совершенно неестественном возбуждении.

Я, стоявший наверху у перил лестницы, в первое мгновение ничего не понял и оторопел, тем более что и к моему глубочайшему изумлению Распутин даже и теперь еще, казалось, подавал признаки жизни.

Перевернутый лицом вверх, он хрипел, и мне совершенно ясно было видно сверху, как у него закатился зрачок правого, открытого, глаза, как будто глядевшего на меня бессмысленно, но ужасно (этот глаз я и сейчас вижу перед собою).

Но вслед за сим я пришел в себя и крикнул солдатам скорее оттащить Юсупова от убитого, ибо он может забрызгать кровью и себя и все вокруг и в случае обысков следственная власть даже без полицейских собак по следам крови раскроет дело.

Солдаты повиновались, но им стоило чрезвычайных усилий оттянуть Юсупова, который как бы механически, но с остервенением, все более и более возраставшим, колотил Распутина по виску.

Наконец князя оттащили. Оба солдата под руки подняли его наверх и всего сплошь забрызганного кровью опрометчиво усадили на глубокий кожаный диван в кабинете.

На него страшно смотреть, до такой степени ужасен был его вид и со стороны внешней, но и со стороны внутренней, с блуждающим взглядом, с подергивающимся лицом и бессмысленно повторявшим: — Феликс, Феликс, Феликс, Феликс!..

Я приказал солдатам поскорее достать где-нибудь материи, обернуть ею плотнее труп с головы до ног и туго связать его, спеленатого веревкой.

Один из них принялся за исполнение моего приказа, а другого я позвал через несколько минут наверх и, услышав от него, что стоявший на посту, на углу Прачешного и Максимилиановского переулков, городской, приходивший осведомиться о том, почему здесь стрельба, через полчаса будет сменен другим и должен будет доложить своему начальству обо всем произошедшем в его районе во время дежурства, приказал позвать его к себе.

Через десять минут городской был введен солдатом в кабинет. Я быстро окинул его взглядом с ног до головы и сразу понял, что это тип служаки

старого закала и что я допустил ошибку, позвав его к себе; но делать было нечего, приходилось считаться со случившимся.

«Служивый! — обратился я к нему. — Это ты заходил несколько времени тому назад справиться о том, что случилось и почему стреляют?»

«Так точно, ваше превосходительство!» — ответил он мне.

«Ты меня знаешь?»

«Так точно, — ответил он вновь, — знаю».

«Кто же я такой?»

«Член Государственной Думы Владимир Митрофанович Пуришкевич».

«Верно! — заметил я. — А этот барин тебе знаком?» — указал я на сидевшего в том же состоянии князя Юсупова.

«И их знаю», — ответил мне городовой.

«Кто это?»

«Его сиятельство князь Юсупов».

«Верно! Послушай, братец, — продолжал я, положив ему на плечо руку. — Ответь мне по совести: ты любишь батюшку царя и мать Россию; ты хочешь победы русскому оружию над немцем?»

«Так точно, ваше превосходительство, — ответил он. — Люблю царя и отечество и хочу победы русскому оружию».

«А знаешь ли ты, — продолжал я, — кто злейший враг царя и России, кто мешает воевать, кто нам сажает Штурмеров и всяких немцев в правители, кто царицу в руки забрал и через нее расправляется с Россией?»

Лицо городского сразу оживилось.

«Так точно, — говорит, — знаю, Гришка Распутин».

«Ну, братец, его уже нет: мы его убили и стреляли сейчас по нем. Ты слышал; но можешь сказать, если тебя спросят: „знать не знаю и ведать не ведаю“. Сумеешь ли ты нас не выдать и молчать?»

Он призадумался. «Так что, ваше превосходительство, если спросят меня не под присягою, то ничего не скажу, а коли на присягу поведут, тут, делать нечего, раскрою всю правду. Грех соврать будет».

Я понял, что всякие разговоры не приведут ни к чему, и, узнав от него, что дежурство его кончается через полчаса и что полицеймейстером этого района является полковник Григорьев, человек, насколько я знал, очень порядочный и хорошей семьи, я отпустил его с миром, решив положиться на судьбу в дальнейшем.

Вошел солдат и доложил мне, что труп уже упакован.

Я спустился посмотреть: тело было плотно запеленато в какую-то синюю материю; мне показалось даже, что это была оконная занавеска, туго перевязанная веревкой; голова была закрыта. Теперь я увидел, что Распутин несомненно труп и ожить уже не может.

Делать было нечего, приходилось терпеливо дожидаться возвращения великого князя, Лазаверта и поручика С., и я, поднявшись в последний раз в кабинет Юсупова и передав его в руки слуг с просьбой помочь ему немедленно обмыться, переодеться с ног до головы и переобуться, сел в кресло и стал ждать.

Минут через пять послышался стук автомобиля и великий князь со своими спутниками быстро поднялись по лестнице со двора в кабинет.

Дмитрий Павлович был почти в веселом настроении; но, взглянув на меня, понял, что что-то случилось.

— Qu est ce, que est arrive?¹ — озираясь вокруг, спросил он меня. Я в двух словах разъяснил приехавшим, в чем дело, прося торопиться, но последняя просьба моя была излишней: они сами поняли, что медлить было нельзя ни одной минуты, и мы, поручив Юсупова попечениям одного из солдат, втащили труп Распутина в автомобиль великого князя, туда же положили две двухпудовые гири и цепи, привезенные мною в квартиру Юсупова этой ночью, и, усевшись в автомобиль, двинулись к месту условленного потопления трупа убитого.

Теперь шофером был великий князь, рядом с ним поместился поручик С., а в карету сели с правой стороны д-р Лазаверт, с левой я, а на трупе уместился второй солдат из слуг Юсупова, коего мы решили взять с целью помочь нам сбросить в прорубь тяжелое тело.

Уже в пути я заметил, что в карете оказалась и шуба Распутина, и его боты.

— Почему это не сожжено в поезде, — спросил я д-ра Лазаверта, — как было условлено, и вы все это привезли обратно?

— Потому, — ответил он, — что шуба целиком в печь не влезла, само собою разумеется, а ваша жена сочла невозможным заняться распарыванием и разрезыванием этой шубы на части и сжиганием ее по кускам. У нее даже на этой почве вышло столкновение с Дмитрием Павловичем, и шубу и боты так и пришлось привезти обратно. Мы сожгли его верхнюю поддевку, перчатки и, не помню, еще что-то.

— Шубу и галоши придется выбросить с трупом в воду, — добавил он.

— А вы протелефонировали, господа, — спросил я его вновь, — в «Вилла Родэ», согласно уговору?

— Да, конечно, — ответил он, — это сделано.

Мы замолкли и в таком состоянии продолжали наш путь.

Автомобиль по городу шел сравнительно медленно. Час был очень поздний, и великий князь, очевидно, опасался быстрою ездой возбудить какие-либо подозрения полиции.

Окна автомобиля были спущены. Свежий морозный воздух бодряще действовал на меня. Я был совершенно покоен, несмотря на все пережитое, но мысли одна за другой, все вертевшиеся вокруг Распутина и его прошлого и тех усилий, которые употреблялись даже членами императорской фамилии для избавления царя от этого гада, мысли отчетливые и ясные и картины этой борьбы против Распутина вихрем проносились в моей голове.

Я вспомнил мое посещение великого князя Николая Михайловича в начале ноября, тотчас же по возвращении моем с фронта, — посещение, опять-таки связанное с именем Распутина. Я вспомнил, как редактор «Историч. Вестника» Глинский, позвонив мне по телефону, передал приглашение великого князя Николая Михайловича приехать к нему в любой день и час, когда мне это будет удобно; вспомнил, как я боролся с самим собою: ехать или не ехать, ибо великий князь Николай Михайлович, в своих исторических трудах выставлявший в крайне неприглядном виде своих царственных дедов и прадедов и мавший их, мне казался крайне несимпатичным.

Но я решил, назначил день моего визита и поехал.

Меня встретил в кабинете дряхлеющий лев в генерал-адъютантских погонах, говоривший почему-то с восточным акцентом и с первых же слов

¹ Что случилось? (фр.)

остановившийся на ужасном положении, в которое поставлена Россия и династия Романовых благодаря исключительному влиянию на царя через Александру Федоровну Распутина.

Я поразился откровенностью великого князя, с которым познакомился лишь сейчас, в момент, когда к нему вошел; но, видимо, у него в душе накопело слишком много и он хотел проверить себя и свое настроение по настроению других русских людей, иных взглядов даже и направлений, чем его собственное (я узнал потом от Юсупова, который у него завтракал в этот день, что через два часа после моего визита у него был с визитом Бурцев).

Он говорил сам почти все время, не останавливаясь, изредка вопросительным взглядывая на меня, отвечавшего ему либо одобрительным наклоном головы, либо коротким «да», «верно», «конечно», «так».

— Вы знаете, В. М.,— говорил великий князь,— что почти вся наша семья Романовых подала государю записку о Распутине, прося взять бразды правления над Россией в свои руки и прекратить вмешательство в государственные дела императрицы Александры Федоровны, во всем инспирируемой этим хлыстом; из записки, как и следовало ожидать, конечно, ничего не вышло. Я ее даже не подписал, ибо видел ее бесцельность и понял, что записка специальная только по этому вопросу не даст результатов для дела, а приведет к плачевным результатам для подписавших.

Я сделал иначе: получив серьезное поручение от государя и выполнив его, я написал доклад по существу порученного мне дела и в этом докладе ярко и выпукло, но как бы между прочим, указал на весь ужас современных общественных настроений России, с которыми хорошо знаком,— настроений, являющихся следствием распутинского над Россией «радения» и вмешательства во все дела чужой нации и России царской жены. Написав доклад,— продолжал великий князь,— я, в бытность государя в Петрограде, попросил его назначить мне день для личного и устного ему его изложения, добавив царю: боюсь, однако, что после моего доклада ты прикажешь арестовать меня и выслать подальше от столицы с казаками.

«Разве доклад так страшен у тебя,— ответил мне государь, назначая день,— ну что делать, прослушаем, надеюсь, все обойдется мирно». И я ему доложил, а в результате — ко мне немилость, опала и полное охлаждение. Хотите,— закончив рассказ, обратился великий князь,— я вам прочту этот доклад?

Я выразил желание его прослушать, и Николай Михайлович прочел мне небольшую, но очень сильно и резко написанную записку, в коей обращалось внимание государя на то, что в случае дальнейшего вмешательства Александры Федоровны и Распутина в государственные дела династии грозит гибель, а Российской Империи — катастрофа.

Я вспомнил, что, когда великий князь кончил чтение записки, я несколько минут, под впечатлением прослушанного, сидел как загнипнотизированный и пришел в себя только после того, как великий князь, предлагая мне сигару, добавил: «Вы знаете, этот доклад я представил императрице Марии Федоровне, находящейся в Киеве, через князя Шервашидзе, и хотите знать о нем мнение матери-царицы? Вот оно,— и, порывшись в бумагах, великий князь дал прочесть мне телеграмму. В ней стояло только три слова французскими буквами и подпись: «браво, браво, браво! Мария».— Но осторожный Шервашидзе,— добавил великий князь,— по-видимому, боялся оставить среди бумаг старой царицы столь компрометирующую бумагу, как моя записка, и вот при этом

письме ко мне (Николай Михайлович протянул мне письмо Шервашидзе), выражающем опасение, что я могу остаться без нужного для меня документа, возвратил мне мою записку, вызвавшую столь яркое сочувствие и одобрение мне со стороны царицы-матери...»

Вот что припомнилось мне сейчас в карете, когда в ногах моих лежал бездыханный труп «старца», которого мы увозили к месту его вечного упокоения.

Я выглянул в окошко. Мы выехали уже за город, о чем говорили окружающие дома и бесконечные заборы. Освещение вокруг было крайне скудное. Дорога стала скверной, попадались ухабы, на которых лежавшее у наших ног тело подпрыгивало, несмотря на сидевшего на нем солдата, и я чувствовал, как по мне пробегала нервная дрожь всякий раз, когда на ухабе моего колена касался мягкий и еще не успевший, несмотря на мороз, окончательно застыть отвратительный для меня труп.

Наконец вдаль показался мост, с которого мы должны были сбросить в прорубь тело Распутина.

Дмитрий Павлович замедлил ход, въехал на мост с левой стороны и остановился у перил.

Яркие фонари у автомобиля на одно мгновение ударили снопом своего света в сторожевую будку, находившуюся на той стороне моста справа, но вслед за сим великий князь потушил огонь, и даль очутилась во мраке. Мотор машины продолжал стучать на месте.

Бесшумно, с возможно быстротой открыв дверцы автомобиля, я выскочил наружу и встал у самых перил, за мною последовали солдат и д-р Лазаверт; к нам подоспел сидевший рядом с великим князем поручик С., и мы вчетвером (Дмитрий Павлович стоял перед машиной настороже), раскачав труп Распутина, с силой бросили его в прорубь, бывшую у моста, позабыв привязать к трупу цепями гири, каковые побросали вслед за трупом впопыхах одну за другой, а цепи засунули в шубу убитого, каковую тоже бросили в ту же прорубь. Засим, обшарив впотьмах автомобиль и найдя в нем один из ботов Распутина, д-р Лазаверт швырнул его также с моста.

Все это было делом не более двух-трех минут, после чего в автомобиль сели д-р Лазаверт, поручик С. и солдат, а я уместился рядом с Дмитрием Павловичем, и мы зажгли опять огонь в автомобиле и двинулись через мост дальше.

Как мы не были замечены на мосту, представляется мне и по сей день донельзя удивительным, ибо, проезжая мимо будки, мы заметили около нее сторожа, который, однако, спал крепким сном и не проснулся, по-видимому, даже в тот момент, когда, въехав на мост с трупом, мы внезапно осветили его будку и направили свет фонарей и на него самого.

Проехав мост, великий князь пустил автомобиль быстрее, но машина была у него не в порядке, мотор давал перебои, и приходилось даже несколько раз останавливаться, ибо машина не хотела двигаться вперед.

Д-р Лазаверт в таких случаях соскакивал, возился у свечек автомобиля, прочищал их, и мы кое-как вновь пускались в путь.

Последняя починка и остановка случилась с нами на Каменноостровском проспекте, почти наспротив Петропавловской крепости, где, починившись, мы двинулись уже скорее и благополучно прибыли во дворец Сергея Александровича, где проживал Дмитрий Павлович.

По дороге я рассказал великому князю обо всем, что произошло во дворце Юсупова в часы, когда Дмитрий Павлович уехал сжигать вещи убитого, и, закончив свой рассказ, сказал ему: — А вы знаете, Дмитрий Павлович, я считаю большой ошибкой с нашей стороны то, что мы кинули труп в воду, а не оставили его где-нибудь на виду. Мне кажется, что могут появиться лже-Распутины, т. к. это ремесло довольно выгодное.

— Может быть, вы и правы,— заметил великий князь,— но ведь сделанного не переделаешь.

Въехав в ворота дворца, мы, выходя из автомобиля, к крайнему изумлению нашему, нашли в нем второй не замеченный нами бот Распутина и усмотрели на ковре, устилавшем автомобиль, пятна просочившейся крови убитого.

Великий князь приказал своей прислуге, встретившей нас у крыльца и производившей на меня впечатление посвященной во все дело, сжечь ковер и галоши Распутина, после чего поручик С., д-р Лазаверт и я распрощались с Дмитрием Павловичем и, выйдя из дворца, на двух извозчиках отправились на Варшавский вокзал: поручик С. забрать оттуда свою жену, которая в течение этой ночи находилась у моей жены, а я и д-р Лазаверт уснуть в течение тех нескольких часов, которые оставались нам до посещения моего поезда с целью его осмотра членами Государственной Думы, которые должны были прибыть на вокзал в 9 часов утра.

Был уже 6-й час утра, когда, рассчитавшись с извозчиком на мосту Варшавского вокзала, мы пробрались к своему вагону, нас никто не заметил, все вокруг спало мертвым сном.

В коридоре вагона при виде нас мелькнула белая, сестринская косынка моей жены, ожидавшей нашего возвращения, и мы бесшумно проскользнули каждый в свое купе, где я тотчас же заснул, не раздеваясь!

Еще не было половины девятого в день 17-го декабря, когда, кто бы сказал, свежие и бодрые, несмотря на проведенную ночь, мы с доктором Лазавертом, расставив дневальных санитаров у вагонов, стали поджидать думских гостей; они явились в начале десятого с А. С. Шингаревым, как врачом, во главе, и детальнейший осмотр поезда длился почти до полудня, причем оба мы давали гостям все нужные разъяснения, характеризуя работу наших отрядов.

В начале первого члены Государственной Думы уехали, а я, сев на автомобиль, заехал к матери попрощаться да заехал в Государственную Думу, чтоб послать телеграмму в Москву В. Маклакову: «Когда приезжаете?», обозначавшую, как было обусловлено, что «Распутин убит».

Из Государственной Думы я проехал во дворец принца Ольденбургского, с целью увидеть управляющего его канцелярией генерала Кочергина, и, наконец, в четвертом часу заехал еще на Инженерную, в главное управление Креста, чтобы встретиться с управляющим его делами — Чаманским.

Все эти визиты, изыскивая для них предлог, я, не нуждавшийся уже решительно ни в чем для поезда, делал с единственною целью для того, чтобы меня сегодня с самого раннего утра видели за обычным делом посторонние мне люди разнообразных профессий и классов общества и могли бы, если бы понадобилось, удостоверять, что я был таким же сегодня, каким они меня знали всегда.

В пятом часу вечера я возвратился на поезд, погрузил в второй мой автомобиль, отдав распоряжение в своей канцелярии добиться у администрации дороги отхода моего поезда не позже 8 часов вечера, но едва я успел у себя в

поезде сесть за стол со всем персоналом моего отряда, как слышу, подъезжает автомобиль, и поручик С., выйдя из него, направляется ко мне.

Мы прошли в мое купе, где С. передал мне просьбу Дмитрия Павловича немедленно приехать к нему во дворец.

Я сел с ним в автомобиль, и мы поехали.

Во дворце я застал, кроме хозяина, еще и Юсупова, оба они были чрезвычайно взволнованы, пили чашку за чашкой черный кофе и коньяк, заявив, что не ложились спать вовсе этой ночью и что день провели донельзя тревожно, ибо императрица Александра Федоровна уже осведомлена об исчезновении и даже смерти Распутина и называет нас виновниками его убийства.

Фрейлина Головина, секретарша Распутина, сообщила, куда поехал Григорий Ефимович вечером, вся полиция и все сыскное отделение уже поставлены на ноги в целях разыскать труп убитого и найти все нити этого дела.

— Я, — заметил мне Юсупов, — должен был из-за этого гада застрелить одну из лучших моих собак и уложить ее на том месте во дворе, где снег окрасился кровью убитого вами «старца». Сделал я это на случай, если наши шерлоки холмсы, попав на верный след исчезнувшего Распутина, пожелают анализировать кровь или прибегнуть к полицейским собакам. Я, — закончил он, — всю оставшуюся часть ночи провел с моими солдатами над приведением дома в порядок, а теперь, как видите, В. М., мы сочиняем письмо Александре Федоровне с Дмитрием Павловичем, которое и надеемся сегодня же ей доставить.

Я принял участие в дальнейшем изложении этого письма, которое мы и закончили часа через полтора после моего прибытия.

Когда письмо было закончено и запечатано, Дмитрий Павлович вышел из кабинета отправить его по назначению, хотя мы все трое чувствовали некоторую неловкость друг перед другом, ибо все в письме написанное было умело продуманной ложью и изображало нас в виде незаслуженно оскорбленной добродетели.

Воспользовавшись его уходом, я спросил Юсупова: «Скажите, князь, что произошло у вас с Распутиным в те немногие минуты, когда вы в последний раз спустились в столовую, откуда мы ушли все вместе, как вы помните, оставив его, казалось, при последнем издыхании на холодном полу?»

Юсупов болезненно усмехнулся: «Произошло то, — ответил он мне, — чего я не забуду во всю мою жизнь: спустившись в столовую, я застал Распутина на том же месте, я взял его руку, чтобы прощупать пульс, мне показалось, что пульса не было, тогда я приложил ладонь к сердцу — оно не билось, но вдруг, можете себе представить мой ужас, Распутин медленно открывает во всю ширь один свой сатанинский глаз, вслед за сим другой, впивается в меня взглядом непередаваемого напряжения и ненависти и со словами: „Феликс! Феликс! Феликс!“ — вскакивает сразу, с целью меня схватить, я отскочил с поспешностью, с какой только мог, а что дальше было — не помню».

В эту минуту возвратился великий князь Дмитрий Павлович, и я, попрощавшись и обнявшись с ним, Юсуповым и поручиком С., уехал в автомобиле великого князя обратно в поезд, а в 10 час. вечера двинулся в путь на фронт, покинув русскую столицу, которую предполагали покинуть на следующий день и Дмитрий Павлович и Юсупов, собиравшийся к жене в Крым, в Кореиз.

Таков был ход событий всего происшедшего с вечера 16-го декабря по вечеру 17-го...

Светаает. Я дописываю эти строки при первых проблесках зарождающегося зимнего дня.

Еще темно, но я чувствую, что день уже близок. Я не мог заснуть. Вихрем пронесится в разгоряченном мозгу моем рой быстро сменяющих одна другую мыслей. Я не могу забытья; я думаю о будущем, не мелком, не личном: нет, а о будущем того великого края, который дороже мне семьи и жизни, края, который зову Родиной.

Боже мой! Как темно грядущее и эти тяжелые годы ниспосланных нам рукою Всевышнего бранных испытаний!

Вынесем ли мы всю тяжесть бремени духовной непогоды или обессилим и, уставшие и измученные, веру в себя потерявшие, утратим и то место в мире, которое занимали мы в течение многих веков нашего исторического существования.

Кто скажет? Кто ответит? Кто сдернет завесу и рассеет туман, застилающий грядущие дали?

Великий ли мы народ, способный в русле национальной реки пробивать себе путь вперед, поглощая в водах своих другие племена и мелкие народы, или?.. Или для нас все кончено, и мы, изжившиеся, измельчавшие и растленные ходом времени, обречены стать лишь ареной борьбы между собою других племен, других народов, почитающих славянство низшей расой, способной лишь утучнять чужие поля стран, шествующих по костям его к свету, к знанию и к мировому господству, какого нам достичь судьбою не дано?

Кто скажет? Кто ответит? Кто предречет поток событий в густом молочном тумане просыпающегося дня?

*18 декабря 1916 г.
В пути.*

СВЯТОЙ ЧЕРТ

Если кто думает, что в России есть Синод, управляющий русской церковью, что в России есть царь с правительством, Думою и Государственным Советом, управляющий царством, заключающий разные договоры с иностранными державами, решающий такие важные вопросы, как воевать или нет, то тот жалко заблуждается.

В России нет Синода, в России нет царя, в России нет правительства и Думы. В России только есть Великий Распутин, являющийся неофициальным Патриархом Церкви и Царем Великой Империи.

Начинаю перечислять факты.

Распутин всегда в разговоре со мной, похваляясь тем положением, какое он занял при дворе, выражался так: «Мне ничего не стоит любого министра сместить. Кого захочу, того и поставлю».

На мой вопрос: «Неужели государь всегда слушает тебя?» — Григорий однажды отвечал мне: «Папа тот с трудом меня слушается, волнуется, ему стыдно, а мама говорит, что „без тебя, Григорий, я ни одного дела не решу; обо всем тебя буду спрашивать“. А ведь знаешь, царь так маму слушается, так слушается, что она всегда им командует».

Распутин слова о своей силе у царей подтверждал всегда делами.

Печать и общество много внимания уделяли закону от 9 ноября. Гермоген, недовольный этим законом, в то время, как законопроект Думы и Совета был представлен на утверждение государя, послал из Саратова телеграмму Распутину, бывшему в то время в Петербурге. В телеграмме той Гермоген умолял «старца»-друга попросить «папу» не утверждать закона, пагубного для народного быта.

Григорий ответил такую телеграмму: «Миленький владыко. Не беспокойся, закон я провожу. Он — хорошо. Все будет хорошо. Сам после увидишь и узнаешь. Григорий». Закон после этого был утвержден государем, под диктовку Распутина.

Всем известно, как вся Россия волновалась, когда печать — и правая и левая — на все лады обсуждала вопрос об истинных причинах ссылки Гермогена в Жировицкий монастырь, а меня — во Флорищеву пустынь. Все сходилось на том, что наша ссылка — дело рук Распутина.

Государственная Дума в 1912 году поставила вопрос о личности Распутина

Отрывок из книги С. Труфанова «Святой черт» (журнал «Голос минувшего», № 3, 1917). В тексте сохранены особенности авторской орфографии и пунктуации.

в связи с той ролью, какую он играл и играет в делах государственных и церковных.

Дума постановила сделать два срочных запроса о деятельности Распутина министру юстиции Щегловитову и министру внутренних дел Макарову. Запросы были сделаны. Но дело как-то оборвалось, заглохло, умерло. Оказывается, что в это время Распутин сидел в Покровском и немислимыми коверлюгами выводил письмо «папе» и «маме»: «Миленькие папа и мама! Вот бес-то силу берет окоянный. А Дума ему служит, там много лицемеров и жидов. А им, что? Скорее бы Божьего Помазанника долой. И Гучков господин их прихвостень, клеветчет, смуту делает. Запросы. Папа! Дума твоя, что хочь, то и делай. Какие там запросы о Григории. Это шалость бесовская. Прикажи. Никаких запросов не надо. Григорий». После этого письма запросы были сняты.

Когда Австро-Венгрия проводила аннексию Боснии и Герцоговины, то Россия тоже бряцала оружием. Не вмешалась в «воровство» Австрии только по настоянию Распутина. Григорий об этом говорил мне так: «Вот, брат, при дворе-то было охотников много воевать с Австрией из-за каких-то там земель. Но я, дружок, отговорил папу, потому не время, нужно дома в порядок все приводить». И войны не было.

Во время Турецко-Балканской войны вопрос о вмешательстве России в распрю славян с турками стоял ребром; все ждали решительных шагов со стороны России в пользу братьев балканских. Но Распутин заявил, что России никак нельзя вмешиваться, потому что здесь, в доме, не все в порядке, много внутренних врагов. И царь послушаться Григория не посмел. Россия не вмешалась.

А вот о японской войне сам Григорий, когда я был у него в Покровском, рассказывал мне следующее: «Папа послал Виттю куда-то там, не знаю, мир с японцами заключать. Вот я вечером, часов в десять, выхожу из ворот этих, а темь, темь такая!

Смотрю я вверх и вижу: Божия Матерь на небе с мечами в руках поворачивается от русских на японцев.

Я думаю: значит, теперь мы будем побеждать. Побежал на станцию, отбил на своем языке телеграмму, чтобы папа и мама не заключали мира, а ждали бы меня. Получил ответ, что будут ждать только три-четыре дня, а больше не могут. Я скоро поехал к ним. Но на поезд запоздал, приехал к ним, а Виття уже заключил мир...»

Министрами Распутин играл, как мячиками. Он настаивал на удалении с поста обер-прокурора С. М. Лукьянова. Григорий говорил мне: «Я папе и маме сказал, что давно бы надо этого Лукьянова, прихвостня Столыпина, прогнать, а вы меддите». Лукьянов получил отставку. На место Лукьянова Распутин постановил назначить В. К. Саблера. Григорий сам мне сказал о том, как ему в ноги кланялся «Цаблер». На пост товарища обер-прокурора Распутин возвел П. С. Даманского. В деле ссылки Гермогена и меня за обличие Распутина Даманский играл выдающуюся роль. Даманский всеми силами старался за Распутина, большим другом которого он был. Старался, зная все пакостные дела его. Когда у него газетные сотрудники спрашивали: как же с «подвигами»-то Распутина Синод поступил? — Даманский отвечал: все «подвиги» преданы забвенью.

Особенно дорогим другом Распутина является граф С. Ю. Витте, которого Распутин всегда зовет просто: Виття. Когда Распутин бывает в Петербурге, то непременно бывает у Витти с визитом, а Виття к нему на квартиру ездит. Распутин считает Виттю очень умным и благородным человеком, а Виття в свою очередь до последних дней, зная «подвиги» Григория, говорил, что у Распутина возвышенная душа, что он — человек больших добродетелей и исключительного ума.

Г. П. Сазонов говорил моему брату Аполлону: «Вот скоро Григорий Ефимович поставит С. Ю. Витте в премьер-министры и старых министров заменит новыми».

В 1913 году я, живя в «Новой Галилее», в дневниках О. В. Лохтиной нашел копию письма Распутина царям: «Миленький! Ошибки надо исправлять, и милость Божья будет. Граф Татищев из-за бунтовщиков был опечален. Теперь надо его ласкать. Дать место ему повыше. Я и сам прежде на него, а не надо. Ошибку поймел в Гермогене и Илиодоре. Да, это знайте. Григорий».

Распутин всегда старался свалить Столыпина. Желание Распутина в этом направлении было так сильно, что он не вытерпел и, по его словам, «предсказал» за целых семь дней до 1 сентября 1911 года назначение на пост премьер-министра Коковцова. Но как же с Столыпиным? Столыпин уступил силе «старческого предсказания» и 1-го сентября 1911 года был пристрелен в Киеве, в театре, господином Богровым.

Обер-прокурор Синода П. П. Извольский хотел провести автономию в столичной Петербургской духовной академии. Совет профессоров выбрал уже ректором Налимова.

Доклад об этом Извольский немедленно передал государю. Тут вмешался Распутин, поехал к царю и приказал ему положить на докладе Извольского о выборе Налимова ректором академии такую резолюцию: «Оставляю протоиерея Тимофея Налимова под большим сомнением. Николай». Прочтя такую резолюцию, Извольский опешил и с горя подал в отставку.

Профессора академии испугались и пошли служить молебен о спасении душ своих. Протоиерей Налимов после того до самого дня смерти не показывался в родную академию. Об автономии же остались сладкие дни воспоминания. Распутин на деле доказал, что «автономия» гадость. Доказал просто, скоро и внушительно.

По сведениям пристава 2-го участка Суцевской части г. Москвы подполковника Семенова, 26 марта 1915 года, около 11 часов вечера, в ресторан «Яр» прибыл известный Григорий Распутин вместе с вдовой Анисьей Ивановной Решетниковой, сотрудником московских и петербургских газет Николаем Никитичем Соедовым и неустановленной молодой женщиной. Вся компания была уже навеселе. Заняв кабинет, приехавшие вызвали к себе по телефону редактора-издателя московской газеты «Новости сезона» Семена Лазаревича Кугульского и пригласили женский хор, который исполнил несколько песен и протанцевал «матчиш» и «кэк-уок». По-видимому, компания имела возможность и здесь пить вино, так как опьяневший еще более Распутин плясал впоследствии «русскую», а — затем начал откровенничать с певичками в таком роде: «Этот кафтан подарила мне „старуха“, она его и шила»; а после «русской»: «Э, что бы „сама“ сказала, если бы меня сейчас здесь увидела». Далее поведение Распутина приняло совершенно безобразный характер какой-то половой психопатии: он, будто бы, обнажил свои половые органы и в таком виде продол-

жал вести беседу с певичками, раздавая некоторым из них собственноручные записки с надписями в роде «Люби бескорыстно». На замечание заведующего хором о непристойности такого поведения в присутствии женщин Распутин возразил, что он всегда так держит себя перед женщинами, и продолжал сидеть в том же виде. Около двух часов ночи компания разъехалась.

Конечно, больше всего Распутин рассказывал мне о том, как он бывает у царей и что там делает. «Не думай,— говорил мне Распутин,— чтобы с царями легко говорить. Нет, трудно, аж губы кровью запекаются, весь съежишься, когда делаешь им какой-либо совет... Они у меня спрашиваются обо всем... О войне, о Думе, о министрах... Вот враги хотят, чтобы я там не был. Шалишь... Без меня цари не могут. Хоть им трудно выслушивать выговоры мужика, а они слушают. Раз царь говорит „так“, а я говорю: „вот так“, так у него аж румянцы заиграли на обеих щеках, весь затрясся, неохота мужика-то слушать, а послушался... Он без меня и дыхнуть не может. Все мне говорит: „Григорий, Григорий. Ходи чаще к нам, когда ты с нами, нам весело, легко, отрадно. Ходи, только ни о ком не проси меня. Ведь знаешь, я тебя люблю, и всегда готов сделать все то, что ты скажешь, но мне бывает трудно иногда исполнять твои желания, так как ты желаешь так, а министры иначе, ведь они тебя не любят, особенно Столыпин“.

Царь раз упал передо мной на колени и говорит: „Григорий, Григорий, ты Христос, ты наш Спаситель“. А почему? Когда революция подняла высоко голову, то они очень испугались. А тут Антоний Волынский где-то сказал проповедь, что наступили последние времена. Они и давай складывать вещи, чтобы куда-то спрятаться. Позвали меня и спросили. А я долго их уговаривал плюнуть на все страхи и царствовать. Все не соглашались. Я на них начал топтать ногою и кричать, чтобы они меня послушались. Первая государыня сдалась, а за нею и царь. Когда я пришел к ним после успокоения, они оба упали передо мною на колени, стали целовать мои руки и ноги. Царица подняла вверх руки свои и со слезами говорила: „Григорий! Если все люди на земле восстанут на тебя, то я не оставлю тебя, и никого не послушаюсь“. А царь тоже, поднявши руки, закричал: „Григорий, ты Христос!“ Для меня открыта их казна. Только царица скупа все-таки. Если брать у ней по тысяче, она ничего не говорит, всегда беспрекословно дает, а если, к примеру, сказать, когда попросишь десять тысяч или больше, то она начинает мяться и спрашивает: „А на что деньги? Куда?“ Когда ей объяснишь, она дает мне и по двадцать тысяч.

Раз царь говорит мне: „Григорий, мне Столыпин не нравится своею наглостью. Как быть?“

„А ты его испугай своею простотою“.

„Как так?“

„Возьми одень самую простую русскую рубашку и выйди к нему, когда он явится к тебе с особенно важным докладом“.

Царь так и сделал.

Столыпин, явившись, увидел царя и спросил: „Ваше величество! Как вы просто одеты“. А царь, по моему совету, ответил: „Сам Бог в простоте обитает“. От этих слов Столыпин прикусил язык и даже как-то покоробился.

Когда я бываю у царей, я целые дни провожу в спальне у царицы... Целую ее, она ко мне прижимается, кладет на плечи мне свою голову, а я ее ношу по спальне на руках, как малое дитя. Это ей нравится. Так я делаю часто, часто. Также часто бываю в спальнях детей. Благословляю их на сон, учу молиться,

пою с ними гимны. Однажды запели, девочки хорошо пели, а Алеша не умел, да брал не в тон, да как заорет на все комнаты, аж царица прибежала и его успокоила.

С детьми я часто шучу. Было раз так. Все девочки сели мне на спину верхом; Алексей забрался на шею мне, а я начал возить их по комнате. Долго возил, а они смеялись. Потом слезли, а наследник и говорит: „Ты прости нас, Григорий, мы знаем, что ты — священный и так на тебе ездить нельзя, но это мы пошутили“.

Когда бываю у царей, то встречаю там иностранных королей. Князь Николай Черногорский видел меня во сне, когда болел. Трудно ему было, и он увидел во сне какого-то русского мужичка. Мужичек сказал ему: „Будь здоров. Через три дня поедешь“.

Так и случилось. Он выздоровел. Написал об этом письмо дочери, та взяла мой портрет и послала ему. Он, получивши, ответил, что видел во сне именно того мужичка, который изображен на карточке... А я, когда он болел, горячо молился об его здоровье Богу.

Хорошо мне бывает во дворце, да только враги зубы щерят. Первый Столыпин. Друг был, писал телеграммы, спрашивал, поздравлял, вызывал меня в Питер, а потом бесу начал служить, особенно когда я тебя из Минска в Царицын перевел. С тех пор и ранее он следил за мною, как приезжаю в Питер, то приказывает сыщикам бегать за моею каретою. Я об этом говорил царям, а они мне: „Плюнь, погоняется, да отстанет, когда мы с тобою и ты с нами“.

Они, Столыпин и Татищев, тебя, Илиодор, готовые в ложке утопить, но только пусть помешкают. У них руки коротки. Татищев раз написал письмо о тебе государю. В письме том жаловался, что царь тебя, монаха-бунтовщика, поставил выше губернатора, который — товарищ царю, так как служил с ним офицером в Семеновском или Преображенском полку. Царь читал мне его письмо. Прочитал, засмеялся и сказал: „Вот дурак-то, так дурак“. А губернатор царя называет своим товарищем, высоко хватил.

Про архиреев царь говорил мне так: „Никого я не опасаюсь так, как архиреев. Министров, вельмож покароешь, они смирятся. Архиреев боюсь: они — гордецы, тронь их, поднимутся, так не отвяжешься, они накиннутся прямо, как дьяволы. Боюсь их“.

Тебя, Илиодор, цари очень любят за то, что ты в годы революции очень стоял за них, ругал люционеров и жидов. Они говорят: „Так Илиодор поступал, хотя и резко, а правильно, такое время было. А теперь ему надо потише, уже успокоение наступает. Да правительство ему трогать никак не надо. Скажи ему, чтобы он министров и полицию не обличал“. Так я тебе, Илиодор, и говорю царскими словами: не тронь министров и полицию, а только жидов и люционеров, да и то потише, не так, как тогда.

Время, брат, не такое. Опасность миновала. А правительство никогда не ругай. Цари говорят, что на них и так много нападков.

Много зла мне делает при дворе сестрица царицы Елизавета и Тютчева. Царица сердится на Елизавету, что народ ее считает святой, а ее, маму, нет. Как она ни старается: и в театры не ходит, и балов не устраивает, а все народ говорит, что Елизавета святая, а про нее не говорят этого.

А Тютчева всегда против меня идет. Раз зайвела царям, чтобы я не ходил в спальню к девочкам, когда они еще лежат и раздеты. Она сказала: „Если Григорий будет ходить, то я уйду из дворца“. А я царям сказал: „Я хожу молиться

и о Боге детям говорить, а на Тютчеву плевать, пташка небольшая. Короста“.
Смирилась, замолчала.

А видишь на мне крест золотой? Вот смотри написано „Н“. Это мне царь дал, чтобы отличить. Этим крестом я бесов изгоняю. Когда ехал к тебе в Царицын, в Казанской губернии я из одной женщины изгнал беса, злого беса; изгонял на берегу реки, он меня укусил: вот смотри, как кожа под ногтем почернела. А все-таки я его одолел: он выскочил и убежал под лед, аж лед затрещал. Я об этом написал из Царицына письмо царям, чтобы они не слушали врагов, а помнили, что меня и бесы боятся; и как они от меня убегают, так и враги все разлетятся... Не легко с Григорием справиться. Нет, шалишь... Попы сибирские злятся, что этот крест ношу, а мне что царь дал, повесил, так какой поп, либо архиерей может снять с меня этот крест? Шалишь. Подожди немного...»

Незаметно прошло восемь дней, как мы приехали в Тюмень. В Тюмени остановились у сундучника. Здесь встретила Григория Ефимовичу старая знакомая, какая-то монахиня с лукавой улыбкой на красивом лице. В этот раз Распутин бесцеремонно целовал ее, мял ее бедра, расписывал мне, какая она полная раньше была. Ночь ночевал Распутин не со мной, а куда-то убежал. После мне стало известным, что Распутин ночевал у дочери сундучника, очень красивой, молодой замужней особы. Распутин каждый раз, когда возвращался из Питера, дарил ей деньги и подарки разные... Когда мы пили чай в доме хозяина, то Распутин все время гладил голые до самых локтей, пухлые и белые руки красавицы, и все лез к бедрам.

В Покровском я увидел прекрасный дом. Распутин объяснил мне: «Прежде у меня была хатенка, а теперь какой дом-то, домина настоящий. Все мама сделала, дала мне для этого 2700 рублей, вот и дом получился». В доме — хорошо меблированные комнаты, дорогой большой ковер на полу, царские портреты с золотыми коронами.

Когда все это я рассматривал, Распутин, как бы танцую вокруг меня, объяснял: «Вот этот портрет сами цари заказывали для меня, вот эти иконы, пасхальные яйца фонарики — царица мне в разное время давала. Вот этот ковер 600 рублей, его мне прислала жена великого князя „Н“».

Показавши все, что было на виду, Распутин взял ключ и отпер им большой сундук. Из сундука он вынул целый узелок с чем-то. Развязал. Там были письма: «Это все письма ко мне царицы, девочек ихних, великих княжен и князей... А вот письмо наследника, смотри, какие ковелюги, одна только буква „А“, а все остальное чепуха».

«Брат Григорий, дай мне на память несколько писем»,— взмолился я. Распутину понравилось мое удивление и просьба и он сказал: «Хорошо, выбирай, только письмо наследника не тронь, оно у меня одно только».

Я выбрал письма государыни и великих княжен. Вот они.

Письмо Александры

«Возлюбленный мой и незабвенный учитель, спаситель и наставник. Как томительно мне без тебя. Я только тогда душой покойна, отдыхаю, когда ты, учитель, сидишь около меня, а я целую твои руки и голову свою склоняю на твои блаженные плечи. О, как легко, легко мне тогда бывает. Тогда я желаю мне одного: заснуть, заснуть навеки на твоих плечах, в твоих объятиях. О, какое счастье, даже чувствовать одно твое присутствие около меня. Где ты есть...»

Только ты, наставник мой возлюбленный, не говори Ане (Вырубовой.— *Сост.*) о моих страданиях без тебя. Аня добрая, она — хорошая, она меня любит, но ты не открывай ей моего горя. Скоро ли ты будешь опять около меня? Скорей приезжай. Я жду тебя и мучаюсь по тебе. Прошу твоего святого благословения и целую твои блаженные руки. Во веки любящая тебя М».

Царица Александра во всех письмах к Распутину подписывается одной буквой «М», что значит «мама».

Письмо Ольги

«Бесценный друг мой! Часто вспоминаем тебя, как ты бываешь у нас и ведешь с нами беседу о Боге. Тяжело без тебя: не к кому обратиться с горем, а горя-то, горя сколько! Вот моя мука. Николай меня с ума сводит. Как только пойду в Собор и увижу его, то готова на стенку влезть, все тело трясется... люблю его... Так бы и бросилась на него. Ты мне советовал поосторожней поступать. Но как же поосторожней, когда я сама с собою не могу совладать... Ездили часто к Ане. Каждый раз я думаю, не встречу ли я там тебя, мой бесценный друг; о, если бы встретить там тебя скорее и попросить у тебя советов насчет Николая. Помолись за меня и благослови. Целую твои руки. Любящая тебя Ольга».

Письмо Татьяны

«Дорогой и верный друг мой. Когда же ты приедешь сюда? Долго ли ты будешь сидеть в Покровском? Как поживают твои детки? Как Матреша? Мы, когда собираемся у Ани, то вспоминаем всегда всех вас.

А как хотелось бы побывать нам в Покровском. Когда же настанет это время? Скорее устрой все, ты все можешь. Тебя так Бог любит. А Бог, по твоим словам, такой добрый, хороший, что непременно исполнит все, что ты задумаешь. Так скорее же навести нас. А то нам без тебя скучно. Не поверишь ли, почти каждую ночь вижу тебя во сне. Утром, как только просыпаюсь, то беру из-под подушки Евангелие, тобою мне данное, и целую его... Тогда я чувствую, что как будто тебя целую... Я такая злая, но я хочу быть доброю и не обижать нашу милую, хорошую, добрую маму. Она такая добрая, такая хорошая, мы ее так все любим. Помолись, незабвенный друг, чтобы мне быть всегда доброю. Целую тебя. Целую твои светлые руки».

Письмо Анастасии

«Милый мой друг! Когда мы тебя увидим? Аня вчера мне сказала, что ты скоро приедешь. Вот я буду радоваться. Я люблю, когда ты говоришь нам о Боге. Я люблю слушать о Боге. Мне кажется, что Бог такой добрый, такой добрый. Помолись ему, чтобы Он помог маме быть здоровой. Часто вижу тебя во сне. А ты меня во сне видишь? Когда же ты приедешь? Когда ты будешь в детской нашей говорить нам о Боге. Скорей приезжай. А я стараюсь быть пай, как ты мне говорил. Если будешь всегда около нас, то я всегда буду пай.

До свидания. Целую тебя, а ты благослови меня. Вчера на маленького обиделась, а потом помирилась. Любящая тебя твоя Анастасия».

Еще я взял манифест по поводу открытия мощей Серафима, манифест, писанный рукою царицы. На вопрос: «Каким образом манифест попал к тебе?» — Распутин ответил: «Да это мама прислала мне проверить, хорошо ли написан или нет, прислала одобрить, и я одобрил; тогда они его обнародовали. Вообще, они всегда обращаются в таких случаях ко мне за советом».

Видел я в доме Распутина двух милостивых девушек: Катю и Дуню. Они покорно служили в доме, пели песни, вели себя тихо и смиренно. А раз сделали так. Когда я ложился в зале на кушетку, они приволокли свои матрацы и начали стелить около меня. Я запротестовал. Они оправдывались: «Это нам отец Григорий приказал». Я ответил: «Нет, нет, нельзя! Если я кого здесь стесняю, места нет кому-либо для ночлега, то я уйду в баню, кстати ее сегодня топили»... Из другой комнаты послышался окрик Григория: «Ну, ладно, ладно, не надо. Уйдите».

Девушки подхватили свои постели и быстро, конфузясь, побежали из зала. После я уже понял, что Распутин хотел меня соблазнить на грех, чтобы сделать меня связанным, когда я, при случае, дерзнул бы, по примеру прежних его друзей, выступить против грязных дел Григория.

Распутин очень часто обращался к царям с письмами и телеграммами, утешениями, наставлениями. Посылая 30 ноября 1910 г. царице Александре икону Благовещения, он сделал на ней такую надпись: «Бог радуется и утешает, как сие».

Поздравляя царя Николая со днем ангела, Распутин писал ему в телеграмме: «День ангела Бог прославит кротостью, верую в Бога. Решительность на небе, папа мой».

Посылая 5 декабря царю Николаю икону «нерушимой Стены», Распутин сделал на ней такую надпись: «День ангела! Не убоишься страха. Смело говори истину,— Бог научит. От слов твоих трепет. Не бойся зла, папа мой».

Однажды, утешая Александру, Распутин писал ей: «Радуйтесь воспоминаниям, чувствуйте вместе; тревога неуместна; пусть будет благодать ума. Там быть не могу. Дорогие мои! Мама, голубчик, дорогой мой, не скучай и не унывай, ничего, все приятно».

Когда Александра приболела, Распутин послал ей телеграмму: «Надеюсь, здоровье улучшится. Благодать Божия выше болезни. Будь безболезненна во всем».

Григорий рассказал мне следующее: «Я бесстрастен. Бог мне за подвиги дал такой дар. Баба, прикоснувшись меня, освобождается от блудных страстей. Поэтому-то бабы и лезут ко мне; им хочется с мужиками побаловаться, но нельзя: они боятся лишиться девства, или вообще греха, вот и обращаются ко мне с просьбой снять с них страсти. Было раз так: ехал я из Питера сюда в Л., с Мерию, с Ленкой, с Б. В. и другими. Заехали в Верхотурье, в монастырь, к старцу Макарию. Старец всю ночь молился. А мы поместились все на полу. Сестры попросили меня раздеться, чтобы они могли прикоснуться к моему голому телу и освятиться, сделаться чистыми... Что ж с бабами-дурами спорить что ли будешь. Этак они сами тебя разденут. Разделся. А они легли около меня кто как мог: Ленка обхватила своими голыми ногами мою левую ногу. Л.— правую, В.— прижалась к боку, Меря — к другому боку и так далее, а старец Макарий молится Богу. Привез я их сюда. Повел всех в баню. Сам разделся, приказал им раздеться. И начал говорить им, что я бесстрастен; они поклонились мне в ноги и поцеловали мое тело. А ночью Меря дралась с Л. из-за того,

кому из них ложиться около меня на ковре в зале на правый бок, а кому по левый. Меря лежала по правый, и Л. тоже. Друг-друге не уступали, и начали таскать друг-друга за косы».

Я с жадностью ловил все это кошмарно-чудовищное, что рассказывал мне Распутин. А он продолжал: «Да и не только я баб лечу от страстей, но и мужиков. Ты знаешь епископа Иннокентия?» — «Знаю». — «Так вот, он мой большой друг. Страдает он, бедняга, очень от блудных мыслей. Как увидит бабу, то готов, по его словам, прыгнуть на нее, как жеребец на кобылу. Я его лечил. Как только заявлюсь к нему, то он меня кладет с собой в постель под одно одеяло и говорит: „Лежи, лежи, Григорий, со мной; как ты со мною, так у меня нет плотских помышлений. Так трудно монаху с ними бороться...“»

Вечером Григорий, указывая мне на свою атласную сорочку, сказал: «Эту сорочку шила мне государыня. И еще у меня есть сорочки, шитые ею». Я попросил показать мне их. Через полчаса жена Григория принесла несколько сорочек. Я начал рассматривать их.

«Что, на память хочешь взять?» — улыбаясь спросил Григорий.

«Да, если можно, хоть одну-две».

«Возьми три. Вот эти». — Он отобрал для меня три сорочки: красную, белую чесучовую и белую дорогого полотна, вышитую по воротнику и рукавам. Красная сорочка была без воротника. Я спросил у Распутина: «Почему нет воротника, куда он девался?» Григорий ответил: «Болело у царя горло, он просил моей помощи. Я ему приказал поменьше курить и надевать ночью на шею и горло воротник вот этой сорочки. Выздоровел. Почел чудом».

Наступили последние дни моего пребывания в гостях у Распутина. Я изъявил желание пойти к старшему священнику побеседовать. Григорий и жена его стали меня отговаривать, указывая на то, что поп нехорошо относится к Григорию Ефимовичу, клеветает на него.

«Ну, ладно. Я все-таки пойду».

Как только я вошел к отцу Петру, он едва поздоровался со мною, спросил меня:

— Зачем приехал сюда?

— В гости, к другу.

— Не к другу, а к мерзавцу, развратнику...

— Что вы, батюшка, что вы?

— Да, к развратнику. Дали ему фамилию «Новых». Истинно, он новый распутник.

— Но ведь фамилию дал царь.

— Так, что же, он и государыня — люди мистически настроенные, вот и попались ему в когти, а нас не проведешь.

— Батюшка! Если вы знаете что плохое про брата Григория, то почему же не доведете до сведения царя?

— Многое знаю, а до царя нам нет пути; побольше нас, да молчат, а нас не послушают. Вот Феофан епископ тоже сюда приезжал. Зачем? Увеличивать авторитет развратника? И вы приехали. Я что-то даже не верю, что вы священник; разве священник поедет к такому подлецу. У него самый форменный разврат. Наберет Григорий девушек, прыгает, прыгает, да начнет с ними сваль-ный грех творить.

— Так он, значит, форменный хлыст?

— Да, да. Он во время странствования всякой пакости набрался; тогда же

и подругами обзавелся: монахинями и разными девушками. А теперь к нему ездят петербургские дуры; он их в баню водит голыми, ложится с ними. А главное, ни в чем не сознается. Есть здесь одна женщина-просфирня; она еле от него отбилась. Спросил Григория об этом, а он говорит, что ничего не было. И жена его отказывается от всего. А разве не она в прошлое лето за косы вытаскивала из двора петербургских барынь, которых захватывала с Григорием на постели...

— А до странствования он чем занимался?

— До странствования он был пьяницей и озорником. Его не иначе на всем селе звали, как Гришка-вытул, Гришка-дурак.

— Батюшка! А все то, что вы говорите, вы сами видели, хорошо знаете?

— Все знаю, все на моих глазах делалось. А если чего не видел сам, то другие видели. Его крестьяне покровские и теперь считают за жулика, а епископ так даже и на глаза к себе не пускает, а он сколько раз хотел ему представиться. Чтобы задобрить епископа, Григорий раздобыл 20 000 рублей на построение храма. Так что же вы думаете? Крестьяне не приняли от него денег; так и сказали: не надо твоих денег, знаем, как ты их достаешь. Григорий говорит, что ему не грешно женщин и девушек пробовать. Еще говорит, что он своим совокуплением освящает их и снимает страсти. Вот подлец. Да вы присмотритесь получше к Григорию, и вы сами увидите, что он мошенник.

И многое, многое еще говорил отец Петр про Григория.

Встретил меня Григорий с большим смущением.

«Ну, что, небось, с три короба наврал?»

«Да, много говорил».

«Что же, что же однако?» — приставал Григорий.

«Да вот говорил, что жена твоя дралась с дамами из-за тебя».

Из другой комнаты выбежала Прасковья Федоровна и закричала: «Врет он, косматый, никогда ничего подобного не было!».

«Вот подлец, так подлец», — добавил Григорий.

Приехали в Мраморный дворец. Распутин прямо-таки танцевал около Вырубовой, левою рукою он дергал свою бороду, а правой хватал за плечи, бил ладонью по бедрам, как бы желая успокоить игривую лошадь. Вырубова покорно стояла. Он ее целовал. Я грешным делом подумал: Фу, гадость! И как ее нежное, прекрасное лицо терпит эти противные жесткие щеки... А Вырубова терпела и, казалось, что находила даже некоторое удовольствие в этих старческих поцелуях... Наконец, Вырубова сказала: «Ну, меня ждут во дворце; надо ехать, прощай, отец святой»...

Здесь совершилось нечто сказочное, и если бы другие говорили, то я не поверил бы, а то сам видел. Вырубова упала на землю, как простая кающаяся мужичка, дотронулась своим лбом обеих ступней Распутина, потом поднялась, трижды поцеловала Григория в губы и несколько раз поцеловала его грязные руки и ушла. Мы поехали. Григорий и говорит:

«Ну, видел?»

«Видел».

«Каково?»

Молчу.

«Это Аннушка так. А цари-то, цари-то. О, если бы ты все знал; ну ничего,

когда-либо узнаешь... И все это я делаю своим телом. Прикоснусь, и сила из меня исходит. Вот смотри, я к тебе прикоснусь, что ты почувствуешь?»

Он прикоснулся своей рукой до моего плеча и спросил: «Ну, что?» Я ничего не почувствовал, ровно ничего, а в ответе слукавил немного. На его повторный вопрос: «Ну, что?» — протянул: «М-м-м-да-а!» Григорий засуетился: «Вот видишь, вот видишь, голубчик; так-то и они; но ведь я к ним прикасаюсь иначе, везде, когда бываю у них... А вот Феофан хотел, чтобы я не прикасался. О, какая глупость. Да разве можно зарывать талант в землю? Разве можно?»

В ноябре месяце 1910 года я послал царю Николаю телеграмму по случаю смерти Л. Н. Толстого. Григорий прислал мне такую телеграмму: «Немного строги телеграммки. Заблудился Толстой в идее — виноваты епископы, мало ласкали. И тебя тоже бранят, твои же братья. Разберись».

Григорий мне сказал: «А мама тебе готовит дорогую бриллиантовую панагию, стоить будет 150 000 рублей. Тебя они хотят сделать епископом; уж больше ты царю понравился».

«Да за что же мне, такому молодому, такая большая честь?»

«А за то, голубчик, что со мною ты, и их здорово защищаешь. Да царю понравился, говорю же тебе».

Я думал: о, дьявол! Когда я с тобой развяжусь?

В Царицыне в одном доме на Курской улице напал Распутин на красивеньких и молоденьких дамочек и девочек. Целовал их несколько раз в доме, целовал их на дворе, и за воротами. Целовал Григорий только молодых, но так как и старые — и гораздо усерднее молодых — лезли освятиться поцелуями «старца», то он их бесцеремонно отталкивал. В одном доме одна бедная старушка, поцеловавшись с Григорием только один раз, хотела поровняться с молодыми членами семьи и потянулась еще за поцелуем, так Григорий так ее двинул, что она ударилась головой о печь, а Григорий, выходя из дома того, проговорил: «И куда старые карги лезут, как будто не знают, что с молодыми гораздо приятнее целоваться».

Раз было такое дело. Приехал я с Распутиным на святках 1909 года в дом царицынской купчихи — молодой вдовы. Григорий, поцеловавши три раза хозяйку, полез к сестре ее Б. И о, горе! Как только Григорий поцеловал ее, она подняла свою большую, сильную руку и со всего размаха ударила Григория по лицу. Григорий опешил, а дама, принявши воинственный вид, стояла против Распутина, намереваясь еще раз треснуть его; девушки выглядывали из комнат, хихикали, а Распутин побежал в переднюю. Когда я сел с ним в экипаж, он, глубоко вздохнувши, проговорил: «Вот стерва-то, как она меня шарахнула...»

П., девушка, в 1909-10 гг. жила в Царицыне. На пятый день Рождества я приехал в их дом славить Христа. Со мной был Григорий. Я вошел в зал и стал около икон. Григорий остановился в дверях, ведущих из зала через переднюю в спальню. Как только я запел песнопения, Распутин ухватил её за руку, потом за другую и потащил в спальню. Она, испугавшись до последней степени, слабо сопротивлялась. В спальне Григорий начал целовать ее и валить на койку, но в это время я уже окончил молитву и ему помешал. В другом доме. Отца Ивана не было дома, а матушка лежала в постели. Григорий вошел в спальню, подошел к кровати и говорит: «Ну, что, скучно?» Потом начал поднимать одеяло, и уже лезть на кровать... Тогда З. крикнула: «Куда, куда! Ах ты, черт!» — и ударила его по лицу. Он отскочил и говорит: «Да и молодец ты! Ты первая

меня так ошарашила, ведь все бабы — дуры, с ними что хочь, то и делай, а ты не такая, проучила меня». И ушел.

Сам В. тогда же говорил мне: «Вот, батюшка, беда; лезет Григорий к моей жене. А жена говорит: убью этого черта». Рассказал мне священник В. и о том, что Григорий делал с сестрой его жены, молоденькой девушкой, только что окончившей гимназию. Девушка приехала в гости к сестре. Как раз в это время был в Саратове и Григорий.

Он обратил свое внимание на миловидную девочку. Пригласил ее однажды пройти в город. Она, конечно, ничего не подозревая, пошла. Вышли из дома часов в 9 вечера, а возвратились около 11. Шли по Архиерейскому саду около стены. Вдруг Григорий охватывает девушку, начинает ее мять, целовать, хватать за разные части тела и прижимать к стене, со всею силой девушка рванулась из «старческих» объятий, прибежала домой, трясется, плачет и даже не может ответить на тревожный вопрос: что с тобой? А Григорий убежал в город и там ночевал.

Послушница Ксения в марте 1910 года рассказала мне, как Распутин приказал ей раздеть его: «Я раздела. Потом он приказал раздеться самой; я разделась. Он лег в приготовленную кровать и говорит: „Ну, милка, ложись со мною“. Я считала его великим праведником, освятителем наших грешных тел и целителем, повиновалась, легла около него, а сама думаю: Господи, что же дальше-то будет. А дальше вот что было.— Ксения запнулась, как будто что-то застряло в ее горле: — Он начал меня целовать, так целовал, что на моем лице не осталось ни одной точки, старцем не целованной. Целовал меня, как говорится, в засос так, что я еле-еле не задохнулась. Я не вытерпела и закричала: „Григорий Ефимович, что вы со мною, бедною, делаете?!“

„Ничего, ничего лежи и молчи“.

Я у него спрашиваю: „Брат Григорий! То, что вы со мною делаете, и батюшка мой Илиодор знает?“

„Знает, знает“, — отвечает Григорий.

(Вот, дьявол, вот сатана! — крикнул я, не вытерпевши.)

А Ксения продолжает: „И владыко Гермоген об этом знает?“

„Ну, а как же, знает, все знает. Не смущайся. Царь-батюшка и царица-матушка об этом знают. Фу, да они-то больше всех знают; я с ними то делаю, что и с тобою; пойми это, голубушка!“

Мучил он меня четыре часа. Потом я пошла домой».

АНТИХРИСТ

Четверг, 3 февраля 1916 г.

Вслед за увольнением председателя Совета Министров Горемыкина та же участь постигла и министра внутренних дел А. Н. Хвостова. Обе должности унаследовал Штюмер.

Отставка Хвостова дело рук Распутина. В течение некоторого времени между этими двумя лицами шла борьба не на живот, а на смерть. По этому поводу по городу ходят самые странные, самые фантастические слухи. Говорят, будто Хвостов хотел убить Гришку через преданного ему агента, Бориса Ржевского; Хвостов при этом действовал в союзе с прежним приятелем Распутина, ставшим затем его злейшим врагом, с монахом Илиодором, живущим теперь в Христиании. Но директор департамента полиции Белецкий, креатура Распутина, напал на след заговора и донес непосредственно императору. Отсюда внезапная отставка Хвостова.

Среда, 9 февраля.

Вот точное изложение таинственных событий, приведших к опале министра внутренних дел Хвостова. Печальный бросают они свет на состояние низов нынешнего режима.

Назначение в октябре 1915 г. Хвостова министром внутренних дел было императору не подсказано Распутиным и Вырубовой, а прямо навязано. В этом деле крупную роль сыграл мошенник высшего полета некий князь Мих. Андронников; это приспешник старца, его обычный прихвостень, главный исполнитель его поручений. Назначение Хвостова было, таким образом, победой камарильи при императрице.

Но вскоре возгорелся личный конфликт между новым министром и его товарищем, пройдохой Белецким, директором департамента полиции. В этом мире низких интриг, завистливого соревнования, тайной вражды недоверие бывает взаимным, вражда — постоянным явлением. Поэтому Хвостов вскоре оказался на ножах со всей шайкой, которая его же провела к власти. Почувствовав, что дело его плохо, он тайно повернул фронт. А так как его честолюбие соткано из цинизма, дерзости и тщеславия, то он сразу решил создать себе громкую славу избавлением России от Распутина.

Он проведаль, что Илиодор, из поклонников «старца» ставший его смертель-

Из воспоминаний французского посла в России. Печатается по книге М. Палеолога «Царская Россия. Накануне революции», пер. с фр. (Госиздат, М.-П., 1923).

ным врагом, живет в изгнании в Христиании, где он написал книгу, полную скандальных разоблачений об его отношениях со двором и с Гришкой. Хвостов решил достать эту рукопись, в которой он полагал найти талисман, при помощи которого можно было бы заставить императора прогнать Распутина и даже, быть может, удалить от себя императрицу. Естественно, не доверяя подчиненной ему официальной полиции, он решил послать в Христианию своего личного агента Бориса Ржевского, темного литератора, не раз приговоренного судом. Пока Ржевский готовился к поездке в Норвегию через Финляндию, его жена, в отместку за его жестокое обращение, донесла Распутину о замысле; «старец» немедленно обратился к своему другу Белецкому. Это — прирожденный полицейский, очень находчивый и ловкий человек, без всяких правил, руководящийся только служебными соображениями, способный на что угодно, только бы сохранить царское к себе благоволение. Быстрый на решения, он немедленно решил поставить западню своему министру. Сделать это надо было тонко. Белецкий поручил дело одному из своих лучших исполнителей, жандармскому полковнику Тюфяеву, служившему на ст. Белоостров. Ржевский, доехав до этой станции, устремился в буфет. Тюфяев загородил ему дорогу, затем сделал вид, будто Ржевский его толкнул, потерял как будто равновесие и что есть мочи наступил Ржевскому на ногу. Тот вскрикнул от боли. Тюфяев притворно принял его крик за дерзость по своему адресу. Два заранее поставленные жандарма схватили Ржевского и повели его в станционное жандармское управление. У него потребовали паспорт; его обыскали; он сперва ссылся на то, что он едет по поручению министра внутренних дел, по делу, известному только министру. Жандармерия делала вид, что ему не верит; его прижали к стенке строгим допросом — как это умеют делать в охранном отделении. Ему небо с овчинку показалось; он перетрусил, но вскоре догадался, чего от него хотят, — он признался, что получил от Хвостова поручение организовать, вместе с Илиодором, убийство Распутина. Был составлен протокол его допроса и доставлен директору департамента полиции, который его немедленно представил в Царское Село. На следующий день Хвостов был уволен.

Воскресенье, 13 февраля.

Распутинская клика в Синоде ликует ввиду растущего расположения императрицы к Штюмеру и доверия, оказываемого ему Николаем. Митрополит Питирим и архиереи Варнава и Исидор уже чувствуют себя главами церковной иерархии; они говорят о предстоящей радикальной чистке высшего духовенства; это означает изгнание всех игумнов и архимандритов, которые еще не преклонились перед покровским эротоманом-мистиком и считают его антихристом. Несколько дней, как по рукам ходят списки расстригаемых и увольняемых и даже списки намеченных к ссылке в те дальние сибирские монастыри, откуда нет возврата.

Ликует и в кругах «церковных матушек» — у графини И... и г-жи Г...

Отставной министр Кривошеин говорил мне вчера с отчаянием и с отвращением: «Делаются и готовятся вещи отвратительные. Никогда не падал Синод так низко... Если кто-нибудь хотел бы уничтожить в народе всякое уважение к религии, всякую веру, он лучше не мог бы сделать... Что вскоре останется от православной церкви? Когда царизм, почуяв опасность, захочет на нее опереться, вместо церкви окажется пустое место... Право, я сам порой начинаю верить, что Распутин антихрист...»

Четверг, 24 февраля.

Сегодня у меня обедала княгиня П. Присутствовали еще итальянский посол маркиз Карлотти и еще человек двадцать, в том числе ген. Н. Врангель, адъютант великого князя Михаила.

Главная тема обеденных разговоров — открытие думской сессии. Княгиня П. очень одобряет посещение государем Думы.

— Я вас не удивлю,— замечает она,— если скажу, что этот либеральный жест не пришелся по вкусу императрице, которая все еще от него не пришла в себя.

— А Распутин?..

— «Божий человек» очень недоволен и предрекает всякие беды.

Ген. Врангель, человек тонкого ума и скептик, придает царскому посещению небольшое значение. Он говорит:

— Поверьте мне, самодержавие всегда останется для его величества непреложным догматом.

Суббота, 26 февраля.

Назначение Питирима петроградским митрополитом повело к тому, что Распутин стал полным хозяином в церковных делах.

Так, он только что заставил капитулировать пред собой Святейший Синод, который должен был утвердить канонизацию «раба Божьего» Иоанна Тобольского.

Приятель Распутина, циничный архиерей Варнава, не рассчитывал на столь скорую и блестящую победу. Для полноты картины этот Варнава будет посвящен в архиереи.

Среда, 29 марта.

Бывший председатель Совета Министров Коковцов был сегодня у меня; я очень ценю его здравый патриотизм и ясный ум. Он, как и всегда, настроен пессимистически: мне даже кажется, что он старается скрыть от меня всю глубину своего отчаяния.

Говоря об общем внутреннем положении России, он придает большое значение деморализации русского духовенства. Его голос при этом дрожит, и в нем слышится скорбное чувство; он заканчивает такими словами:

— Духовные силы страны переживают сейчас тяжелое испытание, и вряд ли они его выдержат. Высшее духовенство почти сплошь находится в полном подчинении у Распутина и его клики. Это какая-то мерзкая болезнь, это гангрена, которая разъедает церковный организм. Я готов плакать от стыда при мысли о тех гнусных проделках, на которые теперь пускается Синод...

Среда, 28 июня.

Из верного источника узнаю следующее:

Императрица переживает очень тяжелую полосу. Усиленные молитвы, посты, аскетические подвиги, волнения, бессонница. Она все больше утверждает в восторженной мысли, что ей суждено спасти святую православную Русь и что покровительство Распутина и высокие его качества ей необходимы для успеха. Она по всякому поводу советуется с ним, просит его благословения.

Но сношения царицы с Гришкой облачены покровом тайны. В газетах о них ни слова. В обществе об этом говорят шепотом, и только самые близкие

между собой, как о позорной тайне, в которую лучше не углубляться; но вообще не стесняются выдумывать бесконечное число фантастических подробностей.

Обыкновенно сам Распутин редко бывает во дворце. Он видится с царицей по большей части у Вырубовой, в ее квартире на Средней улице; там он проводит иногда по несколько часов с обеими женщинами, а агенты генерала Спиридовича охраняют дом и никого не подпускают близко к нему.

Обыкновенно же полковники Ломан и Мальцев поддерживают постоянные сношения между старцем и его кликой и дворцом.

Полковник Ломан, помощник управляющего императорскими дворцами, староста любимой церкви царицы, Федоровского собора, личный секретарь Александры Федоровны, пользуется полным ее доверием. Его помощником в его ежедневных сношениях с Распутиным является артиллерийский полковник Мальцев, начальник воздушной охраны Царского Села. Для интимных поручений императрица пользуется обыкновенно услугами молодой монахини, работающей в придворном военном госпитале, сестры Акилины.

Несколько лет тому назад эта монахиня жила в Октайском монастыре на Урале, недалеко от Екатеринбургa. Крестьянка родом, очень здоровая от природы, она вдруг стала страдать припадками, которые очень усилились и стали периодическими. На глазах у своих испуганных сестер она то корчилась в судорогах, то впадала в восторженно-бредовое состояние, то испытывала необычайные ощущения; ее считали одержимой бесами. Во время такого припадка явился Распутин. Он тогда ходил странником по Уралу. Однажды вечером он попросился ночевать в Октайском монастыре. Его приняли как посланца провидения и немедленно привели к бесноватой, которая билась в припадке. Он остался с ней наедине и в несколько минут исцелил ее властным заклинанием. Дьявол больше не беспокоил ее. После такого исцеления Акилина стала верной слугой старца.

Четверг, 14 сентября.

С некоторого времени ходят слухи, что Распутин и Штюрмер не ладят больше друг с другом: их не встречали больше вместе; они больше не бывали друг у друга.

Между тем, они видятся и совещаются ежедневно. Совещания их происходят по вечерам в самом секретном месте в Петрограде, в Петропавловской крепости.

Комендантом романовской Бастилии состоит генерал Никитин, дочь которого принадлежит к числу пламеннейших поклонниц «старца». Через нее-то и обмениваются посланиями Штюрмер и Гришка; она отправляется за Распутиным в город и привозит его в своем экипаже в крепость; в доме коменданта, в комнате самой m-lle Никитиной, и сходятся сообщники.

Почему они окружают себя такой тайной? Почему они выбрали это таинственное место? Почему сходятся они лишь после наступления ночи? Может быть, чувствуя, что на них тяготеет всеобщая ненависть, они хотят скрыть от публики близость своих отношений. Может быть, они боятся, как бы бомба анархиста не помешала их свиданиям.

Но из всех трагических сцен, о которых хранит воспоминание страшная государственная тюрьма, есть ли более зловещая, чем эти ночные встречи двух злодеев, губящих Россию?

Около семи часов вечера превосходный осведомитель, состоящий у меня на службе, сообщает мне, что сегодня ночью во время ужина во дворце Юсупова убили Распутина. Говорят, что убийцами являются: молодой князь Феликс Юсупов, женившийся в 1914 г. на племяннице царя, вел. князь Димитрий Павлович и Пуришкевич, лидер крайней правой в Думе. В ужине принимали будто участие две или три женщины из общества. Новость пока еще хранится в строгой тайне.

Прежде чем телеграфировать в Париж, я стараюсь проверить только что полученное сообщение.

Я тотчас отправляюсь к г-же Д. Она телефонирует своей тетке, г-же Головиной, великой приятельнице и покровительнице Распутина.

Заплаканный голос отвечает ей:

— Да, отец исчез сегодня ночью. Неизвестно, что с ним случилось... Это ужасное несчастье.

Вечером новость распространяется в Яхт-клубе. Великий князь Николай Михайлович отказывается ей поверить:

— Десять раз уже, — говорит он, — нам объявляли о смерти Распутина. И каждый раз он воскресал могущественнее, чем когда-либо.

Он все же телефонирует председателю Совета Министров Трепову, который ему отвечает:

— Я знаю только, что Распутин исчез; я предполагаю, что его убили. Я не могу узнать ничего больше: дело взял в свои руки начальник «охранки».

Воскресенье, 31 декабря.

Тело Распутина все еще не найдено.

Императрица вне себя от горя: она молила императора, находящегося в Могилеве, немедленно вернуться к ней.

Мне подтверждают, что убийцы — князь Феликс Юсупов, великий князь Димитрий и Пуришкевич. Ни одной дамы за ужином не было. Как же в таком случае заманили Распутина во дворец Юсупова?..

Судя по тому немногому, что мне известно, именно присутствие Пуришкевича сообщает драме ее настоящее значение, ее политический интерес. Великий князь Димитрий — изящный человек, двадцати пяти лет, энергичный пламенный патриот, способный проявить храбрость в бою, но легкомысленный, импульсивный и впутавшийся в эту историю, как мне кажется, сторяча. Князь Феликс Юсупов, двадцати восьми лет, одарен живым умом и эстетическими наклонностями; но его дилетантизм слишком увлекается нездоровыми фантазиями, литературными образами Порока и Смерти; боюсь, что он в убийстве Распутина видел прежде всего сценарий, достойный его любимого автора Оскара Уайльда. Во всяком случае, своими инстинктами, лицом, манерами он походит скорее на героя «Дориана Грея», чем на Брута или Лорензаччио.

Пуришкевич, которому перевалило за пятьдесят, напротив, человек идеи и действия. Он поборник православия и самодержавия. Он с силой и талантом поддерживает тезис: «царь — самодержец, посланный Богом». В 1905 г. он был председателем знаменитой реакционной лиги «Союза Русского Народа», и это он вдохновлял и направлял страшные еврейские погромы. Его участие в убийстве Распутина освещает все поведение крайней правой в последнее вре-

мя; оно показывает, что сторонники самодержавия, чувствуя, чем им грозят безумства императрицы, решили защищать императора, если понадобится, против его воли.

Вторник, 2 января 1917 г.

Тело Распутина найдено вчера во льдах Малой Невки у Крестовского острова, возле дворца Белосельского.

Императрица до последнего момента надеялась, что «Бог сохранит ей ее утешителя и единственного друга».

Полиция не разрешает печатать никаких подробностей драмы. Впрочем, «охранка» продолжает вести следствие в такой тайне, что еще сегодня утром председатель Совета Министров Трепов отвечал на нетерпеливые вопросы великого князя Николая Михайловича:

— Клянусь вам, ваше высочество, что все делается без меня и я ничего из следствия не знаю.

Народ, узнав третьего дня о смерти Распутина, торжествовал. Люди обнимались на улице, шли ставить свечи в Казанский собор.

Когда стало известно, что великий князь Дмитрий был в числе убийц, толпой бросились ставить свечи перед иконой св. Дмитрия.

Убийство Григория — единственный предмет разговора в бесконечных хвостах женщин, в дождь и ветер ожидающих у дверей мясных и бакалейных лавок распределения мяса, чая, сахара и пр.

Они друг дружке рассказывают, что Распутин был брошен в Неву живым, и одобряют это пословицей: «собаке собачья смерть».

Другая народная версия: «Распутин еще дышал, когда его бросили под лед в Неву. Это очень важно, потому что он, таким образом, никогда не будет святым...»

В русском народе держится поверье, что утопленники не могут быть причислены к лику святых.

Среда, 3 января.

Лишь только тело Распутина вытащили из Невы, оно было таинственно увезено в Убежище ветеранов Чесмы, расположенное в пяти километрах от Петрограда по дороге в Царское Село.

Осмотрев труп и констатировав следы ран, профессор Косоротов ввел в залу, где производилось вскрытие, сестру Акилину, молодую послушницу, с которой Распутин познакомился когда-то в Октайском монастыре, где он изгнал из нее беса. По письменному повелению императрицы, она, с одним только больничным служителем, приступила к последнему одеванию трупа. Кроме нее, никого к покойному не допустили: его жена, дочери, самые горячие его поклонницы тщетно умоляли разрешить им видеть его в последний раз.

Бывшая одержимая, благочестивая Акилина, провела половину ночи за омовением тела, наполнила его раны благовониями, одела в новые одежды и положила в гроб. В заключение она положила ему на грудь крест, а в руки вложила письмо императрицы... Вот текст этого письма, как мне его сообщила г-жа Т., приятельница «старца», очень дружившая с сестрой Акилиной:

«Мой дорогой мученик, дай мне твое благословение, чтобы оно постоянно было со мной на скорбном пути, который остается мне пройти здесь на земле. И помяни нас на небесах в твоих святых молитвах. Александра».

Утром на следующий день, т. е. вчера, императрица и г-жа Вырубова пришли помолиться над прахом друга, который они засыпали цветами, иконами и причитаниями.

Сколько раз во время моих поездок в Царское Село проезжал я мимо Чесменского приюта (бывшей летней резиденции Екатерины II), который с дороги виден сквозь деревья. В это время года в своем зимнем уборе, на беспредельной туманной и холодной равнине,— место зловещее и унылое. Это как раз подходящая декорация для вчерашней сцены. Императрица и ее зловещая подруга в слезах перед распухшим трупом развратного мужика, которого они так безумно любили и которого Россия будет проклинать вечно, много ли создал великий драматург — история более патетических эпизодов?

Пятница, 5 января.

Чтобы сбить со следа гипотезы и поиски всеобщего любопытства, «охранка» выпускает слух, что гроб Распутина был перевезен в село Покровское возле Тобольска, не то в какой-то монастырь на Урале.

В действительности погребение происходило очень секретно прошлой ночью в Царском Селе.

Гроб был погребен под иконостасом строящейся часовни на опушке императорского парка, возле Александровска — часовни св. Серафима.

Присутствовали только император, императрица, четыре молодые великие княгини, Протопопов, г-жа Вырубова, полковники Ломан и Мальцев, наконец, совершавший отпевание придворный протоиерей отец Васильев.

Императрица потребовала себе окровавленную рубашку «мученика Григория» и благоговейно хранит ее, как реликвию, как палладиум, от которого зависит участь династии.

Понедельник, 8 января.

Мысль убить Распутина возникла в уме Феликса Юсупова, по-видимому, в середине ноября. Около этого времени он говорил об этом с одним из лидеров кадетской партии, блестящим адвокатом Василием Маклаковым; но тогда он рассчитывал убить «старца» при помощи наемных убийц, а не действовать лично. Адвокат благообразно отговорил его от этого способа: «Негодяй, которые согласятся убить Распутина за плату, едва получив от вас задаток, пойдут продать вас „охранке“...»

Пораженный Юсупов спросил: «Неужели нельзя найти надежных людей?» — на что Маклаков остроумно ответил: «Не знаю, у меня никогда не было бюро убийц».

2 декабря Феликс Юсупов окончательно решил действовать лично.

В этот день он был на открытом заседании Думы и сидел в ложе против трибуны. На трибуну только что поднялся Пуришкевич и громил в страшном обвинительном акте «темные силы, позорящие Россию». Когда оратор воскликнул перед взволнованной аудиторией: «Встаньте, господа министры, поезжайте в Ставку, бросьтесь к ногам царя, имейте мужество сказать ему, что растет народный гнев и что не должен темный мужик дальше править Россией»,— Юсупов затрепетал от сильного волнения. Г-жа П., сидевшая возле него, видела, как он побледнел и задрожал.

На следующий день, 3 декабря, он отправился к Пуришкевичу. Взяв с него слово сохранить все в абсолютной тайне, он рассказал ему, что ведет с не-

которого времени знакомство с Распутиным с целью проникнуть в интриги, которые затеваются при дворе, и что он не останавливался ни перед какой лезть, чтоб снискать доверие Распутина. Ему это чудесно удалось, так как он только что узнал от «самого «старца», что сторонники царицы готовятся свергнуть Николая II, что императором будет объявлен царевич Алексей под регентством матери и что первым актом нового царствования будет предложение мира германским империям. Затем, видя, что его собеседник ошеломлен этим разоблачением, он открыл ему свой проект убить Распутина и заключил: «Я хотел бы иметь возможность рассчитывать на вас, Владимир Митрофанович, чтобы освободить Россию от страшного кошмара, в котором она мечется». Пуришкевич, у которого пылкое сердце и скорая воля, с восторгом согласился. В один момент составили они программу засады и установили для выполнения ее дату: 29 декабря.

Делегаты Франции, Англии и Италии на конференции союзников должны на этих днях выехать в Петроград. Бьюкенен, Карлотти и я советуем своим правительствам отложить их отъезд. Бесплезно подвергать их утомлению и риску путешествия по арктическим морям, если они найдут здесь потерявшее почву правительство.

ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ

Об этой гнусной личности написано так много, что мне почти ничего не остается сказать. В Петербурге циркулировал анекдот, что во время одной из моих аудиенций в Царском Распутин вошел в комнату; царь хотел меня представить, но я тут же простился и вышел. Нет надобности говорить, что этот, как и другие анекдоты об его поступках и словах, является чистейшим вымыслом. Во многих петроградских салонах он был желанным гостем и центром восторженного кружка набожных дам, несмотря на то, что он был одет мужиком и нарочно ходил невымытый и непричесанный. В своей книге о России мой друг Палеолог рассказывает, как он с ним встретился в одном доме и как Распутин по окончании разговора «прижал его к своей груди». Я никогда не искал с ним такой встречи, потому что не считал нужным входить в личные сношения с ним.

Сын необразованного мужика, родом из сибирской деревни, он получил прозвище Распутина за свою беспутную жизнь. В русском крестьянине есть любопытное сочетание добра и зла. Он полон противоречий, он может быть любезным и грубым, набожным и порочным. Распутин не представлял исключения из этого правила. У этого чувственного пьяницы скрытый мистицизм его характера был вызван к жизни проповедями священника, которого ему пришлось перевозить в какую-то отдаленную деревню. Он сам называл эту поездку своим путешествием в Дамаск, потому что, как и св. Павел, он услышал голос в пути. Глубоко потрясенный, он поклялся начать новую жизнь. Бродя странником из села в село, он побирался, проповедовал и исцелял своим магнетическим прикосновением. В одном из монастырей, где он прожил подольше, он научился читать и писать, даже поймал кой-какие обрывки богословия. Несколько лет спустя он ходил на поклонение в Иерусалим.

Этим он постепенно приобрел репутацию святого или старца, обладающего даром исцеления и предсказания. Он, однако, совершил много гадостей и большую часть времени вел двойную жизнь. Он руководствовался правилом, что только раскаяние приносит спасение, и всем его проповедовал, причем добавлял, что без греха нет спасения. Поэтому первый шаг по пути спасения — это поддаться искушению. Секта, которую он основал, была сколком с секты хлыстов или бичевальщиков. Члены ее стремились к непосредственному сношению с Богом, хотя несколько странным образом. Их служба, которую они совершали ночью, была более похожа на вакханалии древнего Рима, чем на

Из воспоминаний английского посла в России. Печатается по книге Д. Бьюкенена «Мемуары дипломата», пер. с англ. (Усиздат, М., 1924).

обряд христианской церкви. С пением и криками они вели хоровод, ускоряя шаг при каждом круге, до тех пор пока, завертевшись в безумной пляске, не падали обессиленные на землю. Далее следовала сцена, которую мы из скромности не будем описывать. Распутин был вполне подходящим первосвященником для такой секты, потому что он пользовался необыкновенным вниманием женщин. Несмотря на его ужасное обращение с ними, они готовы были терпеть от него всякие унижения, лишь бы не покидать его. Одна только женщина отомстила ему и чуть не убила, вонзив ему кинжал в живот.

Слухи о святости Распутина постепенно дошли до столицы, и в 1905 году он был вызван туда довольно известным архимандритом, под покровительством которого он вступил в петербургское общество. У него образовался широкий круг почитателей, в числе которых были две черногорских принцессы, жены великих князей Николая и Петра, и благодаря их услугам он через два года был представлен ко двору. Здесь он постарался выказать только мистическую сторону своего характера. Благодаря ли личному магнетизму или гипнотическому внушению он, несомненно, излечил царевича, идола обоих родителей, от долго мучившей его гемофилии. Уверовав, что Распутин своими молитвами может сохранить жизнь ее сыну, царица сконцентрировала на нем все свои надежды и относилась к нему с чувством, близким к обожанию. Она совершенно отказывалась верить слухам об его распутной жизни, даже когда одна из его пьяных оргий вызвала вмешательство полиции. Для нее он всегда оставался безупречным богобоязненным человеком, оскорбляемым и преследуемым, подобно древним святым.

Распутин обладал обычной ловкостью русского мужика, но он не был обыкновенным мошенником. Он верил в себя, в свою сверхъестественную силу, в свое умение разбирать предначертания судьбы. Он напугал царицу, что, если его врагам удастся удалить его, царевичу придется худо, так как его присутствие необходимо для того, чтобы последний себя хорошо чувствовал. Он это доказал. Ему нужно было уехать на время в Сибирь, царевичу стало хуже. Осенью 1912 года его болезнь из-за несчастной случайности, приняла сразу такую острую форму, что жизнь его была в опасности. Распутин, которому сейчас же об этом сообщили, прислал успокоительную телеграмму, уверяя царицу, что сын ее будет жив. Наступило улучшение, мальчик поправился, и царица приписала его выздоровление заступничеству Распутина. Еще более курьезно его предупреждение, что его собственная судьба неразрывно связана с судьбой царской семьи, и через три месяца после его смерти погибло самодержавие.

В тесные сношения с царской семьей Распутин впервые вошел через госпожу Вырубову, дочь Танеева, начальника царской канцелярии. Разведясь после неудачного брака, госпожа Вырубова нашла утешение в религии; она сделалась неразлучной компаньонкой и доверенной царицы, отнесшейся к ней с участием. Одной из первых она почувствовала безусловное доверие к старцу и, как он предугадывал, оказалась бесценным союзником. Она постоянно поддерживала в царице стремление пользоваться его советами, служа посредником между ними, спрашивая его обо всем, переписываясь с ним во время его кратких поездок в Сибирь. Она была полезна и тем, что передавала царице все, что говорили и думали высокопоставленные лица, и с целью вызвать их на высказывание их политических взглядов она говорила, что советуется с ними по поручению их величеств. Слишком ограниченная, чтоб иметь собственное мнение о людях и вещах, она сделалась бессознательным орудием в руках Рас-

путина и тех, с которыми он имел дело. Я ее не любил и не доверял и редко виделся с нею.

Действительная роль Распутина при дворе еще во многом покрыта тайной. Его влияние на царя не было так велико, как на царицу, и касалось больше вопросов религиозного и церковного характера, чем политических. Он главным образом старался устроить на важных постах православной церкви своих друзей и приверженцев и разжаловать тех священников, которые осмеливались говорить с ним не особенно почтительно. Благодаря его протекции в Тобольск был назначен епископом Варнава, один из самых несимпатичных друзей его детства, необразованный мужик, а немного спустя в Петроград был назначен митрополитом Питирим, человек весьма сомнительной нравственности.

Постепенно, однако, он начал играть роль и в политическом отношении. Он был в интимных отношениях с некоторыми очень реакционными министрами, которые в одно и то же время были его покровителями и клиентами. Несколько слов на клочке бумаги достаточно было, чтоб добиться от министров удовлетворения просьб его протеже. С другой стороны, в своих разговорах с царицей и Вырубовой он защищал то, что нужно было министрам, или хлопотал о назначении на то или иное вакантное место министра своего реакционного друга. Этим он косвенно влиял на царя в выборе министров, а следовательно, и в направлении политики. С тех пор как царь взял на себя верховное командование и царица сделалась всемогущей, это стало еще более обычным явлением.

Но, хотя доминирующим фактором и было влияние Распутина, политическая жизнь шла по направлению тех, интересам которых он служил и чьи интриги поддерживал. Необразованный и огрубевший от избытка чувственных наслаждений, он вряд ли мог конкретно понимать или направлять политику. Он предоставлял это другим, а сам довольствовался тем, что им руководили. Его основным принципом жизни было себялюбие, и никто не умел лучше его открыть карты тех, кто хотел жаловаться на него царю. Коковцов, один среди многих, напрасно пытался открыть царю глаза на настоящий характер Распутина, в результате чего и получил отставку; а князь Орлов, много лет занимавший пост начальника военной канцелярии царя, по той же причине был внезапно сослан в штаб великого князя Николая на Кавказ.

Тем временем внутреннее положение все ухудшалось и ухудшалось, и общее недовольство ведением войны само собой перешло в нападки на царскую семью. Несмотря на то, что царица, по ее собственным словам, порвала все связи с Германией, ее называли «немкой». В то же время Распутина обвиняли в шпионстве в пользу Германии,— обвинение, строго говоря, не вполне правильное. Он не был в непосредственных сношениях с Берлином. Царь советовался с Распутиным и по военным и по политическим вопросам, а Распутин имел привычку повторять своим друзьям все, что он слышал в Царском. Таким косвенным путем Германия получала много полезных сведений. Не будучи ее постоянным агентом, он все же оказывал ей немало услуг, дискредитируя царскую власть и тем подготавливая путь революции...

В декабре некоторые члены императорской фамилии попытались открыть глаза императрице на истинный характер Распутина и на всю серьезность положения. Среди них была старшая сестра ее величества великая княгиня Елисавета, которая со времени убийства ее супруга, великого князя Сергея Александровича, жила всегда вдали от мира в качестве старшей сестры небольшого

монастыря, основанного ею в Москве. Она явилась в Царское, решившись сделать последнее усилие, чтобы спасти сестру, которую она любила. Однако веры императрицы в человека, которого она считала орудием, избранным Богом, нельзя было поколебать, и, выслушав нетерпеливо речь великой княгини, она прекратила разговор. Две сестры расстались, чтобы никогда не встретиться больше.

Несколько позже вторую попытку сделала великая княгиня Виктория, жена великого князя Кирилла. Она не назвала Распутина по имени, но, поговорив очень откровенно об общем положении, она приглашала императрицу изменить свою позицию ради императора и династии. Ее величество была очень нежна по отношению к великой княгине, но сказала, что положение требует твердости и что она не намерена заставлять императора делать дальнейшие уступки...

После столь многих безуспешных попыток освободить Россию от человека, который всеми считался ее злым гением, положение Распутина казалось неприступным. Освобождение пришло с совершенно неожиданной стороны, и утром 30 декабря Петроград был взволнован известием об его убийстве. Тремя главными действующими лицами в этой исторической драме были: князь Феликс Юсупов, Пуришкевич (бывший реакционер, нападавший на Распутина при открытии сессии Думы) и великий князь Дмитрий Павлович. Роль последнего была чисто пассивной, и его присутствие означало, по-видимому, его одобрение тому, что они все трое считали законной смертной казнью. Распутин, к которому была приставлена специальная полицейская охрана, по-видимому, предчувствовал опасность, и князю Феликсу, приехавшему за ним в своем автомобиле, стоило некоторого труда убедить его приехать к нему на ужин во дворец Юсуповых. Здесь его ждал ужин, напоминающий пиры Борджиа, с отравленными пирожными и вином. Распутин отведал и тех и другого, но без всякого вреда для себя. Напрасно прождав действие яда, князь поднялся и, извинившись, поднялся по витой лестнице, в комнату в верхнем этаже, где ожидали великий князь, Пуришкевич и доктор. Взяв у великого князя револьвер, он спустился обратно к Распутину, и, когда последний рассматривал старинное хрустальное распятие на одной из стен, он выстрелил в него сзади в левое плечо. Услышав выстрел, трое остальных участников спустились вниз, и доктор констатировал начало предсмертной агонии. Затем они удалились, чтобы сделать приготовления к удалению тела. Но Распутин не был убит. Поднявшись и отбросив князя Феликса, когда последний по возвращении из столовой наклонился над ним, он выбежал через коридор во двор. Здесь его окончательно добил выстрелами Пуришкевич. Тело было отвезено в автомобиле на Крестовский остров и сброшено в Неву через прорубь. Благодаря кровавым пятнам, оставшимся на снегу, оно было открыто на следующее утро. Несколько дней спустя Распутин был погребен ночью в Царском в присутствии императора и императрицы, митрополита Питирима и Протопопова.

Смерть Распутина была жестоким ударом для императрицы. Все надежды, которые она на нем сосредоточила, рухнули, и она стала опасаться каждую минуту осуществления сделанного им предсказания о гибели династии в том случае, если его не будет. По ее приказанию великий князь Дмитрий и князь Феликс были подвергнуты аресту, хотя свобода от ареста была признанной прерогативой всех членов императорской семьи. Император немедленно возвратился из Ставки и сказал великому князю Павлу, который просил разрешения для своего сына на переезд в его дворец в Царское, что «императрица

не может разрешить этого в настоящее время». Несколько дней спустя великий князь Дмитрий был отправлен в Персию, а князю Феликсу Юсупову было предписано выехать в свои подмосковные имения.

11 января члены императорской фамилии сошлись во дворце великой княгини Марии Павловны и подписали коллективное письмо, в котором они испрашивали прощения императора великому князю Дмитрию. В то же время они в почтительных выражениях указывали на опасности, которыми чревата внутренняя политика его величества как для России, так и для династии. Они получили следующий уничтожающий ответ: «Никому не дано право убивать. Я знаю, что у многих совесть нечиста, так как не один Дмитрий Павлович замешан. Я удивляюсь вашему обращению ко мне».

Убийство Распутина, хотя и вызванное патриотическими мотивами, было фатальной ошибкой. Оно заставило императрицу решиться быть более твердой, чем когда-либо, и оно было опасным примером, так как побудило народ приняться за осуществление своих мыслей на деле. Оно сделало, кроме того, более затруднительным для императора вступить на путь уступок, даже если бы он был к этому расположен, так как в этом случае он дал бы возможность подозревать, что он уступил, опасаясь убийства. По словам Родзянко и других, его величество был на самом деле очень расположен избавиться от Распутина, но я не могу сказать, так ли это.

РОКОВОЕ ОСЛЕПЛЕНИЕ

...Необходимо сообщить читателю некоторые подробности, относящиеся к жизни и первым шагам Распутина, и постараться раскрыть среди массы легенд, сложившихся вокруг него, то, что представляется принадлежащим истории.

В каких-нибудь 150 верстах на юге от Тобольска стоит, затерявшись среди болот, тянущихся вдоль реки Тобола, небольшое село Покровское. Там родился Григорий Распутин. Его отца звали Ефимом. Как многие крестьяне того времени, он не имел фамилии. Жители деревни, которой он не был уроженцем, дали ему, когда он к ним переселился, прозвище «Новых».

Его сын Григорий вел в своей молодости обыкновенную жизнь небогатых крестьян этой области Сибири. Неблагодарная почва часто заставляет поддерживать существование изворотливостью: так же, как и они, он высматривал, что плохо лежит, воровал... Однако он скоро отличился смелостью, которую проявлял в этих предприятиях, а его распутство не замедлило создать ему славу бесшабашного кутежника. Его уже иначе не знали, как под кличкой «Распутин», которая как бы заменила ему фамилию.

Жители сибирских деревень имеют обыкновение отдавать лошадей в наем путешественникам, проезжающим по их местности, а сами служат проводниками или кучерами. Однажды Распутину случилось везти в Верхотурский монастырь одного священника, который, завязав с ним разговор, был поражен живостью его природных дарований. Своими вопросами он довел его до признания в его беспутной жизни, увещевал его посвятить Богу столь дурно применяемый им пыл. Эти убеждения произвели на Григория настолько сильное впечатление, что он, казалось, захотел бросить свою развратную и темную жизнь. Он долго прогостил в Верхотурском монастыре и стал с тех пор посещать святые места в окрестностях.

Вернувшись в свою деревню, он показался совершенно изменившимся, и жители с трудом узнавали в этом суровом и сосредоточенном человеке прежнего забуддыгу, прославившегося столькими темными приключениями. Его можно было видеть странствующим из деревни в деревню с благими речами на устах. Обладая необыкновенною памятью, он подкреплял свои речи длинными текстами из священных книг.

Народная доверчивость, которой он чрезвычайно ловко умел пользоваться, поспешила признать в нем пророка, одаренного сверхъестественными свойствами и имеющего силу творить чудеса. Для того чтобы понять столь быстрое увлечение, надо отдать себе отчет в той страшной силе внушения, которую

Отрывок из книги П. Жильяра «Император Николай и его семья» (издательство «Русь», Вена, 1921).

обладал Распутин, и в легкости, с которой народное русское воображение поддается прелести чудесного.

Добродетель нового святого, по-видимому, не в силах была долго сопротивляться осаждавшим его плоть соблазнам, и вскоре он вновь впал в свою беспорядочную жизнь. Правда, он теперь предавался сильному раскаянию в своих грехах, но это не мешало ему начинать сызнова. Итак, уже в это время в нем была заметна та смесь мистицизма с эротоманией, которая впоследствии сделала из него столь опасного человека.

Несмотря на все это, слух о нем все рос и рос. К нему обращались, его вызывали издалека не только в Сибири, но и в России.

Его странствования привели его, наконец, в Петербург. Он познакомился там в 1905 году с архимандритом Феофаном, ректором духовной академии, которому показалось, что он видит в нем проявления искренней веры и очень большого смирения, а также все признаки божественного вдохновения. Распутин через его посредство был введен в круги набожных людей столицы, где ему уже предшествовал слух о нем как о пророке. Он без труда воспользовался доверием людей, самая утонченность которых усиливала их склонность к суеверию и делала для них тем более притягательными черты простонародной набожности. В его естественной грубости усматривали лишь интересную простоту человека, вышедшего из народа; были в восторге от «наивности» этой простой души...

Распутин вскоре приобрел огромное влияние на новых поклонников. Он сделался обычным завсегдатаем некоторых гостиных высшего петербургского общества и даже был принят некоторыми членами императорской семьи, которые пели о нем хвалебные гимны императрице. Большого ему и не было нужно, чтобы сделать последний шаг. Распутин был введен ко двору через приближенных ее величества и по личной рекомендации архимандрита Феофана. Этот факт не следует забывать, ибо в течение многих лет он ограждал его от нападок его противников.

Мы видели, как Распутин, воспользовавшись отчаянием, наполнявшим душу императрицы, сумел связать свою жизнь с жизнью цесаревича и таким образом приобрести все большую власть над матерью. Каждый раз его вмешательство как будто вызывало улучшение в здоровье ребенка и тем самым усиливало его обаяние, увеличивая вместе с тем и веру в силу его заступничества.

Однако по прошествии известного времени Распутин как будто опьянел под влиянием своего внезапного возвышения. Он счел свое положение достаточно прочным, бросил осторожность, которую соблюдал на первых порах своего пребывания в Петербурге, и вновь стал предаваться излишествами. Но делал он это с большой ловкостью, так что долгое время вводил многих в заблуждение насчет своей личной жизни. Только мало-помалу слух о его разврате стал распространяться и встречать доверие. Сначала против старца раздалось лишь несколько слабых голосов, но вскоре к ним присоединились более уверенные и многочисленные голоса. Первою попробовала разоблачить при дворе обманщика воспитательница великих княжен Тютчева. Ее усилия разбились о слепую веру государыни. Среди обвинений, которые она возводила против Распутина, нашлись такие, которые она в порыве своего негодования недостаточно проверила. Их ложность бросилась в глаза императрице. Видя свое полное бессилие и желая снять с себя ответственность, Тютчева просила, чтобы Распутину был, по крайней мере, запрещен вход в этаж, где жили дети. Государь вмешался в этот вопрос, и ее величество уступила, но не потому, чтобы ее

убеждение было поколеблено, а из чувства миролюбия и снисхождения к Тютчевой...

В марте 1911 года оппозиция стала принимать все более угрожающий характер, и старец счел более осторожным дать время улечься этой буре и на некоторое время исчезнуть. Он отправился на богомолье в Иерусалим.

Когда осенью того же года он вернулся в Петербург, волнение не улеглось, и Распутину пришлось выдержать нападки одного из своих прежних покровителей, епископа Гермогена. Последний при помощи суровых угроз исторг у него обещание не появляться более при дворе, где присутствие его компрометировало царскую семью. Едва успев отделаться от натиска епископа, который дошел до того, что даже его ударил, Распутин побежал жаловаться своей большой покровительнице, почити неразлучной подруге императрицы, госпоже Вырубовой. Епископ был послан в монастырь.

Так же бесцельны были усилия архимандрита Феофана, который не мог утешиться, что некогда сам выступил как бы поручителем за высокую нравственность старца и своей личной рекомендацией ввел в заблуждение царскую чету. Он пустил в ход все, чтобы его разоблачить, но достиг лишь своего удаления в Таврическую губернию.

Распутину удалось выставить обоих епископов интриганам. Последние хотели будто бы воспользоваться им как орудием, а теперь ревновали к той благосклонности, которую он приобрел, чувствуя, что не могут направить ее в своих личных видах, а потому желали вызвать его падение.

«Смиренный сибирский мужик» стал опасным противником, у которого полное отсутствие совести соединилось с величайшею ловкостью. Прекрасно осведомленный и имея ставленников как при дворе, так и среди лиц, окружающих министров, он старался предупредить появление на горизонте каждого нового врага, заранее ловко набрасывая на него тень. Он предвещал под видом предсказаний нападки, которые будут против него направлены, остерегаясь, однако, слишком точно обозначать своих противников. Таким образом, когда против него готовился удар, в руке, которая его направляла, оказывалось уже заранее притупленное оружие. Ему случалось часто заступаться за тех, кто на него клеветал, заявляя с деланным смирением, что эти испытания необходимы для его спасения. Слепому доверию, которое они сохранили к нему до конца, способствовало то обстоятельство, что государь и государыня привыкли видеть, как те, кому они оказывали особое внимание, становились средоточием интриг и как под них подкапывались. Они знали, что достаточно выразить кому-нибудь благосклонность, чтобы на него обрушились нападки завистников. Вот почему они были убеждены, что совершенно особое расположение, оказываемое ими темному мужику, должно было разнудать против него всеобщую ненависть и зависть и сделать его жертвой самых худших поклепов.

Тем временем скандал мало-помалу стал переходить за пределы религиозных кругов, о нем говорили, хотя еще и обвиняками, в политических и дипломатических сферах и на него намекали в речах в Государственной Думе.

Весною 1912 года граф Коковцов, бывший тогда председателем Совета Министров, решил переговорить об этом с государем. Это выступление было тем более щекотливо, что до того времени влияние Распутина давало себя чувствовать только в церковных кругах и в среде императорской семьи; это были две области, в которые царь неохотно допускал вмешательство министров. Государь не убедился доводами доклада, но понял, что уступка общественному

мнению была необходима. Несколько времени спустя после отъезда их величества в Крым Распутин покинул Петербург и направился в Сибирь.

Тем не менее власть его была не из тех, которые уменьшаются от расстояния. Напротив, последнее могло возвысить обаяние старца, способствуя его идеализации.

Как и в прежние его отлучки, между Покровским и различными резиденциями царской семьи в течение 1912 года происходил частый обмен телеграммами через посредство г-жи Вырубовой.

В отсутствии Распутин становился еще могущественнее, так как власть его была чисто психической и основывалась на вере. Над теми, кто хочет верить, власть иллюзии безгранична: история человечества дает этому доказательства.

Но сколько страданий, какие ужасные несчастья должны были произойти из-за этого рокового ослепления!..

Я был тогда еще очень плохо осведомлен насчет старца и пытался всеми способами найти указания, на которых мог бы обосновать верное суждение о нем; личность его меня сильно интриговала. Однако это было нелегко. Дети не только никогда не говорили со мною о Распутине, но даже избегали в моем присутствии всякого намека, который мог бы обнаружить его существование. Я понимал, что они действовали так по приказанию матери. Императрица боялась, вероятно, что я, как иностранец и не православный, не в состоянии понять чувство, которое она и ее семья питали к старцу и которое заставляло их чтить его, как святого. Принуждая моих учениц к молчанию, она предоставляла мне возможность игнорировать Распутина или давала понять свое желание, чтобы я держал себя как человек, ничего о нем не знающий; она предупреждала таким образом всякую возможность с моей стороны вооружиться против человека, самое имя которого предполагалось мне неизвестным.

Я мог убедиться, впрочем, как ничтожна была роль Распутина в жизни Алексея Николаевича. Доктор Деревенко несколько раз рассказывал мне забавные рассуждения цесаревича насчет Распутина. Личность его занимала его детское воображение и возбуждала его любопытство, но влияния на него Распутин не имел никакого.

После выступления Тютчевой Распутин никогда не поднимался в комнаты великих княжен и заходил к Алексею Николаевичу лишь в очень редких случаях.

Очевидно, боялись моей встречи с ним, потому что комнаты, которые я занимал во дворце, были смежны с помещением цесаревича. От приставленных к нему служащих я требовал отчета обо всех мелочах, касавшихся жизни цесаревича, и, таким образом, эти встречи не могли состояться без моего ведома¹.

Дети видали Распутина у своих родителей, но его посещения дворца были уже очень редки. Проходили часто недели, а иногда и месяц без того, чтобы его позвали. Все больше и больше входило в привычку приглашать его к г-же Вырубовой, жившей в маленьком домике совсем близко от Александровского дворца.

Государь и наследник туда почти никогда не ходили, и даже там встречи происходили всегда с довольно большими промежутками.

¹ Я узнал, таким образом, что с 1-го января 1924 года до дня своей смерти, в декабре 1916 года, Распутин был у Алексея Николаевича всего три раза.

Как я уже выше сказал, г-жа Вырубова служила посредницей между императрицей и Распутиным; она передавала старцу письма и приносила во дворец ответы, всего чаще устные...

Война имела еще одно последствие, столь же радостное, сколь и неожиданное, а именно — удаление Распутина на второй план. Он вернулся из Сибири в конце сентября, вполне выздоровевший после тяжелого ранения, которое подвергло его жизнь такой большой опасности. Но все склоняло к предположению, что со времени его возвращения им слегка пренебрегали; во всяком случае, его посещения стали реже. Правда, Алексей Николаевич всю эту зиму был здоров, и не было надобности прибегать к его вмешательству; таким образом, он лишился того, что было источником главной его силы.

Тем не менее его влияние, несмотря на все, оставалось очень значительным. Мне пришлось в этом убедиться незадолго до того, во время страшного железнодорожного крушения, чуть было не стоившего жизни г-же Вырубовой. Ее извлекли почти безжизненной из-под обломков вагона и перевезли в Царское Село в отчаянном, казалось, состоянии. Императрица была потрясена. Она немедленно села у изголовья той, которая была почти единственным ее другом. Спешно вызванный Распутин находился там же. Императрица в этом несчастии видела новое доказательство судьбы, ожесточенно преследовавшей, как она была в том убеждена, всех, кого она любила. И когда она в сильной тревоге спросила Распутина, останется ли жива г-жа Вырубова, он ответил:

— Бог оставит ее тебе, если она действительно нужна тебе и родине; если же, наоборот, ее деятельность вредна, Господь ее возьмет к себе; даже мне не дано знать его неисповедимых путей.

Это был, надо признаться, очень ловкий способ выпутаться из затруднительного положения. Если бы Вырубова поправилась, Распутин обеспечивал себе ее вечную признательность, так как благодаря ему ее выздоровление как бы вновь освящало призвание, выполняемое ею при императрице; если бы она умерла, ее величество видела бы в ее смерти неисповедимую волю провидения и скорее бы утешилась в ее потере.

Это его вмешательство вновь усилило влияние Распутина, но только временно; несмотря на все, чувствовалось, что что-то изменилось и значение его уменьшилось. Я испытывал большое удовольствие, убеждаясь в этом; я тем более радовался этому, что несколько времени перед тем у меня был длинный разговор о старце со швейцарским посланником... Подробности, данные им во время нашего разговора, не оставили во мне ни малейшего сомнения насчет действительной личности Распутина. Он был, как я и предполагал, сбившимся с пути мистиком, обладавшим какой-то психической силой, неуравновешенным человеком, буруваемым поочередно то плотской похотью, то мистическими стремлениями; это было существо, способное после ночных оргий неделями предаваться религиозному экстазу... Но я никогда до этой беседы не подозревал того значения, которое не только в русских кругах, но даже в иностранных посольствах и миссиях Петрограда придавали политической роли Распутина; значение его сильно преувеличивали, но один тот факт, что подобное влияние могло существовать, было уже вызовом общественному мнению. Кроме того, присутствие этого человека при дворе было поводом к удивлению и осуждению для всех, кто знал разгульность его личной жизни. Я отдавал себе отчет в том, что в этом заключалась большая угроза престижу их величеств и что это по-

служит орудием, которым враги рано или поздно воспользуются против них.

Единственным средством было бы удаление Распутина, но где была сила, способная вызвать его опалу? Я слишком хорошо знал глубокие причины его влияния на императрицу, чтобы не бояться, наоборот, нового усиления этого влияния, если бы обстоятельства ему благоприятствовали...

Государыня начала заниматься политикой не из личного честолюбия или жажды власти, как об этом говорили. Побуждения, которые ее к этому влекли, проистекали из области душевных чувств. Она в такой же мере обожала мужа, как боготворила своих детей, и ее потребность посвящать себя тем, кого она любила, была безгранична. Единственным ее желанием было быть полезной государю в тяжелой его задаче и помогать ему своими советами.

Убежденная, что самодержавие есть единственная подходящая для России форма правления, государыня считала широкие либеральные уступки преждевременными. На ее взгляд, только царь, который сосредоточивал в своем лице полноту власти, мог воздействовать на темную массу русского народа. Она была убеждена в том, что в глазах мужика государь представлялся символом единства, величия и славы России, главою государства и помазанником Божиим. Затронуть его прерогативы — значило посягнуть на веру русского крестьянина, рисковать ввергнуть страну в самые худшие катастрофы. Царь должен не только царствовать, но и управлять государством твердой и властной рукой.

Императрица внесла в новую обязанность, которую на себя возложила, то же самозабвение и мужество, но, увы, и то же ослепление, которые она проявила в борьбе за жизнь своего ребенка. Она была последовательна в своем заблуждении. Она была убеждена, как я уже говорил об этом выше, что династия может найти опору только в народе и что Распутин — избранник Божий. Разве она не испытала действенность его молитв во время болезни сына? Она непоколебимо уверовала, что этот смиренный крестьянин может своим сверхъестественным озарением оказать помощь тому, кто держал в своих руках судьбы русской империи. Ловкий и хитрый Распутин лишь с величайшей осторожностью решался давать политические советы. Он всегда старался быть очень точно осведомленным обо всем, что делалось при дворе и каковы были потаенные чувства их величества. Его пророческие слова всего чаще подтверждали лишь заветные желания самой императрицы. На самом деле, сама того не подозревая, она вдохновляла «вдохновителя», но ее личные желания, проходя через Распутина, принимали в ее глазах силу и авторитет откровения.

Перед войной политическое влияние государыни проявлялось лишь урывками. Она ограничивала свое воздействие главным образом тем, что вызывала удаление тех, кто заявляли себя противниками старца. В первые месяцы вслед за открытием военных действий положение это не изменилось, но с начала больших неудач весны 1915 года, в особенности же после того, как государь принял верховное командование, государыня, желая прийти на помощь мужу, которого, как она чувствовала, все более и более подавляло бремя возрастающей ответственности, стала принимать все большее участие в государственных делах. Будучи изнурена, она жаждала для себя лишь покоя, но свое личное спокойствие она приносила в жертву тому, что считала своей священной обязанностью.

Весьма сдержанная и в то же время очень непосредственная, прежде всего — жена и мать, императрица чувствовала себя счастливой только среди

своих. Образованная и обладавшая художественным чутьем, она любила чтение и искусство. Она любила также созерцание и погружалась в напряженную внутреннюю жизнь, из области которой выходила лишь при появлении опасности. Тогда она со страстной горячностью вступала в борьбу. Она была одарена самыми прекрасными нравственными качествами и всегда руководилась самыми благородными побуждениями. Но страдания сломили ее; она была лишь тенью самой себя, и ей часто случалось впадать в периоды мистического экстаза, который заставлял ее утрачивать ясное представление о вещах и о людях. Ее вера в святость Распутина доказывает это яснее всего. Вот каким образом, желая спасти мужа и ребенка, которых она любила больше всего на свете, она своими собственными руками выковала оружие для их гибели...

Политическая атмосфера становилась все более и более тяжелой, и чувствовалось приближение грозы. Недовольство стало настолько общим, что, несмотря на цензуру, оно начинало обнаруживаться в печати. Разногласия становились все глубже. На одном только сходились все — на необходимости положить предел всемогуществу Распутина. Все видели в нем пагубного советчика при дворе, на него возлагали ответственность за все бедствия, от которых страдала страна. Его обвиняли во всех пороках и всяческих излишествах, из него делали чудовищное и отвратительное, почти сказочное существо, способное на все низости и мерзости. Для многих он был порождением дьявола, Антихристом, пришествие которого должно было положить начало самым страшным бедствиям. Государь долго не поддавался влиянию Распутина. В самом начале он терпел его, не решаясь посягнуть на веру, которую питала к нему государыня и в которой она черпала надежду, позволявшую ей жить. Он боялся его удалить, так как, если бы Алексей Николаевич не выжил, он бы, несомненно, оказался в глазах матери убийцей своего ребенка. Он сохранял, однако, осторожную сдержанность и лишь мало-помалу склонялся к взглядам государыни. Не раз делали попытки выяснить ему настоящий облик Распутина и вызвать удаление старца. Царь бывал часто поколеблен, но убедить его так и не удалось...

Мы вернулись в Царское Село 8 декабря. Положение с каждым днем становилось все более напряженным. Распутин, чувствуя накапливающуюся вокруг него ненависть, не смел больше выходить из своей маленькой петроградской квартиры. Негодование достигло высших пределов, страна ждала своего избавления и страстно желала, чтобы кто-нибудь освободил ее от человека, которого она считала злым гением России. Но Распутина хорошо охраняли. Днем и ночью его дом стерегла царская полиция; его оберегали и революционеры, понимавшие, что он работает на них.

Я не думал, чтобы Распутин был, в полном смысле слова, агентом на содержании у Германии, но он был, конечно, страшным орудием в руках немецкой главной квартиры. Последняя была весьма заинтересована в сохранении жизни столь ценного пособника и окружила его шпионами, которые в то же время были его телохранителями. Немцы нашли в нем замечательно действенное средство, чтобы опорочить двор, и они широко его использовали...

Мы выехали 18 декабря обратно в Могилев. Там положение тоже ухудшилось. Весть о взятии Бухареста еще больше омрачила настроение, и все предвещало, по-видимому, самые мрачные возможности. Румыния, казалось, погибла.

Все были подавлены, встревожены, испытывали неизъяснимо тяжелое чувство, как бывает перед приближением опасности или катастрофы; в воздухе чувствовалась гроза. Вдруг, как удар грома, пронеслась весть о смерти Распутина. Это было 31 декабря. В тот же день мы выехали в Царское Село.

Я никогда не забуду глубокого волнения, которое испытал, снова увидев императрицу. Ее взволнованное лицо выдавало, против ее желания, силу ее страданий. Ее горе было безгранично. Разбита была ее вера, убит тот, кто один лишь мог спасти ее ребенка. Без него становились возможны все несчастья, всякие катастрофы. И началось ожидание, мучительное ожидание несчастья, которого нельзя избежать..

СТАРЕЦ

Еще задолго до моего назначения мне приходилось не раз слышать рассказы о Распутине, производившие на меня впечатление не простой сплетни, а чего-то умышленно раздуваемого. Исходили, к моему великому изумлению, эти рассказы от приближенных к царю лиц, которые старались придавать особенное значение каждому появлению Распутина при дворе. Так, например, во время Романовских торжеств в Костроме на церковном богослужении в высочайшем присутствии появление Распутина было немедленно подчеркнуто среди присутствующих не кем иным, как товарищем министра внутренних дел, свиты генералом Джунковским.

На меня такое вмешательство в личную жизнь царской четы производило удручающее впечатление. Распутина я до назначения дворцовым комендантом не видел, сведения же о нем получал от людей, якобы преданных государю, но, вероятно, не понимавших, что их вредная болтовня вносит расстройство в неустойчивые умы...

Под конец пребывания царя в Ливадии в Ялту приехал на несколько дней Распутин, о чем мои подчиненные мне немедленно донесли и затем ставили меня в известность о том, где он бывал и с кем виделся.

Приезд его дал лицам свиты обильную тему для всевозможных острот. Князь Орлов, в ожидании выхода их величеств к завтраку, при посторонних двору лицах, со смехом сказал: «Теперь я спокоен. Распутин приехал — значит, все пойдет хорошо».

С Распутиным я разговаривал всего один раз, имея определенную цель — составить о нем свое личное мнение. Было это вскоре по вступлении моем в должность дворцового коменданта. Он мне показался человеком проницательным, старавшимся изобразить из себя не то, чем был на самом деле, но несомненно обладавшим какою-то внутренней силой.

Отталкивающее впечатление произвели на меня его плутовские глаза, все время бегавшие и не смотревшие прямо в лицо. Как мне потом передавали, я ему не понравился и он про меня сказал: «Вивейка меня не любит». (Его манера коверкать фамилии многим очень нравилась.)

Все, что я видел и слышал касательно Распутина, напомнило мне с детства запечатлевшиеся рассказы про крестьянина Чембарского уезда в нашем родном Пензенском имении.

Отрывок из книги В. Н. Воейкова «С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II» (Гельсингфорс, 1936).

Соседки помещицы, проводившие согласно тогдашней моде зимы в Сорренто или Каstellамарэ, возвращаясь к лету в свои имения, постоянно принимали у себя Фирса Михайловича. Это был крестьянин самого настоящего типа серого мужика, но очень умный и обладавший силою подчинять своей воле людей, в особенности дам. Подпадавшие под его влияние помещицы становились врагами всякого, кто не разделял мнений, высказанных Фирсом Михайловичем.

Отношение к Распутину его поклонниц, в числе которых дамы высшего общества встречались очень редко, напомнили мне картины провинциальной жизни Чембарского уезда.

Преимущество Распутина перед Фирсом Михайловичем заключалось в том, что он в своих странствованиях по монастырям и скитам приобрел внешность так называемого Божьего человека и усвоил кое-какие тексты Священного Писания. Будучи человеком безусловно хитрым, обладавшим умением для каждого находить особый язык, он держался независимо во всяких обществах, увлекавшихся всем таинственным и принимавших его с распростертыми объятиями. Говорил он иногда непонятные фразы, не слишком заботясь об их смысле, который его поклонницы находили сами.

Распутин, сознавая, что обладает способностью внушения и гипноза, и будучи уверен в своей силе, по-видимому, считал, что благодаря своему дару имеет и большие жизненные права.

Когда некоторые высшие православные духовные лица узнали о существовании крестьянина села Покровского Тобольской губ. и о силе, которою он обладал, они надумали использовать его для своих целей, причем влияние его приписали «действию богобоязненного простого русского православного человека на ищущих в духовных беседах успокоения». Они стали ему покровительствовать и ввели его при посредстве великих княгинь Милицы и Анастасии Николаевны к великому князю Николаю Николаевичу.

В скором времени Распутин завоевал такие симпатии этих трех высочайших особ, что, даже когда он уезжал на свою сибирскую родину, они поддерживали с ним непрерывные письменные сношения и посылали подарки, украшавшие его дом в Покровском.

Считая Распутина за человека преданного, который может им оказать поддержку при высочайшем дворе, великие княгини, воспользовавшись болезнью наследника царевича, представили Распутина их величествам.

Представление произошло при содействии великого князя Николая Николаевича в конце октября 1905 года. Создававшаяся в то время в обществе легенда о святости старца Распутина и его даре исцелять больных сильно помогла великой княгине Милице Николаевне добиться согласия императрицы Александры Федоровны познакомиться с Распутиным.

Цесаревич получил в наследие от своей бабушки, дочери королевы Виктории, болезнь английской королевской семьи — гемофилию: от всякого самого незначительного ушиба у него делалось внутреннее кровоизлияние, сопровождавшееся мучительным воспалительным процессом, который причинял ему тяжкие страдания.

С первого же раза, когда Распутин появился у постели больного наследника, облегчение последовало немедленно. Всем приближенным царской семьи хорошо известен случай в Спале, когда доктора не находили способа помочь

сильно страдавшему и стонавшему от болей Алексею Николаевичу. Как только, по совету А. А. Вырубовой, была послана телеграмма Распутину и был получен на нее ответ, боли стали утихать, температура стала падать и в скором времени наследник поправился.

Если стать на точку зрения императрицы-матери, в Распутине видевшей богобоязненного старца, своими молитвами помогавшего больному сыну,— многое должно быть понято и прощено всяким преданным престолу и Родине русским человеком.

Помощь, оказываемая наследнику, настолько укрепила положение Распутина при дворе, что он более не стал нуждаться в поддержке великих княгинь и духовных особ. Как человек совершенно невоспитанный, он не сумел или не захотел этого скрыть и просто повернул спину своим благодетелям. Тогда против него началась травля; в Синоде завели дело по обследованию жизни и деятельности Распутина с целью доказать, что он — сектант, проповедующий вредные для православия принципы; в обществе же стали о нем говорить как о развратнике, бросающем своими появлениями во дворце тень на императрицу. Подкладкою этих разговоров часто служило разочарование в Распутине, не оправдавшем возлагавшихся на него надежд.

Чем сильнее была исходившая из думских сфер травля против Распутина, тем больше развивалось у государыни чувство необходимости оградить незаменимого для здоровья наследника человека: влияние императрицы на некоторые назначения можно было объяснить желанием удалять от власти опасных для Распутина лиц.

Отлично все это учитывавший, Распутин принимал во дворце личину праведника; на стороне не стеснялся, пользуясь выгодами своего положения, удовлетворять свои подчас дикие инстинкты.

В Государственной Думе Распутин был оценен как подходящий для антидинастической пропаганды элемент. Также смотрела на него и еврейская пресса, не жалевшая красок для описания жития старца Распутина.

Она ему приписывала и пропаганду фетишизма, говорила о будто бы вырытой на его усадьбе в Покровском яме, в которой происходили моления; цитировала его поучения, исходившие из того, что грех для покаяния Богу угоден так же, как и подвиг, т. е. без греха нет и покаяния. Словом, личность Распутина представляла из себя прекрасный материал для жадных до сенсаций корреспондентов.

Такой тип мог расцвести только при содействии самого общества. К его услугам была окружавшая его толпа, своим раболепством доводившая Распутина до того, что он, якобы для одоления беса, разрешал поклонникам облизовать его грязные руки.

Приемная неграмотного сибирского мужика стала местом особого паломничества. И не одни проходимцы собирались в этой приемной.

Тут был, однако, цвет столицы,
И знать, и моды образцы,
Везде встречаемые лица,
Необходимые глупцы.
Тут были дамы пожилые,
В чепцах и розах, с виду злые,
Тут было несколько девиц,
Не улыбающихся лиц.

Тут был посланник, говоривший,
О государственных делах.
Тут был в душистых седилах
Старик, по-старому шутивший
Отменно тонко и умно.

16-го декабря живший на Гороховой Г. Е. Распутин заявил своим домашним: «Сегодня я поеду к маленькому» (маленьким он называл бывавшего у него молодого князя Феликса Юсупова, графа Сумарокова-Эльстон).

Войдя вечером в квартиру Распутина с черного хода, Юсупов в скором времени вышел с ним и повез его в Юсуповский особняк на Мойке. След Распутина исчез, и начавшая розыски полиция только 17-го декабря в 2 часа дня обнаружила следы крови на панели и перилах 4-го пролета и на одном из устоев большого Петровского моста. Там же на льду лежал мужской ботик, оказавшийся принадлежавшим Распутину.

Протопопов, прилагавший старания к розыску Распутина, когда тело было найдено, распорядился перевезением его в часовню Чесменской богадельни, находившейся на полпути между Царским Селом и Петроградом.

Это произошло во время пребывания государя на Ставке и нахождения его на пути к Царскому Селу, куда он прибыл 19-го декабря. Меня последовательно — шаг за шагом — ставили в известность о всех поступающих по делу сведениях, которые я, в свою очередь, докладывал государю. С самого первого доклада — о таинственном исчезновении Распутина, до последнего — о водворении его тела в часовню Чесменской богадельни — я ни разу не усмотрел у его величества скорби и скорее вынес впечатление, будто бы государь испытывает чувство облегчения.

По прибытии в Царское Село я немедленно по телефону высказал А. Д. Протопопову свое удивление по поводу того, что он, не поняв положения вещей, не догадался скрыть результаты розысков по убийству Распутина. А. Д. Протопопов давал бесконечное количество всевозможных объяснений и обещал заехать ко мне перед докладом у государя. В половине двенадцатого меня вызвала к себе императрица, чтобы поговорить о волновавшем ее убийстве Распутина, относительно которого к этому времени уже стало известно, что убийцами были князь Юсупов и депутат Государственной Думы В. М. Пуришкевич; соучастником — великий князь Дмитрий Павлович.

Видимо, императрица одновременно переживала два больших горя: с одной стороны, смерть чтимого ею Г. Е. Распутина, а с другой — удар, нанесенный великим князем Дмитрием Павловичем, которого их величества с детства любили, баловали и с которым находились в самых близких отношениях. Начала императрица разговор со мною с вопроса — где хоронить Распутина? Мне пришлось в голову сказать, что я слышал, будто бы покойный желал быть похороненным на погосте родного села Покровского.

Так как императрица выразила желание присутствовать на богослужении при теле покойного, я дал мысль это исполнить при перевезении его через Царское Село на станцию Колпино. Императрица колебалась принять какое-нибудь решение ввиду многочисленных просьб со стороны поклонниц Распутина похоронить его в Царском Селе, причем указывалось даже место — у ограды парка в направлении Александровской станции.

В этот же день, в разговоре с А. А. Вырубовой, я ей высказал свое опасение,

что если Распутина похоронят в Царском Селе, то могила его может подвергнуться осквернению и потребует охраны часового. К сожалению, я оказался пророком. Заехавший ко мне А. Д. Протопопов обещал поддержать мое предложение отправить тело Распутина в Тобольскую губернию. Уходя, он сказал, что вернется ко мне после доклада. Через некоторое время я узнал, что он сел в свой мотор и прямо из дворца укатил в Петроград. На телефонный мой вопрос о результате доклада по делу Распутина А. Д. Протопопов ответил, что ему не удалось склонить ее величество принять мое предложение. На деле же оказалось, что он у государыни настаивал на погребении Распутина в Царском Селе, говоря, что провоз тела по России может дать повод к нежелательным демонстрациям по пути следования. В этот же день мне были представлены копии двух телеграмм великой княгини Елизаветы Федоровны:

1. «Москва, 18-12, 9.30. Великому Князю Дмитрию Павловичу. Петроград. Только что вернулась вчера поздно вечером, проведя неделю в Сарове и Дивееве, молясь за вас всех дорогих. Прошу дать мне письмом подробности событий. Да укрепит Бог Феликса после патристического акта, им исполненного. Елла».

2. «Москва, 18-12. 8. 52. Княгине Юсуповой. Кореиз. Все мои глубокие и горячие молитвы окружают вас всех за патристический акт вашего дорогого сына. Да хранит вас Бог. Вернулась из Сарова и Дивеева, где провела в молитвах десять дней. Елисавета».

Кроме того, я узнал, что 18-го декабря государыня получила от князя Юсупова, убийцы Распутина, письмо, начинавшееся словами:

«Ваше Императорское Величество. Спешу исполнить Ваше приказание и сообщить Вам все то, что произошло у меня вчера вечером, дабы пролить свет на то ужасное обвинение, которое на меня возложено. По случаю новоселья, ночью 16-го декабря я устроил у себя ужин, на который пригласил своих друзей, несколько дам. Великий Князь Дмитрий Павлович тоже был. Около 12-ти ко мне протелефонировал Григорий Ефимович, приглашая ехать с ним к цыганам. Я отказался, говоря, что у меня самого вечер, и спросил, откуда он мне звонит. Он ответил: „Слишком много хочешь знать“,— и повесил трубку. Когда он говорил, то было слышно много голосов. Вот все, что я слышал в этот вечер о Григории Ефимовиче...» Кончалось письмо так: «Я не нахожу слов, Ваше Величество, чтобы сказать Вам, как я потрясен всем случившимся и до какой степени мне кажутся дикими те обвинения, которые на меня возводятся. Остаюсь глубоко преданный Вашему Величеству Феликс».

Период времени, предшествовавший исчезновению Распутина, был периодом страшного возбуждения против него во всех слоях общества, в котором разговоры исключительно вертелись на необходимости от него избавиться; в разговорах этих все чаще и чаще стало высказываться убеждение, что убийство представляет из себя единственный способ избавления России от Распутина.

За несколько дней до 16-го декабря, когда я был на Ставке, ко мне в дом пришел один молодой офицер лейб-гусар, служивший в полку во время моего командования, и сказал моей жене: «Я знаю наверное, что, если старика не уберут, он будет убит». Так как произнесено это было тоном, не внушавшим сомнения в правдивости сказанного, слова эти были немедленно доведены до сведения А. А. Вырубовой, которая к ним отнеслась с недоверием и сказала: «Не так-то легко убивать людей». По-видимому, она не видела или не понимала

агитации, которая в это время шла иногда даже от людей, весьма близких к престолу, заходивших в своих предположениях несравненно дальше убийства Распутина, подтверждением чего могут служить следующие выдержки:

1) Из письма 25-го ноября 1916 года матери убийцы Распутина к сыну:

«Теперь поздно, без скандала не обойтись, а тогда можно было все спасти, требуя удаления управляющего (т. е. государя) на все время войны и невмешательства Валидэ (т. е. государыни) в государственные вопросы. И теперь, я повторяю, что, пока эти два вопроса не будут ликвидированы, ничего не выйдет мирным путем, скажи это дяде Мише (М. В. Родзянко) от меня».

2) Из письма супруги председателя Государственной Думы А. Н. Родзянко к княгине З. Н. Юсуповой от 24 декабря 1916 года: «Несмотря на весь окружающий нас мрак, я твердо верю, что мы выйдем победителями как в борьбе с внешним врагом, так и с внутренним. Не может святая Русь погибнуть от шайки сумасшедших и низких людей: слишком много пролито благородной крови за славу и честь России, чтобы дьявольская сила взяла верх».

3) Из ее же письма к княгине З. Н. Юсуповой от 1-го декабря 1916 года:

«Все назначения, перемены, судьбы Думы, мирные переговоры — в руках сумасшедшей немки, Распутина, Вырубовой, Питирима и Протопопова».

Несмотря на оказанное мною противодействие, предание земле тела Распутина состоялось в Царском Селе. Я лично не был на похоронах и накануне умолял государя не ехать. Государь мне ничего не ответил, а на следующий день, в 8 час. утра, я был по телефону поставлен в известность о том, что его величеству подано два мотора, в которых отбыла на похороны Распутина вся высочайшая семья, кроме наследника.

Следствие по делу об убийстве Распутина волновало все круги Петрограда, а потому государь решил дело это прекратить, а двух из участников убийства временно удалить из столицы. Великий князь Дмитрий Павлович получил предписание продолжать свою военную службу в рядах наших войск, находившихся в Персии на турецком фронте, а князь Юсупов, в то время проходивший ускоренные курсы Пажеского корпуса, был отправлен в курское имение Ракитное, куда съехалась его семья...

МОИ ВСТРЕЧИ С РАСПУТИНЫМ

25 марта 1915 года.

...Когда я вошла, все сидели за роскошно сервированным столом. Распутина я узнала сразу, по рассказам я имела представление о нем. Он был в белой шелковой вышитой рубашке навыпуск. Темная борода, удлинненное лицо с глупо сидящими серыми глазами. Они поразили и меня. Они впиваются в вас, как будто сразу до самого дна хотят прощупать, так настойчиво, пронизательно смотрят, что даже как-то не по себе делается. Меня усадили рядом. Он пристально и внимательно поглядывал на меня. Потом вдруг, без всяких предисловий, протянул стакан с красным вином и сказал: «Пей». Я уже и раньше обратила внимание, что он всем, и старым, и молодым, говорил «ты», но все-таки, когда он обратился ко мне, я удивилась. Так это странно прозвучало «Пей», а потом: «Возьми карандаш и пиши», — командовал он. Право, я не шучу, он так сказал, привык, очевидно, распоряжаться.

Ко мне потянулось несколько рук с карандашами и листочками бумаги. Ничего не понимая, я машинально взяла в руки карандаш. «Пиши».

Я стала писать: «Радуйся простоте, горе мятущимся и злым — им и солнце не греет. Прости меня, Господи, я грешная, я земная, и любовь моя земная. Господи, творяй чудеса, смири нас. Мы твои. Велика любовь твоя за нас, не гневайся на нас. Пошли смирение душе моей и радость любви благодатной. Спаси и помоги мне, Господи». Все почтительно слушали, пока он диктовал. Одна пожилая дама, с благоговением глядевшая на Распутина, шепнула мне: «Вы счастливая, он вас сразу отметил и возлюбил». «Это ты возьми и читай, сердцем читай», — сказал он. Потом стал разговаривать с другими. Заговорили о войне. «Эх, кабы не пырнули меня, не бывать войне. Не допустил бы я государя. Он меня вот как слушается, а я бы не позволил воевать. На что нам война. Еще что будет-то...»

После завтрака перешли в другую комнату. «Играй: „По улице мостовой“», — внезапно, без всякой связи с предыдущим, scomандовал он. Одна из барынь села к роялю и заиграла. Он встал, начал в такт покачиваться и притаптывать ногами в мягких сапогах. Потом вдруг пустился в пляс. Танцевал он неожиданно легко и плавно. Как перышко носился по комнате, приседая и выбивая дробь ногами, приближался к дамам, выманивая из их круга партнершу. Одна из дам не выдержала и с платочком выплыла к нему навстречу. Кажется, никто не был удивлен. Как будто этот пляс среди бела дня был самым обычным делом...

Отрывок из книги Е. Джанумовой «Мои встречи с Распутиным» (издательство «Петроград», 1923).

Со странным чувством шла я домой. Так вот он какой, властелин России в шелковой косоворотке. Чувство недоумения еще усилилось. В ушах звучали забористые звуки „По улице мостовой“. Мелькала бородастая фигура, развевались кисти голубого пояса. Четко и дробно выбивали такт ноги в мягких сапогах из чудесной кожи, какого-то особенного фасона. Глубоко сидящие глаза настойчиво вонзались в меня, и я не знала, что думать.

26 марта.

...К часу он явился в малиновой шелковой косоворотке, веселый, благодущный. Много разговаривал, перескакивая с одной темы на другую, так же как вчера. Какой-нибудь эпизод из жизни, потом духовное изречение, не имеющее никакого отношения к предыдущему, и вдруг вопрос к кому-нибудь из присутствовавших. Иногда, кажется, и не смотрит на кого-либо и внимания не обращает. А потом неожиданно уставится и скажет: «Знаю, о чем думаешь, милой». И, кажется, всегда угадывает. Говорил много о Сибири, о своей семье и деревенском хозяйстве. «Вот какие руки. Это все от тяжелой работы. Не легка она, наша крестьянская работа». Странно как-то звучали эти слова за столом, заставленным хрусталем и серебром. В голосе его чувствовалось самодовольство. Он во все стороны поворачивал узловатую руку со вздувшимися жилами...

17 сентября.

...Мы поехали на Гороховую, 64. Распутин сидел в столовой между двумя дочерьми, Марой и Варей. Встретил он нас, как мы и ожидали, упреками: почему я не показывалась, почему скрыла свой приезд. Когда он злится, лицо у него делается хищным, обостряются черты лица и кажутся такими резкими. Глаза темнеют, зрачки расширяются, и кажутся они окаймленными светлым ободком. Однако постепенно настроение у него улучшилось и он развеселился. Расправились морщины, и глаза засветились лукавой добротой и лаской. Удивительно у него подвижное и выразительное лицо...

18 сентября.

...В столовой уже разместилось многочисленное, исключительно дамское, общество. Шелка, темное сукно, соболь и шиншеля, горят бриллианты самой чистой воды, сверкают и колышутся тонкие эгретки в волосах, и тут же рядом вытертый старомодный платочек какой-то старушки в затрапезном платье, старомодная наколка мещанки, белая косынка сестры милосердия. Просто сервированный стол со сборным чайным сервизом утопает в цветах. Он ввел меня за руку и представил всему оживленному обществу: «Вот это моя самая любимая московская — Франтик». Все почтительно и любезно поздоровались со мною. Меня посадили рядом с сестрой милосердия, которую все называли Килина. Я узнала впоследствии, что ее зовут Акилиной Никитишной. Она бывшая монахиня, оставившая монастырь ради Распутина. Всюду следует за ним и живет с ним на одной квартире. Мне налили чай. Я протянула руку за сахаром, но Килина, взяв мой стакан, сказала Распутину: «Благослови, отец». Он достал пальцами из стоявшей возле него сахарницы кусок и опустил его в мой стакан. Заметив мое удивление, Килина объяснила: «Это благодать Божия, когда отец сам своими перстами кладет сахар». И я, действительно, заметила: все с благоговением тянутся к нему со своими стаканами. Рядом с ним по пра-

вую сторону сидела хорошенькая изящная дама Саня П. (как я потом узнала, сестра А. В). Показывая на меня, он ей сказал: «Это — Франтик, когда поедешь в Москву, остановись у нее, у нее хата хорошая...»

В столовую впрорхнула — право, иного слова и не придумаешь — стройная барышня в суконном платье безукоризненного покроя. Она быстро шла, вернее, неслась, как будто танцует на ходу. Все блестело и сверкало на ней: драгоценные камни, какие-то брелоки, золотые кинжальчики у пояса и у ворота и глаза, горевшие неестественным блеском. На ходу, звеня браслетами, она торопливо сдергивала замшевую перчатку, распространявшую запах тонкий, нежный незнакомых мне духов, обнажая узкую руку с длинными пальцами, унизанную кольцами. Она так и бросилась к Распутину. Он обнял ее, она с жаром поцеловала его руку. «Отец, отец,— звонко и радостно говорила она, улыбаясь какой-то странной, блаженной и вместе с тем растерянной улыбкой,— ты мне велел, и все вышло по слову твоему. Моей тоски как не бывало. Ты мне велел другими глазами смотреть на мир, и мне так радостно и хорошо на душе. Знаешь, отец,— говорила она, все более увлекаясь и с каким-то экстазом глядя на него,— я вижу голубое небо и солнце и слышу, как птички поют. Ах, как хорошо, отец, как хорошо!» — «Вот видишь, я говорил тебе, что надо другими глазами смотреть. Надо верить, и все увидишь. Надо слушаться меня, и все будет хорошо». Он еще раз обнял и поцеловал ее. Она радостно засмеялась и поцеловала его руку. Я не могла глаз оторвать от этой удивительной девушки. Мне казалось, что она плохо сознает окружающее, носится где-то далеко в каких-то грезах своих. Я узнала, что это — дочь одного из великих князей. Ее присутствие как будто наэлектризовало всех. Громче стали говорить и смеяться, как будто опьянение охватило всех. Чаше подходили к Распутину, заглядывали в его глаза, целовали руку. «Вот видишь, Франтик, как мы живем в Питере,— светом любви радую я, сладостно всем, возлюбившим меня».

Настроение присутствовавших все повышалось. Кто-то предложил спеть «Странника». Килина высоким красивым сопрано запевала. Остальные дружно подтягивали. Низкий приятный голос Распутина звучал как аккомпанемент, оттеняя и выделяя женские голоса. Никогда я не слышала раньше этой духовной песни. Она похожа на народную. Очень красива и грустна, как большинство русских песен. Все настроились на грустный лад и стали петь псалмы. Взлетали вверх высокие ноты Килины, и мерно и мягко гудел голос «отца». Все это создавало такое торжественное и странное настроение. Я чувствовала себя также необыкновенно приподнятой. На щеках у великой княжны зарделись два ярко-алых пятна, глаза мечтательно ушли вдаль, лицо ее выражало блаженство нестерпимое, доходящее до страдания... И вдруг звонок прерывает пение. Приносят роскошную корзину роз и дюжину вышитых шелковых рубашках разных цветов. От какой-то дамы в подарок. Он сделал знак Килине, чтобы отложить в сторону. Но пение больше не налаживалось. Началась беседа на религиозные темы.

«Надо смирять себя,— поучал он,— проще, проще, надо ближе к Богу. Этим всяких ваших хитростей не надо. Ой, хитры вы все, мои барыньки, знаю я вас. В душе вашей читаю. Хитры вы больно». Внезапно, без всякого перехода он стал напевать «русскую». Сейчас же несколько голосов подхватило. Он махнул рукой в сторону великой княжны. Она вышла и все с той же восторженной и немного растерянной улыбкой стала плясать грациозно и легко. Навстре-

чу подбочился Распутин. Но в этот раз он танцевал не так охотно, как в тот раз, в первый день нашего знакомства, и также внезапно прекратил пляс. Тотчас же смолкли звуки «русской»...

Уже некоторые стали прощаться. Я тоже собиралась уходить, но осталась, так как вошла женщина, сильно заинтересовавшая меня. Она была в белом холщовом платье странного покроя, в белом клобуке на голове, надвинутом на самые брови. На шее у нее висело много книжечек с крестами на переплете — двенадцать Евангелий, как мне объяснили. Она вошла, поклонилась в пояс сначала ему, потом остальным и припала к его руке. «Генеральша Л.,— сказала одна из дам. Она что-то шептала Распутину, сложив руки и склоняя голову. Когда кто-нибудь громко говорил, она сердито и неодобрительно смотрела и, наконец, не выдержала: «Здесь у отца, как в храме, надо с благолепием»,— строго заметила она. «Оставь их. Пусть веселятся».— «Веселие в сердце носить надо,— неумолимо продолжала она,— а снаружи смирения больше. Так-то лучше будет».

Стали расходиться. Отцу целовали руку. Он всех обнимал и целовал в губы. «Сухариков, отец»,— просили дамы. Он раздавал всем черные сухари, которые заворачивали в душистые платочки или в бумажки и прятали в сумочки. Предварительно пошептавшись с некоторыми дамами, Дуняша вышла и вернулась с двумя свертками в бумаге, которые и раздавала им. Я с удивлением узнала, что это — грязное белье «отца», которое они выпрашивали у Дуняши. «Погрязнее, самое ношеное, Дуняша,— просили они,— чтобы с потом его...»

Когда мы вышли на лестницу, я спросила одну из дам о женщине с Евангелиями, которая осталась в квартире Распутина. «Это — знаменитая генеральша Л., бывшая почитательница Илиодора. Теперь она чтит отца как святого. Праведной жизни женщина, как подвижница живет. Спит на голых досках, под голову полено кладет. Ее близкие умоляли „отца“ послать ей подушку свою, чтобы не мучилась так. Ну, на его подушке она согласилась спать. Святая женщина».

Мне казалось, что я вырвалась из сумасшедшего дома...

Москва, 21 ноября 1915 г.

До меня доходили слухи о все растущем неограниченном его влиянии на дела государства. Одновременно росло негодование. Постоянно приходится слышать о нем, его имя произносится с ненавистью. Странно подумать, что этот человек в шелковой рубахе, окруженный хороводом дам,— вершитель судеб нашей родины. Поистине мы живем в век чудес...

25 ноября.

В Петербурге мы остановились в скромной гостинице, т. к. я боялась каких-нибудь выходов Распутина и не хотела компрометировать себя. Тотчас же по приезде я позвонила по телефону 646-46. Он узнал мой голос и радостно закричал: «Дусенька, ты в Питере, ну, так сейчас же ко мне приезжай. Сию же минуту, я жду тебя». Я сказала, что приехала с подругой, которая хочет с ним познакомиться, но нам надо привести себя в порядок после дороги. Он ответил, что ждать не может, так как едет в Царское Село, но будет ждать нас к 6 часам вечера.

Мы приехали в назначенное время. Он сам открыл нам дверь. Расцеловал меня и Лелю, которую видел в первый раз. Он был слегка навеселе. Из соседней комнаты доносились звуки музыки и пения. В столовой шумел самовар, стояли цветы, недопитые стаканы чаю, торты, конфеты, вино. Он усадил нас и стал угощать. Леля сразу же начала выкладывать свое дело. Она сказала ему, что ищет у него защиты, зная, что он заступник и покровитель женщин. Муж у нее на фронте, она совсем одна, ее обижают, хотят разорить. Говорила с ним так, как будто давно знала его, и очень умело ему льстила. Вздыхала, скромно опускала глаза, но из-под ресниц время от времени взглядывала на него своими голубыми глазами. Видно было, что она ему сразу понравилась. Все с большим интересом слушал он, не отрывая от нее своих светящихся глаз. Я сразу подумала, что все хорошо устраивается. По крайней мере, мне не будет угрожать опасность от его ухаживаний.

Задрезжал телефон. Он взял трубку, стал слушать. И вдруг лицо его расцвело. Казалось, смеется всякая морщинка на лице. Он подергивал плечами и подпевал: «Эх, да тройка, снег пушистый. Ну-кося, послушайте, как поет знакомая барынька, хорошо поет, полковница одна, певица». Я слушала в телефон цыганский романс под аккомпанемент гитары. Он снова взял трубку. «Ну теперь, дусенька, спой барыню... Эх, барыня, барыня, барыня, сударыня», — подпевал он, приплясывая с трубкою в руке. Дуня яростно бросилась к нему. «Ты чего расплясался, леший. Что выдумал, глаза бы мои на тебя не глядели, стыда на тебе нет, хоть людей постыдился бы. Что скажут про тебя твои московские барыньки? Там люди дожидаются, а он что выдумал, — она с сердцем вырвала у него трубку и повесила ее, — ждут тебя, давай ответ». «Ну, хорошо, — миролюбиво сказал вдруг он, — поеду, только с моими московскими, так и скажи им...».

Из передней вошли два молодых человека в дорогих шубах и начали почтительно просить нас не отказать им честь поехать с Григорием Ефимовичем и с ними к Донону. Там уже заказан кабинет. Мы согласились. Распутину принесли армяк на парчовой подкладке изумительной работы. Мы поехали. В отдельном кабинете стол был уставлен разнообразными закусками и винами. Один из молодых людей, гладко выбритый, в смокинге, с бриллиантовыми запонками на ослепительном пластроне, озабоченно осматривал стол. «А мадера, — вдруг заволновался он, — мы знаем, Григорий Ефимович, что вы мадеру пьете, только мадеру, а ее-то и нет». Он стал звонить и сердито выговаривал живившемуся на зов лакею.

Распутин стал совсем другим. Держал себя во время ужина сдержанно, с большим достоинством. Много пил, но на этот раз вино не действовало на него, и говорил, как будто взвешивая каждое слово. И все время выщупывал глазами собеседников, как будто читал их мысли.

Ну и глаза у него. Каждый раз, когда вижу его, поражаюсь, так разнообразно их выражение и такая глубина. Долго выдержать его взгляд невозможно. Что-то тяжелое в нем есть, как будто материальное давление вы чувствуете, хотя глаза его часто светятся добротой, всегда с долей лукавства, и в них много мягкости. Но какими жестокими они могут быть иногда и как страшны в гнев.

...Передняя была полна людьми, в столовой взволнованные дамы стояли кучками и о чем-то испуганно шептались. Тут была княгиня Ш-я, Килина, Муля и другие обычные посетительницы, а также несколько мужчин.

Из соседней комнаты доносился звон разбиваемой посуды. Вошел Распутин с бутылкой вина. Он был очень бледен. Волосы прилипли к вискам, на лбу резко обозначились крестообразные глубокие морщины. Глаза горели мрачно. Жутко было глядеть на них. Он подошел к жене полковника Б., налил в чайный стакан вина и велел пить ей и ее мужу, стоявшему тут же. «Ради Бога, отец, пожалей меня. У меня сегодня концерт, и я не могу пить. Ты обещал позвонить министрам, чтобы они были у меня на концерте». — «А ты пей». Она нехотя немного отпила и снова начала просить, чтобы он позвонил министрам. Он велел Нюре соединить его с Б-ом.

«Сегодня концерт моей хорошей барыньки, она сейчас к тебе придет с билетом. Смотри же, не отказывай и на концерт приходи». Потом он последовательно говорил в таком же тоне-приказа с Б-м и Х-вым. «Смотри, не пропусти концерта моей барыньки», — говорил он Х-ву.

Около стены сидели два священника с большими золотыми крестами на груди. Они с удивлением смотрели на все происходящее. Очевидно, это было им внове. «Ну и кутил же я, поп, — обратился Распутин к одному из них, — одна такая хорошенькая цыганка пела, ну и пела же... Еду, еду, еду к ней, еду к любушке своей», — запел он. Один священник, опуская глаза, сказал нараспев: «Это, отец, серафимы, херувимы тебе пели, ангелы в небеси».

Я с удивлением всматривалась в священника: как это он решился среди обожательниц и почитательниц так дерзко посмеяться над «отцом». Я ожидала взрыва негодования. Но все спокойно слушали, а священник повторял совершенно серьезно: «Ангелы в небеси. Ангелы во славе своей пели». — «Говорю тебе: цыганка, така молоденька, хорошенька». — «Серафимы, херувимы поют тебе райскими голосами», — говорил священник.

Распутин ухмыльнулся, махнул рукой и пошел в переднюю к просителям. Оттуда он привел за руку молодую, очень хорошенькую девушку, польку, беженку. Посадил и заставил пить вино. «Смотрю я на тебя, ты хорошенькая. И носик у тебя и зубки хорошенькие, а не люблю тебя, я этих московских баб люблю. Замучили они меня. Хотел забыть обиду, а не могу...»

Звонок по телефону. Из Царского Села требование немедленно приехать. Бросились за ним. Стали уговаривать ехать в баню протрезвиться, а потом скорее в Царское. Дамы окружили его. Одна из них предлагала свои парные сани: «Сначала прокачу тебя в санках, на морозе сразу легче будет. А потом повезу в баню. Ты знаешь, это тебе всегда помогает». Дама эта была одна из самых горячих его поклонниц, немка, госпожа Г., принявшая из-за него православие. Наконец он согласился. Принесли новую белую шелковую рубашку, суконный армяк на парчовой подкладке, другие сапоги. Он тут же при всех начал переодеваться. Дамы помогали ему, подали сапоги, одели шубу. Госпожа Г. и Муля вели его под руки. Он весело напевал и прищелкивал пальцами: «Еду, еду, еду к ней, еду к любушке своей...»

Я решила уехать, устала. С Распутиным простилась по телефону. Он говорил со мною после возвращения из Царского. Хмель исчез. Снова бодрый и веселый и снова зовет нас на большой обед с цыганами.

23 приехал Распутин, и я неожиданно провела в его обществе два дня и одну ночь. Вот как это вышло.

В телефон слышу забытый уже певучий голос: «Здравствуй, Франтик, здравствуй, дусенька. Приехал к вам в Москву. Звоню с вокзала. Сейчас еду к Решетниковым на Девичье Поле. Приезжай завтракать. Хочу тебя видеть. Соскучился очень».

Мне было, конечно, любопытно снова взглянуть на него. Г-жа Решетникова была поклонницей всяких духовных знаменитостей, которые всегда у нее останавливались при приезде в Москву. Увлекалась Иоанном Кронштадтским, Илиодором. Варнава постоянно был у нее. К часу я приехала в ее старинный особняк. Открыл двери монах. В передней сидят старушечки-богомолки в черном. Прошу сказать о моем приходе Григорию Ефимовичу. Он сам выбегает и по своему обыкновению бросается целовать. Он похудел за это время. Лицо удлинилось, и морщин прибавилось. Но глаза все те же. Так же светятся и пронизывают. Увел меня в комнату со старинной мебелью. В углу в темных киотах почерневшие лики старых икон. Ризы сверкают драгоценными камнями. Стулья красного дерева со спинками в виде лир. Угловые диваны с инкрустациями. За нами вошел монах с большим крестом на груди. Он погрозил шутливо пальцем: «Ой, Григорий Ефимович, все-то я скажу твоей Федоровне, как ты тут любезничаешь со своими барыньками». И он двусмысленно ухмыльнулся: жену Распутина звали Прасковья Федоровна, государыню Александра Федоровна.

Монах — то был Варнава — поздоровался со мной, перекрестил и спросил, как меня звать. «Еленой, значит, ты третьего дня именинница. Вот пожертвуй во здравие свое мне на храм Господний. А то, может, ковер у тебя есть, отдай на церковь». Распутин недовольно прервал этот разговор: «Пойдем в столовую, Франтик, там дожидаются».

За столом сидела старуха лет 80-ти, окруженная несколькими старыми женщинами. Меня усадили между Распутиным и старухой, сестрой Варнавы, против молодого офицера, грузина. Я узнала, что он специально командирован, чтобы следить и охранять Григория Ефимовича. Рядом с Варнавой сидела молодая купчиха с крупными бриллиантами в ушах. Она умиленно заглядывала ему в глаза и громко смеялась его шуткам. Распутин молчал. Говорил больше Варнава. Старухи льстили и тому и другому, не зная, кому больше угодать.

К концу завтрака Распутин сказал: «Я к тебе на обед приеду. Вот с ним», — прибавил он, указывая на адъютанта. «Известно, стоит показать тебе хорошенькую барыньку, так тебя больше не увидишь», — заметил Варнава. Видно было, что эти слова не понравились Распутину, и он сердито блеснул глазами в сторону говорившего. В передней, куда он один пошел меня провожать, он мне сказал: «Слыхала, что мне ввернул Варнава. Это он мне завидует. У, хитрюга, не люблю я его». Я поспешила домой, по дороге заехала к Елисееву, купила мадеры, закусок, заказала в ресторане рыбный обед, позвонила своим знакомым, желавшим видеть Распутина. К 7 часам вечера он приехал со своим адъютантом. Распутин был весел, шутил, как обычно, перебрасываясь от одной темы к другой. Часто говорил намеками, так что не все понимали, о чем идет речь. К концу обеда он заявил: «Позови цыган. Хочу цыган слушать». Г. Е.,

видя мое затруднительное положение, предложил лучше самим поехать к цыганам. Мы собрались всей компанией и поехали.

У Яра сразу узнали Распутина и, боясь скандала, как это уже было при одном из его посещений, дали знать в градоначальство. Оттуда откомандировали двух чиновников особых поручений. Они вскоре прибыли и вошли в наш кабинет, попросив разрешения присоединиться к нашей компании в видах охраны. Кроме того, появилось еще несколько тайных агентов.

Пришел цыганский хор во главе с Настей Поляковой. Распутин потребовал фрукты, кофе, печенье, шампанское. До чего много он мог пить — поверить трудно. У него только глаза разгорались, лицо бледнело и резче обозначались морщины. «Ну-ка, лебедушки, затягивайте „Две гитары за стеной жалобно стонали“...» Он слушал, опустив голову. «Эх, славно выводит Настенька, вот так за сердце и хватает — „еще раз, еще раз, еще много, много раз“». Вдруг встрепенулся он, вскочил и подхватил припев полным голосом... «Ну-ка, Настенька, теперь выпьем. Люблю я цыганские песни, душа рвется от радости».

Настя довольно недружелюбно отвечала на его слова и сурово смотрела на него. Я спросила кого-то, отчего это цыганский хор как будто неприязненно настроен. Мне ответили, что в один из его приездов был грандиозный скандал, который кончился неприятностями для хора. Поэтому цыгане сейчас пошли неохотно и держали себя настороже. Я невольно испугалась за себя и своих друзей, не попасть бы и нам в какую-нибудь историю. Нужно было бы встать и незаметно удалиться. Но как-то захватил водоворот. «Мою любимую теперь,— командовал Распутин.— „Эх, да тройка, снег пушистый“». Бледный, с полузакрытыми глазами, с черными прядями волос, спадавших на лоб, он дирижировал. «Еду, еду, еду к ней»,— подхватывал он, и в голосе его было столько распаленной страсти и стремительной удачи.

Эти интонации его голоса врезались в моей памяти. И его лицо с полузакрытыми глазами, которые казались огромными и пылающими, когда он их раскрывал внезапно. Все-таки какая мощная сила заложена в этом человеке!

Компания наша все увеличивалась. Постоянно кого-нибудь из нас вызывали, просили разрешения присоединиться к нашей компании. Крупные фабриканты К. просили представить их Распутину. Какие-то англичанки, приехавшие недавно с военной миссией, умоляли разрешить им остаться, чтобы посмотреть на Распутина. Они уселись в углу и смотрели на него, не шевелясь, не спуская глаз. Нас было около тридцати человек. Кто-то предложил ехать в Стрельну. Уезжая, наша компания хотела заплатить по счету, но лакей заявил, что уже все уплачено чиновниками градоначальства...

В Стрельне мы заняли обширный кабинет, выходящий окнами в зимний сад. Публика вскоре узнала, что с нами Распутин. Влезали на пальмы, чтобы взглянуть в окно. Вино лилось рекой. Он настойчиво угощал хор шампанским. Хор заметно пьянел. Начиналась песня, внезапно обрывалась, прерываемая хохотом и визгом. Распутин разошелся вовсю. Под звуки «русской» он плясал с какой-то дикой страстью. Развевались пряди черных волос, и борода, и кисти малинового шелкового пояса. Ноги в чудесных мягких сапогах носились с легкостью и быстротой поразительною, как будто выпитое вино влило огонь в его жилы и удесятило его силы. Плясали с ним и цыганки. Такого безудержного разгула я никогда не видала. В кабинет вошли два офицера, на которых сначала никто не обратил внимания. Один из них подошел ко мне и, глядя на пляшущего Распутина, сказал: «Что в этом человеке все нахо-

дят? Это же позор: пьяный мужик отплясывает, а все любят. Отчего к нему льнут все женщины?» Он смотрел на него с ненавистью.

Дело шло к рассвету. Ресторан закрывался. Оказалось, и здесь счет был оплачен чиновниками. Не знаю, кто решал и как это было, но мы уже мчались в автомобиле в какой-то дальний загородный ресторан. После душного кабинета так хорошо дышалось чистым весенним воздухом.

В ресторане был большой сад. Мы устроились в беседке с цветущей сиренью, обрызганной росой. Пели птицы, всходило солнце. «Благодать какая, красота божья», — говорил Распутин, усаживаясь за столиком. Подали чай, кофе, ликеры. Офицеры тоже были с нами. Они перешептывались между собою. Один из чиновников стал расспрашивать, кто их знает, кто допустил их в наше общество. Оказалось, их никто не знает. Они о чем-то сговаривались и спорили взволнованным шепотом, кто первый подойдет. Чиновники попросили их удалиться. Они запротестовали. Поднялся шум и спор.

Вдруг раздался выстрел. Начался переполох, свистки, крики, с некоторыми дамами истерики. Кто-то толкал нас к выходу. Кто-то потащил меня за руку, усадил в автомобиль и рядом устроил Распутину, который упирался и не хотел ехать. Все это произошло так быстро, что я и опомниться не успела. Уже мы летели. В ушах еще звучали выстрелы и крики. Все мы очень переволновались. Распутин сразу оправился от волнения, но угрюмо молчал. «Не любят меня вороги мои», — сказал он и снова погрузился в молчание. Повезли нас всех на квартиру г. Е., моего знакомого. Нам сообщили по телефону, что офицеры арестованы. Они заявили, что покушаться на жизнь не хотели, но имели намерение избить Распутину. У Распутина лицо пожелтело. Он сразу как будто постарел на несколько лет. Нервы у всех после бессонной ночи и волнения разошлись...

Июнь 1922 г. Берлин.

Прошло шесть лет. И вот в мои руки попали листки моего дневника, и карточка Распутина с его каракулями, и его письма, и телеграммы. Если бы не эти доказательства всего пережитого, я бы не поверила, что все это было. Я бы думала, что все это сон. Как все это давно было и какими невероятными мне кажутся эти страницы моей жизни. Но вот я держу в руках пожелтевшие листы, безграмотно исписанные, я вижу эти широко расставленные вкривь и вкось буквы. А вот и портрет, прекрасный, большой. Он был прислан мне с надписью: «Мило в духе любящей в радости во господе Леночке Григорий». Снова вонзаются в меня его светящиеся глаза. Где теперь все его почитательницы? Куда развеяла их налетевшая буря?

МОИ МЫСЛИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Краткое описание путешествия по святым местам
и вызванные им размышления по религиозным
вопросам

В Киево-Печерской лавре

Я прибыл в святую лавру из Питера и назову светом Питер, но свет этот гонитель мыслей на суетный мир, а в лавре свет светит тишины.

Когда опускают Матерь Божию, и пение раздается «Под твою милость прибегаем», то замирает душа, и от юности вспомнишь свою суету сует и пойдешь в пещеры и видишь простоту: нет ни золота, ни серебра, дышит одна тишина, и почивают угодники Божии в простоте без серебряных рак, только простые дубовые гробики. И помянешь свое излишество, которое гнетет и гнет и ведет в скуку. Поневоле помянешь о суете жизни.

Горе мятущимся и несть конца.

Господи, избавь меня от друзей, и бес ничто. Бес в друге, а друг — суета. И увидел пещеры дивные, чудеса чудес. Как их Бог благословил, как же нам не верить, поневоле вздохнешь. Они в диком камне, сама рука Божия творила их, и укрывались там иноки от нашего иноплеменства.

Тяжелые воспоминания о мучителях иноплеменниках, но в настоящее время большее мучение — брат на брата и как не познают своя своих. Поэтому и мучения более тяжелые. Обида берет. Потому я уверен, что венцы будут ближе к лицу Божию от этих мучителей в настоящее время.

Тех мучили иноплеменники, а теперь сами себя, наипаче батеньки батеньков, монахи — монахов, и вот слово Божие на нас: брат на брата и сын на отца — конец приближается.

И увидел Иова в пещерах Печерских, где его конурочка тесная-претесная, и несет ароматом благоухания.

И за что несет. Очень просто: за то, что не избрал себе чертог, а возлег в яслях убогих и терпеливо и покойно перенес свою тесноту, а нам хоть бы в простоте и в роскоши перенестись духом в его тесную конурочку и попросить его молитв, и Господь не откажет его святым молитвам, и мы будем участниками с ним одесную отца, а высказать о его терпении невозможно: сами книги не вместят.

В Почаевской лавре

Дивная Почаевская лавра. Что меня удивило? Во-первых, увидел я людей Божиих и возрадовался богомольцам очень, что нашел я истинных поклонников: тут явился страх в душе, и наука искания Бога, как они собирают жемчуг

Из сборника «За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева» (Госиздат, Ленинград, 1925).

истинный; а потом увидел Матерь Божию, и объял меня страх и трепет, и получил тишину и заметил в себе кротость. После всякой святыни прибавляется дорогой жемчуг смирения.

И вот я вступил в собор, и обуял меня страх и трепет. И помянул суету земную. Дивные чудеса! Где сама Матерь Божия ступила своим следом, там истекает источник сквозь каменную скалу вниз пещеры и там все берут воду с верой, и нельзя, чтобы не поверить.

О, какие мы счастливые русские люди и не ценим и не знаем цены чудесам! Горе православным христианам, что мы не хотим их посмотреть, и лень съездить, а едем за границу смотреть разные горы: но ведь мы смотрим на них как на роскошь, а не как на Божие создание.

Краткое описание моря

· Что могу сказать о своей тишине? Как только отправился из Одессы по Черному морю — тишина на море, и душа с морем ликует и спит тишиной: видно, блистают маленькие валочки как златница, и нечего более искать. Вот пример Божий: насколько душа человека драгоценна; разве она не жемчужина? что и море для нее?

Безо всякого усилия утешает море. Когда утром встанешь, и волны говорят, и плещут, и радуют. И солнце на море блистает, словно тихо-тихо поднимается, и в то же время душа человека забывает все человечество и смотрит на блеск солнца; и радость у человека возгорается, и в душе ощущается книга жизни и премудрость жизни — неопишущая красота! Море пробуждает от сна сует, очень много думается, само по себе, безо всякого усилия.

Море пространно, а ум еще более пространен.

Человеческой премудрости нет конца, невместима всем философам.

Еще величайшая красота, когда солнце падает на море и закатывается, и лучи его сияют. Кто может оценить светозарные лучи, они греют и ласкают душу и целебно утешают. Солнце по минутам уходит за горы, душа человека немного поскорбит о его дивных светозарных лучах... Смеркается.

О, какая становится тишина... Нет даже звука птицы, и от раздумья человек начинает ходить по палубе и невольно вспоминает детство и всю суету и сравнивает ту свою тишину с суетным миром и тихо беседует с собой и желает с кем-нибудь отвести скуку, нагнанную на него от его врагов...

Тихая ночь на море, и заснем спокойно от разного раздумья, от глубоких впечатлений... Христово море. На тебе дивные чудеса. Самим Богом посещено и чудесами сотворено.

Виднеются берега, и блистают деревца, как не порадоваться? Где не видно было ни кустика и ни листочка, там вдруг виднеются берега и подъезжаем и смотрим на природу Божию и хвалим Господа за его создание и красоту природы, которую не описать человеческим умом и философией.

Забили волны на море — сделалась тревога в душе. Человек потеряет образ сознания, ходит, как в тумане... Боже, дай тишину душевную!

На море временная болезнь, на берегу же всегда такая волна.

На море всем видна болезнь, а на берегу никому неизвестна — бес душу смущает.

Совість — волна, но какие бы ни были на море волны, они утихнут, а совесть только от доброго дела погаснет.

На берегу больше хвораем.

О, какой обман, беда — скажут ей, и взглянут, и увидят... Совесть всем без языка говорит про свой недостаток, всем надо поглядеть на нее, тут никакой грех не утаим и в землю не закопаем.

А всякий грех все равно что пушечный выстрел — все узнают...

Краткое описание Константинополя

Что могу сказать своим маленьким человеческим умом про великий чудный Софийский собор, первый во всем свете.

Как облако на горизонте, так и Софийский храм.

О, горе! как Господь гневается за нашу гордость, что передал святыню нечестивым туркам и допустил свой лик на посмешище и поругание — в нем курят. Господи, услыши и возврати, пусть храм будет ковчегом! По преданию говорится, что именно из-за гордости был отнят храм у православных, ибо не признавали сего ковчега, имели дом гулянья и роскоши. Господь прогневался на долгое время и повелел кощунствовать над своей святыней. Обождем — Господь смилуется и вернет ее с похвалой, почувствуем и покаемся.

В ней сохранились неведимые места, они означают Спасителя (в алтаре) и Матерь Божию (на выходе из храма). В храме 300 паникадил. Дивные чудеса, где султан вскочил на трупы убитых воинов, полна была церковь православных, и вот конь копытом о колонну ударился и вырвал очень большой кусок у колонны — и это сохранилось до сих пор, и где султан рукой оперся на колонну, и теперь видна его рука на колонне в диком камне, очень ясно: обозначено пять перстов и вся ладонь руки.

Это великое чудо! и вот поэтому вернется храм в руки православия, тут Бог творит чудеса и велит покаяться.

Достиг тут же монастыря Феодора Студита; в нем очень много сохранилось живописи и православных икон: Матерь Божия знамения и много других; прямо умиротворяет душу христианина.

Келья Феодора Студита исповедная до сих пор сохранилась, темная и призывающая к покаянию — действительно подвижник Божий. Господь по грехам нашим дал жилище праведника на посмешище, но души праведника ничто не касается. Заслуги земные потоптали и над трудами праведника надругались и сделали его посмешищем, а терпением его украсили небеса. Поэтому нам пример, что лишение земное — утеха небес.

Просить Бога надо, чтобы дал терпение, а потеря земного — это великий подвиг. За потерю земного и награда большая, чем если сам подашь.

Сам подашь — это от своей воли, а тут лишают; скорбишь и Царство Божие скорбями наследуешь. Бог всем поможет перенести потери с терпением и за это сделает наследниками Отца Небесного.

Тут же в Константинополе в том же храме сохранилась кафедра Иоанна Златоуста и мощи св. Ефима, и хранятся другие воспоминания: между ними колонна, к которой Спасителя приковывали. Подумаешь, что везде страдания показывают: Боже, какие мы грешные! Все для нас страдания.

Вспоминаешь, как давно проповедывал Златоуст, и видится все как сейчас, будто слышится патриарший звук, и иконка сохранена на его кафедре.

И Роман Сладкопевцев там же.

Боже, сколько сотворено чуда!

В честь двенадцати апостолов построен храм огромный, который превратили в мечеть. Тут не сохранилось ничего: ни икон, ни воспоминаний, а только известно, что в храме всех апостолов совершилось поругание над святыней.

О греческих церквах описывать не буду, дивная старина!

Есть в Константинополе церковь, где Андрей, Христа ради юродивый, молился и видел Матерь Божию. На том месте я был, но сохранилась только маленькая стена и развалины, и небольшой садик, а подальше греческая церковь.

Замирает душа от трогательных событий, как Божья Матерь охраняла на воздухе всех и молилась за всех, да и теперь в день Покрова. Ее одна забота нас миловать и утешать. Она своих подвижников учит молиться и является к своим праведникам и к грешникам и слушает прошения всех к ней, матушке, приносимые. Она все нужды наши знает, и мы получаем все, о чем она Господа просит. Ее прошения ко Господу всегда до него доходят.

Привезена одна колонна из Рима в Константинополь в тысячу пудов — это большое чудо, все не описать, очень много не написал про Константинополь.

В дальнейшем

Доехали до Митилены, небольшой городок, где Павел апостол проповедывал, и тут же тридцать мучеников, в которых он зажег огонь веры; они уверовали во Христа, и до сих пор это место напоминает, что тут проповедь живая.

Городок красив, у моря над водой, в горах. Здесь залив Архипелага и дивная красота берегов, чудные горы.

Боже, веди нас к своим стопам; чем далее, тем более встречаем душеспасительных мест. Можно понять, что недаром русский человек все свои копейки собирает и стремится посмотреть эти места, где творятся чудеса.

Я много встретил народа, но особенно в третьем классе много истинных христианок, страдают и молятся постоянно, читают акафисты утром и вечером, смотришь и не устанешь.

И видел болгарок, истинно понимающих Царство Божие, прямо жен-мироносиц, любящих Христа.

Я вот убедился в том, что платье у турок такое же, как у христиан и евреев. Можно ожидать исполнения слова Божия над нами, что будет единая православная церковь, невзирая на кажущееся различие одежды.

Сначала уничтожили это различие, а потом и на веру перейдет; трудно понять все это. Сначала на одежду прельстятся все инородцы, а потом из них будет единая церковь.

Смирна расположена на Малоазиатском берегу в конце громадного залива — Смирнского.

В Смирне есть несколько красивых греческих храмов. Один из них на том месте, где самаритянка беседовала с Яковом про Спасителя и уверовала в него.

Какие события хранятся у турок, как разобраться, что все у турок, вся древность, что можно на это сказать, как не то, что лучше да будет у них единый дух с нами и единая православная церковь. В Смирне, кроме храма, который заложила своей проповедью самаритянка, по имени Фетинья, есть еще храм на том месте, где Мать Божия проповедывала. Тут же находятся мощи Георгия Победоносца (часть ноги) и мощи св. Космы Бессребренника.

Дальше проехали мимо острова Митилена, где находился епископ Григорий (память 7-го ноября). Очень ясна проповедь святителей: так и светится в сердцах православных.

В Смирне есть гора, на которой был цирк, где были замучены ученики Иоанна Богослова и много других с ними. Где только нет мучеников за Христа? Все, значит, венцы кровью достигались.

Недалеко от Смирны сохранились развалины города Ефеса. В Ефесе долго жил Иоанн Богослов — апостол и закончил здесь свое Евангелие, всей премудрости глубина; посему самый проток у моря многое пробудит к жизни от сна.

Здесь временно пребывала Мать Божия, и собирався третий собор. В Ефесе первым епископом был (апостол) Тимофей, ученик апостола Павла. Оба мученически скончались. А также здесь жил и Иоанн Златоуст. Около Ефеса много сохранилось пещер.

В пещеры ехать нужно лошадьми.

Дивный путь этот учит смотреть на себя, как ты преуспеваешь, и соратник ли ты сих мест и апостольских идеалов. Хоть бы бисеринку посеять истины, и за это оживем, только бы не работа вражья, не обуял бы сатана, не закинул бы своих сетей художника, в которых мы не знаем, как нам разобратся.

Недалеко также остров Хиос, где замучен Исидор в III веке.

Все места освященные. Боже, освяти нас единокупно с ними, сжался над нами!

Остров Патмос. Здесь был заключен Иоанн Богослов, и здесь же он написал Евангелие и Апокалипсис. На месте пребывания евангелиста Иоанна Богослова теперь стоит православный греческий монастырь, и весь остров населен христианами. Иоанн помолится о своих богомольцах, и сделаемся мы его поспешниками.

Въехали в Средиземное море, пароход нигде не пристает.

Боже, сколько апостолы по этим берегам зажгли веры! Без конца сделали любителей Христа, и за это повсюду мученики: и по эту, и по ту стороны Средиземного моря, а греки со своей философией возгордились. Господь прогневался и передал туркам все труды апостолов.

В настоящее время, как у греков, все епископы грамотные и боголепие соблюдают и служат, но нищеты духа нет, а народ только и идет за нищетою духа, толпами пойдет за ней, потому что боголепие высоко, а нищета духа выше. Без нищеты епископ заплачет, если креста не дадут, а если она есть в нем, то и худая ряса приятна,— и за худой рясой пойдет толпа. Этому я очевидец — простите, я со многими епископами очень знаком, да спасет их Господь за их единение.

А почему теперь уходят в разные вероисповедания? Потому что в храме духа нет, а буквы много — храм и пуст. А и в настоящее время, когда отец Иоанн (Кронштадтский) служил, то в храме дух нищеты был, и тысячи шли к нему за пищей духовной.

И теперь есть, да мало таких служителей; есть епископы, да боятся, как бы не отличили простых монахов, более святых, а не тех, которые в монастыре жир нажили,— этим трудно подвизаться, давит их лень. Конечно, у Бога все возможно, есть некоторые толстые монахи, которые родились такими,— ведь здоровье дар, в некоторых из них тоже есть искра Божья, я не про них говорю.

Нет лучше, когда едешь в Иерусалим, видишь берега святые, где апостолы спались, ходили по этим берегам и не раз переправлялись здесь по этому месту с берега на берег, из города в город! Подумаешь, что и народ едет со страхом, и так легко здесь молиться. Видишь, как здесь о всех путешественниках апостолы молились; потому и на море легко молиться, что Бог, премудростью там кормит и млеком питает.

Город Родос, утопающий во всевозможных садах. Какая там благодать на Средиземном море! Чего только нет в Родосе: и зелени, и цветов в феврале месяце. Как там Господь греет и всегда плодоносный год; великая Божия милость на месте сем!

Кипр посетила Матерь Божия. На острове Кипре много святых, старинных подвижников и остатки мощей. Там множество монастырей мужских и женских.

Прошли город Мерсину. Все места посещены чудесными событиями; поневоле возрадуется душа.

В пяти часах езды от Бейрута могила Ионны пророка, который был у кита во чреве и был им выкинут в Средиземное море. Какие дивные пророчества совершались у него, чтобы обличить безумных, которые не знали, что творили; для них достаточно было своего безумства, но Господу угодно было послать к ним пророков, и вот эти безумцы верили и делались подвижниками, а мы все знаем, где святая святых, но уши свои крепко затыкаем, чтобы не слышать, и очи закрываем, чтобы не видеть, и сами себе говорим: «еще есть время, впереди много годов, тысячу раз спасемся».

Город Триполис стоит у моря, кругом часть Ливанских гор, а больше нет ничего, крепость, как у нас Петропавловская. Горы Ливанские располагают к благочестию.

Бейрут расположен над морем, весь погружен в зелень. Боже, везде источник жизни! Георгий Победоносец в этом городе сокрушил змия, на этом месте колодец и турецкая молельня, озеро заросло травой. Горе, как Бог гневается на православных; подумать нужно, как у турок неприятно, а Бог им дал всю святыню. Вот пример того, когда мы получаем от Господа какое-нибудь боголепие и его потопчем, то сделается в нас пустота, святыня не у места.

Великий подвижник и чудотворец Божий, дай сил узреть твою красоту!

Боже, творяя чудеса, какие воспоминания, какие чудеса по всей земле творятся, о твоём угождении, Господи, попросим и помолим тебя: не оставь нас, ленивых, надежда наша на тебя и упование, увесели нас, Господи, твоими чудотворными молитвами.

Яффа, где жил пророк Илия. И на том месте, где молился пророк, внизу горы, пещера — тут монастырь греческий. Я очевидец всех этих мест, там сходил огонь, и тут же не было дождя. Много в городе Яффе сотворено Илией чуда.

Я видел его строгий вид на его иконе к нам грешным, и когда мы смотрели, то вселился в нас трепет ко всему доброму. Боже.

Илия славный, умоли Христа! ведь ты нас подобен, и Господь услышит, и мы усердно просим тебя, умоли Христа, чтобы он нас полюбил и умилосердился над нами, дал нам вечное блаженство.

Отсюда можно совершить путешествие в Назарет.

Вот Яффская долина необъятной красоты захватила рай... Нет на свете мудрее этого места. Как говорится в церкви про изобилие плодов земных, то вот здесь оно и есть. Даже невероятно, что можно и на земле встретить необъятный рай красоты. Пусть у кого и горе будет или потеря земного сокровища — я уверен, что скорби, как дым ветром, пронесет от одного изобилия, которым Бог светит на этих местах. Освети истинным сиянием и своей милостью и нас грешных.

Иерусалим

Окончил путешествие, прибыл в святой град Иерусалим переднею дорогою. При переходе от великой волны в земной рай тишины первым делом отслужил молебен.

Впечатление радости я не могу здесь описать, чернила бессильны — невозможно, да и слезы у всякого поклонника вместе с радостью протекут. С одной стороны — всегда «да воскреснет Бог» поет душа радостно, а с другой стороны — великие скорби Господни вспоминает, Господь здесь страдал. О, как видишь Матерь Божию у креста! все это живо себе представляешь: и как за нас так пришлось ему в Аттике поскорбеть.

О, Господи, идешь и думаешь, и явится скорбь, и видишь — ходят такие же люди, как тогда, носят плащи и странная на них одежда прежнего завета, как сейчас, все так и было. И вот слезы текут, дни те подходят, наступил

великий пост — выйдешь из храма, а в храмах этих все великие события совершались, и сам Спаситель пролил слезы.

Что реку о такой минуте, когда подходил ко гробу Христа.

Так я чувствовал, что гроб — гроб любви, и такое чувство в себе имел, что всех готов обласкать, и такая любовь к людям, что все люди кажутся святыми, потому что любовь не видит за людьми никаких недостатков. Тут у гроба видишь духовным сердцем всех людей, своих любящих, и они дома чувствуют себя отратно.

Сколько тысяч с ним воскреснет посетителей. И какой народ? Все прос-тячки, которые сокрушаются, их по морю Бог заставил любить себя разным страхом; они постятся, их пища — одни сухарики, даже не видят, как спа-саются. Боже, что я могу сказать о гробе! только скажу в душе моей: Господи, ты сам воскреси из глубины греховной в чертог твой вечный живота!

О, какое впечатление производит Голгофа! Тут же в храме воскресения, где царица небесная стояла, на том месте сделана круглая чаша, и с этого мес-та Матерь Божия смотрела на высоту Голгофы и плакала, когда Господа распинали на кресте. Как взглянешь на место, где Матерь Божия стояла, по-неволле слезы потекут, и видишь перед собой, как это было.

Боже, какое деяние совершилось! и сняли тело, положили вниз. Какая тут грусть и какой плач на месте, где тело лежало!

Боже, Боже, за что это? Боже, не будем более грешить. Спаси нас своим страданием.

Повели нас на патриарший двор, стали умывать ноги. Боже, какая восстает в уме картина. Умывают ноги, утирают полотенцем, и полились слезы у верую-щих, все изумлены глубиной поучения, как нас учат смиряться. Что я здесь еще опишу? Боже, смири нас, мы твои!

Вот усадили нас рядами и наставили старого завета кувшины иудейские, так в душе и восстает тайной вечери беседа! С нее начались великие события, и был первый намек ученикам о расставании с ним. Велики страдания, велика любовь твоя за нас, сокровище наше, не гневайся на нас — мы не можем быть без тебя.

Повели нас ночевать. По нотам пели у гроба акафисты и на Голгофе. Боже, какая отрада! так сердце трепещет от умиления и слез. Потом утром, в 12 часов — обедня, и запели Пасху. Тут я посмотрел вокруг и сказал: рай земной, не отступи от меня, будь во мне.

Тут в пещере воскресения крест царя Константина и матери его Елены, ко-торые, как говорится в истории, нашли три креста, и Господь указал, на кото-ром был он распят.

Запели все «Кресту твоему поклоняемся»... Крест твой во ограждении чу-дес послужил. Крест с нами, яко и Бог в нас.

Еще в храме Воскресения против арабского алтаря могила Никодима, который строил гроб себе, а положил Господа. Вот он ранее делал добрые дела и уподобился великого таланта.

Никогда не бойся делать добро, и за добро всегда попадешь в честь — это бес так устраивает, чтобы ты был фарисей, а не уподобился и не был, как Никодим, — вот вся роль беса. Но делай, делай, и венец твой и покой получишь.

Сколько в храме Воскресения престолов! Всех языков престолы христиан, все на разных языках молятся.

Не могу всего описать, многое рассказывают, как, когда не поверили и затворили храм и стали у гроба католики, а разини армяне на улице, на паперти — в колонну благодать сошла, и один турка плюнул в колонну, и там зубы его остались и видать, как Бог наказует неверующих.

Боже, спаси и помози!..

Повели нас к успению, где гроб царицы небесной; шли мы дорогой, и вели нас кавасы с факелами, и толпа народа со страхом, и разные прокаженные по дороге — все, как бывало во времена Спасителя, и прокаженные так же кричат: «подайте паричку».

Видели дом Иуды и Пилата, они недалеко друг от друга — соседи, и теперь о Пилате неизвестно, а Иуда — пример всех недостатков. Достигли с толпой пещеры Божией Матери, и вся толпа запела: «В рождестве девство сохранила еси, во успении мира не оставила» — тропарь и песню богородице, и прикладывались к ее гробу, и все пели, и наслаждались ее радостью, что Господь ее тело взял к себе.

Посмотрели и опять представили себе, что здесь было, где небесная сила взяла пречистое тело ее. Господи, не оставь нерадивых!

Тут же у нее в пещере и Иосиф похоронен, как говорится в истории; здесь старец почивает. Великий старче! моли Бога о нас.

Повели нас к Красным воротам, где Господа в последний раз осудили. О, как посмотришь, что такое суд?! Кто ежели страдал, всякий про него скажет: нет, вот за то его и преследуют; ах, мне-то еще мало этого; но за то, за что говорят, теперь невинен, а ранее согрешил; но Господь ни теперь, ни прежде не грешил.

Достигли Гефсимании, где Господь нередко беседовал со своими учениками до его тяжелых вздыханий и молений о чаше смертной. Поклонились недостойные тому месту, где мы его окровавленными слезами оплаканы и облиты его кровью; как посмотришь, что мы здесь на том самом месте, где он молился; вся толпа всколыхнулась, кто плачет, кто глубоко вздыхает, у всякого слезы текут. Камень этот в стене и теперь облит кровью Спасителя, вот это место поневоле научит молиться. Его подвиг у верующих всегда перед глазами, а когда видишь то место, где Спаситель стоял, и знаешь, что в Гефсиманском саду слезы Божии текли реками, то боязно ступить на землю, всякий камешек свят — описать этого невозможно. Боже, спаси и помилуй нас в сердце своем.

Тут же выше видим, где ученики спали на камнях, и Господь приходил их будить не раз, а мы почиваем вечно во сне и во зле. Господи, пробуди нас!

Пошли выше и слышим звон колоколов.

О благодати великой субботы

О, благодати великой субботы.

О, какое ожидание благодатного огня, как томятся все богомольцы до крестного хода! Более суток ожидают этого благодатного огня. Тысяча народов и множество наций. Многие плачут, а арабы хлопают в ладоши, скачут и что-то поют в иступлении; кругом войска турецкие и кавасы. Приходит главная минута: патриарх раздевается, остается в одном белье и входит в Кувуклию, где гроб Христов...

Народ со слезами и сильным напряжением ожидает, когда патриарх выйдет с огнем... Вот он выскакивает, неся огонь, и бежит в храм Воскресенья, зажигает свечи неугасимые, а потом выходит к народу, и от его пучка свеч зажигают свечи и поклонники, с большим рвением, все вне себя от радости, и не чувствуют утомления, жгут свечи пучками; тридцать три свечи. В лице поклонников пылает чрезвычайная радость, но большой шум по всему храму. Во всех частях храма и во всех пределах люди набрались радости и наполнились благодатью вместе с зажжением свеч от благодатного огня. Некоторые повезли огонь домой, а другие только обожгли свечи, до трех раз зажигали и гасили. Дивное событие совершилось и совершается: Боже, дай память, чтобы не забыть такое обновление!

Как приятно быть во святой земле, не посетить ее с верой нельзя, там пробыть можно хоть немного, три месяца, и то увидишь всю святыню. А в три месяца не осмотришь, то хоть год проживешь, ничего не увидишь, если ты лентяй здоровый. Бог ленивых не слышит, и века проживешь, да ничего не узнаешь, а узнаешь — да не оценишь. Святыня любит страх. Для Иерусалима нужно побывать везде раз только: посетить все места и оценить. Дома, при своих работах и трудах, перенестись духом к гробу и к прочим местам святыни. Первый раз непонятная для тебя радость является, а во второй раз начнем хулить, и безверье в нас вкоренится. Кто не бывал, попросит тебя, съезди за послушанье и Расскажи ему с трепетом, как много ошибок там для молодых послушников и послушниц. Монахиням бывает очень трудно, лучше бы их не отпускали, громадный соблазн, очень враг завидует, и из них делаются многие приживалками и торговками святыни, бегают, говорят: «у нас батька святой», и записывают вас.

Вино продают «ракичку на паричку» и пьют его, потому что дешево. Это более делают чернички афонские (келиоты); поэтому нельзя черничками туда ездить, большая часть их помимо Иерусалима живет, объяснять не полагается, а кто был там, тот знает.

Побыл на Иордане, пели тропарь «Во Иордане крещающуся» и кондак, и погрузились в воды иорданские. Поглядели на пустыню Иорданскую, где спасалась Мария Египетская. На том месте, где Ты, Господи, крестился, все погружаются в воду и думают о разрешении грехов. Большая вера у толпы. Множество наций с трепетом бегут на Иордан для избавления от грехов. Господи, как душа ищет покоя, ей и расстояние нипочем. Много тысяч из конца в конец земли переносятся телом и душой, чтобы очищение найти. Боже, очис-

ти нас в своих водах иорданских! Тут и Мертвое море посмотрели, наказание Божье на нем, объял нас страх и ужас. Как Господь разгневался на беззаконье людей: виднеются одни воды, никакого животное, ни насекомое не живет в них, а уж рыбы совсем нет, и смотрим, и плачем. Горе нам! Бог города не пожалел. Господи, пощади нас, постереги на день суда своего!

В этой же пустыне послал Бог Елисею благодать. Место, где Илья взял на небо, указать невозможно; вся пустыня Иорданская полна событиями. Растительности в ней мало. Иордан речка небольшая, обросла кустарниками и мелким лесом, купальни нет, просто с берега купаются.

В окрестностях много монастырей. Как Иоанн Предтеча и другие подвижники из библейских сказаний совершали подвиги постом и безмолвием, так и потом около Иордана жили иноки, только греки все искалечили, но сама пустыня в сердце остается.

Монастырь Герасима. Тут преподобный Герасим питался неизвестно чем и жил со зверями. Греки приветливые, но не сохраняют событий, которые здесь были, и не обращают внимания на библейскую сторону. Здесь всякий камешек освящен святыней, а многим я это говорить не могу: верую всякая душа живится.

В Иерихоне дом Захехя, о котором говорится в Евангелии. Там нашли раскопки: пол мозаичный, найденный одним академиком из Пантелеймонского монастыря,— я с ним знаком. Смотришь эти места — совсем все, как было, представляешь себе, будто вчера здесь толпился народ и Господь снимал тяготу связи земной. Действительно, народ не даром толпился, это видно, и чувство говорит, что, как прежде мир теснился, чтобы получить от Бога дар, и получал,— так и теперь.

В Иорданской же пустыне есть источник пророка Елисея, но кавас нас туда не повел и рассердился.

Тут же смоква евангелика, эта смоква — наши грехи неочищенные, а мы не хотим очиститься и не боимся Бога и слов его.

Сорокадневный монастырь находится на высокой горе, где искушал бес Господа. Дивный храм построен и в нем келейка, в которой помещается тот самый камень, на котором искушал Господа бес, и к нему прикладываются. Действительно, сокрушается дух о божественном страдании! Он хочет нас искупить от лукавого, а теперь тут же, где его искушение было, продают и «ракичку» дешево, по нашему — водку. Вот, бес хитрый, как он нас всех ловит!

Неподалеку монастырь Георгия Хозевита, а затем лавра Саввы, в горах, в пустынном месте над пропастью. Бегут источники, много костей открыто, есть кости благодатные. В некоторых местах над пропастью чувствуешь, что здесь спасались подвижники.

На пути оттуда гостиница доброго самаритянина, но теперь ею заведуют турки и воды не дают!

Мамврийский дуб! Великая доброта и любовь под мамврийским дубом. Здесь Авраам приветствовал хлебом и солью Господа, который явился в виде

трех странников, а теперь эта троица славится и изображается. Мамврийский дуб, Сарра и Авраам служат примером своей доброты. Как приятно разделить пищу со странником! Здесь заключается премудрость в том, что явил себя Господь в троице за ласковый привет Аврааму и Сарре и всему их семейству. Припали к дереву, поклонились ему, отслужили молебен. Половина дуба посохла от великой древности, от многих тысяч лет, а есть несколько частей древа, которые, по чуду Божьему, зеленеют — это доброта Божия, и будет она вовеки зеленеть и славить Бога. Так и хочется делать добро, так в этом древе доброта и зеленеет, да не загладится память о том, что Господь посетил этот дуб, и останется в сердце у всякого христианина.

По этой же дороге находятся Соломоновы пруды, где поили его скот, и по его премудрости они так устроены, что вода в них совсем не высыхает, хотя и немного ее.

Вифания на пути к Иордану близ Иерусалима. Пробывли на том месте, видели камень и прикладывались к нему, где Христос сказал Марфе: «о многом беспокоишься, а малое на потребу». Слова эти сильно влияют на этом месте. Тут храм построен, и как эти места ласкают и зовут душу в небесный чертог! Неподалеку отсюда могила Лазаря — так же глубока, как воскресенье его звучно в Евангелии.

Едешь мимо этих мест, вздохнешь и подумаешь: «Боже, воскреси мою душу от бездны греховной, твое воскресение по всей земле представляет себе всякий человек и переносится туда духом,— оно доступно всем верующим». Подумаем, сколько там дивных событий, и как мы должны чувствовать воскресение Лазаря для всех и вся по всей земле.

В Яффе апостол Петр воскресил Тавифу. Побывали в пещере, где он ее воскресил, и так ее пещера ласкает с любовью русского паломника: и видится апостол Петр и его энергичная молитва ко Господу.

Тут же на берегу развалины ковчега, говорят турки. Ковчег — пример спасения для христиан, и слова праведного Ноя над нами сбываются. Наше спасение — церковь, и всякий, кто услышит клик Ноя, да спасется!

Мать наша — церковь!

В Вифлееме громадный храм, много в нем наций и престолов и всяких удобств, но для русских паломников всегда одни неудобства! Зато, когда увидишь ясли самого Спасителя, — забудешь усталость и монастырские разные интриги! Приложились к его яслям, и не верится от радости, что Господь милость свою явил нам! Где родился Христос! поклонись, и где положили его, то место тоже облобызали страннички и паломники, и у всех радость в лице. Тут же Ирод избил младенцев. Какое зло и зависть повлияли на него, что он решил в своем городе убить младенцев и не постыдился насмешек своих близких, и не сжалился над детьми! Сколь коварна зависть! Тут и пещера всех избитых младенцев, многотысячное число их! Русские поклонники с ужасом смотрели на Иродово зло и на его коварную зависть, а о младенцах невинных, чьи косточки лежат здесь, — поплакали! Каково было матерям с ними расставаться. Зло и зависть до сих пор в нас, между большим и более великим, и интрига царствует в короне, а правда, как былинка в осеннюю ночь, ожидает восхода солнца: как солнце взойдет, то и правду найдут!

В том же храме то место, где ангел известил Иосифа, когда Ирод стал замышлять избить младенцев. Мы приложились, и все русские паломники с любовью обласкали это место и глядели на ту самую лестницу, закованную решеткой, по которой Иосиф выходил, чтобы совершить далее бегство в Египет. Мы с любовью и верой посмотрели вслед этой лестнице, куда Иосиф вышел из храма Вифлеемского, на тернистый путь в бегство.

По дороге в Вифлеем, недалеко от города, находится могила Рахили, которая «плачет о детях своих» и не хочет утешиться.

Из Вифлеема пошли за город и дошли до пещеры пастухов, где ангел возвестил радость пастухам и где пели «Слава в вышних Богу». Пели все паломники и поклонились иконе, на которой изображен ангел, возвещающий великую радость. Пропели Пасху, был второй день праздника. Пещерка порадовала нас, потому что в ней дивное мудрствование волхвов, о которых учит история. Господи, в нас недостает премудрости, умудряй нас, твоя власть как тогда, так и теперь.

Еще надо помнить, в Иерусалиме, недалеко от крестного хода, маленький храм Анны богоприимицы и в нем пещера, где похоронены косточки великого старца Симеона богоприимца. Как в его пещере отрадно! Как его Господь увенчал! Какое дивное событие с ним было, когда он не поверил изречению пророков и хотел вычеркнуть, что Господь родился от девы, а ангел удержал его руку, поэтому он утопил свое кольцо в море. Какие события и явления! Сами пророки не верили в его рождение!

И вот, чтобы облегчить его неверие, рыба схватила его кольцо в море и попалась рыбаку, рыбак ее на рынок принес, а послушник купил рыбу, принес ее домой и нашел в ней кольцо, которое отнес Симеону. Симеон сказал: «Воистину сын Божий родится» и про себя проговорил: «Когда увидят очи мои спасение мое, тогда отдам дух мой ко Господу», и там тогда и скончался, когда увидел Господа.

Приложились к премудро написанной иконе, где изображена рыбка.

Когда ехали на пароходе на обратном пути, опять приблизились к месту тому, где кит выбросил пророка Иону, и запели пасхальную песнь «Яко от кита Иона, воскрес еси от гроба». Вся толпа народа смотрела на то место, где совершилось событие чуда. Там маленький каменный столбик и яма неглубокая, четырехугольная, пароход стоял полсуток против этого места.

Крестный монастырь, самый древний из всех. В нем показывают место, где росло древо, то самое, на котором был распят Христос и которое посажено было праведным Лотом. Короче всего сказать, что когда Лот выведен был из Содома, то был искушен соблазном, и вот Господь через одного старца благословил его посадить три головешки и поливать их водой. Три головешки были им посажены, и он носил воду с Иордана и поливал их. Господь услышал молитву его: из одной головешки выросло древо. Есть изображение этого древа на иконах и как Лот поливает и сажает его, все это в пещере изображено. Как Господь даже грешников прославляет! Сама церковь воспевает это древо, из него крест был сделан, на котором распят Христос.

Как увенчал Господь праведного Лота, он и раньше был праведный, а потом пал в великий разврат, но покаялся. Вот первое спасенье — если ради Бога кто живет, то, хотя искусит его сатана, все-таки спасется, только бы не из корысти, а кто из корысти, тот Иуде брат будет.

В доме Иоакима и Анны нашли мозаику — лань приклонила голову к ногам их.

Господи, все животные им покорны!

Много разных народов и все умные в своем духе, но веры у всех и во всех нациях мало, и любви нет. С ними очень нужно быть ласковым, они не понимают, но на любовь твою смотрят, как на диковину. И вот в то время, когда мы указываем на небо, они с любовью смотрят, и в лице у них делается перемена, и сейчас говорят о пророках. Очень много умных, а веры в них нет, с ними очень нужно говорить, но не о вере, а о любви, спаси их Бог! Критиковать и указывать на свою веру, как она высока, — не надо, а надо сперва расположить их, а потом и сеять осторожно и кротко свою веру, но на это годы нужны. Надо показать пример любви и иметь любовь яркую, вот тогда будут христиане, как в первые годы, и миссия христианская будет не за деньги служить, а по доброте. Они очень понимают, когда говоришь, и удивительно на них слова отражаются — сейчас садятся кругом и смотрят на тебя. Надо обязательно знать язык их и характер их наций, а всего короче любовь к Богу иметь, как к другу, а то хоть и постимся, а не умеем с Богом беседовать, то и на людей не подействуем! Как колокол без серебра плохо звучит, так и неопытный всегда только напортит.

Если любишь, то никого и не убьешь — все заповеди покорны любви, в ней великая премудрость, больше, чем в Соломоне, и такая высота, что только одна любовь и существует, а остальное все как дробь в ней и через нее выход на небо.

Насколько один маленький кусочек хлеба дороже для человека большого корабля! А сколько денег на корабль надо? Кто уразумеет, тот и разумеи.

Действительно много народа едет на пароходе, несколько сотен, и в этой толпе рассадник веры, только многих бес запутал, но в ней много золота и жемчуга — тайная поддержка государства. Всякий в своем уголке имеет духовную силу, расскажет юношам про Иерусалим, в этих юношах явится страх, и полюбят родину и царя. Я уверен, если больше веры будет, никакой варвар не подточит корень ее. Надо обратить побольше внимания на паломников, — возить их подешевле и так устроить, чтобы миссия не брала с них денег за кипяток, за номера, за барак и раз в день давали бы кушать и не возили бы, как скот, в трюмах, иногда до семисот вместе, а в этом году пятьсот, менее чем всегда. А то с паломниками обращаются, как со скотом, а деньги отдай и за кипяток, и за барак, и за все!

Паломники ради святыни едут, но много им приходится терпеть. Богатым очень хорошо, денег много и номер хороший! Да, надо постараться, чтобы повольнее возили бедных паломников, очень они поддержат Россию верой простой, расскажут своим про гроб Христов — это ничем не оценимая для простого народа великая доброта!

Необходимы обители для простого люда, пусть они ведут себя, как братья, Бог им судья; но есть посреди них движимые духом святым и молитвенники. Устав монастырский очень влияет на христианина и служит великой поддержкой для государства.

Простячек поклонится святыне и пойдет по селам, расскажет с верой о службе и об уставе монастырском на своем простом языке; видно, что он говорит правду, и вот простота его вселит в семействе любовь к Богу, и юноши выслушают странника и будут помнить его слова, когда пойдут на военную службу. Вселится в них любовь: будут любить монастырь, а в нем сама родина любви, и это правда, на самом деле, что кто поносит монастырь, тот и все остальное поносит, а устав монастырский учит любить.

Вот еще большое событие — Пасха католиков в Иерусалиме. Я был очевидцем и сравнивал их Пасху с нашей — у них неделей раньше она была. Что же сказать про их Пасху? У нас все, даже не православные, радуются, в лицах играет свет, и видно, что все твари веселятся, а у них и в самом храме никакой отрады нет, точно кто умер, и нет оживленья: выходят, а видно, что нет у них на душе Пасхи, как у избранников, а будни. Какое же может быть сравнение с Пасхой православия, совсем это другое! Ой, мы счастливые, православные! Никакую веру нельзя сравнить с православной! У других — ловкость — даже торгуют святыней, а видно, что у них нет ни в чем отрады; вот обман, когда даже в Пасху служат и то лица мрачные, поэтому и доказывать можно смело, что если душа не рада, то и лицо не светло — вообще мрак, а у православных, когда зазвонят и идешь в храм, то и ногами Пасху хвалишь, даже вещи и те в очах светлеют. Я не берусь судить, а только рассуждаю и сравниваю католическую Пасху с нашей, как я видел во святом граде служили Пасху у гроба, а премудрости глубину не берусь судить. Я чувствовал, как у нас ликуют православные, какая у нас величина счастья, и хотелось бы, чтобы нашу веру не унижали, а она без весны цветет над праведниками, для примера указать можно на отца Иоанна Кронштадтского, и сколько у нас светил — тысяча мужей Божиих!

ВЫПИСКА ИЗ ДАННЫХ НАРУЖНОГО НАБЛЮДЕНИЯ
ЗА ГРИГОРИЕМ РАСПУТИНЫМ ЗА ВРЕМЯ
С 1-го ЯНВАРЯ 1915 г. ПО 8-е ФЕВРАЛЯ 1916 г.

1915 год

1 января. Распутин послал телеграмму в Покровское сельскому старосте: «Лес выхлопотал даром, возить, когда разрешат рубить».

10 янв. Шаповаленкова принесла ему в подарок ковер. Послал телеграмму: «Царское, дворцовый госпиталь, Анне Александровне Вырубовой. Хотя телом не был, радую духом, чувство мое, чувство Божие. Посылаю ангела утешать и успокаивать, позови доктора».

12 янв. Распутин принял прошения от крестьянина Саратовской губернии Гавриила Пантелеева Шишкина на высочайшее имя с просьбой о помиловании (приговорен судом к заключению в крепости по делу о какой-то секте) и от крестьянина Тамбовской губернии Александра Осипова Слепцова тоже о помиловании, осужденного за подлоги каких-то векселей. За хлопоты с них взял 250 рублей.

17 янв. Распутин на 50 минут посетил бани в д. № 3 по 4-й Рождественской ул., но был ли он там один или с кем-либо, наблюдение не видел.

18 янв. Распутину принес 1000 руб. и отдал ему под расписку в разносной книге артельщик статского советника (поставщика угля на флот) Гинцбурга, крестьянин Август Корнилович.

26 янв. Симанович принес Распутину несколько бутылок вина. В этот вечер у Распутина был бал в честь каких-то освобожденных из тюрьмы. На балу были: супруги Волынские, Шаповаленкова, Мария Головина и еще поодиночке пришли неизвестные 4 мужчины и 6 женщин, у одного из мужчин была гитара. На вечеринке было очень шумно: пели песни, плясали и кому-то аплодировали; гулянье затянулось до позднего времени.

28 янв. Фон Бок с неизвестным привез Распутину ящик вина.

12 февраля. Распутин с неизвестной женщиной проведен в д. № 15-17 по Троицкой улице к князю Андронникову. Отсюда выхода его не видели, а в 4 с половиной часа утра пришел домой в компании 6 пьяных мужчин (с гитарой), которые пробыли до 6 часов утра, пели и плясали. Утром Распутин никого не принимал, так как спал.

18 февр. Распутин послал телеграмму: «Царское Село, Вырубовой. Скажи завтра Коровиной, чтобы была у тебя в три».

19 февр. Распутин в 10 ч. 15 м. вечера вышел из д. № 1 по Спасской ул. от Соловьевых с двумя дамами и на таксомоторе уехали без наблюдения, а в 3 ч. ночи он вернулся домой один.

Печатается по изданию: «Архив русской революции», т. XVI (Берлин, 1925).

21 февр. К Распутину на моторе приехал Николай Алексеевич Глазов и привез с собою несколько бутылок вина. Захватив Распутина, уехали вместе в Большую Северную гостиницу к Тереховой-Миклашевской. Распутин пробыл здесь 1 ч. 50 минут.

10 марта. К Распутину приходила Евгения Карловна Ежова просить его содействия по устройству ей подряда по поставке белья для войск, на 2 миллиона рублей. Около часу ночи к Распутину пришли человек 7-8 мужчин и женщин, во главе с прапорщиком Карпотиным, и пробыли до 3 часов ночи. Вся компания кричала, пела песни, плясала, стучала, и все пьяные вышли вместе с Распутиным и отправились неизвестно куда.

11 марта. В 10 ч. 15 м. утра Распутин встречен один на Гороховой улице и проведен в д. № 8 по Пушкинской ул., к проститутке Трегубовой, а оттуда в баню.

12 марта. Распутину на квартиру Алексеев принес одну бутылку вина.

13 марта. Миллер купила Распутину шапку. В 6 ч. 50 м. вечера Распутин направился с двумя дамами в д. № 76 по Екатерининскому каналу, к Савельевым, где пробыл до 5 ч. утра и весь день лежал больной.

14 марта. Поган принес икону и кружку для постановки в передней в квартире Распутина для сбора пожертвований.

25 марта. Распутин выбыл в Москву.

26 марта. В отсутствие Распутина приходила просить Варвара Нищенко об освобождении ее дяди, полковника Жилецкого, призванного из запаса, за что обещала дать ему 2000 рублей.

30 марта. Распутин вернулся из Москвы. Послал телеграммы в Москву: 1. Большой Гнездииковский пер., д. 10, княгине Тенишевой — «Радуюсь за откровение, обижен за ожидание, целую свою дорогую». 2. Козицкий пер., дом Бахрушина, Джанумовой — «Ублажаемое сокровище, крепко духом с тобой целую».

3 апр. Распутин привел к себе на квартиру в 1 ч. ночи какую-то женщину, которая и ночевала у него.

9 апр. Распутин в 9 ч. 45 м. вечера проведен в д. № 18 по Садовой ул. к окончившему курс московского университета Алексею Фролову Филиппову, бывшему издателю газет «Деньги» и «Биржевой День», и оставлен здесь в 2 часа. Было замечено, что происходило какое-то собрание или пирушка. Распутин вернулся домой в 6 ч. 30 м. утра.

15 апр. Распутин с монахом Мартианом был в д. № 45 по Лиговке у потомственного почетного гражданина Василия Евгениевича Пестрикова. За отсутствием последнего они с сыном его и еще неизвестным студентом кутили. Играл какой-то музыкант. Пели песни, и Распутин плясал с горничной Пестрикова.

25 апр. Распутин послал телеграмму тобольскому епископу Варнаве: «Был у Обера, отклоняет по поводу войны, был ласков, но не по нашему делу».

26 апр. Около 10 ч. вечера стали собираться к Распутину неизвестные мужчины и женщины, человек 10-12, в том числе Алексеев, Лисенко, Рубинштейн с какой-то женщиной. В 11 ч. была слышна игра на гитаре и пляска: кому-то аплодировали. Это происходило до двух часов ночи.

27 апр. Было слышно, что Распутина вызывают в Царское Село, но так как

он еще не проспался, то Волынский и баронесса Кусова не советовали ему в таком виде ехать и говорили: «испортит все дело». Между собой вели разговоры: «что-то наш старец избаловался». Посоветовали ему часа два спать и сказали, чтобы в квартиру к нему никого не пускали.

9 мая. Распутин послал жену швейцара к массажистке, но та отказалась его принять. Тогда он сам пошел в том же доме к портнихе «Кате», 18 лет, и говорит ей: «Почему ты не приходишь ко мне?» Она ответила, что «нет костюма». «Ты приходи ко мне через неделю, я тебе дам 50 рублей».

11 мая. Распутин послал телеграмму Саблеру: «Милый, дорогой, вчера мы беседовали там с мамой, нашли, что не так просто беспокоить владыку нашего. Они надеются, что можно удержать дело».

Распутин привел к себе на квартиру проститутку и запер в комнате, но прислуга ее выпустила.

12 мая. Распутин послал телеграмму тобольскому губернатору: «У меня в Покровском три недели живет подозрительный человек, то говорит из Москвы, то другого места. Ответ пошлите Царское Село Вырубовой».

14 мая. В 5 часов вечера направился в д. № 15 по Малой Дворянской улице к Бельковскому и Цезаревой. В 10 ч. в одной из комнат квартиры, занимаемой Бельковским, не было огня, но наблюдению удалось увидеть с улицы, как одна из присутствовавших там женщин перешла освещенный зал и заглянула в темную комнату и вскоре побежала в ту комнату, где сидели мужчины. После этого было видно, как Распутин, услышав, по-видимому, тревогу, выбежал из темной комнаты, в передней схватил свою шляпу, пальто и, не одеваясь, выбежал на улицу, а в нескольких шагах бежали за ним двое мужчин. Последние только выбежали на улицу, и один сказал: «Вот он бежит», и затем оба вернулись в дом. Распутин же на ходу вскочил на извозчика и стоя ехал до Литейного проспекта, все время озираясь, не гонятся ли за ним, а потом остановился среди улицы, пропустил мимо себя всех ехавших за ним и, успокоившись, возвратился домой.

18 мая. Распутина просил инженер Мендель Нейман устроить высочайшее помилование от 8-месячного сидения в крепости, осужденного за укрывательство или подкуп от воинской повинности. Посредником при передаче прошения Распутину был Поган.

19 мая. Распутин сказал Нейману, что прошение передано «самому». Длин, она же Долина, просила Распутина устроить переход в русское подданство купца Мандль.

26 мая. Распутин вместе с проституткой Трегубовой приехал на моторе купца Мануса домой пьяный. Страстно целовал Трегубову при прощании и трепал по щеке, а затем жену швейцара посылал за портнихой «Катей», в том же доме, квартира № 31, но ее не было дома.

1 июня. Распутин послал телеграммы: в Покровское, Новых. «Скорблю, рвусь домой. У Аннушки горе, будет операция, пока не отпускают. Как у вас дела, целую», и туда же Шестакову (начальнику почтово-телеграфной конторы): «Дай им две тысячи своих, через три недели привезу».

2 июня. Распутин в 10 часов вечера приехал домой пьяный с Манусом и Кузьминским и, не заходя в квартиру, послал жену швейцара за массажисткой Утиной, живущей там же, но дома ее не оказалось. Тогда он сам отправился в тот же дом в квартиру № 31 к портнихе «Кате». По-видимому, его не пустили в квартиру, так как он вскоре вернулся и на лестнице стал приста-

вать к жене швейцара, прося его поцеловать. Та, вырвавшись, позвонила к нему в квартиру, и прислуга его, Дуня, увела Распутина домой.

14 июня. Добровольский привез Распутину корзину вина, а потом эту корзину с вином отвезли в д. № 18 по Садовой ул. к Филиппову.

15 июня. Распутин выехал в село Покровское.

16 июня. В Тюмени Распутин остановился на сутки в мужском монастыре у своего друга, настоятеля этого монастыря, Мартиана. В тот же день был дан Мартианом обед, на котором присутствовали и светские лица с женами. После обеда Распутин был заметно выпивши. По словам о. Мартиана, Распутин один выпил около 2-х четвертей монастырского вина.

20 июня. Распутин с Мартианом, Патушинской и Дуней, имея сверток со свежими огурцами и полведра вина, на монастырских лошадях поехали к проживающему в Тюмени Стряпчеву, где пробыли 40 минут.

24 июня. У Распутина в своем доме в селе Покровском были гости, и он, выпивши, заводил граммофон, плясал и несвязно подпевал. В тот же день рассказывал своим поклонникам, как он освободил от наказания триста человек баптистов и с каждого должен был получить по тысяче рублей, но получил всего лишь пять тысяч. А когда последний раз был у государя, то отстоял от призыва ратников ополчения 2-го разряда до осени, т. е. до окончания уборки хлеба.

Через с. Покровское проезжал тобольский губернатор. Во время остановки парохода Распутин заходил и просил губернатора сложить штраф в размере 50 рублей, наложенный на крестьянина с. Покровского за постройку дома на неуказанном месте.

25 июня. Во время прогулки по селу Распутин рассказывал агентам, что его любят три министра: Горемыкин, князь Шаховской и третьего не договорил, и что великий князь Николай Николаевич ему хорошо знаком и что в 1905 году великий князь дал бы России конституцию, но еще было рано.

26 июня. В с. Покровское, к соседке Распутина, Наталье, пришла какая-то женщина и расспрашивала про него, а затем просила переночевать у нее, но та не позволила ей, а утром, придя, рассказала все это Распутину. Последний сейчас же послал десятского искать эту женщину по селу, но не нашел. Распутин очень струсил и долго припоминал царицынских знакомых женщин.

27 июня. Распутин получил телеграмму из Царского Села от Вырубовой: «Чувствуется горе, скучаю, писала; благослови. Анна».

29 июня. Послал телеграмму Вырубовой. Содержание неизвестно.

30 июня. К Распутину приехали в экипаже из Тюмени епископ тобольский Варнава и настоятель мужского монастыря о. Мартиан. Последний привез два полуведерных бочонка вина.

1 июля. К Распутину из Тюмени на пароходе приехал неизвестный еврей, по-видимому, какой-то промышленник, проживающий в Перми. Пробыл 40 минут.

4 июля. К Распутину приехал опять о. Мартиан и в тот же день на пароходе с женою Распутина и Дуней уехал в Тюмень.

5 июля. Распутин выходил на пристань встречать какую-то прибывшую из Тюмени женщину и говорил с ней 20 минут. Женщина поехала за Тобольск. В тот же день к нему приехали еще две женщины, живущие в Тюмени, как видно, первый раз.

Послал две телеграммы: Царское Село, Вырубовой. «Как здорова, целую» и Петроград, Пушкинская, 17, Добровольскому: «Скажи, кто третьего выехал».

7 июля. Приходил из села Коврижки дьякон и целовал Распутину руку. В 8 часов 10 минут вечера из Петрограда приехала Елизавета Петровна Соловьева и с нею из Тюмени жена Распутина и Дуня.

9 июля. К Распутину пришел вновь назначенный в с. Покровское священник отец Сергей и целовал у Распутина руку. В 8 часов вечера Распутин вышел из дома с красным лицом, по-видимому, выпивши, и с ним Соловьева. Сели в экипаж и вдвоем поехали далеко за деревни в лес. Через час вернулись, причем он был очень бледный.

11 июля. К Распутину из Ялutorовска приехала Патушинская, жена офицера. Минут через 10 вышли из дома Соловьева и Патушинская, обхватив Распутина с обеих сторон, а он их, причем Патушинскую взял рукою за нижнюю часть туловища. В продолжение дня играли на граммофоне, и он был очень весел, пил вино и пиво.

12 июля. Соловьеву вызвал муж телеграммой в Петроград. Распутин, обхватившись с Патушинской, гулял в своем дворе и был очень весел.

13 июля. Распутин после купанья пошел к жене псаломщика Ермолая, которая ожидала его у своего окна, и пробыл у нее полчаса. Бывает у нее почти ежедневно с интимными целями.

Патушинская уехала в Ялutorовск по вызову мужа, причем при отъезде целовала Распутина в губы, нос, щеки, бороду и руки со сладострастием.

14 июля. Распутин уехал в Тобольск к Варнаве. Агентов с собой не взял.

15 июля. К Распутину из Петрограда приехал Добровольский с Авчуховой (ныне его жена).

17 июля. Распутин вернулся из Тобольска. Добровольская после завтрака играла на пианино и пели песни все хором. Распутин много хлопал в ладоши и притапывал ногами, а потом ходил, обнявшись с Добровольской, не стыдясь своих дочерей. Затем отправились в поле, пели песни, бегали и Распутин играл в мяч.

20 июля. Распутин и Добровольский с женой были в том же селе в гостях у Арапова. Вышел отсюда Распутин выпивши и зашел к жене псаломщика Ермолая. В 5 часов 40 минут дня Распутин, вернувшись домой, хотел опять идти на улицу, но Дуня просила не ходить. Послал ее «к черту», пьяный ходил прямо, не разбирая грязи. Во время прогулки Распутин разговорился относительно войны: «Прошлый год, когда я лежал в больнице и слышно было, что скоро будет война, я просил государя не воевать и по этому случаю переслал ему штук 20 телеграмм, из коих одну послал очень серьезную, за которую, якобы, хотели меня предать суду. Доложили об этом государю, и он ответил, что „наши домашние дела и суду не подлежат“». Затем Распутин вел разговор относительно прибывшего в с. Покровское священника о. Сергея. Разговор возник из-за того, что в с. Покровском 20 июля был крестный ход, затем молебен с водосвятием, для каковой цели поставлены были четыре ведра с водой. Священник, увидев 4 ведра, заявил, что четыре раза молебен он служить не будет, порознь для каждого ведра. Тут нашлись смельчаки из молящихся и объяснили ему, что достаточно и одного молебна на все четыре ведра сразу. По окончании молебна священник не хотел дать приложиться к кресту, а заявил, что это будет в церкви после обедни, на что молящиеся запротестовали, и священник вынужден был согла-

ситься и дал им приложиться. Священник этот совсем не знает богослужения, и есть слух, что он происходит из московских купцов и прислан сюда по рекомендации редактора журнала «Колокол» Скворцова. В заключение Распутин сказал: «Не знаю, что делать с о. Сергием».

Распутин получает много писем и телеграмм и сам много отправляет, но агентам перестал давать относить их на почту.

21 июля. Распутин, Добровольский с женой, дьякон Ермолай с женой и две дочери Распутина на пароходе отправились до Тюмени, а оттуда в Ялуторовск к Патушинским. Во время пути Добровольская играла на пианино.

22 июля. В Ялуторовске на вокзал приехала встречать Патушинская на паре собственных лошадей, посадила с собой Распутина, а остальные расселись на извозчиках и отправились на квартиру к Патушинским, где их встретил сам Патушинский. В 8 ч. вечера Патушинская, Добровольский с женой и дочери Распутина гуляли по улицам. Около 10 часов вечера (по-видимому, это было условлено заранее) Распутин выпрыгнул в окно на двор на террасу, а Патушинская вышла в заднюю дверь и затем через окно на двор и в тот же момент подала рукой знак Распутину и вместе удалились в темноту.

23 июля. Добровольский с женой уехали в Петроград. В 12 часов дня Распутин с дочерьми и Патушинской пошли в лес за городом, но через полчаса вернулись. Дочери зашли в дом, а Распутин с Патушинской пошли в нежилой дом в саду и через 20 минут оттуда вернулись. По словам прислуги Патушинских, в том доме когда-то жили князья-декабристы.

24 июля. Распутин с дочерьми уехал от Патушинских в Тюмень и там, оставив дочерей на пристани, сам отправился к настоятелю Мартиану. Через два с половиной часа Распутин вышел вместе с Мартианом, неся корзину, по-видимому, с вином, и один отправился на пристань и уехал с дочерьми в с. Покровское.

27 июля. Распутин с сыном на лошадях отправились в Тюмень, а отсюда по железной дороге в Петроград. Во время пути на одной из станций пообедал с одной тарелки с сыном и руками брал из этой тарелки капусту и клал себе в ложку.

31 июля. В 10 с половиной часов утра прибыл в Петроград. На вокзале встречал статский советник Николай Васильевич Соловьев, жена которого приезжала в с. Покровское. Сели на извозчика и поехали к Соловьеву на Гороховую, 69.

2 авг. Распутин послал из Петрограда телеграммы: 1. В Ялуторовск, Патушинским: «Скоро увидимся, целуем», 2. В Покровское, Тобольской губ., Новых: «Скоро будем, целуем».

5 авг. Распутин выехал обратно в Покровское. На вокзале провожали: Татьяна Шаховская, баронесса Кусова, Миллер, Добровольский с женой, а Вырубова и фон Пистолькорс на их моторе привезли его на вокзал, но из мотора не выходили.

В пути Распутин познакомился с тремя неизвестными дамами, которых и вышел провожать на ст. Камышлов. Тут же на платформе прощался с ними, а дам здесь встречали штаб- и обер-офицеры, которым дамы и показали Распутина. В разговоре между ними был слышан рассказ о покушении на жизнь Распутина Гусевой, а затем что-то такое про больницу. Выслушав рассказы дам, подполковник обратился к обер-офицеру: «Видите ли, если бы

они проехали еще одну станцию, то, наверное, потеряла бы мать дочку или же наоборот. По всему видно, что этот субъект имеет гипноз в глазах».

Не доезжая до станции Буй, Распутин перешел в вагон, где сидели агенты, его сопровождавшие, и начал с ними разговор с войны, что война идет у нас очень плохо и в Петрограде скоро будет большая перемена. «Соловьев получил большую неприятность от Самарина за то, что 31 июля он на вокзале в Петрограде встречал меня, но Самарин долго обер-прокурором не будет». А сам Распутин пристально смотрел на агентов и сказал: «Не вы ли донесли о встрече меня Соловьевым?» Агенты ему ответили: «Это не наше дело». «Кто же это мог донести? По поводу этого доноса меня спрашивал император и говорил — может, сыщики донесли на Соловьева. На это я ответил царю: „Не знаю, может, и они“. Вот я еду домой и сам не знаю, надолго ли, может, на одну неделю, а может, и на больше, как там дела». В заключение Распутин сказал, что был у царя два раза. Он ему предлагал отдельный вагон для поездки на родину, но «я от этого отказался». Однажды я возвращался из Царского Села в Петроград, около 12 часов ночи «видел, как прятался от меня за подъемную машину сыщик. Жаль мне его стало, а если бы узнал, кто он такой, то плохо бы ему было».

9 авг. В Тюмени Распутин, выйдя из монастыря от настоятеля Мартиана, отправился на пароходную пристань, где и занял отдельную каюту и в 11 часов утра отбыл в с. Покровское. Около часу дня Распутин вышел из каюты пьяный и пошел к солдатам, едущим на том же пароходе из Тюмени в Тобольск (солдаты были местной конвойной команды в числе 10 человек), и вступил с ними в разговор, а затем дал им на чай 25 рублей и заставил их петь песни. Прослушав несколько песен, удалился в свою каюту и, вернувшись через несколько минут обратно, дал солдатам еще сто рублей. Пенье песен усилилось, и в хоре участвовал и сам Распутин. Пенье продолжалось около часу, после чего Распутин забрал всех солдат и повел во 2-й класс, разместил их за столами и был намерен угостить их обедом, но капитан парохода не разрешил присутствовать нижним чинам во втором классе и приказал им удалиться. Спустя некоторое время Распутин опять явился к солдатам, поставил их в кружок, сам стал посередине, и все пели хором, причем пеньем руководил Распутин и был в очень веселом настроении. Дав солдатам еще 25 рублей, заказал для них обед стоимостью в 15 рублей, а затем удалился в свою каюту. Через несколько минут было слышно, как он заявлял о пропаже у него трех тысяч рублей, после чего опять ушел в каюту и минут через 20 вышел из нее пьянее прежнего, зашел в третий класс и там поссорился с неким Разумовским (из Тюмени). Последний хотел отколотить Распутина, но дело прошло миром. Затем там же Распутин поссорился тоже с тюменским купцом Михалевым. Ссора началась с разговора о вызывающих действиях тобольского епископа Варнавы, а затем Михалев плюнул и ушел. Распутин после этого встретил официанта парохода, обозвал его «жуликом» и сказал, что это он украл у него три тысячи рублей. Официант, попросив некоторых пассажиров быть свидетелями по данному делу, обратился с жалобой к капитану парохода. Капитан ответил, что «приедем в Тобольск и там составим полицейский протокол». После этого инцидента Распутин опять удалился в каюту и у открытого окна, положив голову на столик, что-то долго про себя бормотал, а публика им любовалась. Из публики было слышно: «Распутин, вечная память тебе, как святому человеку».

Другие говорили: «Надо его обрить или машинкой бороду снять». По просьбе агентов окно в каюте было закрыто. Часа за два до прибытия парохода в с. Покровское Распутин со столика свалился на пол и лежал на полу пьяный до самого прихода парохода в с. Покровское.

В 8 час. вечера прибыли в с. Покровское. Агенты попросили капитана парохода дать им двух человек помочь вывезти Распутина с парохода на берег, и они вчетвером вытащили его, мертвецки пьяного. Встречать его приехали проживающие в с. Покровском Распопов, две дочери Распутина — Дуня и Катя. Взвалили его на телегу и повезли домой.

10 авг. В 10 часов утра Распутин вышел из дому на двор и спрашивал агентов относительно вчерашних происшествий, все время ахая и удивляясь, что скоро так напился, тогда как выпил всего три бутылки вина, и добавлял: «Ах, парень, как нехорошо вышло». В этом разговоре он между прочим сказал, что «Джунковского со службы уволили, а теперь он, быть может, будет думать, что уволили его через меня, а я его не знаю, кто он такой». Еще говорил, что «и вашего губернатора скоро уволят». Агенты спросили: «Какого? Графа Адлерберга?» — «Нет, я не знаю, как его зовут», а затем начал говорить о чем-то другом.

11 авг. В Покровское приехал из Тобольска Варнава и в тот же день уехал в Тюмень.

15 авг. В Покровское приехал Мартиан.

18 авг. В с. Покровское из Тобольска приехал Августин и в тот же день уехал в Тюмень. Приехала к Распутину и Патушинская.

19 авг. Распутин отправился к дьякону Ермолаю, который по приходе Распутина тотчас же ушел в церковь, а Распутин пробыл у его жены целый час. Из села Покровского священник о. Николай ездил в Тобольск к Варнаве и привез оттуда Распутину новость, переданную ему Варнавой, что губернатор Распутина за пьянство и приставание хотел арестовать административным порядком на три месяца, но епископ Варнава защитил. Во время передачи всего этого отцом Николаем Распутин плюнул и сказал: «Что мне губернатор-то?»

6 сент. Во время прогулки Распутин между разговором сказал сопровождавшим агентам: «Да, парень, душа очень скорбит, от скорби даже оглох. Бывает на душе два часа хорошо, а потом неладно». Агенты спросили его: «Почему это у вас так?» — «Да потому, парень, неладно творится в стране, да проклятые газеты пишут обо мне, сильно меня раздражают, придется судиться».

9 сент. Когда Распутин находился в гостях у брата своего Николая Распутина и тут же было несколько других лиц, пришел туда же отец Распутина и начал ругать сына Григория самыми скверными словами. Распутин, как бешеный, вскочил из-за стола, вытолкнул отца во двор, свалил его на землю и давай его бить кулаками. Отец кричал: «Не бей, подлец!» Пришлось их силой расталкивать. После осмотра у отца оказался подбитый глаз с огромным кровоподтеком, так что закрыло весь глаз. Оправившись, старик стал еще пуще ругать сына, грозя ему рассказать всем, что он ничего не знает, а «только знает Дуню (прислугу) держать за мягкие части». После этого пришлось Распутина силой удерживать от вторичного нападения на отца. Оба они были пьяны.

В этот день Распутин послал две телеграммы, одну в Царское Село, а другую в царскую Ставку.

Распутин сына своего Дмитрия, как ратника 2-го разряда, призванного на действительную службу, повез в Тюмень, куда в тот же день приехала из Ялуторовска и жена штабс-капитана Патушинская, которая и устроила сына Распутина в 7-ю роту местных войск. В Тюмени Распутин, его сын, жена Распутина и Патушинская остановились в мужском монастыре у настоятеля Мартиана. По городу Тюмени Распутин, как видно, боится ходить и в разговоре агенту Терехову сказал, что — «хотя в Тюмени у меня знакомства много, но ходить время нет», а между тем сидит целый день в монастырской ограде, ничего не делая.

Распутин ходит боком. Как видно, во время драки с отцом зашиб бок.

12 сент. Распутин говорил агенту, что хочется выехать в Петроград, но его не вызывает Вырубова.

19 сент. Распутин получил письмо, помеченное 16 сентября, писанное на машинке: «Григорий, наше отечество разрушается, хотят заключить позорный мир. Так как ты получаешь из царской Ставки шифрованные телеграммы, значит, имеешь большое влияние. Потому мы, выборные, просим тебя сделать, чтобы министры были ответственными перед народом, чтобы Государственная Дума была собрана к 23 сентября сего года для спасения нашего отечества, и если ты этого не исполнишь, то тебя уьем, пощады не будет,— рука у нас не дрогнет, как у Гусевой. Где бы ты ни был, это будет выполнено. На нас, десять человек, пал жребий».

24 сент. Распутин выехал из села Покровского в Петроград, куда и прибыл 28 сентября.

11 окт. Распутин послал телеграмму Варнаве: «Убери шпиона, плати по 15 рублей душевную больницу Ивану Хлопову я заплачу иереи просят тебя извиниться, что надо, все сделано».

14 окт. Распутин вернулся домой в час ночи совершенно пьяный, на лестнице кричал на швейцариху, что она, якобы, взяла в 25 рублей взятку с какого-то министра, и добавил: «Меня хотели похоронить, но теперь самого раньше похоронили».

22 окт. К Распутину около 8 часов вечера пришла неизвестная дама, которая через 10 минут вышла очень взволнованная. Ее на лестнице догнала прислуга и сказала: «Просит вас с ним поговорить, а то ему скучно». Дама сначала, смутясь, отказывалась вернуться, говоря, что зайдет завтра, а то ему сегодня нездоровится. Но потом согласилась и зернулась. До позднего времени выхода ее не было.

24 окт. Распутин послал телеграмму: «Екатеринбург, епископу Серафиму. Извиняюсь за беспокойство, успех мой не совершился, каждый своего тянет. Григорий».

28 окт. Распутин дал письмо Белянину к товарищу министра юстиции Веревкину, но Веревкин письма этого не принял, сказав, что «дело не мое, а высшего начальства». Тогда Распутин обещал ему содействие через Вырубову. Белянин хлопотал о пересмотре своего дела относительно пожара в его магазине, во Владивостоке.

31 окт. Распутину на квартиру привезли напрокат пианино.

3 ноября. К Распутину пришла неизвестная женщина, которая хлопочет о своем муже прапорщике, лежащем в одном из лазаретов, чтобы его оставить в Петрограде. Выйдя от Распутина, начала рассказывать швейцарихе, что какой-то странный он человек, и описала, как он ее принимал: «Впустила меня

в квартиру какая-то девочка и провела в комнату, потом вышел ко мне Распутин (первый раз его вижу) и сказал: раздевайся, пойдем сюда. Я разделилась, пошла с ним в комнату, первую от дверей, налево. Он мало слушал мою просьбу, а стал хватать руками за лицо, потом за груди и говорит: „Поцелуй меня, я тебя полюбил“. А потом написал какую-то записку и снова стал приставать: „Поцелуй, поцелуй, я тебя полюбил“. Этой записки не дал, сказав, что — „я на тебя сердит, приходи завтра“. Агент Терехов спросил эту даму, намерена ли она зайти завтра, но последняя ответила: «Нет, потому что к нему идти, то надо дать задаток, какой он хочет, а я не могу этого сделать, потому и не пойду».

5-6 ноября. Распутин на моторе уехал в Царское Село и вернулся 6-го числа в 10 часов 50 минут утра на моторе вместе с Вырубовой. Выйдя из мотора, Распутин перекрестил Вырубову, и та уехала.

Распутин вместе с Боберманом уехали на моторе и вернулись через 5 часов, причем Распутин был выпивши и при прощании очень целовался с Боберманом. Когда шел в квартиру, то спросил: «Кто у меня есть?» Ему сказали, что две дамы. «Красивы ли они?» Ему сказали: «Да, очень красивы». — «Ну, хорошо, мне такие и нужны». Около 7 часов вечера вышел из дома, еще не проспавшись, дал швейцарихе 10 рублей и что-то бормотал непонятное, стуча палкой.

10 ноября. Распутин послал агента Свистунова с письмом к господину министру внутренних дел.

14 ноября. Распутин пришел домой с Татьяной Шаховской очень пьяный, и вместе сейчас же ушли. Вернулся домой в два часа ночи совершенно пьяный.

15 ноября. Секретарь Распутина, Симанович, принес корзину и сказал, что тут шесть бутылок мадеры, икра и сыр.

21 ноября. Распутин вернулся к себе домой, неся две бутылки вина.

22 ноября. Распутин вернулся домой в 8 часов утра, после отсутствия со вчерашнего дня.

23 ноября. Уйдя вчера вечером, Распутин вернулся сегодня в 5 часов утра, совершенно пьяный.

24 ноября. Пришла неизвестная дама и спрашивала у швейцарихи, когда Распутин ездит в Царское Село, когда и куда он ходит в церковь. Когда швейцариха предложила ей зайти к нему, то она отказалась, сказав, что она увидит его в Царском Селе в церкви, и добавила, что ее дочь, якобы, училась с дочерьми Распутина. Увидев на лестнице агентов, неизвестная спросила швейцариху, кто это, и, получив ответ, что — агенты, просила об этом не говорить им.

25 ноября. Распутин вернулся в 5 часов утра. В ночь с 25-го на 26-е у Распутина ночевала артистка Варварова.

29 ноября. Распутин вернулся домой в 7 часов утра.

1 дек. Распутин послал телеграмму: «Москва, М. Дмитровка, 3, Миклашевской. Почему Корзинкина не едет по делу».

Распутин с Долгорукой приехал на моторе к ней в гостиницу «Астория» в три с половиной часов ночи и остался у нее до утра.

3 дек. Распутин ушел из квартиры с Филипповым и вернулся пьяный. Вскоре после его возвращения пришла в первый раз Лейкерт, урожденная Мордвинова, просить за мужа. Распутин предложил ей поцеловать его, но

та отказалась и ушла, а потом пришла содержанка сенатора Мамонтова — Воскобойникова, которой Распутин предложил зайти к нему в час ночи.

5 дек. Распутин вернулся домой в три часа ночи пьяный.

7 дек. Распутин вернулся домой в пять часов утра, довольно пьяный.

8 дек. К Распутину на моторе приехал Рубанович, и вместе отправились в ресторан «Донон» (Мойка, 24), а отсюда послали шофера в гостиницу «Россия», и тот привез оттуда в ресторан «Донон» Джанумову и Филиппову. После обеда Распутин поехал с этими дамами в гостиницу «Россия», где они проживают.

12 дек. Распутин вернулся домой в 9 час. 50 мин. утра вместе с Варваровой, по словам извозчика, с Алексеевской улицы. Вероятно, ночевал у Варваровой.

14 дек. Около двух часов ночи с 13 на 14 декабря Распутин вышел из д. № 11 по Фурштатской ул., от Свечиной, вместе с женой потомственного почетного гражданина Марией Марковной Ясининской, 28 лет, проживающей в д. № 104 по Мойке, и на моторе отправились в Новую Деревню, в ресторан «Вилла Родэ», куда за поздним временем их не пустили. Тогда Распутин стал бить в двери и рвать звонки, а стоящему на посту городовому дал 5 рублей, чтобы не мешал ему буяннить. Отсюда Распутин вместе со своей спутницей поехали в д. № 49 по 1-й линии к Новой Деревне, в цыганский хор Масальского, где пробыли до 10 часов утра, а потом, сильно подвыпившие, поехали на квартиру к Ясининской, где Распутин пробыл до 12 часов дня и отсюда вернулся домой. На ночь ездил в Царское Село.

15 дек. Распутин с подполковником Езерским, Варваровой и двумя неизвестными женщинами отправились на моторе в ресторан «Вилла Родэ» и в 2 часа ночи наблюдением были там оставлены.

17 дек. Княгиня Долгорукая прислала мотор за Распутиным, который и привез его в гостиницу «Астория», где заняли отдельный кабинет. Туда же вскоре явился бывший петроградский градоначальник генерал Клейгельс, и вместе пробыли около 2 часов.

19 дек. Распутин с неизвестным чиновником и дамой вышли из квартиры около часу ночи, а вернулся Распутин домой один в 6 час. утра.

20 дек. Распутин вместе с секретарем митрополита Питирима, бывшим архивариусом канцелярии экзарха Грузии Иваном Зиновьевичем Осипенко в моторе отправились в д. № 26-а, кв. 10, по Песочной ул., к потомственному почетному гражданину Андрею Ипполитовичу Книрише, 28 лет (с женой не живет). Сюда же были привезены из ресторана «Вилла Родэ» 2 корзины вина и был приглашен хор цыган. Около 2 часов ночи видно было в окно, как Распутин танцевал. В эту ночь Распутин вернулся домой около 7 часов утра в сопровождении двух неизвестных мужчин, мертвецки пьяный.

24 дек. В 7 часов вечера к Распутину пришел секретарь митрополита Питирима И. З. Осипенко, а спустя минут 50 на прокатном моторе к Распутину приехали: княгиня Татьяна Федоровна Шаховская, жена поручика Александра Александровна фон Пистолькорс и неизвестный офицер, причем из мотора вышла только одна Шаховская и минут через 10 вывела с собою из квартиры Распутина и Осипенко, которые сели в тот же мотор, и все пятеро отправились, по-видимому, в Александрово-Невскую лавру. В 8 час. 15 мин. вечера на квартиру Распутина на собственном моторе приехала графиня Ольга Эриковна Крейц, проживающая в д. № 29 по Адмиралтейскому каналу, и с нею вместе приехала и дочь действ. ст. сов. Марья Евгеньевна Головина.

Последняя зашла в квартиру Распутина и вскоре вышла с крестьянкой Акилиной Никитишной Лаптинской, сели в мотор и отправились в Александрово-Невскую лавру, в собор, где уже находился Распутин, но ни офицера, ни приехавших с ним дам в соборе наблюдение не видело. После богослужения, в 10 часов вечера, Распутин вместе с Осипенко вышли из собора и направились в покои митрополита Питирима, откуда выхода их наблюдение не дождалось. Две же дамы (кто именно — наблюдение сказать не может, так как хорошо их не видело) направились к отдельному зданию с правой стороны собора, после чего их наблюдение не видело.

Вернулся Распутин домой 25 декабря в 9 часов утра.

1916 год

1 янв. У Распутина были гости до 4 ч. ночи, пели песни.

2 янв. Распутин в час ночи пришел домой пьяный, а в 2 часа ночи к нему пришел неизвестный офицер с дамой, и вскоре сюда же пришла Базилевская. Пробыли они до 4 часов ночи.

4 янв. Распутин вернулся домой с Осипенко около 12 час. ночи. Осипенко сейчас же ушел. В час ночи к Распутину пришла потомственная дворянка, содержательница частной женской гимназии Елена Порфирьевна Турович и пробыла около часу.

5 янв. Распутин, Осипенко, Дуня и Миллер на извозчиках отправились на квартиру к Миллер (Лиговка, 45), и сюда же, было видно, привезли корзину вина. Домой Распутин вернулся в 2 часа 30 мин. ночи пьяный.

6 янв. Распутин дома напился пьяным принесенными ему неизвестным мужчиной двумя бутылками вина и пел песни. В 8 час. вечера вышел из дома, уже проспавшись, и вместе с Осипенко и Евгенией Шаховской на одном извозчике поехали в дом № 15 по Троицкой улице к князю Андронникову, оттуда вернулся домой вместе с Осипенко в 3 часа ночи. Осипенко сейчас же ушел.

8 янв. Распутин посетил д. № 6 по Гагаринской ул. (Нордман), оттуда вернулся домой около трех часов ночи вместе с двумя дамами. Последние, побыв у него около двух часов, ушли.

9 янв. Распутину на именины Гинцбург прислал 10 бутылок шампанского, кто-то прислал диван, две дюжины стульев, много разных подарков и корзин с разными винами и закусками.

10 янв. Клионовский принес Распутину десять бутылок вина. Турович привез корзину вина. Гиль в ночь с 10 на 11 января ночевала у Распутина. В этот же день (именины Распутина) его посещали много лиц и приносили много подарков и несколько корзин с винами, играли на гармонике, гитаре, балалайке, танцевали и пели песни, а потом, позднее, молитвы и «многие лета». Гости от Распутина разошлись в 2 часа ночи.

11 янв. Распутин говорил по телефону в Царское Село из квартиры Соловьевых. (Свой телефон был испорчен.)

13 янв. Распутин, Иваницкая, неизвестный офицер и две дамы в доме № 63 по Лиговской ул. у вдовы ст. сов. Александры Романовны Митинской от 2 час. до 5 с половиной часов дня. Распутин с тем же офицером и Иваницкой вернулся к себе на квартиру, а затем Иваницкая вышла вместе с офицером, будучи навеселе и одетой в поддевку Распутина, и вместе уехали.

Распутин послал телеграмму в Царское Село Вырубовой следующего

содержания: «Сам Бог его исповедует в радости истинной, пусть правда на детях моих веков, не пришло время видеть воочию».

На моторе, присланном Боберманом, Распутин уехал в «Европейскую гостиницу». Здесь была, по-видимому, пирушка, на которой, кроме него, присутствовали: Боберман, Коварский, директор международного банка граф Татищев, прапорщик Хвостов и две какие-то дамы. До двух часов ночи выхода его отсюда наблюдение не видело.

14 янв. Распутин вернулся домой в 7 часов утра, совершенно пьяный, в компании Осипенко и неизвестного мужчины; разбил большое стекло в воротах того дома, где живет, и заметна была опухоль около носа, по-видимому, где-нибудь упал. В 4 часа 30 мин. дня Распутин с Рубинштейном и двумя дамами уехал в Царское Село, а в 7 часов 41 минута вечера вернулся домой один, причем во время пути обратно обратился к агентам со словами: «Кто-то из вас передал кому-то, что будто бы я держал на коленях какую-то даму. Это нехорошо говорить. Вы ведь посылаетесь для охраны, а передаете другое».

Нейштейн, проживающий по той же лестнице, проходя мимо агентов, обратился к ним: «Вашего патрона скоро назначат в Царское Село управлять всеми лампадами».

16 янв. Распутин передал проститутке Трегубовой какое-то письмо. По полученным негласным сведениям, в один из дней посещения квартиры фон Пистолькорс (Морская, 59) прислуга подсмотрела, как Распутин, поставив на колени супругов фон Пистолькорс, что-то, стоя около них, бормотал.

17 янв. К Распутину в 12 час. ночи пришла неизвестная дама и пробыла до 3 часов ночи.

18 янв. Распутин вернулся домой в половине восьмого часа утра, в компании двух мужчин и дамы, совершенно пьяный и на улице у дома, где живет, пел песни. Неизвестные, проводив его до квартиры, вскоре ушли, а Распутин все утро в квартире кричал. Каравья и ее дочь Маймескул, выходя от Распутина, не принявшего их, ругали его, называя «паршивым мужиком», и рассказывали, что когда-то были в ресторане «Вилла Родэ», где Распутин выбегал в зал в одной рубашке и наделал этим немало шума, за что будто бы ресторан этот закрыт. При разговоре добавили, будто в Царском Селе появилась какой-то молодой монах, который будет скоро слыть лучше, чем Распутин.

21 янв. Распутин вместе с Гаар отправился в д. № 26-а по Песочной ул. к Книрше, а оттуда Распутин один — в д. № 36 по Бассейной улице к артистке Орловой (содержанке Мануйлова), где по собранным негласным путем верным сведениям были: Манасевич-Мануйлов и господин председ. Совета Министров Б. Штюрмер.

22 янв. Вернулся Распутин домой в 5 часов утра вместе с Осипенко, неизвестным мужчиной и двумя женщинами, причем был пьян.

23 янв. Неизвестный священник привез Распутину рыбы. Вечером Распутин в д. № 6 по Гагаринской улице у стат. сов. Федора Борисовича Нордман (старший делопроизводитель в капитуле орденов).

24 янв. Распутин вернулся домой со вчерашнего дня в 5 час. утра. В 5 час. 20 мин. вечера Распутин на моторе с Головиной и Добровольской поехали в церковь Спаса, что в Колтовской на Б. Спасской улице, где было совершено митрополитом Питиримом всенощное заупокойное богослужение в память умершего протоиерея-настоятеля этого храма, основавшего духовно-нравственные беседы.

26 янв. Распутин вернулся домой в 4 часа ночи с Осипенко и неизвестным мужчиной. В 11 часов 49 минут вечера на Царскосельский вокзал на моторе автомобильной роты приехал Осипенко, и туда же вскоре пришел Добровольский, а отсюда, посадив в мотор приехавшего из Царского Села Распутина, уехали на квартиру Добровольского. Распутин вернулся домой на извозчике вместе с Добровольским в 5 час. утра.

29 янв. Посетительница Распутина Татаринова, выйдя от него, рассказывала агентам, как Распутин обнимал и целовал какую-то молодую барышню, и говорила, что ей так было стыдно, что она из квартиры ушла и больше не пойдет. Распутин с Филипповым были в ресторане «Донон», а вечером вместе с Осипенко уехали в Александро-Невскую лавру.

30 янв. Распутин вернулся домой в 4 часа 30 мин. ночи выпивши, в сопровождении какого-то мужчины. Приехал из Москвы священник с Лубянской церкви и с ним неизвестный, за кого священник хлопочет через Распутина по какому-то делу. Неизвестный намеревался дать Распутину задаток (повидимому, большой куш), но священник отсоветовал, сказав, что преждевременно. Священник просил Распутина самого съездить к г. товарищу министра внутренних дел сенатору Белецкому, но он отказался, а написал письмо и передал им. После священник смеялся, как Распутин, писав письмо, выводил каракули. Вечером Распутин вместе с Гаар отправились к Книрише (Песочная ул., д. № 26-а), туда же приезжали еще несколько мужчин и женщин. Распутин в два часа ночи тут оставлен, а в 4 часа 30 минут ночи приехал домой на моторе совершенно пьяный с неизвестными мужчиной и женщиной.

1 февр. Распутин вернулся домой в 4 часа ночи с женщиной и двумя женщинами. Прибывший из Москвы священник в разговоре с агентом Тереховым сказал, что дело, о котором он хлопочет, затянулось, потому что оно передано Вырубовой, а последняя действует через дворцового коменданта, а тот находится в действующей армии. Распутин жаловался агентам, что его кто-то ругает по телефону, а станция ему номера не говорит.

2 февр. Распутин со вчерашнего дня вернулся домой в 9 час. 30 мин. утра. Добровольская на квартире у него играла на пианино и пела песни. Приехав домой в час ночи, Распутин сейчас же опять вышел и уехал на Офицерскую и домой вернулся только в 3 часа ночи.

3 февр. Распутин вернулся домой из Царского Села около 11 часов вечера, а в 12 час. уехал, но куда — неизвестно. В два часа ночи приехал домой на моторе с двумя мужчинами, которые в квартиру не заходили.

5 февр. Со вчерашнего дня Распутин вернулся домой в 10 час. 10 мин. утра пьяным. Со слов извозчика, привез он его с угла Офицерской и Алексеевской улиц. Каравья, выходя из квартиры Распутина, в разговоре с агентами сказала: «Хотя Распутин и падает духом, но обдeldывает большие делишки, так, например, Рубинштейн устроил что-то на 300 000 руб. и за это получил от него 50 000 руб.»; при этом добавила, что ей Распутин сказал, что ее дела он устроит через министра Шаховского, который любит Распутина больше, чем Вырубова. В час ночи Распутин вышел пьяным от Езерского, где было несколько неизвестных и Осипенко. Распутин с двумя мужчинами и дамой на моторе уехали на 10-ю Рождественскую ул., № 15, кв. 24, к помощнику прис. поверен. Моисею Шмуйловичу Двинову (справлял день своего рождения). Пробыли 25 минут, куда уехали, неизвестно, но вернулся Распутин домой в 3 часа 30 мин. ночи.

7 февр. Боберман при входе в квартиру Распутина спрашивал, что с ним случилось, а когда выходил, то сказал, что здоров. Проживающий по той же лестнице Нейштейн, выходя, спросил: «Правда ли, что вашего какой-то офицер у вокзала поколотил?» Симанович на придворном автомобиле, на котором приехала Вырубова, с ее разрешения куда-то ездил. Книрша пробыл у Распутина до часу ночи; при выходе встретил двух приехавших неизвестных мужчин и с ними вернулся обратно на квартиру Распутина, где пробыл еще час, т. е. до двух часов ночи.

8 февр. Распутин вместе с неизвестными чиновниками, на прокатном моторе, без наблюдения, был в Николаевском кавалерийском училище и на Торговой ул. в польском костеле. Книрша принес, как видно, несколько бутылок вина. В 8 час. 15 мин. вечера на квартиру к Распутину приехало пять женщин, со слов извозчика, с Офицерской улицы. Около 10 час. вечера были слышны игра на пианино, пляска и пенье. Все разошлись от Распутина в три часа ночи. В продолжение этого дня Распутин посетителей не принимал.

Начальник Петроградск. Охранного Отделения, генерал-майор Глобачев. Заведывающий наружными наблюдениями Корнилов.

ПРАВДА О ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ И «ТЕМНЫХ СИЛАХ»

Состоя Товарищем Прокурора Екатеринославского Окружного Суда, 11-го марта 1917 г., ордером Министра Юстиции Керенского, я был командирован в Петроград, в Чрезвычайную Следственную Комиссию по расследованию злоупотреблений бывших Министров, Главноуправляющих и других высших должностных лиц.

В Петрограде, работая в этой Комиссии, я получил специальное поручение обследовать источник «безответственных» влияний при Дворе, причем этому отделу Комиссии было присвоено наименование: «Обследование деятельности темных сил». Занятия Комиссии продолжались до последних чисел августа 1917 г., когда я подал рапорт об отчислении ввиду попыток со стороны председателя Комиссии прис. пов. Муравьева побудить меня на явно пристрастные действия. Мне, как лицу, командированному с правами Судебного Следователя, было предоставлено производство выемок, осмотров, допрос свидетелей и т. д. В целях всестороннего и беспристрастного освещения деятельности всех лиц, относительно которых в периодической печати и обществе составилось представление, как о людях, имевших исключительное влияние на направление внутренней и внешней политики, мною были разобраны и осмотрены архивы Зимнего Дворца, Царскосельского и Петергофского Дворцов, а равно и личная переписка Государя, Императрицы, некоторых Великих Князей, а также и переписка, отобранная при обыске у епископа Варнавы, графини С. С. Игнатьевой, доктора Бадмаева, В. И. Воейкова и других высокопоставленных лиц.

При производстве расследования было обращено особое внимание на личность и характер деятельности Г. Е. Распутина и А. А. Вырубовой, также и на отношение Царской Семьи к Германской Императорской Фамилии.

Считаю, что задача моего обследования имеет громадное значение в смысле освещения событий, предшествовавших и сопровождающих революцию, я снимал копии со всех протоколов осмотров, проходивших через мои руки документов, а равно и со свидетельских показаний.

Уезжая из Петрограда, я захватил с собой все эти копии в Екатеринослав, где они хранились в моей квартире, но теперь, вероятно, разграблены при разгроме моей квартиры большевиками. Если же, сверх ожидания, копии этих документов не уничтожены и я доживу до того времени, когда получу их в

свои руки, то я предполагаю опубликовать их в печати полностью, не делая никаких выводов и заключений.

Теперь же я считаю необходимым представить краткий очерк характеристики главных деятелей той области, которая называлась печатью и общественным мнением «областью темных сил», причем, так как очерк этот составляется мною по памяти, то в нем, конечно, будет упущено много, быть может, интересных подробностей.

Прибыв в Петроград в Следственную Комиссию, я приступил к исполнению моей задачи с невольным предубеждением относительно причин влияния Распутина, вследствие читанных мною отдельных брошюр, газетных заметок и слухов, циркулировавших в обществе, но тщательное и беспристрастное расследование заставило меня убедиться, насколько все эти слухи и газетные сообщения были далеки от истины.

Наиболее интересной личностью, которой приписывалось влияние на внутреннюю политику, был Григорий Распутин, а поэтому естественно, что его фигура явилась центральной при выполнении возложенной на меня задачи. Одним из самых ценных материалов для освещения личности Распутина послужил журнал наблюдений негласного надзора, установленного за ним охранным отделением и веденного до самой его смерти. Наблюдение за Распутиным велось двоякое: наружное и внутреннее. Наружное сводилось к тщательной слежке при выездах его из квартиры, а внутреннее осуществлялось при посредстве специальных агентов, исполнявших обязанности охранителей и лакеев.

Журнал этих наблюдений велся с поразительной точностью изо дня в день и в нем отмечались даже кратковременные отлучки, хотя бы на два-три часа, причем обозначалось как время выездов и возвращений, так и все встречи по дороге. Что касается внутренней агентуры, то последняя отмечала фамилии лиц, посещавших Распутина, и все посетители аккуратно вносились в журнал; при этом, так как фамилии некоторых из них не были известны агентам, то в этих случаях описывались подробно приметы посетителей. Познакомившись с этими документами, а также допросив ряд свидетелей, фамилии которых в документах упоминались, и сопоставив эти показания, я пришел к заключению, что личность Распутина, в смысле своего душевного склада, не была так проста, как об том говорили и писали.

Исследуя нравственный облик Распутина, я, естественно, обратил внимание на историческую последовательность тех событий и фактов, которые в конце концов открыли ему доступ ко Двору, и я выяснил, что первым этапом в этом постепенном продвижении вперед было его знакомство с известными глубоко религиозно настроенными и несомненно умными Архиепископами Феофаном и Гермогеном. Убедившись, на основании тех же документов, что тот же Григорий Распутин сыграл роковую роль в жизни этих столпов Православной церкви, будучи причиной удаления Гермогена в один из монастырей Саратовской Епархии на покой, и низведения Феофана на роль провинциального Епископа, тогда, когда эти истинно православные Епископы, заметив проснувшиеся в Григории Распутине темные инстинкты, открыто вступили с ним в борьбу,— я пришел к заключению, что несомненно в жизни Распутина, простого крестьянина Тобольской губернии, имело место какое-то большое и глубокое душевное переживание, совершенно изменившее его психику и заставившее обратиться ко Христу, так как только наличием

этого искреннего Богоискания у Распутина в тот период времени и может быть объяснено сближение его с указанными выдающимися Пастырями. Это мое предположение, основанное на сопоставлении фактов, нашло себе подтверждение в безграмотно составленных Распутиным воспоминаниях о хождении по святым местам. От этой книги, написанной Григорием Распутиным, дышит наивной простотой и задушевной искренностью. Опираясь на содействие и авторитетность указанных Архиепископов, Григорий Распутин был принят во дворцах Великих Княгинь Анастасии и Милицы Николаевен, а затем, через посредство последних, знакомится с г-жей Вырубовой, тогда еще фрейлиной, и производит на нее, женщину истинно религиозно настроенную, крупнейшее впечатление; наконец, он попадает и в Царский Двор. Здесь у него пробуждаются заглушенные низкие инстинкты и он превращается в тонкого эксплуататора доверия Высоких Особ к его святости.

При этом надо заметить, что он свою роль выдерживает с удивительно простодушной последовательностью. Как показало обследование переписки по сему поводу, а затем как подтвердили и свидетели, Распутин категорически отказывался от каких-либо денежных пособий, наград и почестей несмотря на прямые, обращенные со стороны их Величества, предложения, как бы тем самым подчеркивая свою неподкупность, бессребренность и глубокую преданность Престолу, предупреждая в то же время Царскую Семью, что он — единственный представитель за Нее перед престолом Всевышнего, что все завидуют его положению, все интригуют против него, все клеветают на него и что поэтому к таким доносам надо относиться отрицательно. Единственно, что позволял себе Распутин, это оплату его квартиры из средств Собственной Его Величества Канцелярии, а также принимал подарки Собственной работы Царской Семьи — рубашки, пояса и прочее.

Входил Распутин в Царский Дом всегда с молитвою на устах, обращаясь к Государю и Императрице на «ты» и трижды с ними лобызаясь по сибирскому обычаю. Известно, что он говорил Государю: «моя смерть будет и твоей смертью», и при этом установлено, что при Дворе он пользовался репутацией человека, обладающего даром предсказывать события, облекая свои предсказания в загадочные формы, по примеру древней Пифии.

Источником средств для Распутина служили те прошения разных лиц по поводу перемещений, назначений, помилований, которые составлялись на Высочайшее Имя и передавались во Дворец через его руки. В целях большей авторитетности своего голоса Распутин поддерживал такие ходатайства, при беседе с Их Величеством, облекая их в особые формы предсказаний и подчеркивая, что удовлетворение этих просьб ниспослет особые дары и счастье Царской Семье и Стране.

К сказанному выше необходимо добавить, что Распутин несомненно обладал в сильной степени какой-то непонятной внутренней силой в смысле воздействия на чужую психику, представлявшей род гипноза. Так, между прочим, мной был установлен несомненный факт излечения им припадков пляски св. Витта у сына близкого знакомого Распутина — Симановича, студента Коммерческого Института, причем все явления болезни исчезли навсегда после двух сеансов, когда Распутин усыплял больного.

Запечатлен мною и другой яркий случай проявлений этой особенной психической силы Распутина, когда он был вызван зимой 1914—1915 г. в будку железнодорожного сторожа Царскосельской дороги, где, после круше-

ния поезда, лежала в совершенно бессознательном состоянии, с раздробленными ногами и тазобедренной костью и с трещинами черепа, Анна Александровна Вырубова. Около нее в то время находились Государь и Императрица. Распутин, подняв руки вверх, обратился к лежащей Вырубовой со словами: «Аннушка, открой глаза». И тотчас она открыла глаза и обвела ту комнату, в которой лежала. Конечно, это произвело сильное впечатление на окружающих, а в частности на Их Величества и, естественно, содействовало укреплению его авторитета.

Вообще надо сказать, что Распутин, несмотря на свою малограмотность, был далеко не заурядным человеком и отличался от природы острым умом, большой находчивостью, наблюдательностью и способностью иногда удивительно метко выражаться, особенно давая характеристики отдельным лицам. Его внешняя грубость и простота обращения, напоминавшие порою юродивого, были несомненно искусственны; ими он старался подчеркнуть свое крестьянское происхождение и свою неинтеллигентность.

Ввиду того, что в периодической прессе уделялось много места разнузданности Распутина, ставшей синонимом его фамилии, на это обстоятельство при производстве следствия было также обращено надлежащее внимание, и богатейший материал для освещения его личности с этой стороны оказался в данных того самого негласного наблюдения за ним, которое велось охранным отделением. При этом выяснилось, что амурные похождения Распутина не выходили из рамок ночных оргий с девицами легкого поведения и шансонетными певицами, а также иногда и с некоторыми из его просительниц. Что же касается его близости к дамам высшего общества, то в этом отношении никаких положительных материалов наблюдением и следствием добыто не было.

Но имеются указания, что в пьяном виде он старался создать иллюзию своей интимной близости к Высшим кругам, в особенности перед теми, с которыми он был в приятельских отношениях и которым он был обязан своим повышением. Так, например, при обыске у Епископа Варнавы была найдена телеграмма Распутина на его имя: «милый, дорогой, приехать не могу, плачут мои дуры, не пускают». Ввиду сведений, что Распутин в Сибири мылся в бане вместе с женщинами, родилось предположение о его принадлежности к секте хлыстов. С целью выявить этот вопрос Верховной Следственной Комиссией был приглашен Профессор по кафедре сектантства Московской Духовной Академии Громогласов; последний ознакомился со всем следственным материалом и, считаясь с тем, что совместное мытье мужчин с женщинами в банях является в некоторых местах Сибири общепринятым обычаем, не нашел никаких указаний на принадлежность его к хлыстам. Вместе с тем, изучив все написанное Распутиным по религиозным вопросам, Громогласов также не усмотрел никаких признаков хлыстовства.

Вообще, Распутин по природе был человек широкого размаха; двери его дома были всегда открыты; там всегда толпилась самая разнообразная публика, кормясь на его счет; в целях создания вокруг себя ореола благотворителя по слову Евангелия: «рука дающего не оскудеет», Распутин, постоянно получая деньги от просителей за удовлетворение их ходатайств, широко раздавал эти деньги нуждающимся и вообще лицам бедных классов, к нему обращавшимся тоже с какими-либо просьбами, даже и не материального характера. Этим он создал себе популярность благотворителя и бессребре-

ника; кроме того, большие суммы Распутин сорил по ресторанам и загородным садам, вследствие чего никаких особенных средств после его смерти семье его, проживавшей в Сибири, оставлено не было.

Следствием был собран многочисленный материал относительно просьб, проводимых Распутиным при Дворе; все эти просьбы касались, как было выше указано, назначений, перемещений, помилований, пожалований, проведения железнодорожных концессий и других дел, но решительно не было добыто никаких указаний о вмешательстве Распутина в политические дела, несмотря на то, что влияние его при Дворе, несомненно, было велико. Примеры этого влияния очень многочисленны; так, между прочим, при обыске в канцелярии Дворцового Коменданта, Генерала Воейкова, было обнаружено несколько писем на его имя такого содержания: «Енералу Фавейку. Милой, дорогой, устрой ее, Григорий». На подобных письмах оказались отметки, сделанные рукой Воейкова, сводившиеся к указанию имени, отчества и фамилии просителей, их места жительства, содержание просьбы, отметки об удовлетворении просьбы и об оповещении просителей; тождественного содержания были обнаружены письма и у бывшего председателя Совета Министров Штюрмера, а равно и у других высокопоставленных лиц. Но все эти письма касались исключительно просьб об оказании личных протекций по поводу разных случаев из жизни лиц, о которых ходатайствовал Распутин.

Распутин всем лицам, с которыми ему приходилось сталкиваться более или менее часто, давал прозвища, некоторые из них получили права гражданства и при Дворе; так, например: Штюрмера он называл стариком, Архиепископа Варнаву Мотыльком, Государя — папой, Государыню — мамой. Прозвище Варнавы «мотылек» — было обнаружено и в одном из писем Императрицы к Вырубовой.

Следственный материал приводит к несомненному заключению, что источником влияния Распутина при Дворе была наличность высокого религиозного настроения Их Величеств, и вместе с тем Их искреннего убеждения в святости Распутина, единственного действительного представителя и молитвенника за Государя, Его семью и Россию перед Богом, причем наличность этой святости усматривалась Царской Семьей в отдельных случаях исключительно в воздействии Распутина на психику приближенных ко Двору лиц, как, например (о чем указано выше), приведение в сознание Г-жи Вырубовой, затем благотворное влияние на здоровье Наследника и ряд удачных предсказаний; при этом, конечно, указанное воздействие на психику должно быть объяснено наличностью необыкновенной гипнотической силы Распутина, а верность предсказаний — всесторонним знанием им условий придворной жизни и его большим практическим умом.

Этим влиянием Распутина на Царскую Семью старались, конечно, пользоваться ловкие люди, способствуя тем самым развитию в нем низких инстинктов. Особенно ярко это сказалось в деятельности бывшего Министра внутренних дел А. Н. Хвостова и директора Департамента Полиции Белецкого, которые, чтобы упрочить свое положение при Дворе, вошли в соглашение с Распутиным и предложили ему такие условия: выдавать из секретного фонда департамента Полиции ежемесячно по 3 000 руб. и единовременные пособия в различных суммах, по мере надобности, за то, чтобы Распутин проводил при Дворе тех кандидатов, которых они будут указывать на желательные для них посты. Распутин согласился и действительно первые два-три месяца

выполнял принятые на себя обязательства, но затем, убедившись, что такое соглашение для него невыгодно, как значительно сокращавшее круг его клиентуры, он, не предупреждая об этом Хвостова и Белецкого, стал действовать самостоятельно, на свой риск и страх. Хвостов, удостоверившись в неискренности Распутина и опасаясь, что в конце концов Распутин может начать действовать против него, решил открыто вступить с ним в борьбу, учитывая, с одной стороны, доброе к себе расположение Царской Семьи, а с другой рассчитывая на содействие Государственной Думы, членом которой он был и которая относилась к Распутину с крайней ненавистью. При создавшемся положении вещей в очень тяжелом положении оказался Белецкий, не веривший в обаяние и мощь Хвостова при Дворе и, наоборот, надлежало расценивавший исключительное обаяние Распутина на Царскую Семью. После недолгого раздумья Белецкий решил изменить своему начальнику и покровителю Хвостову, перейдя всецело на сторону Распутина. Заняв такую позицию, Белецкий, выражаясь языком Распутина, поставил себе целью «свалить Министра Хвостова». В конечном результате борьбы Распутина и Белецкого против Хвостова и явился так много шумевший в газетах пресловутый заговор на жизнь старца. Инсценировка этого заговора была организована Белецким следующим образом. Он привлек для этой цели совершенно опустившегося в нравственном отношении «бывшего человека» инженера Гейне, содержателя игорных притонов в Петрограде, и тайно командировал его в Христианию, также к «бывшему человеку» расстриге монаху, известному Илиодору — Сергею Труфанову, бывшему прежде другом Распутина. Результатом этой поездки была посылка ряда телеграмм из Христиании к Гейне в Петроград за подписью Илиодора, в которых очень прозрачно говорилось о будто бы готовившемся ими покушении на жизнь Распутина. Так, например, в одной из телеграмм Илиодора к Гейне говорилось почти дословно следующее: «нанятые 40 человек ждут, ропшут, переведите 30 000». Все эти телеграммы, как поступившие из нейтральной страны во время войны, до выдачи их адресатам в копиях сообщались в Департамент Полиции, но затем, без надлежащего обследования, как это полагалось согласно закону военного времени, прямо вручались инженеру Гейне. Наконец, в один прекрасный день Гейне, имея в руках эти телеграммы, является в виде раскаявшегося грешника в приемную Распутина и, представляя доказательства наличия заговора принесенными с собой телеграммами, чистосердечно сознается старцу, что участвовал в заговоре на его жизнь, передает все подробности этого заговора и кончает заявлением, что во главе его стоит Министр Внутренних Дел А. Н. Хвостов. Все эти данные были сообщены Распутиным Царской Семье и повлекли за собой отставку Хвостова. Как подробность инсценировки этого заговора интересен следующий факт: в телеграммах, поступивших к Гейне из Христиании, помещался ряд фамилий лиц, проживающих в Царицыне и входивших будто бы в сношения с Илиодором и даже приезжавших к нему в Христианию для заговора. Однако произведенное по этому поводу, по горячим следам, расследование через Жандармскую полицию не только не подтвердило правдивости этих указаний, но доказало, что означенные лица из Царицына никуда не уезжали, как о том свидетельствовали акты осмотра домовых книг и других документов.

Следует заметить, что А. Н. Хвостов был лично очень ценим и уважаем Государем, а в особенности Императрицей, которые, по свидетельским пока-

заниям личностей, близко стоявших ко Двору, считали его религиозно настроенным и в высшей степени преданным Царской Семье и России. Следующий, однако, эпизод показывает, насколько Хвостов прежде всего заботился и оберегал свои личные интересы: однажды он пригласил к себе Жандармского Генерала Комиссарова и предложил ему немедленно, переодевшись в штатское, поехать к Распутину и привести его к Митрополиту Питириму, что тот и исполнил. Исполняя поручение Хвостова, Комиссаров вместе с Распутиным прошел в покои Питирима, где в одной из комнат их встретил служка Питирима, который, приняв их, удалился во внутренние покои с докладом к Его Высокопреосвященству. Вскоре после этого в ту же компанию вошел сам Питирим и здесь, когда ему Распутин представил Генерала Комиссарова, последний заметил, как Питириму было неприятно на этот раз появление в его покоях Жандармского Генерала. Тем не менее Питирим пригласил их следовать за собой, и когда они вошли в гостиную, то увидели сидевшего здесь на диване Хвостова. При виде Распутина Хвостов стал нервно смеяться и переговариваться с Питиримом, а затем, пробыв недолгое время, попросил Комиссарова сопровождать себя домой. Комиссаров, оказавшись в крайне неловком положении, совершенно не понимал происшедшего. Проезжая в автомобиле, Хвостов спросил Комиссарова: «Вы что-нибудь, генерал, понимаете» и, получив отрицательный ответ, заявил: «знаем теперь, в каких отношениях состоит Питирим с Распутиным, а ведь когда вы с ним приехали в покои Митрополита и служка доложил о Вашем приезде, то этот человек, не имеющий, по его словам, ничего общего с Распутиным, сказал мне: разрешите отлучиться на несколько минут, так как ко мне приехал именитый грузин, а теперь мы знаем, какие грузины ездят к Вашему Преосвященству». Этот эпизод мне стал известен из допроса Ген. Комиссарова.

Из всех государственных деятелей Хвостов был ближе всего к Распутину, что же касается до столь нашумевших отношений его с Штюрмером, то в действительности отношения эти не выходили из области обмена любезностями. Штюрмер, считаясь с влиянием Распутина, исполнял его просьбы относительно устройства отдельных лиц, посылал иногда фрукты, вино и закуски, но данным о влиянии Распутина на направление внешней политики Штюрмера следствием не добыто было решительно никаких.

Не больше была связь с Распутиным и у Министра Внутренних дел Протопопова, которого Распутин почему-то называл «Калинин», хотя надо сказать, что Распутин относился к Протопопову с большой симпатией и всячески старался защищать его, хвалить и выгораживать перед Государем в тех случаях, когда почему-либо положение Протопопова колебалось. Происходило это почти всегда в отсутствие Государя из Царского Села путем предсказаний Императрице, имевших характер изречений Пифии, где сначала говорилось о других, а затем уже переходилось к восхвалению личности Протопопова, как преданного и верного Царской Семье человека.

Подобное отношение Распутина к Протопопову создало для последнего благоприятное отношение со стороны Императрицы. При осмотре бумаг Протопопова было найдено несколько типичных писем Распутина, начинавшихся словами «милой, дорогой», но всегда говоривших только о каких-либо интересах частных лиц, за которых Распутин хлопотал. Среди бумаг Протопопова, так же как и среди бумаг всех остальных высокопоставленных

лиц, не было найдено ни одного документа, указывающего на влияние Распутина на внешнюю и внутреннюю политику.

Протопопов отличался, можно сказать, удивительной слабостью воли, хотя всю свою длинную карьеру до Министра Внутренних Дел проходил в качестве выборного лица разных общественных групп, вплоть до должности товарища Председателя Государственной Думы. Так как периодической печатью Протопопову приписывалась жестокая попытка подавления народных волнений в первые дни революции, — якобы выразившаяся в установке на крышах домов пулеметов для расстрелов безоружных толп манифестантов, — то на предварительном следствии на это обстоятельство было обращено особое внимание Председателем Комиссии, пр. пов. Муравьевым, поручившим обследование этих событий специальному следователю Ювжику Компанейцу, установившему путем допроса нескольких лиц и проверкой отобранных войсками пулеметов, найденных на улицах Петрограда в первые дни революции, что все эти пулеметы принадлежали войсковым частям и что ни одного полицейского пулемета не было не только на крышах домов, но и на улицах, причем вообще никаких пулеметов на крышах домов не стояло, кроме ограниченного числа пулеметов, поставленных с самого начала войны на некоторых высоких домах для защиты от налета неприятельских воздушных машин.

Вообще нужно сказать, что в критические дни февраля 1917 г. Протопопов проявил полную нераспорядительность, а с точки зрения действовавшего закона — преступную слабость.

Несомненно, в прессе и в петроградском обществе создалось мнение о близких отношениях Распутина к двум политическим авантюристам — доктору Бадмаеву и князю Андронникову, будто бы имевшим через него влияние на политику.

Следствие показало полное несоответствие этих слухов с действительностью. Однако можно сказать, что оба эти лица всячески старались быть прихвостнями Распутина, пользуясь крохами, падающими с его стола, и стараюсь преувеличить перед своими клиентами свое влияние на Распутина, на которого они такого вовсе не имели, и через это поддержать мнение о своем якобы при Дворе влиянии.

Из этих двух лиц наиболее интересным по времени своей деятельности является князь Андронников, так как сколько-нибудь значительные связи Бадмаева с руководящими кругами относятся к царствованию Императора Александра III.

Личность и характер деятельности кн. Андронникова на следствии с поразительной яркостью были освещены огромным количеством разных документов, отобранных мною при обыске в его квартире, отнявшем у меня целых два дня в марте 1917 г. Из квартиры Андронникова я привез в Зимний Дворец в помещение Комиссии на двух автомобилях колоссальный архив. При этом надо отдать полную справедливость князю Андронникову в том, что канцелярская часть была поставлена у него безукоризненно. Все делопроизводство его разбиралось по папкам на определенные Министерства, которые в свою очередь распались на Департаменты.

Дела оказались вложенными в обложки с соответствующими надписями, подшитыми, занумерованными и свидетельствовали о тщательном наблюдении со стороны князя Андронникова за их движением. При изучении их выяснилось, что кн. Андронников за определенную мзду не гнушался никакими

ходатайствами и представительствами. Так одновременно кн. Андронников ходатайствовал о выдаче пенсии какой-либо вдове чиновника, не выслужившего срок на эту пенсию, как равно проводил через Министерства Финансов и Земледелия весьма сложный проект акционерной компании, в которой, судя по договору, он лично играл одну из видных ролей: об орошении Мургабской степи, насколько помню.

Система, принятая кн. Андронниковым, занимавшим скромный пост чиновника особых поручений Святейшего Синода, для проведения своих ходатайств, была очень проста. Согласно его признанию, получая сведения о назначении совершенно ему неизвестного лица на должность хотя бы директора департамента в каком-нибудь министерстве, он посылал этому лицу поздравительное письмо, графаретно его начиная: «наконец-то воссияло солнце над Россией, и высокий ответственный пост отныне вверен Вашему Превосходительству», после чего следовал ряд самых лестных эпитетов, украшающих это лицо талантами, добродетелями и прочее, а иногда к такому письму прилагался князем Андронниковым и образ в виде его благословения.

Естественно, что получение такого письма обязывало данное должностное лицо, из чувства деликатности и благодарности, ответом, а результатом этого являлся личный визит князя к означенному сановнику в его служебный кабинет в Департамент, чем и завязывалось знакомство. Такие посещения князем административных лиц сравнительно высокого ранга создавали у чиновников, служивших в канцелярии последнего, представление о добрых отношениях князя к их начальникам, отсюда вытекало и более внимательное отношение к бумагам, поступившим в Департамент через посредство князя. Князь Андронников, при стремлении своем увеличить представление об авторитетности своего влияния при Дворе, не гнушался никакими средствами, вплоть до дружбы с гоф-курьерами, которые, развозя Высочайшие приказы о пожалованиях, неукоснительно заезжали к другу-князю, а последний, не стесняясь в угощении их вином и яствами, тем временем осторожно вскрывал пакеты и, узнав таким образом содержание рескрипта о неожиданном Высоком пожаловании, задерживая загулявшего гоф-курьера у себя в столовой, спешил по телефону поздравить с высоким отличием не ожидавшего или ожидавшего его сановника, давая ему понять, что ему известно об этом непосредственно из «Высочайшего» источника, и тем, конечно, создавал у сановника, когда к нему действительно приезжал через полчаса курьер с наградой, представление об исключительных связях князя при Дворе.

Угождая петроградским сановникам, князь Андронников, конечно, лез из кожи, чтобы угождать Распутину. Так, известно из показаний прислуги Андронникова, что он предоставлял свою квартиру для секретных свиданий Распутина с Хвостовым и Белецким, а также и с епископом Варнавою.

В то же время кн. Андронников, желая попасть в тон царившему при Дворе религиозному настроению и создать этим же слух о своей религиозности, в своей спальне за особой ширмой устроил подобие часовни, поставил большое распятие, аналой, столик с чашей для освящения воды, кропило, ряд икон, подсвечников, полное священническое облачение, терновый венец, хранившийся в ящике аналая, и прочее. Достоинно примечания, как это мною лично установлено при осмотре его квартиры и при допросе его прислуги, что кн. Андронников в той же самой спальне, по другую сторону ширмы, на своей двуспальной постели предавался самому гнусному... с молодыми людьми,

дарившими его ласками за обещание составить протекцию. Последнее обстоятельство нашло себе подтверждение в ряде отобранных мною при обыске у князя Андронникова писем от таких оболыщенных им молодых людей, которые жаловались в этих письмах на то, что он их обманул в своих обещаниях.

При допросе кн. Андронников старался о многом умолчать или извратить фактическую сторону данных обстоятельств, но, будучи уличен мною, на основании письменных документов, в заведомо ложном освещении событий, заявил мне: «Вы моя совесть» и дал мне клятвенное обещание в дальнейшем не лгать. Однако через несколько минут допроса он был мною вновь изобличен в том же искажении истины; тогда князь обратился ко мне с просьбой сообщить ему мое имя; я исполнил его просьбу и при следующем его допросе князь мне заявил, что спрашивал мое имя для того, «чтобы записать в воспомянунице и молиться, как за святого человека».

Из допроса лиц, близко стоявших ко Двору, как, например, Танеевых, Воейкова и других, я выяснил, что князь Андронников не только не пользовался каким-либо авторитетом при Дворе в Царской Семье, но отношение Ее к нему было критически-ироническое.

Доктор тибетской медицины Бадмаев водил знакомство с Распутиным, но их личные отношения не выходили из рамок отдельных услуг со стороны Распутина по проведению очень немногочисленных ходатайств. Бадмаев, будучи бурятом, составил несколько брошюр о своем крае и по этому поводу имел несколько аудиенций у Государя, но эти аудиенции не выходили из ряда обычных и отнюдь не носили интимного характера.

Хотя Бадмаев и был врачом Министра Внутренних Дел Протопопова, однако Царская Семья относилась критически к способам его врачевания; Григорий Распутин тоже не был поклонником Тибетских медицинских средств Бадмаева, а допросом Дворцовой прислуги Царской Семьи было несомненно установлено, что Бадмаев в покоях Царских Детей в качестве врача никогда не появлялся.

Дворцовый Комендант Воейков допрашивался мною несколько раз в Центральной крепости, где он был заключен. Особым авторитетом и влиянием при Дворе, — судя по переписке, найденной у него при обыске, и главным образом по письмам его жены, дочери Министра Двора Графа Фредерикса, относящимся к 1914 — 1915—1916 годам, — он не пользовался, но был ценным, как преданный человек, по крайней мере Царская Семья его считала таковым, хотя лично я, из целого ряда бесед с ним, такого впечатления не вынес. Отношение Воейкова к Распутину, насколько это отношение вылилось в письмах первого к жене, было отрицательным. В некоторых из этих писем Воейков называл его злым гением Императорского дома и России, находя, что он дискредитирует Трон и дает богатую пищу для всякого рода самых невероятных слухов, толков и разговоров, которые могут быть всегда использованы антиправительственными группами. Вместе с тем, считаясь с несомненным влиянием Распутина на Царскую Семью, Воейков не находил в себе достаточно гражданского мужества отказывать Распутину в удовлетворении отдельных частных просьб о назначениях, повышениях, выдаче пособий и т. д., как это видно из пометок Воейкова на вышеупомянутых мною письмах к нему Распутина, найденных при следствии. Вообще Воейков произвел на меня впечатление карьериста, дорожившего своим постом и не-

способного ценить то внимание и искреннее расположение, которое к нему питали как Государь, так и Императрица. В письмах жены к нему от 1915 г. Воейкова умоляла его оставить службу, ввиду нараставшего революционного движения, причем она предостерегала мужа, что при крушении государственно-го аппарата его постигнет ужасная участь. Эти письма Воейковой все проникнуты болезненной ненавистью к Распутину, как к несомненному виновнику грядущих, по ее словам, кошмарных событий. Вполне разделяя взгляды жены на этот счет, Воейков тем не менее оставался на своем посту, чтобы разоблачить Распутина и выяснить его настоящую физиономию перед Царской Семейей.

Много наслышавшись об исключительном влиянии Вырубовой при Дворе и об отношениях ее с Распутиным, сведения о которых помещались в нашей прессе и циркулировали в обществе, я шел на допрос к Вырубовой в Петропавловскую крепость, откровенно говоря, настроенный к ней враждебно. Это недружелюбное чувство не оставляло меня и в канцелярии Петропавловской крепости, вплоть до момента появления Вырубовой под конвоем двух солдат. Когда же вошла Г-жа Вырубова, то меня сразу поразило особое выражение ее глаз: выражение это было полно неземной кротости. Это первое благоприятное впечатление в дальнейших беседах моих с нею вполне подтвердилось. После первой же недолгой беседы я убедился в том, что она, в силу своих индивидуальных качеств, не могла иметь абсолютно никакого влияния, и не только на внешнюю, но и на внутреннюю политику Государства, с одной стороны, вследствие чисто женского отношения ко всем тем политическим событиям, о которых мне приходилось с ней беседовать, а с другой — вследствие чрезмерной ее словоохотливости и полной неспособности удерживать в секрете даже такие эпизоды, которые вне достаточного анализа, при поверхностной их оценке, могли бы набрасывать тень на нее самое. В дальнейших беседах я убедился, что просьба, обращенная к Г-же Вырубовой, удержать что-либо в секрете, была равносильна просьбе об этом секрете означение всенародно, так как она, узнав что-либо такое, чему она придавала значение, тотчас же рассказывала об этом не только своим близким, но даже малознакомым людям.

Достаточно ознакомившись за время этих бесед с интеллектуальными особенностями Г-жи Вырубовой, я невольно остановился на двух основных вопросах: 1) о причинах нравственного ее сближения с Распутиным и 2) о причинах сближения ее с Царской Семейей.

При разрешении первого вопроса я натолкнулся случайно в разговоре с ее родителями, гг. Танеевыми (статс-секретарь Александр Сергеевич Танеев, управляющий Собственной Его Величества Канцелярией, женатый на графине Толстой), — на один эпизод из жизни их дочери, который, по моему мнению, сыграл роковую роль в подчинении ее воли влиянию Распутина. Оказалось, что Г-жа Вырубова, будучи еще 16-летним подростком, заболела брюшным тифом, в тяжелой форме. Болезнь эта вскоре осложнилась местным воспалением брюшины, и врачами положение ее было признано почти безнадежным. Тогда гг. Танеевы, большие почитатели гремевшего на всю Россию Протоиерея отца Иоанна Кронштадтского, пригласили его отслужить молебен у постели больной дочери. После этого молебна в состоянии больной наступил благоприятный кризис и она стала быстро поправляться.

Этот эпизод произвел, несомненно, огромное впечатление на психику

религиозной девушки-подростка, и с этой минуты ее религиозное чувство получило преобладающее значение при решении всех вопросов, которые возникали у нее по различным поводам.

Г-жа Вырубова познакомилась с Распутиным во дворце Вел. Кн. Милицы Николаевны, причем знакомство это не носило случайного характера, а Великая Княгиня Милица Николаевна подготавливала к нему Г-жу Вырубову путем бесед с ней на религиозные темы, снабжая ее в то же время соответствующей французской оккультистической литературой: затем однажды Великая Княгиня пригласила к себе Вырубову, предупредив, что в ее доме она встретится с великим молитвенником Земли Русской, одаренным способностью врачевания.

Эта первая встреча Г-жи Вырубовой, тогда еще девицы Танеевой, произвела на нее большое впечатление, в особенности в силу того, что она намеревалась тогда вступить в брак с Лейтенантом Вырубовым. При этой первой встрече Распутин много говорил на религиозные темы, а затем на вопрос своей собеседницы, благословляет ли он ее намерение вступить в брак, ответил иносказательно, заметив, что жизненный путь усеян не розами, а терниями, что он очень тяжел и что в испытаниях и при ударах судьбы человек совершенствуется.

Вскоре последовавший брак этот был совершенно неудачным; по словам Г-жи Танеевой, муж ее дочери оказался полным импотентом, но при том с крайне извращенной половой психикой, выражавшейся в различных проявлениях садизма, чем он причинял своей жене неопишуемые нравственные страдания и вызывал к себе чувство полного отвращения. Однако Г-жа Вырубова, памятуя слова Евангелия «Еже Бог сочетал, человек да не разлучает», долгое время скрывала свои нравственные переживания от всех, и только после одного случая, когда она была на волос от смерти на почве садических половых извращений своего супруга, она решила открыть матери свою ужасную семейную драму. Результатом такого признания Г-жи Вырубовой было расторжение брака в установленной законной форме. При дальнейшем производстве следствия эти объяснения Г-жи Танеевой о болезни супруга ее дочери нашли свое полное подтверждение в данных медицинского освидетельствования Г-жи Вырубовой, произведенного в мае 1917 г. по распоряжению Чрезвычайной Следственной Комиссии: данные эти установили с полной несомненностью, что Г-жа Вырубова девственница.

Вследствие неудачно сложившейся семейной жизни, религиозное чувство А. А. Вырубовой развивалось все сильнее и, можно сказать, стало принимать характер религиозной мании, при этом предсказания Распутина о терниях жизненного пути явилось для Вырубовой истинным пророчеством. Благодаря этому она стала самой чистой и самой искренней поклонницей Распутина, который до последних дней своей жизни рисовался ей в виде святого человека, бессребреника и чудотворца.

При разрешении второго из поставленных мною выше вопросов, уяснив себе нравственный облик Вырубовой, а также детально изучив во время следствия жизнь Царской Семьи и нравственный облик Императрицы Александры Феодоровны, я невольно остановился на признанном психологией положении, что противоположности часто сходятся и, дополняя друг друга, придают друг другу устойчивое равновесие. Неглубокий ум Вырубовой и часто философский склад мышления Императрицы были двумя противоположностями, друг друга дополнявшими; разбитая семейная жизнь Вырубовой заста-

вила ее искать нравственного удовлетворения в удивительно дружной, можно сказать, идеальной семейной обстановке Императорской Семьи. Общительная и бесхитростная натура Вырубовой вносила ту искреннюю преданность и ласку, которой не хватало в тесно замкнутой Царской Семье со стороны Царедворцев, ее окружавших. А общее у этих столь различных женщин нашлось тоже,— это любовь к музыке. Императрица обладала приятным сопрано, а у Вырубовой было хорошее контральто, и они часто в минуты отдохновения пели дуэты.

Вот те условия, которые у непосвященных в тайны близких отношений между Императрицей и Вырубовой должны были породить слухи о каком-то исключительном влиянии Вырубовой на Царскую Семью. Но, как раньше сказано, влиянием при Дворе Вырубова не пользовалась и пользоваться не могла; слишком большой был перевес умственных и волевых данных Императрицы над умственно ограниченной, но беззаветно преданной и горячо любящей сначала фрейлиной Танеевой, а затем сделавшейся домашним человеком в Царской Семье Г-жой Вырубовой. Отношения Императрицы к Вырубовой можно определить отношением матери к дочери, но не больше того. Дальнейшим связывающим звеном этих двух женщин было одинаково сильно развитое, как у одной, так и у другой, религиозное чувство, которое привело их к трагическому поклонению личности Распутина.

Мои предположения о нравственных качествах Г-жи Вырубовой, вынесенные из продолжительных бесед с нею в Петропавловской крепости, в арестном помещении, и наконец в Зимнем Дворце, куда она являлась по моим вызовам, вполне подтверждались проявлением ею чисто христианского всепрощения в отношении тех, от кого ей много пришлось пережить в стенах Петропавловской крепости. И здесь необходимо отметить, что об этих издевательствах над Г-жой Вырубовой со стороны крепостной стражи я узнал не от нее, а от Г-жи Танеевой; только лишь после этого Г-жа Вырубова подтвердила все сказанное матерью, с удивительным спокойствием и незлобностью, заявив, «они не виноваты, не ведают бо, что творят». По правде сказать, эти печальные эпизоды издевательства над личностью Вырубовой тюремной стражи, выражавшиеся в форме плеванья в лицо, снятия с нее одежды и белья, сопровождаемого битьем по лицу и по другим частям тела больной, еле двигающейся на костылях женщины, и угроз лишить жизни «наложницу Государя и Григория», побудили Следственную Комиссию перевести Г-жу Вырубову в арестное помещение при бывшем Губернском Жандармском Управлении.

В смысле освещения интересовавших меня событий, Г-жа Вырубова являлась полной противоположностью князя Андронникова: все ее объяснения на допросах в дальнейшем, при проверке на основании подлежащих документов, всегда находили себе полное подтверждение и дышали правдой и искренностью; единственным недостатком показаний Г-жи Вырубовой являлось чрезвычайное многословие, можно сказать болтливость и поразительная способность перескакивать с одной мысли на другую, не отдавая себе в том отчета, т. е. опять-таки качества, которые не могли создать из нее политическую фигуру. Г-жа Вырубова всегда просила за всех, потому к ее просьбам при Дворе и было соответствующее осторожное отношение, как бы учитывались ее простодушие и простота.

Нравственный облик Императрицы Александры Федоровны достаточно ярко выяснился для меня из переписки ее с А. А. Вырубовой и с Государем. Эта

переписка, веденная на французском и на английском языке, была вся проникнута горячим чувством любви к мужу и детям. Воспитанием и образованием Своих детей Императрица заведовала Сама лично, почти по всем предметам, кроме узкоспециальных. В помянутой переписке Императрицы неоднократно указывалось на то, что детей не надо баловать игрушками и пробуждать у них страсть к роскоши. Вместе с тем переписка носила печать глубокой религиозности. Государыня в письмах к мужу часто описывает свои переживания во время прослушанных Ею богослужений и часто говорит о чувстве полного удовлетворения и нравственного покоя, который Она испытывала после горячей молитвы.

Вообще надо заметить, что во всей этой обширной переписке почти нет никаких указаний или рассуждений на политическую тему: переписка эта носила чисто интимный, семейный характер. Те места переписки, в которых говорится о Распутине, именуемом в ней старцем, достаточно освещают отношения Императрицы к этому человеку, как к проповеднику Слова Божия, к прорицателю и искреннейшему печальнику за Царскую Семью.

Во всей этой переписке на протяжении почти десяти лет мне не попадалось ни одного письма на немецком языке, а допросом приближенных ко Двору лиц я установил, что немецкий язык еще задолго до последней войны при Дворе не применялся. В связи с упорными слухами об исключительной симпатии Императрицы к немцам и о существовании в Царских покоях прямого провода в Берлин, мною были произведены осмотры помещений Императорской Фамилии, причем никаких указаний на сношение Императорского Дома с немецким, во время войны, установлено не было. При проверке же мною слухов об исключительно благожелательном отношении Императрицы к раненым военнопленным немцам выяснилось, что отношение Ее к раненым немцам было таким же одинаково теплым, как и к раненым русским воинам, причем такое свое отношение к раненым Императрица объясняла выполнением лишь Завета Спасителя, говорившего, что кто посетит больного, тот посетит Его Самого.

В силу обстоятельство, в том числе и постоянного болезненного состояния Императрицы, вследствие ее болезни сердца, Царская Семья вела удивительно замкнутый образ жизни, что естественно способствовало самоуглублению и развитию религиозного чувства, принявшего у Государыни совершенно исключительный, преобладающий характер. На почве этой религиозности Александра Феодоровна вводила монастырский устав Богослужения в некоторых придворных церквях, и с особым наслаждением, несмотря на болезненное состояние, выстаивала до конца дивившиеся долгими часами службы. Это исключительное религиозное настроение Императрицы Александры Феодоровны и послужило единственной причиной преклонения Ее перед личностью Григория Распутина, который, несомненно, как уже было объяснено, обладал способностью внушения, благотворно действовал в некоторых случаях на состояние здоровья тяжело больного Наследника. При этом, вследствие своей религиозной настроенности, Императрица не могла объективно оценивать источник несомненно поразительного влияния Распутина на состояние здоровья Наследника и искала этот источник не в гипнотической силе, а в тех высших Небесных Силах, которыми был наделен, по Ее глубокому убеждению, за свою святую жизнь, Распутин. Года за полтора до переворота 1917 г. известный бывший монах Илиодор Труфанов, о котором было уже

выше упомянуто, прислал в Петроград из Христиании свою жену с поручением предложить Царской Семье купить у него в рукописи написанную им книгу, выпущенную впоследствии под названием «Святой Черт», где он описывает отношение Распутина к Царской Семье, набрасывая на эти отношения тени скабрёзности. Этим вопросом заинтересовался Департамент Полиции, и на свой риск и страх вступил в переговоры с женою Илиодора о приобретении этой книги, за которую Илиодор просил, насколько помню, 60 000 рублей. В конце концов дело это было представлено на усмотрение Императрицы Александры Феодоровны, которая с негодованием отвергла гнусное предложение Илиодора, заявив, что «белое не сделаешь черным, а чистого человека не очернишь».

Считаю нужным обратить внимание, заканчивая этот очерк, что в деле выдвижения Распутина ко Двору принимали в свое время особо горячее участие Великие Княгини Анастасия и Милица Николаевны, Духовник Их Величеств Епископ Феофан и Епископ Гермоген. Поэтому отношение Императрицы Александры Феодоровны к Распутину было с первых же шагов доверчиво благожелательным и с течением времени оно только усиливалось, вследствие причин, уже нами указанных.

Подлинная подпись:

Бывший командированный в Чрезвычайную Следственную Комиссию по расследованию злоупотреблений Министров, Главнoуправляющих и других должностных лиц, с правом производства следственных действий, Товарищ Прокурора Екатеринославского Окружного Суда

Владимир Михайлович РУДНЕВ

МАТЕРИАЛЫ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ
КОМИССИИ ВРЕМЕННОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА

ДОПРОС А. Н. ХВОСТОВА

Председатель.— Не расскажете ли вы в такой последовательности: при каких обстоятельствах вы были назначены министром внутренних дел? Это — сперва...

Хвостов.— Может быть, вы мне разрешите взять более глубоко? Вы изволили сказать, что я должен показать то, что мне известно было раньше в качестве члена Государственной Думы... Уже издавна, в качестве члена Государственной Думы, я обратил внимание на немецкое влияние, которое, мне казалось, имелось в правительстве. Я занялся...

Председатель.— Вы когда обратили на это внимание?

Хвостов.— Еще членом Государственной Думы, почти в самом начале прибытия моего в Петроград — в 1912 году... До этого для меня, как служившего в провинции, те или другие влияния на петроградские сферы должны были оставаться в стороне... Единственный раз, когда мне пришлось встретиться с Распутиным, — это было в Нижнем Новгороде, когда я был губернатором. Ко мне приехал Распутин, мне в то время мало известный, о котором я слышал в виде толков, доходивших до провинции. Он предложил мне место министра внутренних дел. Было это, насколько я помню, — за неделю или дней за десять до убийства Столыпина. Я был удивлен его появлением, не придавал ему такого значения, какое впоследствии обнаружилось... Я крайне удивился возможности ухода Столыпина, так как в провинции нам казалось, что Столыпин — сила непререкаемая, нам казалось невозможным, чтобы он колебался, шатался или уходил... Распутин объявил мне, что он должен поговорить со мной, так как он послан, как он сказал, — «посмотреть мою душу»...

Председатель.— Кем послан?

Хвостов.— Неопределенно: из Царского послан — посмотреть мою душу... Это казалось мне, в то время непосвященному, несколько смешным, и я с ним поговорил шутовским образом, а потом, через несколько времени, я послал полицмейстера свезти его на вокзал. Распутин уехал...

Председатель.— Вы говорите, вам показалось странным, что это происходило еще при жизни министра внутренних дел, — вы выразили сомнение по этому поводу?

Хвостов.— Я выразил сомнение. Он сказал, что Столыпин должен уйти.

Печатается по изданию «Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства» (Госиздат, Ленинград, 1924). Публикуется в сокращении.

Но, по правде сказать, я с ним серьезно не говорил... Я считал, что он одно из духовных развлечений в Царском Селе, но не считал серьезным, чтобы он мог иметь значение при назначении министров... Я знал, что в это время ко мне относился в высшей степени благосклонно бывший император Николай II... В предпоследний раз, перед указанным приездом Распутина, я был принят государем сидя, что считалось высшим знаком благоволения. Разговор велся об общих предметах.

Председатель.— А когда в последний раз перед этим визитом Распутина вы были в Царском?

Хвостов.— Я с точностью не помню, но так месяца за полтора... Мне было известно от близких лиц, от иностранных посольств, что обо мне постоянно ведется разговор на охоте... Но этот самый приезд Распутина в высшей степени поразил меня, и я к нему отнесся несерьезно. После этого мне пришлось быть уже в Царском...

Председатель.— Алексей Николаевич, вы говорите, что ваше отношение к этому приезду было отрицательным; но это не избавляет нас от необходимости несколько подробнее остановиться на нем: только ли для этого приезжал Распутин?..

Хвостов.— Он изъявил еще желание посмотреть мою семью... Моей семьи еще не было... Я считал излишним вводить его в мою семью. Я несерьезно к этому отнесся... Тут была ярмарка: она кончалась. Мне было не до того, чтобы беседовать с ним. Я отнесся к этому в высшей степени легко... Когда через месяц после этого я приехал сюда, то я увидел ко мне совершенно обратное отношение. Я был принят в высшей степени неприязненно, в высшей степени сухо, что, после предшествующих приемов, мне показалось не особенно приятным. Это послужило основанием тому, что тогда казалось странным: я ушел из губернии, пошел в Государственную Думу... Уйти я сразу не мог, прошло порядочное время, около года: но, во всяком случае, в этот промежуток времени я делал все возможное, чтобы попасть в Государственную Думу по Орловской губернии, и уже все мои мысли были за то, чтобы уйти,— видя, что здесь мне отрезаны все дальнейшие пути...

Председатель.— Что же, уезжая, Распутин какие-нибудь угрозы делал по вашему адресу?

Хвостов.— Болтал по обыкновению: говорил, что он уже обо мне послал телеграмму.

Председатель.— Какого содержания?

Хвостов.— Содержания совершенно не помню в подробностях... Мне потом достали текст (всегда на почте есть свои люди, которые сообщают потом подробное содержание). Но я текста не помню.

Председатель.— Приблизительно, какого содержания?

Хвостов.— Отрицательное ко мне отношение... Что-то такое: «Хотя Бог на нем почиет, но чего-то недостает»...

Председатель.— А телеграмму кому он послал?

Хвостов.— Он послал телеграмму — адреса я не видел, но кажется, Вырубовой (потому что через нее шел доклад)... За Распутиным и Белецким было предоставлено наблюдать Комиссарову и создана специальная агентура: Распутина охраняла агентура департамента полиции, дворцовая агентура Спиридовича да еще разные банковые деятели: какие-то евреи всегда тут торчали... Одним словом, он постоянно корреспондировал с разными банками

через этих господ. Так что одновременно его всегда охраняло человек 9-10...

Председатель.— Будучи у него в квартире?

Хвостов.— Охрана департамента полиции была на лестнице; а комиссаровские агенты и ближайшая его охрана — те внутри квартиры,— все это под видом его охранителей!..

Иванов.— Кем был назначен Комиссаров для наблюдения за Распутиным?

Хвостов.— Белецкий установил. Наблюдение — дело охранного отделения. Но все они проверяли друг друга: Белецкий не верил охранному отделению, а дворцовая полиция не верила им обоим... На это я натолкнулся, когда мне хотелось ближе подойти к действиям Распутина; но оказалось, это невозможно, ввиду взаимного недоверия... Потом были охранные автомобили, которые охраняли Распутина. Затем был целый штат «секретарей»,— целый штат охранников... Секретари там по очереди дежурили... Секретарей было 4-5. У одного из секретарей, Манасевича-Мануйлова, в распоряжении был военный автомобиль, за которым не могли угнаться охранные автомобили. Я сделал попытку, чтобы этот автомобиль отобрали, и сказал Поливанову. Тот отобрал, но приказано было снова вернуть!..

Соколов.— Вы по вопросу об охране Распутина имели собеседование с журналистами, с Гессеном и др.: вы указывали, что, кроме этих охран, вы сами, по просьбе государя, установили личную охрану?

Хвостов.— Мне было объявлено Штюрмером, что я обязан охранять Распутина...

Соколов.— Штюрмер в качестве высочайшего повеления приказал охранять?

Хвостов.— Я потребовал бумагу, и, так как этой бумаги не было, я не мог назначить этой охраны. Тогда он сам на себя взял и приказал Глобачеву назначить вместо 3-х, 4-х — 24 агента. Одним из секретарей был Симанович, другим — Волинский (известный по делу Ал. Свирского); затем был инспектор народных училищ города Петрограда,— фамилию его я забыл (но его легко найти: я писал о нем графу Игнатьеву, требуя его увольнения, что граф и исполнил впоследствии)... 4-й — Манасевич-Мануйлов, и женщина — секретарь, которая была при нем вроде сестры милосердия и которая была затем арестована (фамилию ее я забыл, но не Петушинская)... Она при нем жила на квартире. Эти секретари были при нем постоянно. Я задался целью выяснить: кто из них имеет политический характер и кто для проведения частных дел, для денежных интересов? Я успел обыскать их всех. Когда я начал их обыскивать, то у них у всех, у кого 20—30 дел — самых грязных дел! — было для проведения... В особенности у инспектора народных училищ и у Симановича... Запечатанные конверты с письмами Распутина, такого содержания: «Милай, сделай!» — а по какому делу — не сказано... Эти письма могли ходить без его ведома...

Соколов.— На чье имя письма?

Хвостов.— Без адреса. Письма эти секретарь давал. Дела были самого грязного свойства! Там была история помилования 100 дантистов, которая дала секретарю около 100 тысяч (но Григорий получил только шубу и шапку)... Когда я начал обыски, то получил приказание прекратить их.

Председатель.— От кого вы получили приказание?

Хвостов.— Я получил от Вырубовой письмо от имени бывшей императрицы

немедленно прекратить эти обыски; и обыски были прекращены, а секретари были Штюрмером выпущены...

Около Распутина были: Симанович, Волынский, инспектор народных училищ... Имел влияние Мудролюбов — обер-секретарь Св. Синода. Он был в качестве постоянного секретаря по духовным делам, — тот самый Мудролюбов, который ездил с Питиримом в Ставку. Потом появился секретарь Питирима — Осипенко, который бывал у Распутина. В сущности говоря, Распутин создал Питирима!.. Он его переводил на Кавказ (тогда стала известна телеграмма Распутина: «Суслик на Кавказ, а к нам — благословенье»... Телеграмма ходила по рукам в Государственной Думе. «Суслик на Кавказ», — когда он устроил Питирима на Кавказ из другой епархии, а «к нам благословенье», т. е. в Тобольск Варнаву: по-гречески Варнава значит «благословенье»... Варнава под этим «благословеньем» и шел с тех пор). Протежировал Распутин Питириму через Осипенко... Осипенко распоряжался всем, а Питирим, как манекен, делал то или другое — что этому кружку было нужно!.. Питирим играл такую роль: он постоянно всем объяснял, что он с Распутиным не знаком, его не знает... Но когда мне несколько раз говорили, что Распутин в лавре у Питирима, тогда я решил проверить и поехал сам в лавру, в сопровождении — я не помню кого; сопровождавший остался в швейцарской, сам же я поднялся вверх, без всякого доклада, и — застал Распутина, Питирима, Осипенко и др.!.. Питирим был в высшей степени смущен: он не знал, как найти клубок... Распутин говорил: «Что ты стесняешься?..» Был большой конфуз: Питирим меня уверял, что он не знаком с Распутиным, а я застал у него Распутина... Питирим, возмущенный на мой визит в лавру, после этого доносил на меня жалобу в Царское Село. Жалобы были несерьезны: что я посещаю «Вилла Родэ», пьянствую, — несерьезные жалобы... Но мне приходилось давать объяснения. Я отвечал, что митрополиту не подобает и знать про такие места и знать, посещаю я их или нет (все это в комических тонах)... Мне даже некогда было туда ездить: все это были мелкие дрязги, мелкие истории!.. Мое впечатление было, что Питирим был в руках у всей этой компании!..

Председатель.— Мануйлов-Манасевич как стоял в Царском?

Хвостов.— Он стоял близко к кружку Вырубовой: он там постоянно бывал, бывал у Распутина... Вырубова, с моей точки зрения, как мне казалось тогда (может быть, я ошибаюсь), — несчастная женщина, истеричка, недалекая, которая попала под гипнотическое влияние Распутина... Несомненно, Распутин был один из самых сильных гипнотизеров, которых я когда-нибудь встречал! Когда я его видел, я ощущал полную подавленность; а между тем, никогда ни один гипнотизер не мог на меня подействовать. Распутин меня давил; несомненно, у него была большая сила гипноза... И на эту дурковатую истеричку он влиял поразительно: она целовала полы его кафтана!.. Он всячески над нею надругивался: например, привозил к ней уличных женщин, свою кухарку, какую-нибудь судомойку, грязную публичную женщину — всех он привозил, которые ему понравятся, всех он привозил к ней в гости, чтобы укрощать ее гордыню, всех заставлял угощать, кормить, чтобы смирить ее гордость... Он заставлял ее делать все, что ему было угодно, чтобы показать ей свою силу! У Вырубовой бывало много лиц, она была завалена различными прошениями, которые она должна была передавать во дворец и исполнить их; что там исполняла, что нет — не знаю... Она была завалена десятками писем, прошениями и просьбами, причем — так как ее опутал

Распутин, а ему близки были кружки измененные — то прошения были грязного свойства. Рядом с прошением министра было письмо горничной о назначении ее при уборной такого-то вокзала, — вот такие бывали прошения! Или: тот-то просит во дворце место для горничной. А так как компания была или Симановича или разных его знакомых, то прошения были дешевого свойства. И все это она с покорностью исполняла, повинуюсь и покоряясь, слепо веря, что враги Распутина были врагами ее, а друзья Распутина были ее друзьями...

Председатель.— Как исполняла она эти просьбы?

Хвостов.— Мне кажется, что при дворе она была единственным человеком, которому доверяли всецело... Если кто-нибудь к ней обращался через Распутина, то она делала с удовольствием, беспрекословно, не имея своей критики. Я был у ней несколько раз, чтобы посмотреть — есть ли там какая-нибудь критика?.. У меня была глупая мысль: нельзя ли повлиять, чтобы как-нибудь устранить Распутина? Я ей доказывал, что это необходимо сделать, думал подставить какого-нибудь монаха, который был бы без гадостей, не вел бы к гибели... Но ничего не удавалось: я всякий раз наталкивался на влияние Распутина! Когда, в конце концов, я потерял всякое терпение — я сделал об этом доклад бывшему императору; он выслушал доклад вполне благонадежно, но ничего не ответил и ничем не реагировал. Было два таких доклада. После каждого доклада он передавал Александре Федоровне, которая сейчас же сообщала по телефону Распутину. Я не успевал вернуться к себе, как мне передавали, что Распутин ругается: «Как он смел? Я ему покажу! Я его прогоню: он был там, меня ругал»... У меня, к сожалению, этих докладов нет: при обыске, который был в моем отсутствии, их отобрали.

Председатель.— Как вы себе представляете роль Распутина?

Хвостов.— Он был очень удобной педалью для немецкого шпионажа... Хотя я его не улавливал в шпионаже, но, логически, мне казалось, что он шпион — не сознательный, а — орудие для шпионажа, потому что было очень легко через него узнавать, что делалось в Царском... Очевидно, немцы, как очень умные люди, не будут узнавать через какого-нибудь писаря Ивана, а через того, кто осведомлен...

Председатель.— В чьих же руках он был орудием шпионажа?

Хвостов.— Мне кажется, что он был в руках немецкой агентуры. Я пытался их поймать, но не удалось... Было несколько подозрительных лиц, но данных у меня не было. Была у меня в подозрении графиня Гартонг: о ней велось расследование, которое потом было прекращено — еще до меня... Она была подозрительна. Потом была подозрительна княгиня Долгорукая, проживавшая в «Астории»: какая-то авантюристка, которая купила титул, вышла замуж за кн. Долгорукого, — и Распутин у нее бывал (впоследствии в этом убедили «листки», которые были сожжены)... Это видно из моих показаний по делу Рубинштейна: в этом показании я подробно изложил причину, почему я считал, что Распутин шпион...

Председатель.— Что эти «листки» в себе заключали?

Хвостов.— Они заключали такие факты. Один пример я помню ясно: Распутин ездил в Царское, и ему давал поручения Рубинштейн узнать о том, будет ли наступление или нет... Причем Рубинштейн объяснял близким, что это ему нужно для того: покупать ли в Минской губернии леса или нет?.. Распутин рассказывал так... Надо сказать, что трезвый он ничего не рассказывал,

но ему нужно было бутылку портвейна или мадеры, и тогда он рассказывал. Лица эти знали, как с ним поступать, привозили его в ресторан, вливали в него бутылку мадеры, и он рассказывал, что он делал в Царском Селе. Я должен сказать, что он относился в высшей степени презрительно к личности бывшего императора и очень одобрял бывшую императрицу, говорил, что она умница, что она — Екатерина II, и вообще страшно восхвалял ее... Он так относился к бывшему императору, что сыщики становились в тупик: им неудобно было записывать в «листки», а между тем они должны были записывать все. Он его иначе не звал, как «папашка»: «Приезжаю я,— говорит,— в Царское, вхожу: папашка сидит грустный... Я его глажу по голове и говорю: что грустишь? Он говорит: „Все мерзавцы кругом! Сапог нет, ружей нет — наступать надо, а наступать нельзя!“...» И привел один факт — рассказывали ему, будто бы часть войск, полк, приводили представляться, и он проходил в новых сапогах; затем проходил другой полк — тоже в новых сапогах: оказывается, они за пригорком переобувались... (Я просил проверить, расспрашивал Вырубову: не было ли такого факта? Она говорит: «Да! Это ужасно».) ...Так вот, бывший император говорит: «Наступать нельзя...» «Когда же будешь наступать?» — спрашивает Распутин. «Ружья будут только через два месяца: раньше не могу...» Нужны ли были Рубинштейну эти сведения, чтобы купить лес или чтобы по радиотелеграфу сообщить в Берлин и чтобы потом могли послать 5-6 корпусов на Верденский фронт,— это трудно установить... Это отчасти было предметом моего доклада, что мы не знаем, кто влиял на Распутина: враги или нет... С другой стороны, я должен сказать, что месяца за 2-3 до посещения бывшим императором Государственной Думы (значит, еще в декабре) был такой «листок»: «Сидит Распутин совершенно пьяный. Приехал опохмелиться. Утром ему было очень скучно, и он позвал своих сыщиков к себе — чай пить. А тем очень приятно: вместо того чтобы сидеть на лестнице, лучше у него посидеть; для него же это компания своя... Вот они сидят, пьют чай, у него голова болит: кто-то из этих господ спрашивает его: „Что ты, Григорий Ефимович, грустный? Что задумался?“ Он говорит: „Сказано мне подумать, как быть с Государственной Думой. Я совершенно не знаю, а как ты думаешь?“ Тот говорит: „Мне нельзя думать об этом, а то мне от начальства влетит...“ Распутин говорит: „А знаешь что? Я его пошлю самого в Думу: пускай поедет, откроет, и никто ничего не посмеет сделать...“» После этого мне было смешно, когда несколько либеральных членов Государственного Совета приписывали себе влияние в Ставке на то, что состоялось это посещение Государственной Думы... Вот в чем был трагизм положения! Его воля была подавлена. Я утверждаю, что воля его была иногда подавлена также гипнотически. Удавалось только на минуту вывести из гипноза... Я собрал все доводы, чтобы поколебать это положение: получил все назначения, но тогда он пошел к ней, а она сказала Распутину, и, когда я приехал,— все было известно... Потом наступило говение... Я слышал от лица, которое было при этом говении, что царь позвал его, Распутина, вместе причащаться и говеть, и в день причастия они обнялись, и государь сказал: «Мы никогда с тобой не расстанемся, и ты ничего не думай». Распутин говорит: «Мне нужно уехать, и я приехал проститься!..» Царь сказал: «Мы не расстанемся с тобою — ни за что на свете!..» Тогда-то он вынул бумажку: мою отставку...

Соколов.— А дочки по отношению к Распутину делились или одинаково к нему относились?

Хвостов.— Мне казалось, что делились в это время... Но теперь я узнал, что иконка положена от всех.

Соколов.— А тогда как вам казалось?

Хвостов.— Тогда казалось, что Ольга относилась к нему неблагоприятно. По отношению к Ольге он вел себя бесчестным образом: он распространял всюду слух — всем говорил, — что с он с Ольгой в близких отношениях... И говорил он это всем тем, кто приходил для проведения своих дел, для того, чтобы показать свое величие. Он говорил: «Мать мне надоела: я с дочкой, Ольгой...» Так как он неоднократно позволял себе это говорить, я очень этим заинтересовался. Один раз он позволил себе в присутствии нескольких лиц сказать: «Хотите, я вызову Ольгу? Она в Петрограде, она ко мне придет...» Мне об этом сообщили, тогда я приказал арестовать ту, которая придет, — все равно, кто это будет: придет Ольга — Ольгу арестовать... Но оказалось, что это была публичная женщина с Глазовой улицы: шубка такая, похожа... А провинциалы думали, что он, действительно, Ольгу к себе вызывает... Этот случай убедил меня в том, что для спасения родины нужно от него избавиться... Другие дочери относились к нему с почтением; может быть, и роптали, но с почтением относились: потому что, живя в атмосфере безусловной веры со стороны матери, и они, может быть, веровали...

Председатель.— Вы затронули тему о том, как нужно избавиться от Распутина...

Хвостов.— Я решил отделаться от Распутина и потому раньше входил в те или другие отношения с Комиссаровым и с некоторыми другими агентами — которым все равно, что сделать... Но они меня надули, водили за нос. Между тем, я массу денег выдал... Я говорил Комиссарову: «Нельзя ли как-нибудь, когда Распутин поедет пьянствовать, его пришибить?» Пробовал через агентов подходить... У меня был адъютант преданный... Он лет 11 при мне состоял (еще когда я был губернатором в Новгороде). Он был на войне, был тяжело ранен, я его выписал из больницы и взял к себе, как бывшего по четвертой очереди... Он казак, который бы на все пошел... Но казак тоже иногда ничего не может сделать.. Я могу рассказать подробности в отношении того вопроса, который вы мне предложили, — в отношении того, как Комиссаров взялся уничтожить Распутина, но потом торговался с Белецким (кто больше даст, кому выгоднее служить?). Тогда ему (кн. Андронникову. — *Сост.*) не поверили, что он обладает возможностью уничтожить Гришку. Чтобы доказать — он отравил всех кошек на квартире Григория: значит, он мог бы и самого Распутина отравить... Это послужило ему доказательством перед Белецким... Когда Распутин вошел и увидел, что кошки все дохлые, он говорит: «Это князь Андронников перетравил кошек!..» В результате Андронникова в Рязань выслали!.. Тут же, вместе, мешается трагизм государства в таких фактах!.. Манасевич-Мануйлов вел раньше иностранную агентуру и наблюдал за послами, при этом неизвестно, в чью пользу это наблюдение... Это в высшей степени опасный человек!.. И этот Манасевич-Мануйлов сажает Штюрмера. Гришка говорит: «Хотя он старый, но ничего! — справится...» К Штюрмеру Распутин относился с презрением: «Он, — говорит, — ничего: хороший!..» — и через Манасевича-Мануйлова действовал на Штюрмера, как ему было угодно...

Председатель.— Что вы знаете относительно желания Распутина провести в военное министерство ген. Беляева?

Хвостов.— Я это знаю по «листкам»...

Председатель.— А эти «листки» документировали те разговоры, которые слышали ваши агенты у Распутина?

Хвостов.— Лично я ничего не слышал и с Распутиным о Беляеве ничего не говорил. Но эти «листки» говорили, что Распутин очень хвалит Беляева. Ругая Поливанова, он говорил: «Вот Беляев хороший министр был бы — что там папашка смотрит!..» и т. д. Потом, будто, он рассказывал, что он ничего поделаться не может с Поливановым: «Папашка не хочет его уволнять!.. Александре я сказал, что Бог желает, — а папашка уперся... Что же ты сделаешь!..»

Председатель.— Так что назначения министров, по вашему мнению, всецело зависели от Распутина?

Хвостов.— Например, про Горемыкина он говорит: «Я скажу старика выгнать, потому что старик совсем не годный!..»

Председатель.— На чем основано ваше утверждение относительно того, что Распутин собирал и распускал Государственную Думу? Так по «листкам» выходило?

Хвостов.— Кажется, Комиссаров передавал, что Распутин говорил: «Вот я сижу и думаю: собирать или нет Думу?» Вот, раз такие вещи попадают в «листках» и раз он меня поставил на очную ставку с Треповым — почему он не мог собирать и распускать Думу?

Председатель.— Распутин знал военные и государственные тайны и рассказывал о них?

Хвостов.— Я думаю, что, попадая в психологический момент, он передавал направо и налево... А что он не был сознательным шпионом, меня убеждает то, что он тогда бы молчал: только бессознательный шпион может рассказывать извозчику, половому, какому-нибудь купцу, женщине, музыканту из «Вилла Родэ»... Значит, это не был сознательный шпион, потому что иначе он бы хранил это и говорил только тому, кому об этом ведать надлежит...

Иванов.— Вы изволили подробно очень рассказать о вашей борьбе с влиянием Распутина, причем вы указали, что это влияние ведет к гибели России. В чем, собственно, вы видели эту гибель?

Хвостов.— Я видел краеугольную, основную причину гибели — и до сих пор вижу в этом причину всего совершившегося теперь, — что, в глазах правых кругов, ведь монарх должен же на кого-нибудь опираться: на крайне правую организацию, на левые или центр... Распутин своей деятельностью довел до того, что не только центральные, мирные, лояльные круги не стали ему доверять, а что даже правые организации не стали ему доверять и сказали, что не могут больше существовать... Я не могу быть заподозрен в крайней левизне, но, в конце концов, всему есть предел — в глазах тех, кто не хотел извлекать тех или других коммерческих выгод... И это вредило больше, чем сто революционных организаций, которым можно было противодействовать!..

Председатель. — Может быть, вы скажете теперь, как сложились ваши отношения с Распутиным?

Андронников. — Распутин уже был 10 лет на российском небосклоне. Я о нем много слышал, но никогда не имел желания с ним познакомиться. Мне несколько раз предлагали, говорили, что это замечательный человек... Но так как я для себя лично не искал решительно ничего, то я не считал для себя возможным идти этими путями. В 1914 году, за месяц до войны, я возвращаюсь к себе домой по Фонтанке на таксомоторе, и вдруг на извозчике какой-то господин мне машет... Я остановился. Он вылезает, бежит, бросается мне в объятия и говорит: «Николай Петрович (или Петр Николаевич — я точно не помню), что же ты меня забыл?» Я удивленно говорю: «Виноват, вы ошибаетесь». — «А ты кто же будешь?» — «Я — князь Андронников». — «Я — Распутин... Я про тебя много слышал... Сам Бог тебя мне послал... А ты куда едешь?» — «Домой». — «Вези меня домой!» — «А вы где живете?» — «На Гороховой...» Я его отвез на Гороховую, и, так как я в этот день уезжал в Варшаву и очень спешил, я к нему не заехал, а проводил только до дому. Он меня тут прямо убедил. Глядит на меня и говорит: «Ты сегодня в путь собираешься?» — «Откуда вы знаете?» — «Да, я вижу: ты в путь собираешься...» — «Совершенно верно». Он начал на меня смотреть, но на меня этот взор не повлиял. Я не из тех людей, которых можно гипнотизировать... Мы разошлись. Недели через две, когда я вернулся из Варшавы, мне как-то докладывают, что ко мне пришел мужик в поддевке. Я принимал всех: у меня двери были открыты... Входит — Распутин. «Ну, я к тебе... Где твоя молешня?» (У меня в спальне был уголок с образами.) — «А вы откуда знаете?» — «Мне говорили, что у тебя есть молешня...» Я говорю: «Пожалуйста...» Я показал, мы вошли, он помолится там. Потом он сказал: «Дай бумагу...» Я дал ему листочек. Он написал своими каракулями, что я сильный духом человек: «Сила твоя в духе». Одним словом, какую-то ерунду — свои соображения... Я, конечно, это, как написанное его рукой, странное, — сохранил у себя... Затем он говорит: «А вот что: давай, расскажи мне, что здесь делается...» Я говорю: «Какая область вас интересует?» — «Ну вот! всякая вообще... Как у вас дела идут?» Я говорю: «Не знаю, что вас интересует...» Он говорит: «Все меня интересует, рассказывай, — будем с тобой знакомы...» Я говорю: «Пожалуйста!» Вдруг он заговорил о Сухомлинове, которого он очень не любил: он сказал, что Сухомлинов назвал его «скотиной», говорил, что его «сокрушит»... Тут у меня появилась добрая надежда, и я решил, что, очевидно, сам Бог мне помогает... Нужно сказать, что до войны у меня с Сухомлиновым совершенно отношения испортились. Частью была виной г-жа Сухомлинова, которая тому способствовала, а частью мне не нравилось то общество, которое там бывало... Я не считал возможным с ними продолжать отношения! Когда я увидел, что Распутин против Сухомлинова (а я знал, как Сухомлинов внедрил в Царском Селе и как, несмотря на все его ошибки, на все смотрят сквозь пальцы и все ему прощается), я решил, что, быть может, мне придется воспользоваться Распутиным для того, чтобы в Царском Селе раскрыты некоторые действия Сухомлинова. Я тут же спросил его, когда он будет свободен в следующий раз, чтобы мне повидаться с ним. Он мне назначил день, сказал, что придет на уху... Уха была приготовлена. Он приехал. Тут мы говорили о Сухомлинове, затем он исчез...

Председатель. — Почему вы были недовольны к этому времени Сухомлиновым? И может быть, вы знаете, что заставило Распутина быть против Сухомлинова?

Андронников. — Распутин имел обыкновение лазить вообще к министрам, писать записки со всякими просьбами. Сухомлинов его не пускал к себе, относился к нему отрицательно и приказал его не принимать. Это до него дошло. Он решил Сухомлинову за это мстить... Так он мне, по крайней мере, рассказывал...

Председатель. — Это было после добрых отношений?

Андронников. — Нет. Он с Сухомлиновым никогда ни в каких отношениях не был — он мне это говорил. Потом с г-жой Сухомлиновой он сошелся очень близко, но с ним, с Сухомлиновым, никаких отношений не было... Нужно сказать, что когда я был в добрых отношениях с Сухомлиновым, то он постоянно ругал Распутина, и Воейкова, и Вырубову... Раз была сказана такая фраза: «Смотри, Володечка, топн Распутина и Воейкова: иначе они тебя затопчут!..»

Председатель. — Значит, Сухомлинов был против Воейкова, против Вырубовой, т. е. против самых близких лиц к бывшей императрице, и он был против Распутина: на кого же, собственно, он опирался?

Андронников. — Сухомлинов сам был сильный человек, потому что он сумел влезть в душу бывшего императора, как ни один министр!..

Председатель. — Теперь мы хотели бы вкратце выслушать о ваших отношениях с Распутиным.

Андронников. — Это было до войны, в 1914 году. У меня уха была чрезвычайно короткая: он куда-то спешил.

Председатель. — Кто был еще на этой ухе?

Андронников. — Он и я. Мы были вдвоем. Он просил, чтобы никого не было, чтобы мы могли с ним подробно поговорить... Он уехал, и я его больше не видел, вплоть до его отъезда в Тюмень, где случилось это поранение — кажется, в июле месяце 1914 года, в год объявления войны. Я послал ему несколько телеграмм, справлялся о его здоровье, он отвечал. В конце концов (это было в августе или сентябре), он опять приехал сюда в Петроград: я на вокзал не поехал, а поехал на его квартиру, чтобы его, так сказать, повидать, уже больного, и встретил там впервые Вырубову, которую я не знал совершенно, но о которой много слышал... Затем, когда ему здоровье позволило (значит, уже в октябре или позже), он начал выходить. Он бывал у меня изредка, и каждый раз я в разговоре возвращался к Сухомлинову и говорил ему: «Вот мы слышим, что у нас того-то не хватает, другого не хватает... Одни его хвалят, другие ругают, а мне кажется, что он ведет дело не совсем правильно...» Он чрезвычайно внимательно прислушивался к моим разговорам...

Председатель. — Что еще вас соединяло с Распутиным, кроме определенного отношения к Сухомлинову?

Андронников. — Решительно никаких дел у меня не было. Я первое время считал его за человека серьезного. Каждый раз, когда он бывал у меня, очень часто на эту уху приходила Червинская. Он рассказал о своих отношениях к Богу, плел что-то непонятное, и мы находили, что это очень серьезный человек.

Председатель. — Серьезный человек?

Андронников. — Он вел себя в высшей степени корректно. Выпивал одну бутылку мадеры, после которой не пьянел совершенно, вел себя прилично и уходил.

Председатель. — Но что же вам говорило тут о его серьезности?

Андронников. — Его рассуждения о высших материях, его вдумчивость... Все, что ему говорили, он воспринимал и кипел любовью к отечеству, высказывал свои воззрения, что нужно то-то и то-то сделать... Словом, высказывал свои идеи... Я в нем скверного в то время ничего не находил. Но впоследствии, когда он после обеда просил, чтобы кто-нибудь непременно начал играть, я его спрашивал: «Для чего?» — он говорил: «Я хочу потанцевать», пускался в пляс и в течение часа до упаду танцевал. Мне это казалось странным, я этого не понимал... Затем он подходил к телефону и вызывал всевозможных дам. Я должен был делать *bonne mine au mauvais jeu*¹, — потому что все эти дамы были чрезвычайной сомнительного свойства...

Руднев. — Скажите: это случайно, что Варнава из Тобольска и Распутин из Тобольска?

Андронников. — Тут кроется недоразумение: Варнава глубоко ненавидел и презирал Распутина! И до сих пор это для меня совершенно ясно... Варнава, прежде всего, строгий монах. Распутин — развратник. Так что эти два понятия уже совершенно не сходятся. Распутин виделся раньше с Варнавой, так как Варнава был один из тех архиереев, которые его не ругали, напротив, был с ним в добрых отношениях... Но Распутин не выдвигал при дворе Варнаву, потому что Варнава уже 20 лет был при дворе, ибо при вдовствующей императрице был вхож через Константина Константиновича и через греческую королеву Ольгу Константиновну, которая знала его давно... Он давно был своим человеком при дворе. Распутин просил его сделать епископом тобольским, так как при этом архиерее он бы легче безобразничал, вмешивался в дела, чем при другом епископе...

Председатель. — Каким же образом при Варнаве, которого вы охарактеризовали как строгого монаха, развратничать было бы легче?

Андронников. — Распутин думал, что Варнава будет сквозь пальцы смотреть и при случае поддержит его, т. е. не будет открывать все его гадости, как это делали целый ряд губернаторов и архиереев...

ДОПРОС А. Д. ПРОТОПОПОВА

Протопопов. — ...На Распутина смотрел всегда как на одного из влиятельных челядинцев...

Председатель. — Как?

Протопопов. — Челябинцев. Такие были люди, как, например, долго служившие при императоре Александре II, такие есть при дворе лица, которые являются влиятельными. Конечно, для меня не представляло секрета, что Распутин бывает часто при дворе и в курсе всего того, что там делается. А потом, когда я был министром внутренних дел, когда я видел его, я так себе и объяснял его влияние. Во-первых, это был не вполне нормальный, по моему мнению, человек, который действительно пользовался свойством особого взгляда; он мог на некоторых, в особенности женщин, влиять гипнотически, на маленьких тоже детей...

Председатель. — Когда вы сблизились с Распутиным?

Протопопов. — Никакой близости у меня с ним не было.

¹ Хорошую мину при плохой игре (*фр.*).

Председатель. — Когда вы начали с ним встречаться?

Протопопов. — Я его впервые увидел, когда я лежал больной у Бадмаева. Бадмаев привел его ко мне. Это было на мызе в Спасском.

Председатель. — Когда это было?

Протопопов. — Три года тому назад. Я был страшно болен, у меня был мизлит и неврастения.

Председатель. — Затем дальше?

Протопопов. — Я его первый раз тогда увидел. Вообще я его видел в жизни раз 15—16. Я это вспомнил, сидя в своей камере, и записал себе; да, приблизительно 15—16 раз я его видел всего-навсего.

Председатель. — Какие были за эти встречи между вами разговоры, касающиеся дел государственной важности?

Протопопов. — С ним говорить систематически нельзя было. У него бывали мысли верные, а иной раз совершенно чепуховые, совершенно вздорные. У него была характеристика людей, он людей мало видел, но довольно метко определял. Это свойство у него было; потом, зло не говорил про людей, это мне нравилось.

Председатель. — Нам хотелось бы знать, что он говорил в отношении своих связей к Царскому Селу, в отношении своих влияний.

Протопопов. — Он к этому относился так, что не скрывал своей близости совершенно. Он звал царя «папой», царицу «мамой». Видно было, что он был, как я раньше сказал, челядинец, близкий человек.

Председатель. — Он звал их так, как вы говорите, «папой» и «мамой», не в более грубой форме?

Протопопов. — При мне никогда, он никогда не бывал в тех видах, в которых он бывал, когда он пьяный говорил грубые, безобразные вещи, но я вполне допускаю, что он в пьяном виде мог говорить такие вещи. Повторяю, что в пьяном виде я его никогда не видел. Всего я его видел 15—16 раз. Потом, гораздо позже, я узнал, что он, кажется, 16 лет был при царской семье. Может быть, я ошибаюсь, он пришел богомольным и чистым человеком. Это здесь его испортили. Я это слышал.

Председатель. — Вам известно значение Распутина в делах Царского Села при государе?

Протопопов. — Распутин был близким человеком, и как с близким человеком с ним советовались. Лично мне он говорил: «Вы будете министром, вы будете министром».

Председатель. — Когда он это вам говорил?

Протопопов. — Три года тому назад.

Председатель. — В 1914 году?

Протопопов. — Он мне постоянно говорил: «Только, чтобы царя увидеть».

Председатель. — Разве он так редко видел царя?

Протопопов. — Нет, чтобы я увидел царя, но тогда я этому не придавал значения. Дурная мысль, несчастная мысль насчет министра мне приходила после моей поездки за границу, но я никогда не просил никого.

Председатель. — После вашей поездки за границу?

Протопопов. — Да.

Председатель. — Как велась охрана Распутина?

Протопопов. — Совершенно не знаю определенно. Я спрашивал только, охраняют ли его? Говорят, охраняют, и больше ничего.

Председатель. — Вы не имели донесения лиц, охраняющих Распутина?

Протопопов. — Нет, я интересовался, потому что этим интересовались другие. Я и спрашивал, есть ли охрана? — Есть, больше ничего...

Завадский. — Можете ли вы сказать, когда вы были министром внутренних дел, на вас были попытки влиять со стороны Распутина, Вырубовой, Андронникова и др.?

Протопопов. — Это определено. Но никоим образом никаких дел и никаких денежных дел я по своему званию не имел.

Завадский. — Например, Распутин просит, чтобы вы сделали губернатором такого-то.

Протопопов. — Это постоянно бывало. Масса записок было...

Завадский. — Я считаю, что в России всякий министр, даже не министр, а начальствующая часть получает записки от знакомых и может их исполнять или не исполнять, но получать от Распутина было другое дело. Он давил на министров, потому что он был, как вы говорили, челядинец.

Протопопов. — Он на меня особенно не давил, а просто писал: «Милай, дорогой...» — а потом безобразие какое-нибудь. Это совершенно верно.

Председатель. — Я вас должен просить давать более определенные ответы. Вас спрашивают, хотят выяснить влияние Распутина. Вы говорите — особенно не давил. Вы не можете не знать, что когда вы говорите — особенно не давил, то, в сущности, вы этим ничего не отвечаете, даете уклончивый ответ. «Особенно не давил» — в этом разумного содержания нет, это есть уклончивый ответ.

Протопопов. — Я категорически отвечаю, что исполнял только то, что мне казалось возможным, а остальных требований я не исполнял...

Завадский. — Когда Распутин был убит, есть молва, что вы в тот же день явились к нему на квартиру.

Протопопов. — Я, после убийства? Никогда, ничего подобного.

Председатель. — Так что вы не были в квартире Распутина после его убийства и не послали никого?

Протопопов. — Там была полиция...

Завадский. — А Мануйлов-Манасевич?

Протопопов. — Я не принял его лично ни разу. Он мне писал письма, которые я оставлял без ответа.

Завадский. — Я бы хотел выяснить ваши отношения к делу об убийстве Распутина и к его предполагаемому убийству, что вы докладывали по этому поводу в Царском и какое направление вы советовали царю или царице?

Протопопов. — Было так: когда он был убит, мне утром сказали, что он убит, что он вышел и пропал; начались розыски, тут было показание городского, который говорил, что его позвали, что был в этой комнате Пуришкевич и Феликс и что оба они были пьяны. Затем дальше велись розыски, все очень, конечно, волновались, все были встревожены этим событием: затем, в конце концов, вечером нашли галошу, вытащили тело, которое было положено под мост; затем он был увезен в богадельню морского ведомства, но я сам не был нигде. Я знал, что делается, понимал, что нужно все это делать без скандалов, по возможности тихо. Затем после того, как было произведено вскрытие, его препроводили в известное место. Я сам там не был, было это передано коменданту, лично я не знал ничего...

Смиттен. — Меня интересует еще один вопрос: скажите, пожалуйста, бывали ли случаи, что вы через Распутина представляли на усмотрение государя или государыни какие-либо сведения, казавшиеся вам интересными или любопытными, касавшимися положения государства?

Протопопов. — Нет.

Смиттен. — Это совершенно исключается?

Протопопов. — Да.

Смиттен. — А известно вам было, что Распутин с Вырубовой находились в хороших, близких и тесных отношениях?

Протопопов. — Как? Вот я думаю, что это не так.

Председатель. — Т. е., мы говорим в смысле отношений дружеских, принадлежности к одному кружку. Это вам было известно?

Протопопов. — Я знал.

Смиттен. — Если вам было это известно, вы через Распутина никаких сведений не представляли, потому что вы это исключаете, представляли ли вы через Вырубову только такие сведения, которые, по вашему мнению, были интересные, но секрета не представляли, или такие, которые вы бы Распутину не сказали, которые вы бы не направили через Распутина?

Протопопов. — Распутин не понял бы, я не стал бы с ним говорить. Распутин я редко видел.

Председатель. — Что же, вы считали Распутина глупым?

Протопопов. — Нет, умным, но неразвитым человеком.

ДОПРОС И. Ф. МАНСЕВИЧА-МАНУЙЛОВА

Председатель. — Нас интересуют некоторые выдающиеся моменты политической карьеры Штюмерера. Штюмерер получил власть: как же он отнесся, в связи с своим назначением, к Питириму, к Распутину?

Манасевич-Мануйлов. — Он сейчас же поехал к Питириму и говорил ему (это мне уже рассказал Питирим и секретарь его), что он всецело ему обязан, что он знает то участие и влияние, которое он имел в этом назначении, что он этого никогда не забудет, что он будет слушаться, прислушиваться, вернее, одним словом, стараться всячески идти по тому пути, который ему подскажет Питирим!.. О Распутине вообще он говорил очень мало. Нужно сказать, что я Распутин знал как представитель «Нового Времени»: однажды он приехал сюда в Петроград (тогда Петербург), и М. А. Суворин поручил мне его повидать... Я пришел совершенно как незнакомый человек (он жил тогда у Сазонова: такой есть публицист — Сазонов). Я тогда написал интервью с ним, которое наделало очень много шума, было переведено на французский и английский языки: оно появилось в «Новом Времени», — знаменитая его история о банях, где он рассказывал подробно...

Председатель. — Может быть, вы в двух словах изложите смысл этой истории?

Манасевич-Мануйлов. — Дело в том, что рассказывал он мне следующее: «Будучи в Сибири, у меня было много поклонниц, и среди этих поклонниц есть (можно сказать это, потому что это было напечатано) — среди этих поклонниц есть дамы, очень близкие ко двору. Вот, — говорит, — они приехали все ко мне туда (т. е. в Сибирь), и тогда, — говорит, — они хотели приблизиться к Богу... Приблизиться к Богу можно только самоунижением. И вот, я тогда повел всех

великосветских дам — в бриллиантах, в дорогих платьях, — повел их всех в баню (их было 7 женщин), всех их раздел и заставил меня мыть. Вот они унизились перед Богом, и этим унижением, так сказать...»

Председатель. — К какому времени относится ваше с ним знакомство?

Манасевич-Мануйлов. — Это было несколько лет тому назад, — я не помню... После того как появилось это интервью, Распутин был страшно на меня обозлен: ему объяснили, что он сделал большую ошибку, что он рассказал, и он был страшно против меня восстановлен... Он говорил, что вышлет, сошлет меня... После этого я его совершенно не видел. К периоду назначения Штюрмера, когда Штюрмер был назначен, — мне кажется, уже я слышал и знал о том влиянии, которое имел Распутин. Меня во всем этом заинтересовало больше всего как журналиста — войти в этот мир, ознакомиться и со временем написать воспоминания, о чем я и говорил моему приятелю — Бурцеву... Я тогда решил найти какой-нибудь путь для того, чтобы повидать этого Распутина... Я знал, что Распутин бывает у одного репортера, Снарского (такой молодой человек), что там бывают ужины, на которые приезжает Распутин... Снарский мне сказал: «Завтра у меня будет Распутин: если хотите, приезжайте...» Я приехал около 12 часов ночи; помню, были какие-то две женщины, которых привез Распутин, был Снарский... Распутин меня встретил очень холодно и так посмотрел неприязненно... Но затем начали разговаривать, и он вдруг обращается ко мне и говорит: «Ты знаешь, меня на днях убьют!» Я говорю: «Кто же?» — «Да все, все готово для того, чтобы меня убить...» Я говорю: «Если ты знаешь, то, наверное, принимаешь меры...» — «Так! — говорит, — вот рука!.. Вот, видишь? — моя рука. Вот эту руку поцеловал министр, и он хочет меня убить...» Так как он был выпивши, то я думал, что просто — странная история... Назавтра, придя, я продолжал работать в «Новом Времени», и кто-то такой из репортеров говорит, что будто бы раскрыто покушение на жизнь Распутина... Начали тут расспрашивать: то, другое — никаких подтверждений этого не было... Проходит несколько дней после этого — мне звонит по телефону некий Симанович (этого Симановича я встречал в клубе литературно-художественном)...

Председатель. — Позвольте вас прервать: этот министр был А. Н. Хвостов?

Манасевич-Мануйлов. — Да.

Председатель. — Пожалуйста, продолжайте.

Манасевич-Мануйлов. — Звонит Симанович, что ему нужно меня видеть, и назначает мне время. Он является ко мне и говорит: «Вот, вы состоите при председателе Совета Министров, а ведь вы знаете, что готовится покушение на Распутина и что в этом деле принимает живое участие не кто иной, как А. Н. Хвостов? ...Некий Ржевский должен совершить это убийство.» Я говорю: «Какой Ржевский? кто такой? — сотрудник газеты?» Дело в том, что я сейчас же вспомнил, что у нас, в «Вечернем Времени», был господин Ржевский, который появлялся в форме болгарского офицера, и, в конце концов, М. А. Суворин узнал целый ряд очень некрасивых деяний этого господина, и он был удален из редакции... Оказалось, что этот самый и есть. Симанович очень путано, но, во всяком случае, установил факт, что Хвостов находится в сношениях с Ржевским и что хотят убить Распутина... Я счел нужным сейчас же доложить об этом Штюрмеру, и (помню — это было в 12 часов ночи, — именно ночью) я ему докладывал и спешил с этим, так как назавтра у Штюрмера был доклад у царя... Штюрмер отнесся к этому крайне недоверчиво: говорил, что это фантазия и, вероятно, — как он сказал — какие-нибудь жидовские происки и шан-

таж против Хвостова, который ненавидит жидов... Я ему сказал, что я счел нужным доложить,— «затем, я думаю, что вам было бы полезно выслушать этого Симановича». Он говорит, что утром у него доклад и, если он найдет нужным, скажет об этом государю; но чтобы я привел этого Симановича, что он хочет от него услышать кое-что... Утром Штюрмер уехал в Царское Село. Днем я привез к нему этого Симановича. Симанович рассказал то же...

Председатель. — Затем к вам приезжал Распутин, бледный, волновался, говорил, что будет убит?

Манасевич-Мануйлов. — Он приехал и спрашивает, что ему делать?.. Просил, чтобы я сказал Штюрмеру, чтобы принять какие-нибудь меры более энергичные, так как он боится быть убитым...

Председатель. — Значит, история с банями была забыта? После этого важного свидания у Снарского, в связи с последующими событиями,— Распутин подошел к вам?

Манасевич-Мануйлов. — Да, уже были сношения... Потом, после этого, Хвостов пожелал дать объяснения по всему этому делу, и, как я слышал от Распутина, он являлся к Вырубовой и на коленях давал свои объяснения...

Председатель. — Это когда вам Распутин говорил?

Манасевич-Мануйлов. — Тогда же, в тот же период времени...

Председатель. — Во время своего приезда к вам?

Манасевич-Мануйлов. — После того... Между прочим, характеристика эта (данная Хвостову Распутиным) оказалась совершенно верной, потому что, действительно, Хвостов целовал руку у Распутина: когда был обед по случаю назначения Хвостова, то подали уху, и он сказал Распутину, что не будет есть, пока тот не благословит,— тогда тот благословил и Хвостов поцеловал руку...

Смиттен. — Публично поцеловал, при всех присутствующих?

Манасевич-Мануйлов. — Это был обед у Распутина.

Смиттен. — Кто присутствовал?

Манасевич-Мануйлов. — Вырубова была, Андронников... После этого Хвостов был удален некоторое время с поста. В Петроград приезжала с письмами Илиодора жена Илиодора, в письмах подробно рассказывался весь план убийства... Если вас интересует, как его должны были убить, я расскажу.

Председатель. — Нет, это нас не интересует... Скажите, Ржевский не доехал до Илиодора?

Манасевич-Мануйлов. — Он был арестован на обратном пути...

...У Распутина и Штюрмера здесь, в крепости, были свидания.

Председатель. — Как вы говорите, когда?

Мануйлов. — После назначения Штюрмера председателем Совета Министров. Были свидания у них с Распутиным здесь, в крепости, у коменданта крепости генерала Никитина. Дочь генерала Никитина играла очень большую роль. Это — фрейлина Никитина; она была посредницей между Штюрмером и Распутиным...

Председатель. — Теперь скажите, пожалуйста, кто вам говорил о свиданиях Распутина со Штюрмером здесь, в Петропавловской крепости?

Мануйлов. — Это не было тайной.

Председатель. — Вы сами участвовали в этих свиданиях?

Мануйлов. — Никогда не участвовал. Это исключительно делалось так, что Распутин приезжал прямо сюда на автомобиле, за ним заезжала фрейлина Никитина; но меня тут не было. А вот на свидании, которое произошло...

Председатель. — То есть два свидания?

Мануйлов. — Да, я говорю, оба раза я был там. Одно было очень характерное, где Распутин кричал на Штюрмера.

Председатель. — Вы сами были этому свидетелем?

Мануйлов. — Я сам слышал.

Председатель. — Почему же Распутин кричал?

Мануйлов. — ...Раздался крик очень сильный Распутина: «Ты не смеешь идти против желания мамаш!» Надо сказать, что мамаша и папаша — это царь бывший и царица, это кличка, которую им дал Распутин, — мать земли русской и отец земли русской. Вот, собственно, под этими двумя кличками они были... Затем опять отдельные возгласы, и Распутин говорит: «Смотри, чтобы я от тебя не отошел, тогда тебе — крышка». Затем он еще говорил, но я не знал, в чем дело. Конечно, меня заинтересовало, что там произошло, и, когда Штюрмер уехал, а Распутин остался на некоторое время и я вместе с ним вышел, я его спросил: «Что ты так кричал на старика?» — «Не повинуетя мамаше, стал сам прыгать». Вот его точное выражение: «Он, старикашка, должен ходить по веревочке, а если это не так будет, то ему шея будет сломана».

Председатель. — Это вскоре было после назначения Штюрмера председателем Совета Министров?

Мануйлов. — Это было вскоре. Я думаю, дней через 8-10, такой промежуток времени... Теперь про отношения Распутина к Вырубовой?

Председатель. — Это может иметь интерес.

Мануйлов. — Несомненно. Были три женщины, по-моему, может быть, я ошибаюсь, психически ненормальные, которые были при Распутине: Вырубова, сестра милосердия Акилина Лаптинская и Мария Головина. Это безусловно психопатки чисто половой формы.

Председатель. — Т. е. вы думаете, что их связывали с Распутиным половые отношения?

Мануйлов. — Нет, но я думаю, что это был половой психоз. По поводу Вырубовой я могу сказать следующее: по воскресеньям у Распутина была так называемая «уха», на которую приходили его знакомые. Сидело за столом человек 20, по крайней мере. Так — сидит Распутин, так — Вырубова. Начинается о чем-то разговор, потом Распутин говорит: «Вот ты, Аннушка, само добро, от тебя добро идет». И начинает на эту тему говорить. Она смотрит на него совершенно дикими глазами, впивается в него и каждое его слово ловит, потом хватает его руку и при всех (тут были самые подозрительные дамы) целует ее. Я присутствовал несколько раз. Ее я видел раза четыре. Два раза я слышал, как Распутин на нее кричал так, как не позволит себе кричать даже на горничную или на кухарку кто бы то ни было, и она сносила это. Тут было полное подчинение, и она была аннулирована. Такое же отношение было к царице. Присутствовавший при такой сцене епископ Исидор рассказывал мне, что он кричал на императрицу, и она не смела ни одного слова сказать. Так что эти женщины были у него в полном повиновении.

ДОПРОС А. А. ВЫРУБОВОЙ

Председатель. — Скажите, когда и при каких обстоятельствах в эту жизнь вашу вошел Распутин?

Вырубова. — Я с ним познакомилась у великой княгини Милицы Нико-

лаевны и у Николая Николаевича. Милица Николаевна позвала меня познакомиться с ним в 1907 году, в год моей свадьбы; она сказала, что епископ Феофан привел ей интересного странника, который ясновидящий. Меня это очень заинтересовало, я пошла посмотреть.

Председатель. — Вы тогда интересовались вопросами религии?

Вырубова. — Я никогда особенно не интересовалась вопросами религии. Я верила в Бога. Мне сказали, что он интересный странник. Пошла посмотреть. Думаю, наверно, в России таких масса.

Председатель. — Кому же принадлежала мысль о том, чтобы ввести его ко двору?

Вырубова. — Мне кажется, они знали его уже до меня.

Председатель. — Т. е. Александра Федоровна?

Вырубова. — Да, уже знала.

Председатель. — Через ту же Милицу Николаевну?

Вырубова. — Не могу вам сказать наверно. Вероятно, да. Я его первый раз увидела у них, на Английской набережной, за несколько дней до моей свадьбы.

Председатель. — Тогда ваша сестра тоже была там?

Вырубова. — Нет, сестры не было. Я совсем одна была, получила записку и поехала.

Председатель. — Он произвел на вас сильное впечатление?

Вырубова. — Т. е. я не знаю. Она говорила, что он апостол. Как-то я очень интересовалась. Думаю, что особенного впечатления не произвел; он говорил о Боге, я его спрашивала совета — выйти ли мне замуж. Он советовал, говорил, что очень хорошо, я тогда вышла замуж. Это было за несколько дней до моей свадьбы.

Председатель. — Когда же у вас завязались более тесные отношения с Распутиным? Ведь вы не отрицаете того, что были его горячей поклонницей?

Вырубова. — Вы сказали — горячей поклонницей, это слишком много. Во всяком случае, он умный человек, мне казалось, самородок, и я любила его слушать; безусловно, не отрицаю. Я видела, когда приезжала к нему, как он принимает всевозможных людей, как разговаривает с ними, я любила смотреть на это.

Председатель. — Это ведь не был интерес холодного наблюдателя. Это был интерес женщины, захваченной его идеями?

Вырубова. — Нет, захваченной я никогда не была.

Председатель. — Т. е. вы утверждаете, что идеи Распутина не были вашими идеями?

Вырубова. — Как же они могли быть моими? Я же с ним познакомилась только через два года после того, как они были с ним знакомы.

Председатель. — Нет, я выясню теперь не внешние, а внутренние отношения ваши с Распутиным.

Вырубова. — Да, интересовалась ли я им как-нибудь особенно? Нет, особенно нет. Так.

Председатель. — Значит, неверно, что вы были его горячей почитательницей?

Вырубова. — Нет, неверно. Конечно, я интересовалась им, потому что он был интересен, но истерического какого-нибудь поклонения, — этого не было. Конечно, я никогда не была против него...

Председатель. — У вас записана телеграмма Распутина, из Покровского: «Ваш ему недоволен или мне я им не нуждаюсь, маленькой немного похвораёт ничего будет легче». Что это такое?

Вырубова. — Я не помню, это старое. «Маленькой» — это, наверно, наследник, он очень часто болел, особенно ногою. Они всегда просили о нем помолиться.

Председатель. — «Отец ничего».

Вырубова. — Это, вероятно, мой отец, я просила помолиться.

Председатель. — «О докладе не беспокойтесь».

Вырубова. — Это, вероятно, я об отце что-то просила. Должно быть, очень старая тетрадка, посмотрите — в каком году.

Председатель. — А новее у вас ничего нет?

Вырубова. — Нет.

Председатель. — Вы все сожгли? Почему вы сожгли целый ряд документов?

Вырубова. — Я почти ничего не жгла.

Председатель. — Почти.

Вырубова. — Да, сожгла только несколько последних писем императрицы, не хотела, чтобы они попали в посторонние руки. Когда меня захватили, я сожгла несколько писем, но, кажется, у меня еще осталось все там, в домике. Там делали обыск. Я была больна. Не знаю, нашли что-нибудь или нет. Эта тетрадка — не помню, какого года.

Председатель. — А по тетрадке вы не можете указать год?

Вырубова. — Я полагаю, что это самый первый год.

Председатель. — А все-таки... «Поручает мою хорошую Веру»... Кто это Вера?

Вырубова. — Правда, не помню совсем; я даже не помню, что у меня такая тетрадка была.

Председатель. — «Рачко Бог знай, а Родзянко пусть судит Бог»... Странник и Родзянко; это ведь какой-то особенный странник, который занимается немного и политикой?

Вырубова. — Говорят, он занимался политикой, но со мной лично он никогда не говорил о политике.

Председатель. — А вы сами политикой никогда не занимались?

Вырубова. — А зачем мне было заниматься политикой?

Председатель. — Разве вы никогда не устраивали министров, не проводили доклада?

Вырубова. — Нет.

Председатель. — Но вы сводили императрицу с министрами?

Вырубова. — Я даю вам честное слово, что никогда ничего подобного.

Председатель. — Вы лучше честного слова не давайте.

Вырубова. — Зачем мне министров сводить? Ведь я их совершенно не знала.

Председатель. — А Протопопова, Штюрмера?

Вырубова. — Штюрмера я не знала, Протопопова видела, когда он давно уже был министром.

Председатель. — Вы не можете объяснить это место телеграммы: «Родзянко пусть судит Бог»...

Вырубова. — Нет, не знаю, за что судит; может быть, он просил чего-нибудь.

Председатель. — «Благословляю и целую тебя». Разве вы позволяли ему целовать себя?

Вырубова. — Да, у него был такой обычай. Когда я пошла к Милице Николаевне, она мне объяснила, что он всех целует три раза. Она сама подошла к нему, он поцеловал ее и всех тогда целовал три раза, христосовался.

Председатель. — А вы не замечали в этом страннике никаких особенностей, может быть, он целовался не три раза, а много больше, не только христосовался, а немного больше?..

Вырубова. — При мне — никогда, я ничего не видела. Он был стар и очень такой неаппетитный, так что я не знаю.

Председатель. — Вы не отрицаете, что эта телеграмма — его?

Вырубова. — Да.

Председатель. — А тетрадка ваша к какому году относится?

Вырубова. — Вероятно, к 1907 или 1908; я потом ничего не писала никогда.

Председатель. — «Поцелуй всех». Что это значит?

Вырубова. — Всем привет передавал.

Председатель (читает телеграмму). — «Духом радостно молимся отрадно всех вся тяжестей не надо не забудьте владыке за гулянку по Костроме всем дайте пусть и он носит просто напишите премудрости скоро увидимся. Тобольск Тоболяне». Что это значит: «не забыть владыке за гулянку по Костроме»?

Вырубова. — Может быть, это про Варнаву.

Председатель. — Не относится ли это к 1913 году? Может быть, владыке не дали какой-нибудь награды?

Вырубова. — Вероятно, Варнаве; я не помню.

Председатель. — «Напишите премудрости». Кто назывался «Премудрость»? Вероятно, Николай Александрович?

Вырубова. — Подождите, «Премудростью», кажется, называли обер-прокурора. Нет?

Председатель. — Вы ошибаетесь. Итак, вы говорите, что ваши отношения с министрами были отношениями внешней вежливости, т. е. они вам, как фрейлине и как близкому к семье императора человеку, наносили визиты?

Вырубова. — Да, безусловно, они ездили.

Председатель. — И вы не были с ними ни в каких сношениях по поводу государственных дел политической важности?

Вырубова. — Никогда.

Председатель. — Вы утверждаете, что Распутин никогда ни в какие дела не вмешивался?

Вырубова. — Безусловно не вмешивался. Мне говорили, что Протопопов ездил к нему.

Председатель. — И не только при вас, но через вас делал дела.

Вырубова. — Я никогда таких вещей не делала. Может быть, когда он бывал у них, у царей, может быть, он говорил с ними о чем-нибудь, потому что и Протопопов, и Штюмер, и прокурор бывали у него.

Председатель. — Вы говорите, это старые телеграммы. Я беру новую — от 2 ноября 1916 года из Петрограда. «Срочно. Вырубовой. Поезд ее величества.

Ставка главнокомандующего. Калинин пускай пробудет только сутки». Кто это Калинин?

Вырубова. — Кого он называл Калининым? Кого-то из этих господ, кажется, Протопопова.

Председатель. — Не кажется, а наверное. «Калинин пускай пробудет только сутки, более зависть будет хуже. Пошлите куда-нибудь на неделю побыть. Так долго в одних гостях только нельзя и те пока успокоятся. Не задерживайте его никак дольше». Эту телеграмму вы получили от кого?

Вырубова. — От Распутина. Между прочим, эти телеграммы не были переданы мне в Ставку, я получила их здесь, когда мы вернулись, почему — неизвестно. Вероятно, они были задержаны.

Председатель. — Во всяком случае, он писал, и писал так, чтобы вы понимали. Какое вам дело до того, сколько времени Протопопов должен пробыть в Ставке?

Вырубова. — Никакого дела.

Председатель. — Почему вам пишет это Распутин, который тоже, по вашим словам, не имел отношения к политическим делам?

Вырубова. — Он очень хорошо относился к Протопопову...

Председатель. — Вы знаете, что он через вас его в министры поставил?

Вырубова. — Это, кажется, не через меня. Им очень увлекались. Протопопов, когда приехал из-за границы, хорошее впечатление произвел...

Председатель. — ...Скажите, вы не звонили к Распутину перед назначением Штурмера министром внутренних дел и не спрашивали, кого назначить министром внутренних дел?

Вырубова. — Я не могла телефонировать. Спрашивать Распутина, кого назначить министром внутренних дел? Это глупость. Они сами могли. Кто мог это сказать?

Председатель. — Вы не только телефонировали. Вы бывали у Распутина.

Вырубова. — Очень часто...

Председатель. — Вы интересовались хлыстовщиной?

Вырубова. — Нет.

Председатель. — А почему эта записка была у вас найдена? (Показывает записку.)

Вырубова. — «Тайны хлыстовщины». Кто-нибудь на Распутина писал; говорили, что Распутин — хлыст. (Рассматривает.) Ах, это Гофштеттер!

Председатель. — Вы не знали, что Распутин — хлыст?

Вырубова. — Я не видала ничего хлыстовского, при дворе никто ничего не говорил. Хлыстовщина — против церкви. Он, по крайней мере при мне, никогда ничего не говорил против церкви...

Председатель. — Вы помните встречу с Распутиным в Мраморном дворце несколько лет назад?

Вырубова. — В Мраморном дворце у Константина Константиновича? Нет, он там никогда не бывал. Его, наоборот, там очень не любили, кажется, я у Константина Константиновича никогда не бывала.

Смиттен. — Для вас не было секретом, кем сам себя считал Распутин?

Вырубова. — Кем он себя считал? Он всегда говорил, что он — один из странников одухотворенных; проповедовал слово Божие.

Председатель. — В чем же заключалась эта проповедь?

Вырубова. — Это бывало довольно интересно. Я даже записывала. Я не знаю... Объяснял Св. Писание.

Председатель. — Разве он был начитан в Св. Писании?

Вырубова. — Он знал все Св. Писание, Библию, все...

Председатель. — Но ведь он был неграмотен?

Вырубова. — Он все знал, все говорил, все объяснял.

Председатель. — Вам приходилось слышать от него, что его призвание — снимать страсти с людей, делать их бесстрастными?

Вырубова. — Этого я никогда не слыхала. Мне он никогда не говорил ничего подобного. Мне он много рассказывал про свои путешествия, массу: в Иерусалим, не знаю где, по всей России он ходил в веригах, пешком. Это очень меня интересовало. Я слушала.

Председатель. — Это было раньше; потом он ходил в шелковых рубашках и вериг не носил.

Вырубова. — Да, ему все дамы шили. Мне кажется, он носил что-то такое.

Председатель. — Почему вам это кажется?

Вырубова. — Он говорил, что у него все тело болит от того, что он на себя надевал.

Председатель. — Как он называл вас?

Вырубова. — Аннушка... Анна Александровна, разное называл.

Смиттен. — Скажите, пожалуйста, вам, как фрейлине двора ее величества, не казалось, что допущение к престолу такого лица, как Распутин, роняет престиж царя и царицы?

Вырубова. — Я боялась этого. Последнее время особенно. Говорили много гадостей.

Смиттен. — До вас доходили слухи, что Распутин — пьяница и развратник?

Вырубова. — Да. Я боялась...

Смиттен. — Вы говорили что-нибудь об этом царице?

Вырубова. — Они редко его видели, государь и государыня.

Смиттен. — Что вы называете редко?

Вырубова. — Раз или два, когда он приезжал.

Смиттен. — А приезжал он каждый день?

Вырубова. — Т. е. в Петроград?

Председатель. — Не в Петроград, а в Царское Село.

Вырубова. — Редко приезжал.

Смиттен. — Что вы называете редко?

Вырубова. — К нам, во дворец, раза два в месяц, даже меньше. В сущности, когда государя не было, он никогда не бывал.

Смиттен. — Вы говорили с императрицей, что его нельзя допускать ко двору?

Вырубова. — Да, мы все говорили очень много.

Смиттен. — Но двор, как вы говорите, был против вас, все против вас интриговали?

Вырубова. — Мне было очень трудно. Они сами боялись этого; но они верили, что, безусловно, когда кто-нибудь болен, когда его призовут, лучше будет. С наследником было так. А наследник был очень много болен.

Ольшев. — Отвечая члену Комиссии, вы все-таки сказали, что предупреждали бывшую императрицу о том, что Распутина лучше дальше держать от двора.

Вырубова. — Я боялась, безусловно.

Ольшев. — По указанию свидетелей, вы несколько раз в день виделись с императрицей, и, когда уезжали к себе домой, вам часто приносили от нее записки; говоря обыкновенным языком, императрица не могла без вас жить?

Вырубова. — Не могла жить. Я была как дочь совершенно там.

Ольшев. — Отчего же вы не сказали: пусть вы меня не слушаете, но я в своем доме вам свиданий не буду устраивать; вы ведь не отрицаете факта, что, когда приезжал Распутин, у вас бывала не только императрица, но и вся царская семья?

Вырубова. — Они несколько раз приезжали, но я безусловно говорю, что мне часто это было тяжело. Но как я могла сказать? Они всегда были выше меня.

Ольшев. — Раз вы сами относились отрицательно к Распутину, зачем вы устраивали свидания?

Вырубова. — Но раз они требовали!

Ольшев. — Они могли принимать у себя во дворце.

Вырубова. — Да, я знаю. Мне часто сестра говорила: «Они за твоей спиной»; но я всегда была готова все сделать.

Ольшев. — После того как Андронников привез вам Хвостова, вы устраивали ему обед вместе с Белецким?

Вырубова. — Обедал у меня Хвостов, вместе ли с Белецким, не могу сказать, не помню.

Ольшев. — В вашем же доме произошло свидание государя с Хвостовым?

Вырубова. — Государь очень редко бывал у меня, раз или два в год; когда я бывала больна.

Ольшев. — А кто такая — Прилежаева, которая посылала вам телеграммы от Распутина?

Вырубова. — Мне? Прилежаева? Это не мне, кому-нибудь другому.

Председатель. — Телеграмма от Распутина, которую вы признали, подписана Прилежаевой. Она его поклонница?

Вырубова. — Я не помню.

Председатель. — Кто в телеграммах назывался «мама»?

Вырубова. — Государыня.

Председатель. — А «папа»?

Вырубова. — Государь. Вот почему, я вам говорила, он не мог быть «премудрость».

Смиттен. — А кого называли при дворе «цветком»?

Вырубова. — Не знаю...

Председатель (предъявляет документ). — Что это такое?

Вырубова. — Это — Распутин, все его писание.

Председатель. — Это вы записывали?

Вырубова. — Нет, это было напечатано. Есть книжка такая.

Председатель. — Вы ее составляли?

Вырубова. — Нет, не я составляла, она в продаже была. Мы все покупали эту книжку. Вероятно, она существует. Это ведь на машинке написано, я не могла писать на машинке; это кто-нибудь мне дал, вероятно, с книжки переписанное.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Кочетов.</i> Предисловие	5
<i>С. Белецкий.</i> Григорий Распутин	10
<i>А. Симанович.</i> Распутин и евреи	79
<i>В. Пуришкевич.</i> Дневник	168
<i>С. Труфанов.</i> Святой черт	203
<i>М. Палеолог.</i> Антихрист	215
<i>Д. Бьюкенен.</i> Двойная жизнь	223
<i>П. Жильяр.</i> Роковое ослепление	228
<i>В. Воейков.</i> Старец	236
<i>Е. Джанумова.</i> Мои встречи с Распутиным	242
<i>Г. Распутин.</i> Мои мысли и размышления	251
Выписка из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным	266
<i>В. Руднев.</i> Правда о царской семье и «темных силах»	281
Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства	296
Допрос <i>А. Н. Хвостова</i>	296
Допрос князя <i>М. М. Андронникова</i>	304
Допрос <i>А. Д. Протопопова</i>	306
Допрос <i>И. Ф. Манасевича Мануйлова</i>	309
Допрос <i>А. А. Вырубовой</i>	312

Святой черт: Сборник/Сост. и предисл. А. В. Кочетова.— М.: С232 Кн. палата, 1990.— 320 с.

ISBN 5-7000-0235-3

Эта книга посвящена одной из самых загадочных личностей в русской истории — Григорию Распутину. В сборник включены воспоминания, материалы следственной комиссии. О Распутине свидетельствуют его личный секретарь ювелир Симанович, участник убийства Распутина Пуришкевич, наставник цесаревича Алексея Жильяр, начальник департамента полиции Белецкий, фрейлина Вырубова и другие.

С 0503020000-066 Без объявл.
008(01)-90

ББК 63.3(2)52

Литературно-художественное издание

СВЯТОЙ ЧЕРТ

Сборник

Составитель Кочетов Андрей Всеволодович

Зав. редакцией Н. В. Ганиковская

Редактор Н. А. Трайнина

Художественный редактор Н. А. Сырицина

Технический редактор Т. И. Шеленкова

Корректор Л. Ю. Столярова

**В оформлении использованы рисунки И. Я. Билибина
для колоды игральных карт. 1911 год.**

ИБ № 148

Сдано в набор 24.01.90. Подписано в печать 18.07.90. Формат 60×90/16.

**Бумага кн.-журн. для офс. печ., 60 г. Гарнитура Тип Таймс. Офсетная печать. Усл. печ. л. 20,0.
Усл. кр.-отт. 40,50. Уч.-изд. л. 28,01. Тираж 500 000 экз. (1-й завод 1—150 000 экз.). Изд. № 315.**

Заказ 0-61. Цена 3 р. 20 к.

Издательство «Книжная палата». 103009 Москва, ул. Неждановой, 8/10.

**Полиграфкомбинат ЦК ЛКСМ Украины «Молодь» ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».**

252119 Киев-119, Пархоменко, 38—44.

